

С. И. МИЦКЕВИЧ

НА ГРАНИ ДВУХ ЭПОХ

ОТ НАРОДНИЧЕСТВА К МАРКСИЗМУ

МЕМУАРНАЯ ЗАПИСЬ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1937

9(с)17

9-47) доп. / 335.5
М 70 92

Книга С. И. Мишкевича «На грани двух эпох» является мемуарами автора.

Автор знакомит читателя с той эпохой, когда большевистская партия только-что зарождалась, и с условиями работы первых марксистских кружков в Москве, Нижнем-Новгороде (ныне Горьком) и других городах (до 1897 г.).

С. М. МИЦКЕВИЧ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Моя сознательная и самостоятельная жизнь началась во второй половине 80-х годов.

Я начал сознательно жить в интересное время—время крушения и разложения народничества и появления на русской почве первых ростков марксизма.

Я встречался с последними могикианами революционного народничества—с якобинцем П. Г. Заичневским, каракозовцем П. Ф. Николаевым, народовольцем М. В. Сабунаевым, народником-романтиком Н. Н. Златовратским, казанскими революционными народниками последней формации А. В. Чекиным и П. Ф. Кудрявцевым, либеральными или критическими, как они себя называли, народниками Н. Ф. Анненским и В. Г. Короленко.

Знал я и самых первых марксистов в России—П. Н. Скворцова, Н. Е. Федосеева, Л. Б. и Г. Б. Красиных. Имел счастье встречаться также с В. И. Лениным в период его первых устных и литературных выступлений. Присутствовал и принимал участие в дискуссиях молодых марксистов с народниками. Участвовал в первых марксистских кружках Нижнего-Новгорода и Москвы. Был одним из инициаторов создания первой московской группы для марксистской работы среди московских рабочих. Наша группа положила основание первой московской рабочей марксистской организации—московского «Рабочего союза». Близко наблюдал я также работу первой нижегородской марксистской организации и оказывал ей посильное содействие в выработке методов работы и доставкой литературы.

Я поддерживал связь с Виленской организацией, ездил по конспиративным делам в Вильно и ознакомился с работой этой организации. С славной работой «Петербургского союза борьбы за освобождение рабочего класса», руководимого Лениным и игравшим такую огромную роль в истории нашей партии, мне не пришлось лично познакомиться, так как в Петербурге я тогда не бывал. Об этой работе «Петербургского союза», который представлял собою зачаток революционной партии пролетариата, до меня в тюрьме доходили только отрывочные сведения, о которых я и упоминаю в своем месте.

Я описал все это в этой книге моих мемуарных записей. В ней я старался показать также, под какими идеологическими влияниями я, рядовой русский интеллигент, рос, как во мне произошел перелом от народничества к марксизму.

Будучи по своему образованию и профессии врачом, мне пришлось коснуться в моих записках медицинской учебы в Московском университете и постановки русской земской медицины, причем я останавливался по преимуществу на общественно-политической стороне этих вопросов.

Вспоминая то, что было в начале моей сознательной жизни, и сопоставляя с тем, что мы переживаем сейчас, поражаешься, какие грандиозные перемены произошли в течение одного полувека (1885—1935), в течение одной человеческой жизни.

Тогда—разрозненные малочисленные интеллигентские группы, осколки разгромленного царизмом народничества, группы изолированные, совершенно не связанные с массами. О марксизме на русской почве тогда не было и слышно.

С тех пор прошло только пятьдесят лет. За это время появились первые ростки марксизма, первые вспышки рабочего движения, первые марксистские организации, являвшиеся зародышем пролетарской партии. Выступает на самой заре марксизма в России Ленин. Под его гениальным руководством слагается большевистская партия в непримиримой борьбе с другими партиями и течениями. Рабочий класс, руководимый партией большевиков, становится гегемоном революционного движения. Происходят три революции. В результате третьей—победоносной пролетарской социалистической революции власть переходит в руки пролетарской диктатуры; проходит трехлетняя гражданская война. Затем идет грандиозное социалистическое строительство под руководством ВКП(б) и ее гениальных вождей Ленина и Сталина. Заложены основы социалистического строя. Социализм побеждает окончательно и бесповоротно на одной шестой части земного шара. Царская Россия превращается в СССР, в социалистическое государство рабочих и крестьян. Всесоюзная коммунистическая партия, огромная массовая организация, является руководящей секцией Коминтерна, под руководством которого мировой пролетариат готовится к всемирной коммунистической революции.

Таков путь за пятьдесят лет!

Я и хочу рассказать об этих событиях и этой борьбе, поскольку я принимал в них участие как их рядовой участник.

В этой книге я рассказываю о периоде от моего детства до отправки в ссылку в Сибирь в июне 1897 г.

Москва, 1 августа 1936 г.

ГЛАВА I

Детство

Я родился 6 (18) августа 1869 г. в г. Яранске Вятской губернии. Отец мой был офицером резервного батальона, одна рота которого стояла в Яранске. Мать, дочь яранского купца Носова. И. Д. Носов в то время был одним из крупнейших купцов в Вятской губернии, имел розничные магазины в нескольких городах губернии и вел кроме того крупную торговлю хлебом и льном, отправляя их в Рыбинск и Петербург. Сам он был неграмотный; его отец и он были крепостными помещика Владимирской губернии, были офенями (коробейниками), потом расширили торговлю и выкупились за большую сумму на волю еще до освобождения крестьян. Мать моя вышла за офицера против воли родителей; ее прочили выдать замуж за какого-нибудь крупного купчика, а она захотела выйти за «нищего», за какого-то захудалого офицера, за это отец ее лишил приданого, и мы всегда жили на скромное жалованье армейского офицера. Нас было четверо детей, я был старшим. Мать была простая, малограмотная женщина, так как тогда провинциальные купцы еще не учили своих дочерей, а сыновья их в лучшем случае учились в уездном училище. Отец был не совсем заурядный обыватель. Он выделялся из общей среды некоторой идейностью. Сам он был родом из среды мелких чиновников Подольской губернии. Во время Севастопольской кампании (1854—1856 гг.) поступил в армию рядовым, потом так и остался служить в армии, очень медленно подвигаясь по лестнице чинов, как офицер из рядовых. Что выделяло его из окружающей среды, так это щепетильная честность. Надо сказать, что честность была совсем не в почете у тогдашних обывателей, и в частности в военной среде. Уж я не говорю об интендантстве¹, которое представляло собой спешую шайку воров, особенно разнуздывавшуюся во время войн (сапоги на картонных подошвах, гнилое сукно, негодный провиант и т. п.); заведующие хозяйством и приемщики в полках старались не отставать от своих учителей интендантов и тоже хорошо наживались. Все это знали,

¹ Так называлось ведомство, ведавшее снабжением армии.

и никто этого не осуждал, напротив, все завидовали удачникам и относились к ним с особым почтением¹. И вот представьте, что в этой среде появляется щепетильно честный человек, не берущий никаких взяток. К нему относятся все знакомые, как к чудаку, родные и жена часто поругивают, сослуживцы настроены недоброжелательно и сторонятся: мешает другим воровать. Так было с моим отцом. Всю службу он прошел на нестроевых должностях: был казначеем, зав. хозяйством резервного батальона, потом полка и почти за 25 лет службы не нажил ни гроша. Мы, дети, были часто свидетелями, как он выгонял поставщиков и подрядчиков, принимающих дары; он при этом очень раздражался и волновался, во всех других случаях жизни такой уравновешенный, спокойный.

Когда мне было пять с половиной лет, отца перевели в Вятку, но там мы прожили только около года, и отца вновь перевели в г. Либаву на Балтийское море².

Отец был переведен в Либаву по просьбе командира 113-го пехотного полка полковника Измаильского, сослуживца отца по Вятке. Отец был назначен заведующим хозяйством полка.

Жизнь в Либаве (1876—1878 гг.) я уже помню отчетливо. Я рано научился читать и очень любил рассматривать и читать статейки в «Живописном обозрении». Тогда началась подготовка общественного мнения к намечавшейся русским правительством войне с Турцией. В 1875—1876 гг. восстали герцеговинцы против турецкого владычества. Это восстание инспирировалось русским правительством, которое решило им воспользоваться для интервенции под предлогом освобождения единоплеменных и единоверных славян от турецкого ига. Я очень интересовался повстанческой борьбой в горах Герцеговины, рассматривал иллюстрации и читал описания этой борьбы.

Вскоре Сербия начала войну с Турцией под предлогом поддержки герцеговинцев. В России объявлен был набор добровольцев, отправляющихся на помощь сербам. Все окружающие говорили об освободительной войне в защиту славян.

В апреле 1877 г. Россия объявила войну Турции. Лозунгом этой войны, прикрывающим захватнические цели русского самодержавия, было освобождение славян. Патриотическое воодушевление охватило общество. Все только и говорили об этой войне, об освобождении братьев-славян³. Я очень живо интере-

¹ Пишу об этом не только по впечатлениям детства: у меня было три брата-офицера, и потому я довольно близко знал военную среду через братьев и их знакомых.

² Тогда уездный город Курляндской губернии, ныне входит в состав Латвии.

³ Как известно, добровольческое движение в 1876 г. и даже война 1877—1878 гг. встретили сочувствие даже у большей части русских революционеров: некоторые революционеры пошли в добровольцы. Только «Набат», орган русских «якобинцев», писал, что лучшим исходом этой войны было бы поражение России: это развязало бы русскую революцию.

совался¹ войной: переход русских войск через Дунай, взрыв турецких броненосцев, взятие турецких крепостей, переход через Балканы, защита Шипкинского перевала—все это наполняло восторгом мое детское патриотическое сердце.

Лето 1877 г. мы жили в лагерях под Ригой, где стояли все четыре полка 29-й дивизии и артиллерийская бригада. Военные учения, маневры происходили на моих глазах и доставляли немало удовольствия.

Осенью этого года я поступил в частную немецкую приготовительную школу г. Темпеля. В то время в Либаве не было русских школ¹, и хотя я уже умел читать и писать по-русски, но по-немецки я был еще совсем неграмотным. Младший приготовительный класс вела жена Темпеля. Нас училось немного, дело шло по-домашнему, в комнатах квартиры Темпеля. За год овладел немного немецким языком. В следующем году я учился уже в настоящей школе.

Преподавание вел сам Темпель; помню его строгую фигуру с линейкой в руках. Эта линейка не оставалась в бездействии, он пускал ее постоянно в дело для поднятия дисциплины и прилежания учеников.

Но недолго пришлось мне обучаться в этой школе. В октябре (1878 г.) мой отец поехал лечиться на юг и взял меня с собой. Он уже несколько лет болел тяжелым туберкулезом легких. Летом этого года он ездил лечиться за границу на Эмские воды, но оттуда приехал с ухудшением и осенью опять взял отпуск и уже совсем больной поехал в г. Ямполь Подольской губернии, где у него жила сестра; она была замужем за единственным в Ямполье врачом. Отец взял меня с собой, остальное же наше семейство осталось в Либаве. Отца устроили в деревне в трех верстах от Ямполья, на берегу Днестра; я к нему ездил с дядей два раза в неделю. Я очутился совсем в другой обстановке, чем в Либаве. Это был захолустный украинский городок, обстановка напомнила гоголевский Миргород.

В декабре приехала в Ямполь мать с братьями, отца перевозили в горел, и 17 декабря он умер. Смерть отца, которого я очень любил, тяжело на меня подействовала, и я много лет вспоминал его.

После смерти отца мы оказались в очень тяжелом положении: отец не дослужил нескольких месяцев до двадцати пяти лет, и семье поэтому не полагалось никакой пенсии. Мать поехала вскоре в Петербург хлопотать хоть о какой-либо пен-

¹ В это время руссификаторская политика не коснулась еще Прибалтийского края (т. е. Лифляндской, Курляндской и Эстляндской губерний, входящих ныне в состав Латвии и Эстонии). Преподавание в том крае во всех школах, от низших до высших (Дерптского университета), велось на немецком языке. Это резко изменилось в 80-х годах, при Александре III, когда было введено преподавание во всех школах на русском языке.

сии (через несколько месяцев ей удалось выхлопотать все-таки небольшую пенсию—19 рублей в месяц) и взяла меня с собой, чтобы при проезде через Вильно оставить меня у Измаильских, которые захотели меня взять к себе и подготовить к поступлению в гимназию. За это время полковник Измаильский вышел в отставку, и они переселились в Вильно.

В Вильно я опять попал в обстановку, резко отличающуюся от Ямпольской. Это был большой город, старая столица Литвы. Там я учился у сестры Измаильской, только что кончившей Смольный институт; как учительница, она была очень требовательной, очень много мне задавала, особенно по французскому языку. Читал много, особенно я любил исторические рассказы и сборники для чтения по истории.

В мае приехала за мной мать и увезла в Москву. Она ехала с моими братьями в Яранск. Дед смиловался над своей блудной дочерью, вышедшей замуж без его благословения, и принял ее к себе, тем более, что у него незадолго умерла жена, и он решил поручить ведение домашнего хозяйства моей матери. В Москве я встретил опять всех своих братьев, и некоторое время мы жили в Москве на «Чижовском подворье» на Никольской. Но продолжалось это недолго: мать с братьями уехали скоро в Яранск. Я остался у дяди Ф. И. Носова, который приехал в Москву из Яранска по торговым делам своей фирмы. Он определил меня в подготовительную школу Сорокина, на Поварской, для подготовки в военную гимназию. Я как сын офицера был зачислен кандидатом с августа в Нижегородскую военную гимназию. В подготовительной школе я проучился два месяца, жил в школе.

ГЛАВА II.

В военной гимназии—кадетском корпусе. В младших классах

К 1 августа дядя повез меня в Нижний-Новгород сдавать экзамен в «Нижегородскую графа Аракчеева военную гимназию». Вспоминается большой зал (актовый) с большим портретом Александра II посередине. В этом зале через шесть лет, в 1885 г., я держал выпускной экзамен, а еще через сорок шесть лет, в октябре 1931 г., выступал на собрании курсантов пехотной школы имени Сталина, которая помещалась тогда в этом здании, в дни 40-летнего юбилея Нижегородской партийной организации. На экзамене я заявил, что я подготовлен ко 2-му классу, но мне ответили, что по возрасту я могу поступить только в первый (это было в первые дни августа, а 6 августа мне исполнилось десять лет), и заставили держаться в первый класс. Я выдержал по всем предметам на 12, только по какому-то получил 10. Дядя пошел к директору, тот разрешил попробовать держаться во 2-й класс. И курьезно, что

во 2-й класс я получил по всем предметам по 12 баллов. Не оставалось другого исхода, как принять меня в виде исключения во 2-й класс. В классе я оказался, таким образом, на один год моложе самого младшего ученика. И так продолжалось до последнего класса.

Военно-учебные заведения были лучшими учебными заведениями царской России того времени. Во главе военного министерства стоял самый либеральный министр Александра II, Д. А. Милютин, в то время как министром народного просвещения был крайний реакционер, крепостник Д. А. Толстой, впоследствии при Александре III министр внутренних дел, вдохновитель злейшей реакции. Толстой насадил в гимназиях «классицизм»—языки греческий и латинский, подавлявшие все другие предметы и доводившие учеников до одурения. Милютин в государственном совете неизменно боролся против этой системы.

Толстой был противником высшего женского образования и не разрешал открыть женских врачебных курсов, а Милютин открыл таковые при военно-медико-хирургической академии и т. п.

Конечно, и военные гимназии готовили верных слуг царя и отечества, но делали они это более умело, чем школы министерства просвещения, где ученики проникались ненавистью к древним языкам и ко всей школе.

Обращение с воспитанниками в военных гимназиях было хорошее, вежливое, «на вы» с 1-го класса, никаких унижающих наказаний не применялось; был у нас карцер, но за 6 лет моего учения никто в нем не сидел. Не было мелочного сыска и надзора, как это практиковалось в средне-учебных заведениях министерства народного просвещения, где для этого были заведены надзиратели с специальными шпионско-полицейскими функциями. Ябедничество и доносы не поощрялись и не практиковались совсем. Противники милютинских военных гимназий упрекали их, что в них мало было чисто военного духа, и это была правда. Фронтные занятия были у нас поставлены слабо, формально. Сам директор, штабной генерал-майор И. И. Ордынский, не имел совсем военной выправки и, несмотря на свои генеральские погоны, аксельбанты и красные лампасы, имел какой-то совсем штатский вид; он запросто приходил в залы, где мы проводили время между уроками и занятиями, к нему подходили воспитанники со своими заявлениями и просьбами, он беседовал с ними, гуляя по залу.

Учителя у нас были более квалифицированные, чем в других учебных заведениях: они после окончания высшего учебного заведения должны были пройти еще двухгодичные педагогические курсы при военном министерстве, прежде чем принимались на место учителя. Хорошо было поставлено преподавание математики, физики, химии, естествознания, космографии, новых

языков. Программы по этим предметам были значительно обширнее, чем в классических гимназиях. Химия там совсем не преподавалась, а если ученик у себя дома занимался все-таки химическими опытами, то он подвергался дознанию в лучшем случае гимназического начальства, а то и жандармского для выяснения, не занимается ли он приготовлением взрывчатых веществ. Знания по этим предметам потом очень могли пригодиться для артиллериста, сапера, военного инженера. Благодаря такой системе воспитания и обучения воспитанник был доволен, любил свою школу и не проникался оппозиционными и революционными настроениями, а ведь это первое, что нужно для будущего защитника престола.

Вот в такое учебное заведение попал и я. Меня одели в мундирчик с красными погонами и с медными пуговицами и определили во 2-е отделение 2-го класса.

Вся гимназия была разделена на три «возраста». В младшем «возрасте» находились два первых класса и 2-е отделение 3-го класса, в среднем—средние классы, а в старшем—1-е отделение 5-го класса, 6-й и 7-й классы. Возрасты имели отдельные залы, спальни и дворы для прогулок.

Несмотря на то, что товарищи относились ко мне неплохо, я чувствовал себя в школе очень одиноко, очень скучал о семье, о матери и братьях, которые жили теперь в г. Яранске, в 350 верстах от Нижнего. С Яранском не было ни железнодорожной, ни паровой связи. Я как-то трудно сходился с моими одноклассниками и только через некоторое время ближе сошелся с Витей Киселевым, самым младшим после меня в классе. Он был очень болезненный мальчик и был приходящим, т. е. жил в своей семье, отец его был экономом нашей гимназии. Мы дружили с ним до самого выпуска и после до самой его смерти (в 1923 г.) и все время учения соревновались с ним: то он был первым учеником, то я.

В нашем отделении оказался хороший воспитатель. Обязанность воспитателя состояла в наблюдении за успехами и поведением учеников; отстающим он помогал или приспособлял в помощь отстающему хорошему ученика, сносился с родителями учеников—вообще, что называется, вел свое отделение. У нас таким воспитателем был Н. Г. Вучетич, по национальности—черногорец, по образованию—естественник, детский писатель; его рассказ для детей «Красный фонарь» был в свое время очень популярен. Он очень хорошо к нам относился, беседовал с нами, читал нам; он же преподавал естественную историю и преподавал интересно: на живых цветах, на живых насекомых; а мы собирали гербарии и коллекции жуков и бабочек. Но, к сожалению, он скоро ушел из гимназии. В следующих классах воспитателем уже был чинуша-формалист—статский советник Гирш.

В первые два года моего учения в гимназии у меня развилась в очень сильной степени религиозность; может быть в ней я на-

ходил утешение в своем одиночестве, в своей тоскливости об умершем отце, по семье. Я читал много религиозных книг—евангелие, жития святых, много и экстазно молился, соблюдал посты, что было не так просто, так как в школе посты не соблюдались, и нас кормили всегда скоромным. Целых семь недель «великого поста» я ел только хлеб с чаем или квасом. Это вызывало насмешки со стороны учеников, которые в массе к религии относились чисто формально, но я стойчески переносил эти насмешки, считая, что я терплю за мою веру. Я мечтал после окончания учения пойти в какую-нибудь бедную деревню учителем или священником, чтобы помогать бедным крестьянам и учить их. Это я прочитал рассказ о некоем благочестивом пасторе, который посвятил свою жизнь религиозному просвещению и обучению крестьян хозяйству и ремеслам, и решил идти по стопам этого пастора.

Учился я хорошо по всем предметам, за исключением рисования и физкультурных предметов—гимнастики, фронта и танцев. Особенно я не любил и саботировал танцы, за что учитель часто грозился меня наказать, но дело обходилось как-то благополучно. Вообще физкультурное воспитание было поставлено в школе хорошо и на него обращалось большое внимание. Поощрялись также всякого рода подвижные игры—в лапту, в городки, «в попа», в свайку, «в чижа», «в свечи» (поддавание большого мяча ногой вверх), катание на коньках¹. Такое воспитание хорошо влияло на здоровье: я до поступления в школу часто хворал, со времени же поступления ни разу не хворал и этой закалки хватило на всю жизнь: первый раз я заболел и лег в больницу, когда мне исполнилось 64 года.

Так прошел первый год моей учебы. 12 мая меня отпустили на каникулы. С великой радостью поехал я домой на целых три месяца.

Была большая радость увидеть мать и братьев, с которыми я расстался в Москве ровно год назад. Жили они летом на фабрике в версте от города. Собственно это была бывшая фабрика, и представляла она из себя жилой дом в саду, затем очень большой зеленый двор, вокруг которого было расположено несколько двухэтажных и одноэтажных домов и несколько амбаров. Тут была некогда полотняная ручная фабрика, но она уже давно закрылась, дома стояли заколоченными, а амбары служили для упаковки и склада льна и кудели, которые закупались Носовыми на сельских ярмарках и свозились сюда для сортировки и упаковки, а затем отправки в Козьмодемьянск, а оттуда по Волге до Рыбинска, а затем по Мариинской системе через Петербург за границу. В жилом доме жила в это лето моя мать, братья и 3 двоюродных сестры—девочки-подростки.

¹ Теперешние игры—футбол, волей-бол, теннис и т. п.—не были еще известны, только крокет начинал входить в моду, да и то несколько позже.

Чудное лето мы провели в этом году, вспоминали о нем всю жизнь. Гуляли в лесу, собирали ягоды и грибы. Через дорогу по другую сторону двора были расплосжены заливные луга, по ним текла река Яранка. Веселой гурьбой отправлялись в луга купаться раза два в день.

Фабрика особенно оживлялась в дни, когда привозили с сельских ярмарок кудель. Двор фабрики наполнялся гурьбой девиц из окрестных деревень, в ярких платьях, которые трепали, чесали и сортировали кудель, распевая песни. Я тогда совсем не подозревал еще о существовании рабочего вопроса и на всю эту работу смотрел только, так сказать, с эстетической точки зрения. Во время этих работ на фабрику приезжал ежедневно из города для наблюдения за ходом работ мой дед, 80-летний крепкий старик в длиннополом кафтане и в высоких сапогах. Этот бывший крепостной крестьянин—теперь глава купеческой фирмы, ворочающей сотнями тысяч. Он отправлялся смотреть, как идет работа. Там он любил поиграть с девицами, и я был свидетелем, как гурьба девиц окружала его и старалась свалить на кучу кудели; после долгой борьбы его валили и забрасывали охапками кудели¹. Вот с какой стороны воспринималась мною жизнь в то время!

Мимолетно и беззаботно промчались три месяца, и опять мне надо собираться и ехать в это скучное, холодное, казенное заведение. Не легко мне было расставаться с моей матерью, братьями и сестрицами, но я, помня школьные заветы, «нюни не распустил» и поехал в Нижний. 15 августа приехал в Нижний и явился в свою гимназию. Начался новый учебный год.

Во время этого учебного года произошло важное событие: 1 марта 1881 года был убит Александр II. Уже и раньше я слышал о покушениях на него: осенью 1879 года произведен был взрыв царского поезда под Москвою, в феврале 1880 г. произошел взрыв в самом царском дворце. По получении этих известий нас выстраивали, наш директор произносил речь, топал ногами, кричал, что нужно растоптать этих злодеев, покушающихся на помазанника божия. Но ради чего, во имя чего они покушались, никто нам не объяснял. После речи нас вели в церковь, где служили благодарственный молебен за «чудесное» спасение царя. Но 1 марта 1881 года «чуда» не произошло, и царь был убит. Служили уж панихиду, а после нее молебен о благополучии вновь восшедшего на престол царя. Мы были подавлены: вопрос кто убил, за что убил, оставался неразрешенным, но он оставался.

Прошел и этот учебный год. Опять поехал я на каникулы—в Яранск. В этом году обстановка нашей семьи изменилась. Дядя вдовец, живший вместе с дедом, женился на дочери московского купца, привез к себе молодую жену, которая и стала

¹ Через 4 года он умер от удара при осмотре огородных работ.

вести хозяйство, а мою мать поселили на квартире. Каникулы пришлось провести в городе, но радовала перспектива переезда нашей семьи с осени в Нижний, так как и младшим братьям надо было поступать или готовиться к поступлению в военную гимназию.

Поехали в августе все вместе в Нижний. С этого времени мне стало гораздо легче: в субботу после уроков меня отпускали домой до понедельника—утра, отпускали еще в среду до следующего утра; если к этому добавить отпуска в нередкие праздничные среди недели дни, на рождественские и пасхальные каникулы, то в общем я уже жил дома, пожалуй, не меньше, чем в школе. Я повеселел, физически развернулся, стал охотнее принимать участие в физкультурных занятиях и в играх, и религиозность моя стала не столь напряженной.

Много читал я в это время. Но что? Книги доставал только из школьной библиотеки, а в ней не было даже русских классиков, кроме «избранных» произведений Пушкина, Гоголя и «Записок охотника» Тургенева, но были исторические романы Лажечникова, Загоскина, А. К. Толстого («Князь Серебряный»), были еще сочинения Майн-Рида, Фенимора Купера, Жюль-Верна. Доставал я еще у знакомых «Ниву» и там читал тоже исторические романы графа Салиаса, Вс. Соловьева и т. п. Однажды, уже в 5-м классе, мне попала в руки книга «Догматическое богословие» профессора духовной академии архимандрита Макария. Автор излагал другие вероучения, в том числе деизм и даже атеизм и с ними полемизировал, доказывая преимущества перед ними учения православной церкви. Но надо отдать справедливость автору: другие учения он излагал настолько объективно, что они получались убедительнее православия. Особенно понравился мне тогда деизм. Первое сомнение в истинности православия внушил мне архимандрит Макарий.

В 1882 г., когда я учился в 5-м классе, военные гимназии были вновь переименованы в кадетские корпуса. Давала себя знать усилившаяся при Александре III дворянско-крепостническая реакция. Военный министр Милютин был уволен в отставку после своего выступления против Победоносцева в защиту политики Лорис-Меликова и его «конституции» на известном совещании высших государственных сановников 8 марта под председательством Александра III. На его место был назначен славившийся своей глупостью генерал П. С. Ванновский, и начались «реформы» в армии и военно-учебных заведениях.

В кадетских корпусах были усилены фронтальные занятия, введены для старших классов «лагерные сборы» и преподавание некоторых военных предметов в ущерб общеобразовательным. «Возрасты» были переименованы в роты, возглавляемые ротными командирами, штатские воспитатели заменялись военными.

Вскоре нас посетил новый начальник военно-учебных заведений генерал Махотин. Он смотрел наши фронтные занятия; ходил по классам, зашел и в наш класс; шел урок русского языка, он слушал ответы учеников, смотрел тетради, посмотрел мою тетрадь по сочинениям, почерк мой не понравился,— «куриный почерк», затем придрался неосновательно к некоторым выражениям. В мою защиту осмелился возражать генералу наш почтенный старичок учитель Кильчевский, генерал рассердился. Вообще он остался недоволен нашим корпусом, распекал нас, но выражал надежду, что мы исправимся. Мы кричали: «рады стараться», а надо было кричать: «постараемся исправиться». Все это было учтено в его грозной резолюции, которую нам прочитали в виде приказа по корпусу. Даже наши очень невзыскательные кадеты нашли нового начальника слишком солдафоном или бурбоном, что означало на нашем языке: человек грубый, ограниченный. Вскоре нашего директора Ордынского сменили, вместо него прислали Завадского, сурового с виду и бравого генерала. При его появлении в роте раздавалась команда: смирно! во фронт! Все замирали, вытянув руки по швам, директор торжественно шествовал по зале.

ГЛАВА III

В старших классах кадетского корпуса. Перелом мировоззрения. Разрыв с военщиной

Перешел в 6-й класс, в «старший возраст», или в первую роту, как теперь он назывался. Что было здесь нового? Здесь библиотека была значительно богаче, чем в младших возрастах. В ней были русские классики; правда, не полностью, с выбором, но все же в ней были сочинения Гоголя, Льва Толстого (без «Анны Карениной»), Гончарова (без «Обрыва»), Тургенева (без романа «Отцы и дети»), Григоровича; был Белинский, но Добролюбова не было; конечно, не было Писарева, который в это время был изъят из всех библиотек.

Я накинудся на эту библиотеку. Прежде всего мне попался в руки роман Тургенева «Рудин». Это был первый серьезный роман, который мне пришлось читать. Он произвел на меня большее впечатление. Не все, правда, в нем я хорошо понял, но вот как я понял его тогда: Рудин—умный, образованный человек, он проповедует какие-то высокие идеи, но сам в тогдашней крепостной России не может найти поля для работы. Разочарованный уезжает за границу и там, в Париже, сражается на баррикадах вместе с восставшими рабочими и геройски погибает. Я делаю вывод: такой высокообразованный, благородный человек сражается вместе с революционерами, значит, они не злодеи, как все кругом меня говорят о революционерах, а напротив, они борются за что-то высокое, хорошее. Так, благодаря роману

«Рудин» была пробита, пока еще небольшая, брешь в моем консервативно-монархическом мировоззрении.

Следующий роман Тургенева, который я прочитал после «Рудина», был «Новь». Впечатление этот роман произвел на меня огромное: оно до основания потряс мое традиционное, казалось, столь прочно заложенное мировоззрение; он его не только потряс, но он его почти совсем разрушил. Для меня многое вдруг стало ясно и понятно. Я понял, что есть два мира: мир богатых, помещиков, фабрикантов, представляемый Калломийцевыми, Сипягиными, хозяевами фабрик, охраняемый полицией, армией, а значит, и царем, и мир угнетенных бедняков—крестьян и рабочих, а революционеры—это и есть лучшие люди, которые хотят просветить крестьян и рабочих и поднять их на революцию против их угнетателей. Как сильная личность, как смелый борец мною был воспринят Маркелов. Его решительность, прямолинейность, его смелый призыв крестьян к бунту, его отказ отвечать на допросе у губернатора—все это чрезвычайно импонировало молодому читателю. Очень понравились мне также Остродумов и Машурина: они были целиком преданы великому делу, и ничто их не могло утрастить. Нежданов привлекал своей искренностью и благородными порывами, но вызывал сожаление своими противоречиями и слабостью. Я понял, что все эти революционеры представляют собою что-то организованное, это небольшой отряд какой-то большой организации, которой руководил таинственный Василий Николаевич. Неудача поднять крестьян не воспринялась мною тогда как катастрофа всего движения. Думалось, нельзя сразу раскатать темное крестьянство, надо итти туда и упорно работать.

Мир, противостоявший миру революционеров, мир Калломийцевых, Сипягиных, показался мне ненавистным. Сипягин особенно противен был своими лисьими повадками. Соломин не произвел особенного впечатления. Долгое время я был под сильнейшим впечатлением прочитанного. Резко менялось мировоззрение, все пересматривалось с новых точек зрения—и религия и отношение к царю, отношение к военной службе, к которой меня готовило военно-учебное заведение. Зачем я пойду на военную службу? Чтобы сражаться за царя и отечество, подавлять бунты крестьянские? И тогда стало зреть во мне решение не итти на военную службу, искать другой деятельности, какой, я еще ясно не осознал. Современному молодому читателю трудно представить, что значит коренная ломка мировоззрения, этого ему не приходится проделывать, и ему трудно понять, что я переживал тогда. Еще раз в жизни пришлось мне это пережить через шесть лет, когда в 1890 г. рушилось мое народническое мировоззрение и я стал марксистом. Это—незабываемые моменты.

Весь этот перелом в моем мировоззрении я переживал очень одиноко: не с кем было поделиться своими мыслями ни среди

наших учеников, ни среди кого-либо вне корпуса; подходящих знакомых у меня не было. Мой приятель Витя Киселев, правда, в общем понимал меня: он был способный мальчик, много читал, но он был какой-то апатичный—юный старичок, что вызывалось, вероятно, его болезненностью.

В общем среда наших учеников была крепкая консервативная среда, мало склонная к политическим увлечениям, не склонная также к теоретическим умствованиям. У нас распространен взгляд, что ряды офицерства царской армии последних десятилетий заполнялись дворянством. Это верно по отношению к гвардии, но неверно для офицерства армейской пехоты. Военная служба в армейской пехоте не являлась привлекательной для высшего и среднего дворянства ни со стороны материальной, ни со стороны служебных перспектив. Офицерство низших и средних чинов до полковника являлось довольно замкнутой, не дворянской в своей массе, кастой, она самопополнялась офицерскими детьми, учившимися на казенный счет в военно-учебных заведениях, но был прилив и со стороны через вольноопределяющихся и юнкерские училища. Этим путем шли дети мелких чиновников, дети лавочников и хозяйчиков-ремесленников и т. п. Из них выходили офицеры, так сказать, 2-го ранга, имевшие меньше преимуществ по службе, чем окончившие военные училища, но и те и другие имели очень мало шансов продвинуться дальше подполковника. Полковники и генералы были, главным образом, гвардейцы или штабные. Чин полковника давал уже звание потомственного дворянина. Дети этих полковников и генералов учились в пажеском корпусе в Петербурге, откуда выходили в гвардию. Таким образом, над кастой офицерства была каста дворянского генералитета. Была среди наших учеников небольшая прослойка детей нижегородского поместного дворянства; главная масса их училась в Нижегородском дворянском институте, имевшем программу и права классических гимназий, откуда окончившие шли преимущественно в Университет на юридический факультет, так как гражданская служба тогда считалась выгоднее военной. В кадетские корпуса дворяне отдавали преимущественно своих менее способных детей, боясь, что они не справятся с классической премудростью. Так, у нас учились отпрыски феодального нижегородского дворянства—Жадовские, Демидовы, Панютины, Брянчаниновы, князя Чегодаевы. Они составляли у нас особую прослойку, выделявшуюся среди более простецкой и «бурбонистой» массы своими более «изящными» манерами, белыми перчатками и умением кое-как болтать по-французски. По окончании военного училища и трех лет обязательной военной службы после него они обычно выходили из военной службы и поступали в земские начальники или служили по земским выборам. Сидевший со мной рядом на парте Михайлов, сын нижегородского дворянина-либерала А. П. Михайлова,

был потом земским начальником и был предан суду в свое время за то, что наказал розгами батрака в своем имении.

Седьмой класс дал довольно много для моего развития не только через самостоятельное чтение, но и через классные занятия.

Преподавателем физики и космографии был у нас в 7-м классе Иван Петрович Долбня. Это был самый выдающийся из наших преподавателей и лучший лектор из всех, которых мне пришлось слышать в моей жизни (не сравниваю его с политическими ораторами). О нем мы много слышали и раньше, но до сих пор он преподавал в других классах математику и физику. Он был крупный ученый, его работы по высшей математике печатались в журнале Французской академии наук; в 90-х годах он был приглашен на кафедру высшей математики Горного института в Петербурге, был потом его директором и умер в 1910 г. на этом посту. Тогда, когда он пришел к нам, это был пылкий молодой ученый. Придя первый раз в наш класс, он сказал нам: вот вам выданы учебники по физике Краевича и по космографии Малинина, так я вам советую их заложить в стол подальше и ни разу их не открывать: они не стоят того, чтобы тратить на них время. Так он поступал и с учебниками по математике и преподавал математику по своей системе, придерживаясь системы лучших французских учебников математики Бертрана и Серре. В нашем классе он читал обширный курс физики—учение о свете и электричестве; математические вычисления играли главную роль в его курсе, причем, напр., учение об интерференции и дифракции света, обычно излагавшееся в высших учебных заведениях на основе высшей математики, он излагал по своей системе при помощи низшей математики. Мы усердно записывали его лекции по физике, а его лекции по космографии были отлитографированы и розданы нам. У нас образовалась из лучших учеников группа горячих поклонников нового учителя, с энтузиазмом занимавшаяся преподаваемыми им предметами. Надо сказать, что он и интересовался только теми учениками, которые с увлечением занимались. К плохим ученикам он относился довольно пренебрежительно, на почве чего у него возникали иногда тяжелые конфликты. Так, в нашем классе он однажды сказал: «сегодня я думаю заняться охотой на ослов, такой-то к доске». Наш класс не привык к такому обращению. Долбне сходили с рук такие выходки там, где он вел преподавание, начиная с младших классов, но у нас все насторожились, услышав эти слова, а вызванный ученик—лентяй, но не глупый и смелый юноша—сначала несколько опешил, а потом выпалил: что это вы ругаетесь, Иван Петрович, вы сам после этого дурак. Вышел большой скандал, не помню его последствий, но престиж Долбни после этого снизился в нашем классе. Еще хуже получилось у него в следующем году, когда я уже кончил корпус, но мне рассказали об этом инциденте.

Был такой кадет Ставицкий, учился он плохо, но был хорошим музыкантом и чудно играл на корнете. Долбня однажды его встретил на улице под ручку с какой-то девицей и вот в классе стал над ним подтрунивать, что вот-де он учится-то плохо, но зато хорошо, повидимому, умеет ухаживать за барышнями. Тот побледнел, подскочил к Долбне и со словами: это не ваше дело, Иван Петрович, дал ему пощечину. После этого Ставицкого исключили из корпуса, он после исключения застрелился. Этот случай сильно подействовал на Долбню, он перестал насмехаться над учениками и вместе с тем заметно опустился, как преподаватель, сделавшись более вялым, формальным. Но это было потом, а в мое время он вносил много увлечения в свое любимое дело, заражая этим увлечением и многих из нас. В выданных нам его литографированных записках по космографии заметно было, что в конце почти половина тетради была вырезана. Оказалось, что раньше, в более либеральное время, Долбня читал еще не входящий в программу курс геологии, которую он как горный инженер прекрасно знал. Но потом начальство запретило этот курс и изъяло записки по нему. В одной тетради этот курс по недосмотру не был вырван. И вот я прочитал по этой тетради увлекательный курс об истории развития земли. Эти курсы космографии и геологии окончательно разрушили мои религиозные предрассудки, и с тех пор я стал атеистом и пока еще не вполне сознательным сторонником естественнонаучного материализма.

Посчастливилось мне в этом году получить толчок и в понимании истории. Толчок этот дал тот же Долбня. Случилось это так: заболел наш учитель истории Гирш, и на время его болезни вызвался замещать его Долбня, человек всесторонне образованный. Гирш нам читал трафаретно, скучно, по реакционному и бездарному учебнику Иловайского, задавая по нему отсюда и досюда. Совсем другое услышали мы на лекциях Долбни; это были не уроки, а именно лекции и притом блестящие. Проходили мы как раз время французской революции. И вот перед нами прошли картины «старого порядка», борьба с ним сначала идеологическая—энциклопедистов, а потом и политическая—«третьего сословия»—буржуазии. Красиво, образно и с большим подъемом Долбня нарисовал драматически разворачивающуюся картину великой революции. Его политические симпатии не шли дальше умеренного либерализма, и его любимый герой был Мирабо. Но несмотря на это, сильный толчок интереса к истории дали мне несколько его лекций по истории, к сожалению, скоро прекратившиеся за выздоровлением нашего Гирша.

Был у нас еще интересный учитель—Агафоник Иванович Кильчевский. Это был уже почтенный старичок, о котором я уже упоминал в связи с его защитой моего сочинения перед генералом Махотиным. Он был во многом противо-

положностью Долбне: спокойный, тихий, невозмутимый, опытный и умный педагог. Он не ставил отметок, не задавал уроков, кроме сочинений и письменных работ, не признавал никаких наказаний, даже выговоров, выставляя только обязательную отметку за четверть года по письменным работам ученика. Вел он нас с 4-го класса. По программе этого класса надо было пройти большой и скучнейший курс древнего и нового церковно-славянского языка. Он поставил этот курс по-научному на основе сравнительного языкознания, сравнивая форму древнего и нового славянского языка, польского, русского.

Мне казалось это интересным, но большинство решительно этим не интересовалось, скучало на уроках и для развлечения устраивало всякие, иногда жестокие, проказы над добряком-учителем, благо это не грозило решительно никакими последствиями для проказников.

Кильчевский никогда не терял присутствия духа и своего спокойного ласково-учительного тона и часто очень умно парировал насмешки. С 5-го класса, когда предмет стал интереснее, перешли к сочинениям и чтению и разбору образцов литературы, издевательства над учителем уменьшились, а в 6-м и 7-м классах очень полюбили его уроки и его самого. Его курс в последних двух классах был очень интересен, мы также забыли о наших учебниках и, слушая, записывали, что говорил учитель. Интересно разбирал он Пушкина, Гоголя, давал нам читать статьи Белинского; в последнем классе мы далеко вышли из рамок официальной программы, которая кончалась Гоголем. Он говорил о послегоголевском периоде русской литературы, знакомил нас немного и с классиками иностранной литературы, писали мы изложения шекспировских трагедий, потом разбирали их в классах. Все это давало не мало пищи для моего развития.

Это либеральное отношение Долбни и Кильчевского к программам было последними отзвуками либерализма военных гимназий в том смысле, о каком я выше говорил, в последующие годы их скрутили, заставили преподавать по установленным программам.

А между тем продолжалось и мое самостоятельное чтение. Однажды принес мне Витя Киселев из дому «Отцы и дети» Тургенева.

Наше начальство своим чутьем педагога-консерватора учло боевое демократическое влияние этого романа и изъяло его из нашей библиотеки.

Базаров произвел на меня сильнейшее впечатление. Воспринят он был мною как герой-борец. То, что казалось несимпатичным в нем—отношение к женщинам, к родителям,—это прощалось ему: думалось, что и у великих людей бывают недостатки. В некоторых случаях нравилась сама его непосредствен-

тельность: например, в случае с дуэлью. Казалось, так и следовало поступить, чтобы проучить зазнавшегося аристократа Павла Кирсанова. Ответ Базарова Аркадию, что ему нет дела до того, что мужики будут в будущем хорошо жить, объяснялся тем, что это он сказал из чувства противоречия Аркадию, когда ему надоели его «красивые» речи. Ведь по всему видно было, что он любил и понимал народ, и ведь он говорил в другой раз Аркадию: «Мы драться хотим», «нам других ломать надо», «для нашего дела нужны дерзость и злость». Узнав о революционерах из «Нови», я заключил из этих слов, что и Базаров тоже принадлежит к революционной партии, а во имя чего же борются революционеры, как не во имя блага народа. Базаров меня окончательно укрепил в моем решении порвать с женщиной и идти по другому пути, по пути Рудина, «Нови», Базарова. Этими произведениями Тургенев дал мне сильный толчок по направлению к революции, к революционному народничеству. И надо сказать, что не на одного меня производил он такое влияние. Можно смело сказать, что романы Тургенева с конца 50-х до конца 90-х годов являлись для молодых читателей обычно первыми толчками, разбивающими старое, косное мировоззрение и ведущими к критике существующего строя и к протесту против него.

Критические статьи Добролюбова и Писарева по поводу этих романов уясняли, уточняли и заостряли то, что было получено читателем путем художественного восприятия. В этом же направлении, но в более слабой степени, действовали «тенденционные» романы Помяловского, Решетникова, Слепцова, Омулевского, Станюковича, Шеллера-Михайлова и др. Но романы Тургенева действовали сильнее, глубже. О романе Чернышевского «Что делать» я скажу ниже.

Весной мы сдали выпускные экзамены и на полтора месяца пошли в лагери. Это были первые лагери по новому уставу кадетских корпусов. Лагери помещались на берегу Оки, сейчас же за женским монастырем. В лагерьях занимались военными учениями в поле, военной гимнастикой, топографической съемкой местности, стрельбой в цель, сборкой и разборкой ружья и «словесностью», т. е. учили устав воинской службы. Все это меня мало интересовало, так как решение уйти от военной службы было сильнее зрело во мне.

Но этот уход был связан с препятствиями, которые не так-то легко мне было преодолеть. Дело в том, что все окончившие кадетские корпуса механически переходили в военные училища (из них два нехотных были в Петербурге и одно, Александровское, в Москве) и через два года выпускались оттуда подпоручиками с двумя годами старшинства. Были в Петербурге еще военно-инженерное и артиллерийское училища с трехгодичным курсом. Туда поступали кадеты, окончившие с высшими баллами по математике. После окончания военного училища обязательно

было отслужить три года, и только после этого можно было выйти в запас. Можно было и не поступать в военные училища, но на это надо было согласие родителей. Вот в этом-то и было у меня препятствие. Мать моя и по семейной традиции и по материальным соображениям была решительно против моего ухода с военной службы; ведь через два года, учась на казенный счет, я был бы уже самостоятельным человеком и мог быть поддержкой семье, материальное положение которой после смерти деда стало, как говорится, напряженным. А тут вдруг не хочу идти в военное училище. Что дальше будет—неизвестно, а пока я становлюсь лишней обузой для нее. Разговоры об этом были для нее и меня очень тяжелыми, и я пока их отложил, решив поехать в августе в Петербург посмотреть военные училища и там уже решить, что делать. Я знал, что решительный момент зачисления на действительную военную службу—это присяга, которая принималась юнкерами 8 сентября, а до этого можно было выйти из училища.

Я записался в инженерное училище.

А пока я решил не тужить и вторую половину лета хорошо провел со своим приятелем, окончившим в этом же году реальное училище, Ваней Грецовым. Я уже дружил с ним три года. Он был наш сосед, брат учителя начального училища. Он был старше меня года на три. Это был веселый, смелый юноша. Привлекало меня к нему то, что он любил природу, и мы с ним, начиная с ранней весны, по праздникам и на каникулах отправлялись на Волгу или Оку, ловили рыбу, ездили на лодке. Последний год завели охотничьи ружья и стреляли весной и осенью уток, ходили на зайцев в лес на Моховые горы. В те годы окрестности Нижнего еще были совсем пустынные: вверх по Оке, километра через два выше плашкоутного моста, начинались уже совсем пустынные берега Оки, пустынно было и за Волгой; на Моховых горах был большой сосновый лес, в котором можно было бродить целый день, не встретив ни одного человека. Иногда мы ездили на лодке на Моховые горы на ночевку, запасшись арбузом, белым хлебом и воблой, жгли костры, ловили рыбу, варили из нее уху. Много прелести было в этих поездках. По общественным интересам мы были с Грецовым прямыми противоположностями: я мечтал порвать с военной службой, он ее очень идеализировал и мечтал быть военным, что и выполнил, поступив вольноопределяющимся, потом пошел в юнкерское училище, а затем всю жизнь служил офицером.

Так подошел к концу август, и мы все окончившие в этом году наш корпус вновь собрались в нем с тем, чтобы отправиться в Москву или Петербург в военные училища. Собралось шестьдесят молодых, веселых, радующихся своему переходу на следующий этап своего пути, который сулил им скорый уже выход в самостоятельную жизнь. Все без тени сомнения верные сыны престола и отечества. Только я затесался среди них отце-

пенцем, который думал, что без престола, пожалуй, и совсем можно обойтись, а отечество надо переделывать на новое, народное, демократическое. Витя Киселев вследствие физических недостатков не мог пойти на военную службу, и он в начале августа, выдержав конкурсный экзамен, поступил в Технологический институт в Петербурге и уже учился там; я позавидовал ему.

Приехав в Петербург, я узнал, что не попал в Инженерное училище; нехватало одного балла по математике, и меня определили в Константиновское военное пехотное училище. Первое впечатление при поступлении в училище было тяжелое: казарменная атмосфера и дисциплина резко отличались от сравнительно либеральных порядков корпуса. К довершению неприятности меня назначили старшим в классе, как имеющего высшие выпускные баллы. Я должен был рапортовать своему ротному и каждому преподавателю при приходе его в класс о том, что все обстоит благополучно, и о наличном составе класса; на мне лежала ответственность за порядок в классе. В ближайший праздник я пошел в город. Петербург после нашего провинциального Нижнего произвел на меня сильное впечатление. Невский проспект был очень красив и оживлен. Зашел к Киселеву, который снимал комнатку на Литейном проспекте. Он рассказал о студенческой жизни и занятиях в Институте. Не хотелось от него возвращаться в свою казарму, уйти из которой я решил теперь во что бы то ни стало. Подал рапорт об увольнении.

Ротный командир капитан Троицкий вызвал меня и отговаривал от ухода с военной службы. Он говорил, что мне открыта военная карьера, могу выйти в гвардию (на училище давались четыре вакансии в гвардию, их брали лучшие ученики), оттуда могу перейти в генеральный штаб. Но я стоял на своем. Он сказал в заключение, что это будет зависеть от согласия моей матери, которую он и запросит.

Я со своей стороны послал ей письмо, в котором писал, что окончательно решил выйти из училища, и просил ее, чтобы она не препятствовала этому, угрожая ей, что если она не возьмет меня, то я откажусь от принятия присяги и меня отдадут под суд. С нетерпением стал ждать ответа. Тем временем ознакомился со своими новыми товарищами. Попадались среди них более развитые, с большими умственными интересами, чем наши аракчеевцы: кое с кем разговорились более откровенно. Интересно отметить, что как раз среди этого курса Константиновского училища в следующем году была раскрыта довольно большая революционная организация «милитаристов», ставившая своей задачей революционную работу среди армии с целью произвести политический переворот. Организация охватывала все военные училища Петербурга, но была особенно сильна в Константиновском училище. Надо сказать, что из наших арак-

чеевцев ни один не был замешан в организации. Это была последняя волна народовольческого революционного движения среди офицерства. Мне в этом движении не пришлось принять участия: была получена телеграмма от матери о ее согласии взять меня из училища, и я был тотчас же отпущен.

Я был несказанно рад. Пошел к Киселеву. Пожил у него дня два, посмотрели Питер—Эрмитаж, Исаакиевский собор, поговорили, читали «Сказки» Щедрина в нелегальном литографированном издании, которое было озаглавлено «Сказки для детей изрядного возраста». Простились. Я поехал в Нижний.

Еще два слова о кадетском корпусе.

После моего ухода из корпуса, т. е. после 1885 г., усилившаяся реакция дала себя знать и на школьных порядках корпуса. Против нажима сверху росло сопротивление снизу: Ставицкий ударил по физиономии Долбню, Франц Точисский, брат известного впоследствии большевика Павла Точисского, побил учителя французского языка Пелисье и вылетел за это из корпуса.

Были случаи коллективного отказа от ответов в классах, не отвечали на приветствия воспитателей и учителей. Об этих случаях я узнавал от братьев и от репетируемых мной учеников.

Военные школы вошли в общую колею школ периода крепостнической реакции.

ГЛАВА IV

Подготовка к «аттестату зрелости». Под знаком народничества

Итак, в сентябре 1885 г. я возвратился в Нижний-Новгород уже вольным человеком. Сдал свою форму в корпус, облачился в штатское, никому уж не был обязан отдавать чести и становиться во фронт. Чувствовал себя, как освобожденный из тюрьмы. В семье, правда, было не очень хорошо: мать тяжело переносила мой уход с военной службы, братья смотрели с укором. Я очень любил мать, и на мне ее переживания сказывались не легко, но как-никак решительный шаг, определивший всю мою дальнейшую жизнь, был сделан...

Я задаю сейчас себе вопрос, чем обусловлено мое тогдашнее уже определенно выявившееся революционное настроение, под влиянием которого я сделал не легкий тогда для меня шаг—выход из военной службы. Ведь никто на меня не влиял в этом направлении, наоборот, все влияние школы, семьи, знакомых было диаметрально противоположным. Каких-либо классовых обид, угнетения я не ощущал. Семья наша хотя жила очень скромно, но голода, нужды я никогда не испытывал. В школе меня тоже не угнетали, не оскорбляли, напротив, школа дала немало

для моего образования и развития (математика, космография, физика, естествознание, география, русская литература).

Прочитал я три-четыре романа Тургенева, они дали мне определенный толчок к революции. Эти же романы читали ведь и все мои шестьдесят одноклассников, и на них они совсем не повлияли в том направлении, в каком на меня.

Я попытаюсь дать объяснение этому явлению.

Разночинная интеллигенция того времени представляла собой угнетенную социальную группу как политически, так и экономически. Где, как и в чем могла она проявить себя? Литература была в железных тисках цензуры. В то время, о котором я пишу, т. е. в середине 80-х годов, не было после закрытия «Отечественных записок» и «Дела» ни одного радикального журнала или газеты. Да и вообще журналов и газет было мало и выходили они ничтожными тиражами. Литераторам приходилось туго; они бедствовали, часто спивались, случалось, сходили с ума. На правительственной службе разночинцу не пойти дальше средних ступеней,—все сколько-нибудь высокие должности были привилегией высшей дворянско-бюрократической касты. Промышленность, транспорт, торговля очень мало использовали труд интеллигентного разночинца. На фабриках, например, обычно был директором немец или англичанин, а также мастера были иностранцы, русским техникам купцы не доверяли; Соломины («Новь») были еще редким явлением. На водном, например, транспорте интеллигенты почти не работали, там обходились малограмотными людьми, подростками на самом производстве, капитаны и машинисты были очень часто немцы. В торговле и подавно обходились своими «молодцами». Земства и города в это время еще слабо развивали культурную деятельность и мало поглощали интеллигенции.

И получилась такая картина. В стране, включая Польшу и Прибалтийский край, было всего девять университетов, пять высших технических и три сельскохозяйственные учебные заведения¹. Окончившие университет врачи, юристы, филологи еще кое-как устраивались, а вот инженеры, агрономы, как ни мало их было, с трудом находили работу по своей специальности и часто должны были искать заработка на правительственной или частной службе не по специальности. Еще хуже обстояло, конечно, с женской интеллигенцией, той уж все пути

¹ В Петербурге Технологический институт, Институт гражданских инженеров, Горный институт, Институт путей сообщения; в Москве—Высшее (кажется, с начала 90-х годов) техническое училище. Сельскохозяйственные: в Петербурге—Лесной институт; в Москве—Петровская академия; в Александрии (в «Царстве польском») — Сельскохозяйственный институт. Окраины были в отношении высшего образования совсем обездолены: в Средней Азии не было ни одного высшего учебного заведения, равно как на всем Кавказе и Закавказье. Во всей Азиатской России был один университет—Томский, основанный только в 1884 г.; не было ни одного вуза на всем Урале.

были закрыты. А. И. Засулич-Успенская в своих мемуарах пишет о том, как она, будучи курсисткой, искала заработка по шитью и как была рада, когда удавалось найти работу, оплачиваемую по 15 копеек в день.

Высшие женские курсы, открытые в 70-х годах только в Петербурге и Москве, во второй половине 80-х годов были закрыты, и высшего женского образования совсем не стало в России.

И вот эта социальная группа—разночинная интеллигенция—жила в крестьянской стране, в которой крестьянство было в полукрепостнической кабале у помещика и помещичьего государства, было бедно, некультурно.

Промышленность страны развивалась слабо, господствовали варварские формы первоначального накопления, разорявшие страну, подрывавшие ее производительные силы (кабальные формы эксплуатации крестьян, ростовщичество, варварское сведение лесов и т. п.).

Только уничтожение самодержавно-крепостнического строя, уничтожение дворянского землевладения и передача дворянских земель крестьянству могли спасти крестьянство от окончательного разорения, вырождения и вымирания и дать крестьянству и всей стране возможность прогрессивного развития. В этом перевороте и в строительстве после него, конечно, интеллигенции должна будет принадлежать огромная организующая и культурная роль.

Во имя этой перспективы и шла борьба передовых отрядов разночинной интеллигенции в 60—80-х годах. Объективно это была борьба за американский путь развития страны. Вся передовая литература того времени была выразителем и часто руководителем этой борьбы.

Тургенев был ярким и художественно сильным выразителем настроений этой разночинной интеллигенции. В своих романах от «Рудина» до «Нови» он давал типы этой интеллигенции и остро ставил вопросы, ее волнующие, потому он и оказывал сильнейшее влияние на читателей-интеллигентов моего времени¹. Вот и я подвергся этому сильному и острому влиянию, и не только я, а из той же группы (военной) подверглись революционному влиянию, как оказалось, немало моих сверстников в других корпусах.

¹ Роль Тургенева как писателя, сыгравшего своими произведениями огромную роль в течение ряда десятилетий, встает особенно ярко теперь в известном отдалении от его эпохи. В то время как другие писатели того времени забыты и их стараются оживить только литературоведы, Тургенев жив до сих пор, его романы до сих пор нельзя читать без волнения. И это несмотря на то, что сам он по своим политическим взглядам не принадлежал к революционно-демократическому крылу интеллигенции, а был умеренным либералом. Но художественные образы его произведений—реалистических, чутко, правдиво воспроизводящих жизнь—действовали так, что в результате, говоря словами народовойольческой прокламации, выпущенной ко дню похорон Тургенева, «он служил русской революции сердечным смыслом своих произведений».

Наши нижегородцы, учившиеся в очень тихом, захолустном тогда городе, были более отсталыми по сравнению с другими, и передовые идеи эпохи действовали только на более чуткие единицы. Вот и все.

Первое время в Нижнем я был очень одинок, у меня не было ни одного знакомого, с кем бы я мог посоветоваться, поговорить. В голове у меня еще все было неясно: ведь я не читал еще ни одной книги о русской революции, ни имел понятия о программах революционных партий, коротко, я еще не знал, что надо делать, у меня были только неопределенные стремления, почерпнутые из прочитанных мною романов. Записался в городскую библиотеку. Тогда во всем Нижнем была одна библиотека, но библиотека недурная. Правда, только в прошлом, 1884 году она подверглась основательной чистке. Правительство одновременно с закрытием радикальных журналов в апреле 1884 г. издало циркуляр, которым много журналов и книг было изъято из публичных библиотек: были изъяты все радикальные журналы за прежние годы: «Современник», «Русское слово», «Отечественные записки», «Дело», и сочинения Писарева, Лаврова, много романов с радикальной тенденцией, как русских, так и переводных, книги по истории, философии и т. д., но для чтения все же кое-что осталось.

Чуть ли не первой книгой, которую я взял из библиотеки, был правительственный отчет о процессе по делу 1 марта 1881 г. Эта книга дала мне очень много. Она познакомила меня с революционерами уже не из романов, а из действительной жизни, дала представление об их целях и путях. Образ Желябова, его геройское поведение на суде произвели сильнейшее впечатление. Желябов определил в своей речи на суде прежде всего свое отношение к религии. Он сказал, что он отрицает православие; но сущность учения Иисуса Христа признает и полагает, что она заключается в том, что следует бороться за правду, за права угнетенных и слабых, и если нужно, то за них и пострадать. Такова моя вера, сказал Желябов. Такое истолкование христианства, характерное для народничества, нашло во мне тогда полный отклик. В своей заключительной речи Желябов изложил вкратце историю народнического революционного движения: хождение в народ, создание организации «Земля и воля» и, наконец, «Народной воли», ее цели и тактику. Речи Желябова, выступления Перовской, Кибальчича многое уяснили мне, многое сделали понятным. Надо признать, что правительственный отчет о процессе первомартовцев, несмотря на его неполноту и урезки, производил сильное противоправительственное агитационное воздействие. «Народная воля» — вот то знамя, под которым надо бороться, думал я по прочтении этого отчета. Надо читать, учиться, чтобы уяснить себе до конца, что и как надо делать сейчас. И я продолжал читать. Прочитал Некрасова. Его стихи, поэмы потрясали, захватывали. Он стал моим

любимым поэтом. Любовь к народу, к крестьянину, жалость к его доле и стремление помочь ему—вот что внушали они. В этом же направлении действовали сочинения Глеба Успенского, которые я тоже почти полностью прочитал. Прочитал Достоевского, Писемского.

Но я не ограничивался только чтением беллетристики. Я проштудировал с составлением конспекта «Происхождение видов» Дарвина. Эта книга заложила основу моего биологического мировоззрения. В этом же направлении действовали статьи Спенсера.

По истории я прочитал тогда Дрэпера «Историю цивилизации в Европе», Бокля «Историю цивилизации в Англии» и «Всемирную историю» Вебера.

Начал я тогда читать и газеты. Раньше мне попадала в руки только официозная газета «Новое время»—«Чего изволите», как называл ее Щедрин. Доставал я еще у знакомых газету «Свет», ультра-реакционную. В читальне библиотеки я познакомился с московской газетой «Русские ведомости». Это была единственная, как говорилось тогда, «порядочная» газета. Внутренняя жизнь России в ней освещалась с точки зрения самого умеренного либерализма, да и это едва терпелось правительством, и газета была под постоянной угрозой закрытия. О других государствах можно было высказываться свободнее, чем и пользовалась газета, и ее иностранный отдел был особенно интересен. Корреспонденции из Берлина, Парижа, Лондона давали интересный материал о рабочем движении, которое во второй половине 80-х годов начало везде возрождаться после реакции, наступившей вслед за подавлением Парижской Коммуны. Местная газета «Нижегородский биржевой листок», выходившая два или три раза в неделю, представляла собой полное ничтожество. В ней помещалась только хроника городских происшествий да передовицы на тексты из священного писания. Ее редактором-издателем был малограмотный хлебный торговец Жуков.

Осталась в памяти небольшая читальня городской библиотеки, где на столе были разложены газеты столичные и провинциальные. За столом сидело самое большее пять-шесть человек. Почти каждый день заходили туда три посетителя. Один—плотный красивый темный шатен с кудрявой головой и окладистой бородой, лет тридцати пяти; такое умное, вдумчивое лицо. Вторым—молодой, нервный, худой блондин с бородкой, входя, здоровался с первым. Третий—с длинными волосами, в синих очках и высоких сапогах; он ни с кем не говорил, держался в стороне. Эти три посетителя меня очень интриговали. Я думал, что это должно быть из местных «нигилистов». Особенно таинственное впечатление производил третий. Через некоторое время я познакомился с двумя первыми и узнал, кто был третий. Первый был—В. Г. Короленко, второй—А. И. Богданович,

потом известный публицист. О третьем мне сказали, что это некий Розанов—шпион, которого в Нижнем все знали...

Много газет прочитал я в этой читальне: новый мир открывался передо мной. Там прочитал я весной 1886 г. подробный судебный отчет о Морозовской стачке и нашумевшую статью реакционных «Московских ведомостей» «Судебный салют рабочему вопросу», протестовавшую против оправдания присяжными участников стачки.

Из этого отчета я впервые познакомился с рабочим вопросом в России и узнал подробности об этой знаменитой стачке.

Никогда не читал я так много, как в эту первую зиму после выхода из корпуса. Я только этим и занимался. Я решил вначале держать экзамен в Технологический институт и занимался часа два в день математикой для подготовки к экзамену. Но чем больше я читал народническую литературу, тем менее смысла представлялось мне идти в Технологический институт. Надо идти в деревню. Но в качестве кого? Одно время думал я пойти в Петровскую академию, чтобы выйти оттуда агрономом. Но как агроном мог подойти к крестьянину? Земская агрономия тогда только что нарождалась в одной-двух губерниях, и о ней ничего не было еще слышно, а агроном, служащий у помещика, чем мог быть полезен крестьянину? Такие сомнения мучили меня тогда. В это время попалась мне в газетах заметка о враче, вольнопрактикующем в деревне, что было тогда большой редкостью. Эта заметка явилась для меня откровением: вот, думал я, лучший способ быть полезным деревне, подойти к крестьянину, завоевать его доверие. Эта мысль целиком меня захватила; я решил сделаться врачом и пойти в деревню лечить и просвещать крестьянина. Главная цель была—революционное просвещение; на лечение я смотрел только как на путь, по которому я подойду к крестьянину. Но чтобы сделаться врачом, надо поступить на медицинский факультет университета, а для этого надо сдать на так называемый аттестат зрелости, т. е. сдать экзамен при классической гимназии за ее курс. Курс кадетского корпуса был по некоторым предметам одинаков с курсом гимназий, по некоторым (по математике, физике, естествознанию) больше курса гимназий; вся трудность этого экзамена для меня была в древних языках, которых у нас не преподавали вовсе. Латинский язык в гимназиях начинался с 1-го класса, а греческий с 3-го, причем каждому предмету отводилось по пять-шесть часов в неделю. На выпускном экзамене не только требовалось свободно переводить à livre ouvert (без словаря) латинских и греческих классиков (Цезаря, Тита Ливия, Саллюстия, Цицерона, Вергилия, Горация, Геродота, Ксенофонта, Гомера, Фукидида), но и обратно с русского языка переводить их на язык подлинника (разумеется, только прозаиков). За одну-две ошибки в переводе с русского ставили двойку, особенно экстернам, т. е. не ученикам данной гимназии,

а держащим⁷ со стороны. К экстернам относились особенно строго и в некоторых гимназиях их вообще не пропускали. Предстояло преодолеть всю эту премудрость, да еще сознавая, что все это ни к чему не нужно и впредь мне не понадобится. На это надо было ухлопать не менее двух-трех лет при упорном каждодневном труде часов по пяти-шести. Но решение мое было твердое, и приходилось все это преодолевать. Я пригласил себе на помощь известного тогда в Нижнем репетитора Н. В. Ливанского, и он ежедневно занимался со мной полтора часа, да самостоятельно я занимался еще не менее четырех-пяти часов ежедневно. Так продолжалось два с половиной года, до сдачи экзамена весной 1888 г.

Учась сам, я вскоре достал несколько уроков по репетированию отстающих учеников кадетского корпуса, имел и другие уроки. Они оплачивались по 15—20 рублей в месяц, и я стал зарабатывать рублей по 50—60 в месяц, что по тем временам было немало, если принять во внимание, что в Нижнем комната с полным содержанием стоила 15—20 рублей в месяц. Я оплачивал теперь матери свое содержание, платил своему учителю и откладывал еще на учение в университете.

Несмотря на предстоящие мне трудности и одиночество, которое я переживал в первые месяцы в Нижнем, я не падал духом, настроение было подъемное: была уверенность, что я стал на правильный путь, что на этом пути я найду разрешение «проблемы» в вопросах современности.

Настали рождественские каникулы. Приехал Киселев. Он познакомил меня с московским студентом А. А. Рождественским, а тот повел меня знакомиться с местной революционной интеллигенцией. Центром ее в Нижнем в это время было семейство Метлиных. К ним я и пошел с Рождественским. С большим интересом и волнением шел я к Метлиным: вот, наконец, я увижу революционеров, о которых я читал до сих пор только в романах или в отчете о политическом процессе. На краю города, в конце Канатной улицы, жили они в маленьком доме своего отца, нижегородского мещанина, служившего приказчиком у рыбного торговца¹.

В этот домик и вошел я с Рождественским в один холодный декабрьский зимний вечер. Там мы застали целое общество, как оказалось, почти целиком всю нижегородскую революционную колонию того времени. Была скромная вечеринка. Пили чай, беседовали, пели под аккомпанемент старинных клавиқордов. Впервые я услышал пение революционных песен. Перезнакомился со всем обществом. Вот кто там был. Два брата Мет-

¹ На Канатной улице жил в детстве Максим Горький в доме своего деда. На этой улице жили небогатые нижегородские мещане, обычно в своих маленьких домишках. Максим Горький, как известно, уехал как раз в этом, 1885, году из Нижнего в Казань учиться (см. «Мои университеты»).

лины—Василий Иванович и Иван Иванович. Они в то время были бывшими московскими студентами-юристами, первый 3-го курса, второй 1-го курса; были исключены из университета и высланы на родину осенью 1884 г. за демонстрацию на Страстном бульваре против реакционной газеты «Московские ведомости» и ее редактора Каткова. Оба они были народовольцами. Особенно сильное впечатление произвел на меня Иван Иванович. Немного выше среднего роста, сухой, с красивым интеллигентным лицом, он всей своей фигурой производил впечатление человека глубоко идейного. Мне казалось, что вот это настоящий революционер, всецело живущий вопросами революции. Его старший брат, Василий Иванович, полный и благодушный, с несколько обывательским оттенком, не произвел на меня такого впечатления, как его брат. У них были еще две сестры—младшая, тогда еще гимназистка 7-го класса, и старшая, Александра Ивановна; она училась в Москве на акушерских курсах и имела типичный вид «нигилистки»: стриженная (тогда стриглись женщины только «нигилистки»), с папироской в зубах. Надо сказать, что в это время выходили уже из моды «нигилистические манеры» 60 и 70-х годов как у женщин, так и мужчин (у мужчин—длинные волосы, синие очки, плед), но у Александры Ивановны эти манеры были особенно подчеркнуты. В гостях был высланный тоже за демонстрацию на Страстном бульваре студент Петровской земледельческой академии Губарев. Его фамилия вызывала ассоциацию с вождем русской революционной эмиграции, выведенным Тургеневым под этой фамилией в «Дыме», но нижегородский Губарев оказался очень скромным человеком и ни в каком отношении не претендующим на роль вождя. Другой гость, Иван Васильевич Духовской, владелец небольшого книжного магазина, кстати единственного тогда в Нижнем. Он был слепой, притом очень талантливый музыкант. Когда Короленко писал своего «Слепого музыканта», то он много беседовал с Духовским, стараясь проникнуть в психологию слепого музыканта. У него хранилась нелегальная библиотечка, которой я вскоре стал широко пользоваться. Третий гость, Егор Иванович Орлов, с длинными темными волосами, с темной бородой, в черных очках и с очень мрачным видом. Это был сын крестьянина села Лыскова, бывший семинарист, вышедший из семинарии, ездивший работать на земле к известному профессору Петровской академии Энгельгардту, оставившему академию «по независящим обстоятельствам» и севшему на землю в своем имении в Смоленской губернии¹. Я потом подружился с Орловым. Он переживал тогда тяжелое время разочарования в революции; впоследствии он поступил в Московский университет и весь отдался науке химии, был профессором химии в Харькове. Ныне в Москве. Наконец, четвертый гость был столяр

¹ См. *Энгельгардт, Письма из деревни, 1885.*

Китаев. Он принадлежал к нижегородской народовольческой организации начала 80-х годов, возглавлявшейся А. А. Карелиным¹. Эта организация была ликвидирована жандармерией, и ее глава находился в то время в ссылке. Обломком этой организации и был столяр Китаев; в это время он был владельцем небольшой мастерской с двумя-тремя рабочими и фактически отошел от революции. После этого вечера я близко сошелся с Метлиными, а Иван Иванович стал со мной вскоре заниматься древними языками, так как Ливанский меня мало удовлетворял.

Через Метлиных я познакомился с В. Г. Короленко и А. И. Богдановичем, которых я раньше встречал в городской читальне. Короленко жил тогда только год в Нижнем по возвращении из Якутской ссылки и не стал еще центром, вокруг которого группировалась нижегородская передовая интеллигенция. Жил он тогда довольно одиноко. В одном своем письме, написанном весной 1886 г., т. е. приблизительно в то время, когда я с ним познакомился, он писал: «Нам тут живется вообще серо. Теперь же мы вдобавок проводили трех членов нашей семьи в разные стороны, а потому скучаем в усиленной степени. Нижний—город не из лучших, в смысле среды—купеческий и мало интеллигентный».

В это время он уже начинал входить в известность: ряд его рассказов—«Сон Макара», «Соколинец», «В дурном обществе», «Слепой музыкант»—был уже напечатан в журналах. Начал он и корреспондировать из местной жизни в столичных и провинциальных газетах. Короленко со мной был приветлив, расспрашивал о моих намерениях, но в высказываниях был сдержан. Это расхолаживало: мы подходили тогда к людям прямо с вопросом «что делать?», а он как-то избегал ответа на этот вопрос; в словах его чувствовался какой-то скептицизм. Познакомился я тогда и с Ангелом Ивановичем Богдановичем, петербургским студентом, высланным по народовольческому делу, но он показался мне слишком мрачным и необщительным. Как я потом узнал, он в это время переживал кризис народовольческого мировоззрения и был на грани самоубийства. Встретив его через два-три года, я нашел его совсем другим. Тогда он увлекался борьбой с местным дворянством и администрацией совместно с Короленко путем корреспонденций. Еще позже он стал редактором марксистобразного журнала в Петербурге «Мир божий», где вел публицистический отдел.

Вот эта небольшая группка и представляла тогда в Нижнем почти всех, сколько-нибудь связанных с революционным движением лиц. Вся эта группка не представляла какой-либо оформленной организации, не вела какой-либо революционной ра-

¹ А. А. Карелин был потом присяжным поверенным; во время революции 1917 г. он объявил себя анархистом и был членом ВЦИК в 1917 и 1918 гг. от анархистов-коммунистов.

боты. Это были просто люди одной идеологии, одного настроения; они часто виделись между собой, беседовали, делились новостями и слухами об аресте на границе народовольца Сергея Иванова, о процессе Лопатина и т. п. Никаких идеологических связей с окружающей средой у этой группы не было: они жили чужестранцами в своем родном городе, по выражению Чирикова (повесть «Чужестранцы»).

О таких же людях и в это же время в Казани М. Горький пишет в «Моих университетах»: «Те, кого я уважал, кому верил,—странно одиноки, чужды и—лишние среди большинства, в грязенькой и хитрой работе муравьев, строящих кучу жизни». И в другом месте («Сторож»): «Мне казалось, что интеллигенты не сознают своего одиночества в маленьком, грязном городе, где все люди чужды и враждебны им, не хотят ничего знать о Михайловском, Спенсере и нимало не интересуются вопросом о том, насколько значительна роль личности в историческом процессе».

Вышеприведенная оценка оторванности от жизни маленькой интеллигентской группки сделана была мной, конечно, впоследствии, а тогда я был в очень приподнятом настроении оттого, что мне удалось познакомиться со столь интересными людьми.

У Духовского я стал брать книги. Прочитал Лаврова «Исторические письма»; принцип отдачи долга народу укрепил мои стремления пойти в народ.

Прочитал Добролюбова и Писарева, прочитал ряд статей Чернышевского. Особенно сильное впечатление произвели его обзоры европейского революционного движения, а также его роман «Что делать?». Конечно, для того времени идеи Чернышевского о равноправии женщин, о их праве заниматься самостоятельным трудом были уже не новы. Они уже вошли до известной степени в жизнь. Идея кооперативных мастерских уже устарела. Но личность революционера Рахметова, хотя и схематично обрисованная, сны Веры Павловны, в которых начертана картина будущего коммунистического строя, и общий революционный дух, которым проникнут этот роман,—все это производило сильнейшее впечатление. Вообще авторитет Чернышевского был в то время среди революционной интеллигенции очень велик.

Прочитал I том сочинений Лассаля (издания 1872 г.). Личность Лассаля, его блестящие речи на суде увлекали. По статьям Лассаля я знакомился с немецким рабочим движением 60-х годов. Увлекался романами Шпильгагена; в его романе «Один в поле не воин» в лице Лео изображен Лассаль, его борьба с либералами, его связь с королевским двором, что казалось тогда клеветой либерала на Лассаля. В романе «Фон-Гогенштейны» изображена революция 1848 г.—разгром крестьянами дворянских замков. О революции 1848 г. я прочитал еще Иоганна Шерра «Комедия всемирной истории». С француз-

ской революцией познакомился по Минье и Луи Блану; с Парижской коммуной—по книге Ланжеле и Корье. Познакомился с несколькими работами Прудона, но он не произвел большого впечатления. Прочитал несколько русских «тенденциозных» романов: Оммулевского, Шеллера-Михайлова, Станюковича. Большое богатство хранилось в библиотеке И. В. Духовского¹. Прочитал я в это время «В чем моя вера» и «Евангелие» Льва Толстого, которые тогда ходили в гектографированном виде. Но толстовщина не затронула меня. Реакционность принципа «не противься злу насилеи» была ясно осознана. Прочитал почти все романы Золя, переведенные на русский язык, а также Виктора Гюго; особенное впечатление произвели его «Отверженные» и «93-й год». Довольно много читал Салтыкова-Щедрина. Его критика современных порядков производила впечатление, но не удовлетворяло отсутствие у него положительных идеалов, то, что он не давал ответа на вопрос—что делать. Бальзака мы тогда не читали, он не был в чести у радикальной интеллигенции, и я не прочитал тогда ни одного его романа.

Но вот пришло лето 1886 г. Я продолжал свои занятия древними языками, но занимался несколько меньше, чем зимой. Возобновил свои поездки по Волге, которую я страстно любил. Купил себе лодочку; на ней мы совершали поездки по Волге и Оке; на ночевках ловили иногда рыбу с плотов. Компанию составляли мне мои братья и соседи—два брата Капраловы. Во время ночевки заводил беседы с рыбаками, бурлаками, матросами, стремился «сблизиться с народом».

Метлины получили разрешение поступить в Ярославский юридический лицей и осенью уехали туда. Но приехали новые люди: это были исключенные из Владимирской семинарии за какой-то протест Иван Осипович Силантьев и Алексей Иванович Добронравов. Силантьев, сын крестьянина, был романтически настроенный народник, писал рассказы и лирические стихи; один его рассказ был где-то напечатан, потому он считал себя литератором из народа. Впоследствии он оказался сугубо мирным, умеренно либеральным человеком, служил в земской, потом в правительственной статистике. Его товарищ Добронравов был совсем непохож на него. Сын сельского пономаря, умершего, когда Алексей Иванович был еще мальчиком, он вырос в большой нужде; его старшая сестра вышла замуж за слесаря, и он часто жил у них и потому стал близок к рабочей среде. Это был решительный, глубоко демократически и революционно настроенный человек. После исключения из семинарии он решил поступить в университет и тоже готовился на аттестат зрелости. Он сдал его в Шуйской гимназии в 1887 г. и по-

¹ Указанные книги я прочитал за три года жизни в Нижнем-Новгороде; перечисляю их здесь, чтобы не возвращаться к этому впоследствии.

ступил в Московский университет на юридический факультет, но в том же году был исключен за участие в студенческих волнениях и опять приехал в Нижний, полный рассказами о «Брызгаловских беспорядках», а также о своих знакомствах с рабочими железнодорожных мастерских Брестской дороги, которые он завел через своего зятя, слесаря.

Вновь он поступил в Московский университет вместе со мной в 1888 г.

Силантьев и Добронравов жили вместе, обычно на каком-нибудь чердачке, почти без мебели; я с ними очень подружился. Добронравов после отъезда Метлина занимался со мной по древним языкам, и я часто бывал у них. Оба они были большими поклонниками писателя Н. Н. Златовратского, с которым они были близко знакомы по г. Владимиру. Я прочитал под их влиянием все произведения Златовратского. Думаю, что Златовратский не был правильно оценен критикой. Создалось мнение, что он «обсахаривал мужика». А между тем, его «Устои» являются реалистическим художественным произведением, в котором представлены разные слои деревни: беднота, маломощные середняки, зажиточные «хозяйственные» мужички и разные типы кулаков; представлена драматическая борьба этих групп, на которые расслоилась тогдашняя русская деревня. По силе и глубине изображения русской деревни того периода нельзя указать другое равное произведение в русской литературе.

Почти одновременно с ними приехал из Казани в Нижний А. В. Чекин. Это был активный революционный работник, приехавший в Нижний как агент революционного народнического центра, находившегося тогда в Казани. Я с ним быстро сошелся, он казался мне олицетворением идеала революционера, у которого нет никаких интересов, кроме интересов революции. Это был наиболее сохранившийся старый тип революционного народника, какого только мне пришлось встретить. Сомнения и разочарования, какие переживало большинство революционных народников, тогда еще совсем не коснулись его. «Аким Васильевич Чекин, превосходный пропагандист, человек поразительной душевной чистоты...», — так характеризовал его Максим Горький («Былое» № 32, стр. 220), участвовавший в Казани, а потом в Нижнем в кружке, которым руководил Чекин. Жил он чрезвычайно скромно, не помню, чем он зарабатывал первое время в Нижнем. Со временем, когда организовалась земская статистика, он брал оттуда работы за нищенское вознаграждение. Он был годами старше всех нас, ему было в это время двадцать семь лет, что считалось тогда очень солидным возрастом для революционера.

Чекин был сын мещанина г. Макарьева Костромской губернии. Его отец был плотовщиком, а он самоучкой подготовился в учительскую семинарию. Там вступил он в народнический кружок и был вскоре исключен из семинарии, потом ходил

в офенях, торгуя книжками по деревням и ведя пропаганду; случайно избегнув ареста, он обосновался затем в Казанской губернии в качестве сельского учителя, заводил там кружки среди крестьян и деревенской интеллигенции; за это был выгнан из учителей и жил в Казани грошевыми уроками. Он мне рассказал, что существует народническая организация, которая ведет революционную пропаганду в народе путем организации пропагандистских пунктов, в которых образуются кружки из крестьян и деревенской интеллигенции—врачей, фельдшеров, волостных писарей; иногда даже молодые попы, принимавшие ранее участие в семинарских кружках, бывают участниками этих деревенских кружков. Среди крестьян устраиваются артели. Пропаганда ведется по преимуществу устная и с помощью легальных книг, но среди более надежных людей распространяются и нелегальные брошюры, которые гектографируются и печатаются организацией¹. У Чекина всегда можно было найти нелегальные брошюры в роде «Царь-голод», «Кто чем живет», «Хитрая механика»; у него же я достал печатный сборник (без заглавия и обложки) с изложением программы социалистов-народников и с другими статьями. Сборник этот интересен для характеристики того кризиса, который переживало революционное народничество в конце 80-х годов². Ему уже чужды иллюзии об общине как основе будущего социалистического общества, он уже не отрицает начала победного шествия русского капитализма, он «целиком» признает теорию Маркса... для Запада. А какие же выводы? Вот в чем резюме этих выводов³. «В основе той программы, которая может быть названа «народнической» в широком смысле этого слова, лежит стремление обеспечить трудящейся рабочей массе, которая понимается под словом «народ», условия существования настолько полного и всестороннего, насколько это возможно на существующей ступени развития общественной жизни. Главная посылка этой программы заключается в том, что каждое поколение само по себе имеет право на возможную долю счастья и удовлетворения всех своих потребностей, и потому стремления к этой доле счастья вполне законны, *хотя бы они и замедлили окончательное разрешение*

¹ Казанская народническая организация была преемницей «чернопередельцев» начала 80-х годов. Термин «чернопередельцы» в это время уже не употреблялся: преемники их направления, которые дольше всего, повидимому, сохранились в Казани и в среднем Поволжье, назывались народниками и противопоставляли себя народолюбцам, которые главным методом своей политической работы считали в этот период террор; впрочем, только в теории, на практике же террористических актов в это время, после покушения 1 марта 1887 г., не было (исключение—покушение Мешкова-Качурихина в 1891 г. на казанского губернатора).

² Об этом сборнике см. ст. Сергиевского в «Историко-революционном сборнике», т. III, стр. 148—243, 1926 г. Там же перепечатаны основные статьи этого сборника.

³ См. указанную ст. Сергиевского, стр. 182—183.

социальных противоречий для будущих поколений» (подчеркнуто мною).

И прав т. Сергиевский в оценке этой программы. «Нужно ли говорить,—пишет он,—о том глубоком нравственном и идейном разладе, который не мог не быть у народников, теоретически принявших формулу Маркса, но не видящих иного выхода, как только безнадежная борьба с неотвратимым историческим процессом. Такой разлад предопределяет или отход от социализма и углубление в либерально-культурную работу в деревне без перспектив в более или менее отдаленном будущем, куда и отхлынула в действительности народническая интеллигенция в качестве просветителей народников или опрошенных-голостовцев, или решительный переход к социал-демократизму».

Разумеется, когда я читал этот сборник, эти мысли не приходили мне в голову, и я воспринимал его непосредственно, как последнюю мудрость революционной мысли.

Любопытно, что этих казанцев-народников за их приятие экономического учения Маркса звали даже и другие и они сами себя марксистами, но характер этого «марксизма» ясен сам собой, и когда появились на общественной арене через три-четыре года настоящие марксисты, то им пришлось жестоко бороться с этими псевдо-марксистами, о чем я расскажу ниже.

Дела свои казанская организация вела очень конспиративно, и полиции так и не удалось ее раскрыть. Об этой организации в литературе до последнего времени ничего не было, и только после опубликования в № 10 журнала «Каторга и ссылка» за 1930 г. статьи «Воспоминания из жизни народнических кружков в Казани» (1875—1892) стало известно о характере этой организации и о личном составе ее руководящего центра. Этот центр был в Казани, около него группировались кружки студентов университета, ветеринарного института, семинарии и духовной академии, была также довольно значительная группа среди офицеров. Участники кружков после окончания учебных заведений разъезжались по Поволжью и создавали на местах ячейки организации. Бывали съезды представителей местных организаций. В таком виде организация, создавшаяся в 1884 г., просуществовала до 1889 г., после которого начался ее распад; окончательно прекратила она свое существование около 1892 г. Большинство ее членов стали просто культурниками в духе либерального народничества; впоследствии, при оживлении революционного движения, распределились они по партиям эсеров, энесов и кадетов. Небольшая часть определилась уже в начале 1890-х годов как марксисты (Е. В. Барамзин и некоторые другие).

Как видно из этой статьи и из краткой автобиографии И. В. Чекина, которую он по моей просьбе прислал из Тифлиса (в 1933 г.), это та самая организация, в которой участвовал Горький, работая в булочной Деренкова и в лавке Ромаса в селе Красновидове.

В то время Чекин не назвал мне ни одного имени, ни одного пункта работы, дал только общую обрисовку задач и целей организации. Его принципом конспирации было говорить только то, что необходимо знать данному лицу для работы. Мы прозвали его в шутку «великим конспиратором». Приехав в Нижний, он стал плести сеть своей организации, заводя кружки среди интеллигенции.

Стал и я участвовать в кружках с осени этого года. Первый кружок, в котором я принял участие, образовался по моей инициативе из гимназистов и гимназисток, с которыми я познакомился в семье моего бывшего учителя А. И. Кильчевского. С его семьей я познакомился вскоре после окончания корпуса. Старшая дочь его, Ольга Агафониковна, была тогда в 7-м классе. Я с ней подружился, и дружба наша продолжалась потом много лет, хотя мы и редко виделись, до ее тяжелой болезни, а затем и смерти незадолго до войны. Из знакомых Ольги Агафониковны и образовался наш первый кружок. В него входили несколько учеников и учениц старших классов гимназии. Из членов этого кружка упомяну М. Н. Соболева, сына видного чиновника, впоследствии профессора политической экономии в Томском, потом в Харьковском университетах; при советской власти работал в Госплане, ныне (в 1936 г.) персональный пенсионер. Другой член кружка—Д. П. Рузский, впоследствии видный профессор механики и директор Киевского политехникума; далее, И. А. Базанов, сын богатого крестьянина, впоследствии тоже профессор Томского университета; А. В. Второв, сын мелкого лавочника, в будущем активный участник народовольческой организации. Слушал наши чтения и споры в кружке и младший сын Кильчевского Владимир, тогда гимназист еще 4-го класса, впоследствии кооператор-эсер, автор очень распространенных в 1905—1907 гг. полулегальных листовок: «Доходы духовенства» и «Распределение земельной собственности в России».

Начали мы чтение со статьи Добролюбова «Когда же придет настоящий день?» Революционным энтузиазмом насыщена была эта статья. Но по-разному восприняли ее члены кружка. Завязались горячие споры, которые увели нас далеко от статьи. Заспорили, что важнее и плодотворнее—легальная земская культурная деятельность или революционная работа. Я и Второв не отрицали пользы культурной работы, но выше и важнее считали революционную работу, другие, наоборот, в легальной культурнической работе видели центр своей будущей деятельности. Вообще члены нашего кружка—дети директора гимназии, крупного акцизного чиновника, деревенского кулака—склонялись больше к умеренному легальному либерализму. Меня и Второва поддерживали только Ольга Агафониковна да еще одна гимназистка из мелкой разночинной среды. Старика Кильчевского мы иногда вовлекали в наши споры, он старался «мудро» примирить спорщиков.

Кружок у Кильчевских просуществовал года полтора. Однажды Кильчевского вызвали к жандармскому генералу Познанскому или дали понять другим образом, что собрания молодежи, бывающие у него, кидают на него тень в политическом отношении. Пришлось их ликвидировать.

Еще до ликвидации этого кружка я стал принимать участие в другом кружке. Привлек меня туда Второв. В него входило человек десять, преимущественно дети мелких чиновников. По настроению он был более демократичный и революционный, чем кружок у Кильчевских. Когда я вошел в кружок, там читали и разбирали «Что такое прогресс» Михайловского. Из участников его отмечу Л. Я. Александрова, П. П. Румянцева, Е. И. Пискунова и Н. З. Васильева.

Л. Я. Александров—краснощекий, цветущий симпатичный юноша, потом активный участник студенческих организаций и волнений. Был исключен из Московского университета, кончил в Дерптском, стал там марксистом, служил потом во Владимирском земстве, принимал участие в социал-демократическом «Северном рабочем союзе», по делу которого был сослан.

П. П. Румянцев—тогда гимназист 7-го класса, с красивыми темными кудрями, был самый способный из членов кружка, выдавался своим умением говорить и спорить. Я его, впрочем, не очень любил за его самовлюбленность и рисовку. Впоследствии—литератор-большевик, в 1905 г. был членом ЦК большевиков и редактором большевистской газеты «Новая жизнь». В период реакции отошел от партии, устроился на правительственной службе, после Октябрьской революции эмигрировал и умер белоэмигрантом в Берлине.

Н. З. Васильев происходил из революционной семьи. Его старший брат, Захар Захарович, был народовольцем, жил на нелегальном положении, усиленно разыскивался полицией, но так и не был найден; о его дальнейшей судьбе не знаю. Сестра его, Анна Захаровна, была тоже народоволкой, в то время курсисткой, впоследствии учительницей. Сам Николай Захарович—очень умный и искренний человек, но выделялся уже тогда своим скептицизмом, и он вместе с своим приятелем Е. И. Пискуновым вносили своим скептицизмом некоторый диссонанс в настроение кружка. Я недолго пробыл в этом кружке, так как он распался весной по окончании курса гимназии несколькими членами кружка. С некоторыми членами кружка у меня завязались дружеские отношения, которые продолжались потом в университете.

Скажу еще здесь о моих знакомствах в это время среди народных учителей.

У Вани Грецкова, о котором я говорил в предыдущей главе, был старший брат Александр Дмитриевич—скромный, но хороший, всецело преданный своему делу учитель начального училища. Я сблизился с ним и часто бывал у него в школе, при-

сугубовал несколько раз на уроках. Я удивлялся, каких больших успехов добивается он в своей трехклассной школе, как грамотно пишут и как хорошо решают арифметические задачи его ученики, оканчивающие школу. Через него я познакомился с несколькими нижегородскими учителями начальных школ. Воспользуюсь здесь случаем, чтобы дать краткую характеристику тогдашнего народного учителя.

В 70-х годах революционные народники часто пользовались должностью народного учителя для пропаганды; в учительских семинариях было немало революционных народнических кружков, из которых выходили такие пропагандисты. В то глухое реакционное время (вторая половина 80-х годов) учительство подвергалось жестокой чистке: мало-мальски «неблагонадежные» элементы безжалостно удалялись, и встретить в это время революционно настроенного учителя было трудно. Преобладающим типом народного учителя был чистый культурник, просветитель, преданный своему делу, смотрящий на него как на миссию просвещения народа. Среди учительства был довольно заметный слой поповских дочек. Это был особый тип, выделяющийся из обычного типа учителя; о них я здесь не говорю.

Работать учителю было не легко: это был самый низший, политически и материально самый угнетенный слой разночинной интеллигенции. Особенно это относится к сельским учителям, над которыми считало своим долгом наблюдать и помыкать все деревенское начальство: инспектор народных училищ, урядник, волостной старшина, поп, попечитель школы—обычно помещик или кулак. Получал учитель 15—20 рублей в месяц, жил в одиночестве, без книг, а созовет он к себе двух-трех товарищей, его обвинят в «неблагонадежности». Учить его заставляют только технике грамоты и счета, даже объяснительное чтение по хрестоматии преследуется.

И вот при таких условиях народные учителя все же несли свое нелегкое бремя и способствовали по мере сил просвещению и подъему культуры среди городского населения и крестьянства.

В последующий период политического оживления, в 90-х и 900-х годах, народные учителя политически активизировались, создавали профессионально-политические организации, но об этом я скажу в свое время.

ГЛАВА V

Новые люди. Видимость оживления революционного подполья

Студенческие волнения и демонстрации в университетских городах имели всегда результатом наплыв высланных участников их в Нижний. Так, после демонстрации в память двадцатипятилетия смерти Добролюбова из Петербурга в ноябре 1886 г.

выслали в Нижний несколько человек. После больших арестов петербургских студентов, последовавших за покушением на Александра III 1 марта 1887 г., приехали несколько петербургских студентов.

Особенно много высланных приехало в Нижний после студенческих волнений, которые охватили несколько русских университетов в декабре 1887 г. Среди высланных преобладали студенты-казанцы; было их человек 15—20—молодая жизнерадостная революционно настроенная публика. Из них помню двух братьев Кларков, двух братьев Севастьяновых, Станкевича, Знаменского. Нижегородское подполье оживилось. Начались оживленные собрания с горячими спорами между народовольцами и народниками. В Казанском университете, повидимому, дольше, чем в других центрах, сохранились упомянутые довольно определенно обособленные фракции. Сильнее была представлена фракция народников, имевшая в Казани свою старую оформленную организацию, о чем я уже выше упоминал. Народники группировались около Чекина, а народовольцы вокруг Станкевича и В. И. Кларка. Старые наши кружки перегруппировались; некоторые члены кружков пошли к народовольцам, другие к народникам. Я бывал и в кружке Станкевича и в кружке Чекина.

В кружке Чекина занятия шли по обширной программе.

Вот приблизительно первый цикл этой программы, разделенной на две части: политико-экономическую и изучение русской действительности.

По первой части читали следующие книги: 1) *Иванюков*, «Краткий курс политической экономии», 2) *Его же*, «Основы экономической политики от Адама Смита до нашего времени», 3) «Политическая экономия Миля с примечаниями Чернышевского», 4) *Шеффле*, «Сущность социализма», 5) *Лассаль*, «Речи и статьи». 6) *Маркс*, «Манифест коммунистической партии».

По второй части: 1) *Головачев*, «Десять лет реформ», 2) *Коркунов*, «Русское государственное право», 3) *Ефименко*, «Обычное право», 4) *Пругавин*, «Журнальные статьи о русских сектах», 5) *Лохвицкий*, «Обзор современных конституций».

У народовольцев читали *Лаврова* «Исторические письма» и *Михайловского* «Что такое прогресс», «Историю французской революции», статьи из журнала «Дело» за 1881 г. Льва Тихомирова (под псевдонимом Кольцов) и Русанова (не помню псевдонима).

Первый доказывал, что главным фактором человеческой истории является политический фактор, а Русанов доказывал, что экономический. Народовольцы полагали, что Тихомиров правильнее решает вопрос. При занятиях в кружках и при индивидуальном чтении рекомендовалось пользоваться также популярными тогда указателями систематического чтения: один

изд. Распопова, Одесса, другой изданный в Челябинске в 1883 г.; оба указателя были в числе запрещенных книг.

Кружки конспирировали друг от друга, между ними были некоторые элементы фракционной вражды. Я не считал себя фракционно определившимся. Я тогда думал, что систематическая пропаганда в народе, которую вели народники, необходима: без поддержки широких слоев народа успешная революция невозможна, но, с другой стороны, и террористические акты я считал полезными для устранения и для устрашения правительства и для агитационных целей. Впрочем, не я один был вне фракций; фракционность наблюдалась преимущественно только среди казанцев.

Временами вся колония¹ без различия фракций собиралась вместе по какому-нибудь случаю. Помню такое собрание по случаю встречи нового года (1888) в квартире супругов Знаменских и около этого же времени другое собрание по случаю приезда Е. Н. Чирикова и чтения им своей «Оды Александру III», за которую он сидел в тюрьме в Казани, а теперь до решения дела был выпущен из тюрьмы и выслан в Нижний. В обоих случаях собиралось человек тридцать—тридцать пять. Получилась видимость оживления революционного движения, особенно по сравнению с тем, что было в Нижнем два года назад. Я высказал эту мысль одной народоволке, возвратившейся из сибирской ссылки (не помню ее фамилии). Она мне сказала, что, по ее мнению, старые направления уже мертвы, что она тогда скажет, что народилось что-то новое, когда придут новые люди и скажут гордо нам, старикам: вы уже отжили и никуда не годитесь, а вот мы несем в жизнь новую истину, которая победит. И она была права: это не было еще оживление, это были последние вспышки замиравшего народнического движения. И действительно, через несколько месяцев это оживление спало.

Настоящего оживления революционного движения пришлось ждать еще несколько лет.

Между тем, приближалось время моего экзамена. Занятия мои по древним языкам значительно продвинулись вперед. Я уже начинал довольно свободно читать латинских и греческих классиков и начал даже увлекаться этим чтением.

Но надо сдавать экзамен. Возник вопрос, где сдавать. В Нижегородской гимназии в течение ряда лет всех экстернов проваливали. Добронравов в прошлом году один из семи державших выдержал при Шуйской гимназии, и он советовал мне держать при этой гимназии. Я на это тем охотнее пошел, что в последнее время в Нижнем мне стало трудно заниматься: развелось много

¹ Я употребляю здесь слово «колония», но термин этот не употреблялся тогда среди нижегородского подполья; он употреблялся только в ссылке в Сибири и на севере, но по существу группа нижегородских политиков местных и высланных представляла собой такую же «колонию», как и сибирские ссыльные.

знакомых, которые часто заходили, особенно высланные безработные, и мешали заниматься. Было много собраний, кружков и т. п. Словом, как теперь бы сказали, общественная работа моя шла в ущерб учебе. И я поехал месяца на полтора перед экзаменами в Шую, где у меня не было ни одного знакомого, чтобы целиком отдаться подготовке к экзаменам.

Шуйская гимназия была небольшая: кончало всего восемь учеников и два экстерна—я и еще один без древних языков. Начались экзамены. На первом экзамене, в письменной работе—переводе с русского на латинский (extemporalia)—я сделал одну ошибку: вместо сослагательного наклонения употребил изъявительное; это с моей стороны была простая описка, одно наклонение от другого отличалось только одной буквой. И вот за опущение этой одной буквы я получил двойку, что почти определяло провал всех моих трудов за два с половиной года. Но вывезли другие предметы и четверка по устному латинскому; по греческому я получил четверку, по математике и другим предметам—пятерки. И вот я признан достойным получить аттестат зрелости—предмет больших и долгих трудов. Отпраздновав получение аттестата веселой попойкой с шуянами, я поехал в Нижний.

Это лето мы жили на даче на Волге, в сорока семи верстах ниже Нижнего, в селе Кадницах.

Кадницы населены сплошь волгярами, которые в качестве штурвальных и лоцманов работали на пароходах; землю свою они сдавали окрестным крестьянам, а на огородах работали исключительно женщины. Жили очень зажиточно.

Лето быстро промелькнуло, и я стал собираться в Москву—в университет на медицинский факультет. В последнее время у меня был большой соблазн поступить на историко-филологический факультет, так как я много читал по истории, да и чтение латинских и греческих классиков в подлинниках втягивало в изучение истории. Но мои народнические взгляды и устремления еще были сильны, и я решил поступить все же на медицинский факультет.

ГЛАВА VI

В Московском университете. На первом курсе. Апогей реакции. Встречи с Заичневским

С большими надеждами ехал я в Москву в университет. Думалось, что в большом университетском городе идейная и революционная жизнь должна идти живее, чем в нашем провинциальном городе. Но действительность в первое время сильно разочаровала меня... Приехав в Москву, мы, группа студентов-нижегородцев в восемь человек, поселились вместе «коммуной».

В «коммуне» жили два студента 2-го курса—Второв и Александров и шесть студентов-первокурсников—Пискунов, Васильев и др. Жили в центре студенческого квартала, в районе Бронных улиц и Козихинских переулков; весь этот район носил название «Козихи»¹. Быстро вошли в студенческую жизнь. Что представляла она в этот год?

Студенческая жизнь после декабрьских «беспорядков» прошлого, 1887 года, результатом которых всегда бывали исключения и высылка наиболее активных элементов студенчества, пережила период затишья, реакции.

Да и вообще в России политическая и общественная реакция дошла в этом году до своего апогея. Силы революции были разбиты, неудача 1 марта 1887 г. и последовавшие за ним репрессии еще более придавили общественное настроение. Правительство торжествовало свою победу. В официальном отчете о революционном движении читаем: «Становилось очевидным, что к началу 1888 г. революционная партия подверглась жестокому кризису и находилась в полном расстройстве». А осенью этого же года идейный вождь народовольцев Лев Тихомиров издает в Париже брошюру «Почему я перестал быть революционером», пишет царю о своем раскаянии и просит разрешения вернуться на родину, после чего переходит в лагерь крайней реакции—в редакцию «Московских ведомостей». Большой разброд и смущение произвело это событие и в без того разрозненных кругах русских революционеров. Частым явлением стал в этот период отход не только старых революционеров от революции, но и либералов от либерализма. «Поумнел»—вот ходовое выражение для этих отходящих. Литература того времени полна картинами этого разброда и отхода размагниченного интеллигента от революции, от прогрессивного общественного движения. Особенно яркое отражение нашел этот процесс в сказках Салтыкова-Щедрина «Либерал», «Премудрый пискарь» и др., в романах Боборыкина «Поумнел», «На ущербе», в повестях Чехова «Скучная история», «Хмурые люди», «Госка», в его пьесе «Иванов». Надсон написал стихотворение «Нет, я больше не верую в ваш идеал и вперед я гляжу равнодушно»; вскоре он умер от злейшей чахотки. Гаршин написал символические рассказы «Красный цветок» и «Attalea princeps»; в последнем он изобразил растущую в оранжерее пальму, тянущуюся к свету, к солнцу, своим ростом разбивающую стеклянную крышу оранжереи и гибнущую от мороза; автор вскоре покончил самоубийством. Щедрин умирал в одиночестве и

- «Есть в столице Москве
Один шумный квартал,
Он Козихой Большой
Прозывается.

От зари до зари,
Лишь зажгут фонари,
Там студенты толпами
Шатаются».

(Из студенческой песни.)

писал свои скорбные статьи «Приключение с Крамольниковым», «Забывшие слова» и «Имя рек умирает». Писатель Николай Успенский зарезался на Смоленском рынке, а Глеб Успенский начинал сходить с ума. Лев Толстой выступил с проповедью опрошения, непротivления злу насилем.

Журнальная и газетная литература после закрытия в 1884 г. радикально-народнических «Дела» и «Отечественных записок» влачила жалкое существование, окрасившись в цвет мешанского радикализма и грошевого оппортунизма, как это характеризовал Ленин в «Друзьях народа».

Эта политическая и общественная реакция отразилась и на студенчестве. Среди него господствующим настроением в это время был аполитизм, скептическое отношение к революционным программам.

«Без догмата» был лозунг многих молодых студентов того времени. Увлекались стихами Бодлера («Цветы зла»), появившимися около этого времени русскими символистами и декадентами—Мережковским, Фофановым, Минским («Я цепи старые свергаю, молитвы новые пою»), романом Бурже «Ученик», в котором тоже выведен человек без моральных принципов, романом Сенкевича «Без догмата», Флобером.

Студенты-радикалы, как тогда называли революционно настроенных студентов, были в этом году в ничтожном меньшинстве, разрознены, без объединяющей и захватывающей идеологии: старая народническая идеология явно отмирала. Ликвидаторские настроения, как это называлось позже, отразились и на нашей «коммуне». Проводником этих настроений был студент-филолог 3-го курса Василий Иванович Ашмарин. Он был родом из глухой тогда Чувашии, из г. Курмыша, окончил Нижегородскую гимназию. В вопросах общественности, морали он был полный отрицатель, приверженец принципа «ничто не запрещено, все позволено», первый ницшеанец, которого я встретил. Это в теории, а на практике это был чуткий, отзывчивый человек, готовый всегда прийти на помощь товарищу. Резкой критике подвергал он теории прогресса Лаврова, Михайловского, увлекался Бурже, Бодлером, декадентами.

Ашмарин умер совсем молодым от диабета.

Надо сказать, что и на всех нас общая атмосфера этого года влияла и толкала к переоценке ценностей. Только один А. В. Второв был непоколебим в своих народолюбческих убеждениях, хотя нередко стал он запивать, что служило у него признаком тяжелого настроения, неудовлетворенности. Еще из таких стойких могу отметить А. И. Добронравова, который вновь был принят в университет на юридический факультет; жил он у своей сестры и зятя, рабочего Брестских железнодорожных мастерских. С ним я побывал раза два у писателя Н. Н. Златовратского, который жил тогда в Москве на Патриарших прудах. Златовратский производил обаятельное впечатление искреннего

народника-романтика, несколько путаного в своих воззрениях, но глубоко верившего в конечную победу народной крестьянской революции и торжество народнических идеалов. У него познакомился с несколькими рабочими тех же Брестских мастерских: Лазаревым, написавшим несколько рассказов из рабочего быта, которые были напечатаны, кажется, в «Русском богатстве», Серовым, Нуждиным, Камневым. Беседовали с рабочими, пили чай, и на этом как-то все кончалось.

На журфиксах у Златовратского вообще бывало много публики. Там я встречал В. А. Гольцева—редактора «Русской мысли», главу тогдашних московских либералов, А. С. Пругавина—исследователя русского раскола и сектантства, В. Ф. Орлова—бывшего нечаевца, тогда толстовца. Толстовцев вообще бывало у Златовратского немало, бывал и сам Лев Толстой, но мне его встретить не удалось. Беседы иногда бывали шумные, но беспорядочные.

Из студентов-радикалов познакомился я с несколькими сибиряками—Сапожниковым, Антоновичем, братьями Кусковыми, Яновским. Среди сибиряков встречались тогда более определенно революционно настроенные студенты; они воспитывались у себя в Сибири в кружках под руководством политических ссыльных. Сибирское землячество считалось наиболее радикальным.

Но вообще-то землячества в этом году влачили довольно жалкое существование. Нижегородское землячество после «беспорядков» раскололось. Одна часть, консервативная, как мы ее называли, хотела ограничить деятельность землячества только взаимопомощью, другая, радикальная часть, считала это сужением задач землячества и полагала, что землячество часть своих средств должно направлять на помощь политическим ссыльным и заключенным, активно участвовать в студенческой общественной жизни.

В консервативную фракцию землячества вошли М. Н. Соболев и И. А. Базанов из кружка у Кильчевских, в нее же входили и Н. А. Рожков (потом русский историк, бывший одно время социал-демократом большевиком, а после революции 1905—1907 гг.—меньшевик). Наша «коммуна» целиком вошла в радикальную часть землячества. Союза землячеств в этом году не существовало, по крайней мере он ничем себя не проявлял.

Для характеристики того времени могу сказать, что за первый год моей жизни в Москве я не видел ни одного нелегального издания; все мои поиски какой-либо революционной организации были тщетны.

В этом году посетил Московский университет министр народного просвещения Делянов, который пользовался общей ненавистью студенчества. При нем в 1885 г. был введен новый реакционный университетский устав, повышена плата за учение с 25 до 100 рублей в год, и недавно, в 1887 г., после 1 марта,

он выпустил циркуляр, затрудняющий доступ в гимназии лиц «низших» сословий: была в гимназиях увеличена плата за учение, введена норма для евреев, разрешено принимать только таких детей, которые «находятся на попечении лиц, могущих предоставить им необходимые для занятий удобства». Министр в своем докладе царю выразил уверенность, что «при соблюдении этих правил гимназии освободятся от поступления в них детей кучеров, лакеев, поваров, прачек, мелких лавочников и подобных людей, детям коих вовсе не следует стремиться к среднему и высшему образованию». По случаю его приезда студенты хотели устроить ему какую-нибудь враждебную демонстрацию. Но поговорили в кулуарах между лекциями, пустили по аудиториям писанные рукой листочки и этим ограничились: не созрело пока настроение для общих выступлений.

Я упомянул выше о «кухаркиных детях», кстати скажу здесь о социальном составе тогдашнего студенчества. Преобладающим типом были разночинцы, дети мелких и средних чиновников, земских и городских служащих, мелкого и среднего купечества, редко из духовного звания. Дети высших слоев, крупного чиновничества и дворянства, шли больше в Царско-сельский лицей, в лицей «наследника-цесаревича» в Москве, в училище правоведения, но были и в университете, хотя и в небольшом количестве. Держались они обыкновенно своей компанией, в землячествах не участвовали, отличались и своей одеждой: носили так называемые николаевские шинели, сюртуки на белой шелковой подкладке («белоподкладочники»), мундиры с золотым галуном¹. Прожиточный минимум для студента был 20 рублей в месяц. Получавшие 25 рублей и более жили уже недурно, и таких было не очень много; получавшие 20 рублей (таких было большинство) жили кое-как, едва сводя концы с концами; получавшие меньше жили плохо. Достать уроки или другие занятия в Москве было нелегко, стипендии назначались преимущественно с 3-го курса. Такие студенты ютились в углах или жили в бесплатном Ляпинском общежитии; о нем скажу ниже. Существовало общество пособия недостаточным студентам, которое вносило плату или часть платы за учение недостаточных студентов, платило за обеды в Ляпинскую столовую, а впоследствии открыло свою столовую на Бронной. Но средства общества были невелики, и оно не могло удовлетворить всех желающих. Давало оно помощь разнообразно, с условием возврата, хотя бы после окончания университета,

¹ Статистические данные, хотя и относящиеся к более позднему времени, подтверждают мои наблюдения. В. И. Орлов в статье в журнале «Классовая борьба» № 7—8 за 1934 г. приводит такие данные о составе московского студенчества за 1904 г.: 20,6% — сыновья мелких и средних чиновников, 18,8% — мещан, 16,9% — купцов и почетных граждан, 5,7% — крестьян, 4,9% — духовного звания, 2,6% — дети лиц свободных профессий, 1,7% — дети мелких и средних офицеров, 16,4% — дворян, из них две трети были дети земских служащих или лиц свободных профессий.

но возврат ссуд поступал очень туго. Оказывали некоторую помощь и землячества, но средства у них были ничтожные. Немало студентов исключалось за невзнос платы.

Вспоминая о первом годе университетской жизни, не могу не вспомнить о посещениях Третьяковской галереи. Студенчество того времени очень любило и ценило Третьяковскую галерею, бывшую тогда еще частной собственностью ее собирателя, московского купца П. М. Третьякова. Помню то громадное впечатление, которое произвела на меня в первое мое посещение эта галерея вообще и некоторые картины в особенности. Наибольшее впечатление произвели картины Репина—Бурлаки, Крестный ход, Арест пропагандиста, Возвращение ссыльного, Убийство Иваном Грозным своего сына; картины Перова—Суд Пугачева, Крестный ход на Пасхе; Сурикова—Казнь стрельцов, Боярыня Морозова; и всего сильнее запечатлелись противобоевые картины Верещагина—Раненый, Панихида, На Шипке все спокойно, Апофеоз войны¹. Много раз после этого я посещал эту галерею вплоть до настоящего времени (1936 г.), и каждый раз эта замечательная галерея радовала и волновала меня.

Картины этой галереи сильно действовали на ряд поколений в революционном, антимилитаристическом и антирелигиозном направлении. Так они действовали на нас, так оценивали их воздействие критики того времени, как консервативные, так и радикальные.

Увлекалось студенчество и театром. Тогда в Москве было только три постоянных театра: «Императорские»—Большой и Малый—и только что открывшийся первый частный театр Корша в Богословском переулке; открылся было еще один на средства какого-то мецената—театр драматической артистки Горовой, но вскоре закрылся.

Я не был записным театралом, поэтому у меня сохранилось сравнительно мало театральных воспоминаний. Скажу только, что Большой театр был недурно поставлен. Были хорошие силы: бас Трезвинский, баритон Хохлов, тенора Преображенский и Кошиц. Шли оперы: из русских—«Жизнь за царя», «Князь Игорь», «Руслан и Людмила», «Майская ночь», «Демон», «Русалка», «Евгений Онегин», «Пиковая дама»; из иностранных—«Лоэнгрин», «Тангейзер», «Пророк», «Гугеноты», «Роберт-Дьявол», «Фауст», «Риголетто», «Африканка», «Трубадур», «Травиата».

Беликим постом, когда театральные представления на русском языке не разрешались, в Москву на гастроли приезжала итальянская опера. Помню, в один год приехали сразу две

¹ Не ручаюсь, что все перечисленные картины были уже в Третьяковской галерее во время моего первого посещения галереи в зиму 1888/89 г. Может быть, некоторые из них я видал в последующие посещения, но это не меняет существа дела.

итальянские оперы. Одна во главе с мировыми тогдашними знаменитостями—тенором Мадзини и певицей Марчеллой Зембрих; другая—во главе с солистом «его величества» Н. Н. Фигнером (братом В. Н. Фигнер, которая тогда отсиживала свою бессрочную каторгу в Шлиссельбурге) и певицей Ванзанд. Приезжали еще на гастроли тогдашние знаменитости—тенор Томаньо и певица Альма Фострем.

Любимцем московской интеллигенции и студенчества был Малый театр. Там в это время играли две знаменитые артистки—Федотова и Ермолова. Более совершенной, более впечатляющей игры мне не приходилось видеть. Из актеров выделялись Горев и Южин. Шли русские пьесы «Ревизор», «Горе от ума», пьесы Островского, Шпажинского, Потехина; из иностранных помню Шиллера «Дон Карлос» и «Мария Стюарт», Гете «Эгмонт», Шекспира «Отелло». Студенты обычно заполняли верхние места и своим отношением к пьесе и актерам определяли их успех или провал.

В театре Корша шли современные бытовые пьесы и новые иностранные; помню, между прочим, постановку пьесы «Ученик», переделку из романа Бурже под тем же заглавием. Театральная культура Москвы и тогда была на высоком уровне.

На рождественские каникулы, которые продолжались целый месяц, с 20 декабря по 20 января, я уехал в Нижний. Там я достал недавно вышедшую за границей брошюру Льва Тихомирова «Почему я перестал быть революционером». Тяжело она на меня подействовала. Думалось, если вождь народолюбчества, который знал и испытал всесторонне условия борьбы с самодержавием, теперь разочаровался в успехе этой борьбы и пошел на примирение с самодержавием, то где же эти силы, которые могли бы вновь начать с ним более успешную борьбу. То, что я видел в Москве, те ликвидаторские настроения, которые захватили большую часть студенческой молодежи, действовали удручающе. Тяжелые сомнения овладевали мной... Но жизнь шла своим чередом.

Вскоре после возвращения в Москву у меня произошла интересная встреча, выделившаяся ярким пятном на фоне безвременья этого года.

Был у меня знакомый в Москве солдат А. И. Орлов, брат моего нижегородского приятеля Е. И. Орлова, отбывавший воинскую повинность в Москве в Хамовнических казармах. Раньше он был земским статистиком в Курской губернии. Однажды приходит он в нашу «коммуну» и предлагает мне и Пискунову пойти познакомиться с приехавшим на короткое время в Москву его знакомым, старым революционером—якобинцем П. Г. Заичневским. Разумеется, мы с радостью согласились.

Петр Григорьевич Заичневский—автор знаменитой прокламации «Молодая Россия», вышедшей в Москве в 1862 г.,

в начале 60-х годов студент Московского университета, стоял вместе с Аргиропуло во главе революционно-социалистического кружка, который печатал и распространял запрещенные сочинения (Герцена, Фейербаха, Бюхнера и др.). Была выпущена и вышеупомянутая прокламация. За это Заичневский был осужден на каторгу («дело 27-ми»). Отбыв каторгу и поселение, он через десять лет возвратился на родину, но потом был снова арестован и сослан. Возвратившись из второй ссылки, он жил в Орле и продолжал революционную работу, создавая новую заговорщицкую организацию и подбирая для нее членов в Москве, Орле, Курске, Смоленске. Для этой цели он приехал в Москву в феврале 1889 г.

Мы пришли к Заичневскому в номер гостиницы «Торговое подворье» на Никольской. Там мы встретили кроме него М. П. Ясенева (потом по мужу Голубеву), его ученицу и активную участницу возглавляемой им организации, впоследствии большевичку, умершую в 1936 г. Заичневский произвел на меня сильное впечатление. Подумать только: перед нами был революционер начала 60-х годов, современник Чернышевского, бывший вместе с ним на каторге. Он имел очень импозантный вид: высокий, с красивой седеющей шевелюрой. Расспрашивал он нас о студенческих настроениях, изъявил желание посетить нашу «коммуну». На другой день мы пригласили к себе еще несколько человек. Собралось человек двенадцать-пятнадцать, пришел Заичневский. Он был «в ударе», много и с подъемом говорил. Рассказывал о своей деятельности в 1861—1862 гг., сказал, что он автор прокламации «Молодая Россия», и прочитал ее наизусть. Заявил, что он и теперь держится тех же взглядов: надо создать крепкую, строго централизованную революционную организацию из передовой интеллигенции и военных. Эта организация должна поставить себе целью при подходящих условиях захват государственной власти и создание временного революционного правительства, которое немедленно должно провести революционные меры: передать землю крестьянским общинам, а фабрики, заводы и торговые предприятия—государству, и только после этого можно созвать учредительное собрание, в которое отнюдь не следует допускать приверженцев старого порядка. Эту ошибку—ожидания реформ от учредительного собрания, сказал он, допустило временное правительство во время Французской революции 1848 г. Мы не должны повторять этой ошибки. Действовать при перевороте надо решительно и беспощадно по отношению к врагам; образцом при этом надо взять террор якобинцев 1793 г., но еще в более усиленной мере. Свое направление он называл якобинством. Мы спросили его, как он относится к «Народной воле». Он ответил, что он не примкнул к этой партии, потому что коренным образом расходился с нею во взглядах на индивидуальный террор, который больше дезорганизует не правительство, а са-

мую революционную партию, которая его применяет. Он рассказывал нам еще о Чернышевском, которого встретил на торге; он его очень высоко ценил. Из русских революционеров он высоко ставил еще Ткачева, которого считал своим единомышленником; из европейских революционеров выше всех ставил Бланки. Мы прослушали его речь с огромным вниманием и долго были под ее впечатлением.

Через некоторое время Заичневский приехал еще раз в Москву. Я его видел и на этот раз познакомился у него с курсисткой Романовой, ее братом, московским юнкером, и еще с одним его товарищем. Заичневский рекомендовал мне поддерживать связь с кружком юнкеров через Романову.

После отъезда Заичневского я познакомился еще с несколькими лицами из его группы: с кружком юнкеров из Алексеевского юнкерского училища, с Леонидом Петровичем Арцыбушевым—служащим в каком-то коммерческом деле, великим фантазером; у него был брат, Василий Петрович, друг Заичневского, впоследствии известный социал-демократ большевик, умерший в Уфе в первые дни после Февральской революции; я много слышал о нем как о выдающемся революционере, но мне не пришлось лично встретиться с ним. Познакомился еще с сестрами Русановыми; они были из Орла, родины Заичневского, и в их семье был настоящий культ Заичневского. Их брат Русанов был в это время эмигрантом-народовольцем, в свое время тоже был «якобинцем». Бывал я несколько раз у Орлова и его товарища Троеперстова в Хамовнических казармах. Покупали ведро пива и подолгу, до поздней ночи, беседовали за пивом в помещении «писарской команды» с писарями, товарищами Орлова по службе. Но как-то ничего определенного не получилось из этих бесед.

Идеи Заичневского, его стройная схема создания централизованной революционной партии, захват власти, социалистический переворот—все это было грандиозно. Но где реальные силы для этого? Юнкера, Арцыбушев, сестры Русановы, да и вся студенческая молодежь того времени не очень импонировали и казались мало пригодными для такого великого дела, и закрадывалось сомнение в реальности надежд на успешную революцию, опираясь на эти силы... Я поддерживал связь с группой, но не примкнул к ней всецело, не считал себя ее членом.

Начинания Заичневского и на этот раз окончились быстрым и полным провалом. Этой же весной, в мае, перед моим отъездом в Нижний на каникулы, ко мне зашел Орлов и сообщил, что арестован Заичневский и много других лиц, возможно, что меня и Пискунова вызовут на допрос, и он нам дал совет, что показывать на допросе: признать случайное знакомство с Заичневским через Орлова, но отрицать конспиративный характер этого знакомства. Подавленный этим известием, я уехал в Нижний...

Отмечу еще, что многие заичневцы впоследствии сделали большевиками. Я уже упоминал о двух—В. П. Арцыбушеве и М. П. Ясеновой-Голубевой, упомяну еще об А. И. Орлове, который тоже впоследствии стал большевиком и умер как герой, расстрелянный белыми 28 апреля 1918 г. вместе со всем отрядом красных казаков, вышедших из Ростова-на-Дону в экспедицию под командой казака Подтелкова против белых казаков. Эта казнь описана во втором томе романа Шолохова «Тихий Дон», где приведен полный список всех расстрелянных и повешенных в этот день. Там значится и фамилия старого большевика Орлова, ошибочно названного не Александром, а Алексеем. Романовы, брат и сестра, тоже впоследствии стали социал-демократами, не знаю только, были ли они большевиками.

Оценивая теперь ретроспективно идеи Заичневского, полагаю, что в них следует признать отражение идей крестьянской революции, в них было то здоровое революционно-демократическое ядро, о котором Ленин говорил такими словами: «марксисты должны заботливо выделять из шелухи народнических утопий здоровое и ценное ядро искреннего, решительного, боевого демократизма крестьянских масс... Когда-нибудь историки изучат систематически это стремление и проследят связь его с тем, что получило название «большевизма» в первое десятилетие XX века»¹.

Интересно отметить, что Ленин в самарский период своей жизни был ознакомлен с идеями Заичневского М. Б. Ясеновой-Голубевой, тогда правоверной его ученицей².

А вот как отнеслись к Заичневскому основоположники научного социализма. В брошюре, написанной Энгельсом и Лафаргом при участии Маркса «L'alliance de la Democratie socialiste», вышедшей в 1873 г., они назвали прокламацию Заичневского «Молодая Россия» манифестом русской радикальной партии и отметили, что «этот манифест давал точный и ясный ответ о внутреннем положении страны, состоянии различных партий, о положении печати и, провозглашая коммунизм, признавал необходимость социальной революции»³.

На этом я заканчиваю описание общественно-политической жизни студенчества на 1-м курсе. Расскажу теперь об академических занятиях на первых двух курсах медицинского факультета.

¹ Ленин, Соч., т. XVI, стр. 166.

² См. журнал «Старый большевик» № 5 (8), 1933 г.

³ См. Б. П. Козьмин, П. Г. Зайчевский и Молодая Россия, изд. Политкаторжан, 1932 г., стр. 127—128.

Академические занятия на первых двух курсах медицинского факультета

По приезде в Москву осенью 1888 г. облеклись мы в студенческую форму и пошли в университет на Моховой. Неприятно было облекаться опять в форму, которую я с таким удовольствием скинул три года назад. Форма в университетах была введена по уставу 1884 г.; до этого студенты с 1863 г. не носили формы. Вводилась форма постепенно, только для вновь поступающих, так что студенты, поступившие в университет до 1885 г., ходили в партикулярном платье. В этот год только студенты-медики 5-го курса пользовались этой привилегией. Приятно было видеть старого студента в плеле, с длинными волосами, последних «нигилистов» уходящей эпохи. За порядками в университете и поведением студентов наблюдал инспектор студентов, от него же в значительной степени зависели назначение стипендий и освобождение от платы. Внешняя строгость режима в этом году была, по свидетельству старых студентов, заметно смягчена после пощечины инспектору Брызгалову в прошлом году и последовавших за этим волнений и ухода Брызгалова. Заменивший его С. В. Добров был совсем другим человеком—тактичным, старавшимся ладить со студентами, не связанный с охранкой, по крайней мере столь открыто и цинично, как это было при Брызгалове. На каждом факультете в помощь инспектору был субинспектор, и на каждом курсе—педель. Педель отмечал посещение лекций, которое по новому уставу было обязательным, но правило это не соблюдалось строго, и на юридическом факультете, например, посещение лекций было очень слабое. Медики посещали лекции более аккуратно, но тоже не всех профессоров. Педеля наблюдали также за соблюдением формы, за малейшее нарушение которой они тащили студента к субинспектору для воздействия, но главной задачей их было наблюдать за тем, чтобы студенты не устраивали сходок и совещаний. Они были связаны с охранкой и давали, повидимому, туда характеристики студентов, чем-либо выдававшихся по своей общественной активности. По виду педеля были похожи на жандармских унтерофицеров или тюремных надзирателей—препротивные типы.

Учились мы в университете как «отдельные посетители», выражаясь тогдашним официальным языком. Никаких признаков корпоративности не оставил новый устав, но старосты на курсах терпелись и до известной степени признавались администрацией. Через них студенты входили в сношения с профессорами о порядке занятий, о распределении студентов по группам для практических занятий и т. п. На нашем курсе старостой сразу же был выбран Илья Сергеевич Вегер, впоследствии вид-

ный большевик и ответственный работник, здравствующий до сего дня (1936 г.). Он был уже тогда «старый студент», с большой бородой, исключавшийся ранее за «беспорядки» и вновь принятый на 1-й курс. Он был женат, что было исключительной редкостью в то время; для женитьбы студенту надо было получить особое разрешение, кажется, попечителя округа. Вегер пробыл у нас старостой почти два года, до нового исключения из университета за участие в «беспорядках» 1890 г.

В академическом отношении Московский университет переживал или, вернее, доживал свой «золотой век». Профессора, выдвинутые эпохой реформ 60-х годов, внесли обновление в старые университеты, и это обновление к 80-м годам достигло своего расцвета. Правда, со второй половины 80-х годов под влиянием усиливающейся реакции и рожденного ею нового устава 1884 г. этот «золотой век» был уже на ущербе: появились признаки упадка, усиливавшиеся в последующие годы.

Я буду говорить здесь более подробно о медицинском факультете, о других факультетах буду касаться лишь мимоходом и, прежде всего, обрисую академическую учёбу на двух первых курсах.

Итак, мы, двести пятьдесят поступивших студентов-медиков¹, приступили к занятиям.

Главным предметом на первых двух курсах была анатомия. Профессором анатомии был Д. Н. Зернов, большой знаток предмета и хороший лектор. По его учебнику анатомии учились много поколений студентов-медиков. Он считался либералом, что проявлялось, между прочим, в том, что он на торжественных актах в университете никогда не появлялся в мундире, а всегда в черном сюртуке, без всяких лент и орденов. Более существенно было то, что во время студенческих волнений первые сходки обыкновенно собирались в анатомическом театре, очевидно, потому, что Зернов не доносил о них полиции. Базой занятий по анатомии был анатомический театр, в котором за два года мы, группами по восьми человек, должны были отработать четыре трупа (по мышцам и связкам, по внутренностям, по сосудам, по нервам) и сдать по ним зачеты. Этими занятиями руководил прозектор Тихомиров, образованный и высоко культурный человек, впоследствии профессор анатомии, кажется, в Казанском университете. Он требовал детальных знаний и четкой отработки трупа. Анатомия в общем проходила очень основательно.

¹ На медицинском факультете было около 1 200 студентов, а общее число студентов в университете в это время было около 3½ тысяч. Главная масса была на юридическом факультете, физико-математический (с естественным отделением) и историко-филологический были малочисленны. Общее число студентов в Москве было не более (скорее, менее) 5 тысяч. Кроме университета, высших учебных заведений в Москве было только два: Петровская академия и Высшее техническое училище. В настоящее время в Москве студентов насчитывается до 90 тысяч!

Нельзя этого было сказать о физиологии, которая не менее важна для врача, чем анатомия. Преподавал ее у нас прозектор Мороховец за вакантностью этой кафедры. Лекции читал он небрежно, несерьезно, пересыпая их пустыми анекдотами. В результате этот важный предмет не усваивался в должной мере. Не было и хорошего учебника по нему. Наши ближайшие преемники были более счастливы, чем мы: в Московский университет перешел из Петербурга знаменитый И. М. Сеченов. Я слушал несколько его лекций. Они отличались от лекций Мороховца, как небо от земли. Его книгу «Рефлексы головного мозга» мы усердно читали. Физику блестяще читал европейски известный А. Г. Столетов, славившийся своей строгостью на экзаменах. Зоолог профессор А. П. Богданов, дарвинист, вел преподавание на принципиальной высоте, особенно он развертывался у естественников, у которых курс зоологии был значительно больше. Ботанику у медиков преподавал профессор Горожанкин—живо, но трафаретно, да и курс ее был небольшой. Несколько раз я посетил лекции по ботанике К. А. Тимирязева, который читал естественникам. Это были лекции первоклассного ученого: прекрасное изложение, научность, огромная эрудиция. Блестяще читал гистологию Бабухин, умевший оживить эту сухую науку; к сожалению, он часто пропускал занятия вследствие тяжелой болезни, которая вскоре свела его в могилу. Во время болезни его замещал прозектор Огнев—сухой, неинтересный лектор; вскоре он занял после смерти Бабухина кафедру гистологии.

У медиков слабовато было поставлено преподавание химии неорганической, органической и медицинской. Неорганическую химию читал профессор А. П. Сабанеев, слово в слово по учебнику Кольбе, и это он проделывал в течение всей, едва ли не пятидесятилетней профессорской службы. Органическую и медицинскую химию безнадежно скучно читал профессор Булыгинский, тоже не одно десятилетие. Совсем иначе было поставлено преподавание химии у естественников. Там профессора и доценты В. В. Марковников, И. А. Каблуков, Н. Н. Любавин и В. Ф. Лугинин—все видные ученые—сумели поставить так преподавание химии, что естественники-химики были самыми усердными студентами и работали в химических лабораториях с 9—10 часов утра до 6—7 часов вечера, чего нельзя было сказать о медиках. Вообще, естественное отделение физико-математического факультета тогда было поставлено лучше, чем первые два общетеоретические медицинские курса. Кроме перечисленных выдающихся профессоров-естественников можно еще указать на зоологов М. А. Мензбира, Кожевникова и антрополога Д. Н. Анучина.

Посещал я нередко интересные лекции на других факультетах: слушал часто Д. Н. Анучина по антропологии; посещал лекции по политической экономии А. И. Чупрова, тогда самого

популярного и самого либерального профессора на юридическом факультете. Особенно сильное впечатление производили лекции историка В. О. Ключевского; я прослушал на 1-м курсе почти весь его курс и приобрел его литографированные лекции. Надо сказать, что юридический факультет в это время лишился своих лучших профессоров—С. А. Муромцева и М. М. Ковалевского. Министр Делянов проводил свой принцип—«лучше иметь на кафедре преподавателя со средними способностями, чем особенно даровитого, который, однако, несмотря на свою ученость, действует на умы молодежи растлевающим образом». С его точки зрения даже такие умеренно-либеральные профессора, как вышеупомянутые, растлевали умы молодежи, а потому их выгоняли, а на их место ставили людей «со средними способностями».

ГЛАВА VIII

Лето 1889 г., в Нижнем—от революционного народничества к народничеству либеральному

Приехав в Нижний на летние каникулы, я застал там много нового. Высланные в Нижний казанские студенты пристроились кто куда. Многие из них поступили на службу в пароходное общество «Зевеке», в земскую статистику. Прежнего революционного настроения у них было мало заметно: они как-то поуспокоились.

В пароходных обществах, равно как и вообще в других транспортных, торговых, промышленных, страховых учреждениях, чуждались настоящей интеллигенции, обходились мало-квалифицированными кадрами или иностранцами. Но с конца 80-х годов в этом отношении стал замечаться перелом. Так, в Нижнем в пароходство «Зевеке» был принят брат В. Г. Короленко Илларион Галактионович, потом зять его Лошкарев, а за ним и ряд высланных из Казани студентов. Эта публика была гораздо интеллигентнее старых служащих, она лучше работала и была безусловно честной. Эти преимущества были скоро оценены, и пароходные общества стали охотно брать на службу эту интеллигенцию. Впоследствии это практиковалось широко. Например, в транспортно-страховом обществе «Надежда», к которому перешло пароходство «Зевеке», почти все места были заняты бывшими ссыльными и поднадзорными. Некоторые из них впоследствии достигали высших командных постов—директоров в пароходных обществах, например М. Г. Григорьев в «Пароходном обществе по Волге» или Р. А. Штюмер в «Пароходном обществе братьев Каменских». Начало этого процесса в это же время отмечает и Максим Горький в рассказе «Сторож»: «Группу—человек шестьдесят собрал в городах Волги некто М. Е. Ададуров, делец, предложивший правлению

Грязе-Царицынской железной дороги искоренить силами таких людей невероятное воровство грузов. Они горячо взялись за это дело...»

Интеллигенцию стали все больше использовать и земское и городское самоуправления, начавшие в эти годы расширять свою культурную деятельность. Так, Нижегородское земство, по примеру других земств этого времени, решило организовать почвенное и статистическое обследование губернии. Для почвенного обследования был приглашен петербургский профессор Докучаев, который при помощи своих учеников Н. М. Сибирцева и других и поставил это дело в Нижегородской губернии. Для статистического обследования в 1887 г. был приглашен Николай Федорович Анненский, побывавший в свое время в тюрьме и ссылке, впоследствии известный публицист, вместе с Короленко—редактор-издатель журнала «Русское богатство»; его жена Александра Никитична—сестра известного революционера П. Н. Ткачева. Анненский подобрал себе сотрудников преимущественно из бывших ссыльных и поднадзорных, во всяком случае людей определенного направления—бр. Кисляковых, М. А. Плотникова, О. Э. Шмидта, Д. И. Зверева и др. Летом 1889 г. был особенно большой наплыв новых статистиков, так как в это время широко развернулись подворные обследования крестьянского хозяйства в губернии.

Надо сказать, что земская статистика сыграла немаловажную роль в общественной жизни страны в период с конца 80-х до 1905 г., причем роль ее двоякая. Во-первых, она сыграла большую роль в смысле познания хозяйственной структуры страны. Известно, какое значение придавал Ленин этой статистике, несмотря на ряд дефектов, указанных им же: «...наша земская статистика выше европейских частичных анкет и исследований по замечательной полноте отдельных данных и детализации их обработки»¹,—писал он. Известно также широкое использование им данных этой статистики в его книге «Развитие капитализма в России» и в ряде статей по аграрному вопросу. Во-вторых, статистики, все люди политически активные, вносили большое оживление в культурную и политическую жизнь губерний, где они работали. Большинство статистиков были люди народнически настроенные, а позже, в конце 90-х и начале 900-х годов, среди них появилось уже немало и марксистов (П. П. Румянцев, А. Д. Цурюпа, А. И. Свидерский, П. Н. Лепешинский, Попов, В. Н. Соколов и ряд других).

В. Г. Короленко в Нижнем постепенно все более выдвигается на арене местной жизни. Он становится с появлением в печати каждого своего рассказа все более известным писателем. Сам царь Александр III обратил внимание на него и дал в 1889 г. свое заключение о нем: «Личность Короленко весьма неблаго-

¹ Ленин, Соч., изд. 3-е, т. IV, стр. 266.

надежная, а не без таланта». Кроме таланта беллетристического у него стал проявляться талант публициста и журнального работника. Он стал писать корреспонденции о местной жизни, стал посещать суды, земские, городские и дворянские собрания и корреспондировать в казанской газете «Волжский вестник», в «Русских ведомостях», «Русской мысли». Возникло было намерение у кружка Короленко издавать свою газету, но тогда это не удалось: разрешение не было дано, и только в 1896 г. удалось прогрессивной нижегородской интеллигенции получить в свои руки газету «Нижегородский листок». Корреспонденции Короленко стали важным фактором местной жизни. Большую сенсацию производили корреспонденции Короленко в «Русских ведомостях» против нижегородского губернатора Баранова за его противозаконные порки во время ярмарки, а также за организацию судебно-медицинской камеры для разбора ярмарочных дел помимо суда. Деятельность Короленко в голодный 1891/92 г. по устройству столовых в голодающих местностях и борьба его с лукояновским дворянством общеизвестны и запечатлены в его замечательных очерках, собранных в книге «Голодный год» и в его дневнике¹.

Вокруг Короленко группируется постепенно вся местная прогрессивная интеллигенция. Тут и земские и городские деятели—А. А. Савельев², А. В. Баженов (председатель губернской земской управы), А. С. Гацисский (городской деятель), В. А. Горинов; тут и либеральные адвокаты—Н. А. Ланин, С. С. Баршев, И. В. Богоявленский (впоследствии нижегородский голова); тут и врачи—П. П. Кащенко, П. К. Позерн (отец коммуниста Б. П. Позерна), С. Я. Елпатьевский; тут и журналисты и писатели—А. И. Богданович, А. А. Дробышевский, А. И. Иванчин-Писарев, А. М. Пешков (Максим Горький), Петропавловский (Карофин), М. А. Плотников, С. Д. Протопопов; тут, наконец, целая плеяда статистиков во главе с шефом Н. Ф. Анненским. Они часто собираются на журфиксах у Короленко, у Анненского, у писательницы Мысовской, где читаются и устраиваются дискуссии. Я несколько раз бывал на этих рефератах. Помню доклад Анненского о народничестве революционном (он называл его наивным) и народничестве современном—критическом. К этому последнему направлению он причислял себя. Это было то народничество конца 80-х и 90-х годов, которое Ленин называл либеральным

¹ В этой главе я не держусь строго хронологической даты—лета 1889 г., но беру года два-три, во время которых происходила описываемая эволюция народнической интеллигенции.

² А. А. Савельев—видный нижегородский прогрессивный общественный деятель—был председателем уездной, а потом губернской земской управы с 1890 по 1908 г., гласным городской думы, членом первых трех государственных дум, в которых состоял членом фракции конституционно-демократической партии. Отец видного коммуниста, члена Академии наук М. А. Савельева, умер в 1916 г.

народничеством или, в других местах, мещанским радикализмом.

Тогда революционные народники называли это направление культуртрегерством. Лозунгом этого направления в данное время была легальная культурная работа. Это прекрасно выражено в таких словах Короленко, сказанных им несколько позже и приведенных Максимом Горьким в его очерке о Короленко: «Этим путем (т. е. революционным.—С. М.) ничего не достигнешь. Астыревское дело—хороший урок, оно говорит нам: беритесь за черную легальную работу, за будничное культурное дело! Самодержавие—больной, но крепкий зуб, корень его ветвист и врос глубоко, нашему поколению этот зуб не вырвать. Мы должны сначала раскачать его, а на это, по-моему, требуется не один десяток лет легальной работы». В другом месте, в письме к нижегородскому врачу В. Н. Золотницкому, уже в 1921 г. Короленко пишет: «Н. Ф. Анненский, как и я, тоже делал в Нижнем культурное дело, не вмешиваясь деятельно в революционную технику. Мы считали, что пробуждение гражданского сознания в обществе и народе является очередной задачей времени. Кампания против дворянского банка и кампания в «голодный год» имела именно это значение, хотя жандармы (Познанский) и придавали нашей деятельности значение технически революционное. Истина состояла в том, что я просто держался независимым гражданином и не прекращал связи с товарищами, в том числе и революционерами. Правда, что у меня находили приют и гостеприимство проезжающие через Нижний-Новгород и поселяющиеся в нем «неблагонадежные лица». Правда также, что мои литературные произведения были всегда проникнуты оппозиционным настроением, что я служил центром кружка столь же «неблагонадежных» корреспондентов, который сознательно поставил себе целью дискредитировать «дворянскую эру» и в этом смысле сделал довольно много»¹. Этими двумя цитатами очень правильно охарактеризована деятельность в Нижнем кружка Короленко и Анненского.

Бывшие революционеры часто говорили тогда: надо выходить из подполья, надо брать в свои руки влиятельные места. И действительно, постепенно они становились заметным фактором местной жизни. Они переставали уже быть столь оторванными от местной жизни, как я выше характеризовал, они переставали быть «чужестранцами», они вступили как бы в блок с местными людьми, блок демократов и либеральных народников с умеренными буржуазными либералами и прогрессистами. Впоследствии, в революцию 1905—1907 гг., этот блок дифференцировался до известной степени: более правые элементы ушли в кадетскую партию, некоторые даже в октябристы, более ле-

¹ «Нижегородский сборник памяти В. Г. Короленко», Нижний-Новгород 1923, стр. 42.

вые—в народные социалисты и реже в социалисты-революционеры и в социал-демократы, а многие остались без партийного оформления, говоря, что они «левее кадетов», но за неимением такой подходящей партии остаются беспартийными.

Во всяком случае этот блок сыграл свою роль в оживлении местной жизни, и Нижний-Новгород 1889 и следующих годов уже не был таким безнадежно глухим в культурном отношении городом, каким он был в первой половине 80-х годов. Вот как характеризует это явление нижегородский старожил доктор В. Н. Золотницкий, учившийся в средней школе в Нижнем в 70-х годах, в вышеупомянутом сборнике о Короленко: «Когда я приехал летом 1892 г. в Нижний, то был поражен резкой переменной физиономией города и обилием интеллигентных работников. Здесь было довольно много обществ, велись народные чтения, воскресные школы, лекции. На моих народных чтениях по охране здоровья среди слушателей я видел много рабочих, чтения привлекали много народа, город из малокультурного, купеческого, каким я знавал его прежде, превратился в более культурный город...»

Это явление не было только местным нижегородским, оно было явлением общероссийским. Процесс этот происходил по всей России в большей или меньшей степени: земства, города, просветительные общества начинают заметно расширять свою работу с конца 80-х годов, и это происходило несмотря на реакционные реформы земского и городского самоуправления 1890—1892 гг., несмотря на множество рогаток, которые ставила администрация всяким культурным начинаниям. Выросла за эти годы также провинциальная печать. Вот что писал об этом Короленко: «Несмотря на все репрессии и на систематические преследования, провинциальная печать даже в эти годы тяжелого давления, навалившегося на все проявления общественной жизни, росла, ширилась, привлекая живые силы и таланты, не находившие другого исхода. Сквозь все преграды, сквозь цензуру и административные стеснения всякого рода она прокладывала себе дорогу неудержимо и неуклонно. Загнанная и бессильная земская оппозиция находила в ней естественного, хотя порой строптивного, союзника, и сама крепла, а широкая городская демократия получала наглядные уроки партизанской борьбы за право со всевозможными угнетателями. И торжествующие «господа положения» нередко ощущали на себе жестокие удары этой задавленной и слабой печати...»¹.

Все это объясняется тем, что с конца 80-х годов в России стала быстро развиваться промышленность; этот рост продолжался все 90-е годы.

¹ См. сборник «Короленко, Воспоминания о писателе», Москва 1934, стр. 112.

Этот рост промышленности требовал и обуславливал известное повышение культурного уровня населения, стимулировал органы самоуправления, земские и городские, расширять свои мероприятия по санитарии, медицине, народному образованию, статистике, дорожному делу. Но даже и этой скромной культурной деятельности ставилось много препон со стороны самодержавно-крепостнического правительства, что и вызывало известную оппозиционность органов самоуправления (в разной степени на разных этапах истории с 1865 до 1917 гг.), в особенности же их служащих-интеллигентов, так называемого «третьего элемента».

Рост промышленности создавал также спрос на интеллигентский труд—на инженеров, архитекторов, служащих страховых обществ, водного и железнодорожного транспорта, адвокатов.

Вот эти обстоятельства, т. е. усиление спроса на интеллигентский труд со стороны общественных учреждений и со стороны промышленности, и повели к увеличению кадров интеллигенции; разнородная интеллигенция нашла свое место в развивающемся буржуазном обществе, а это изменило и ее политическое настроение, сделав его мелкобуржуазно-радикальным или буржуазно-либеральным.

Ленин об этом явлении говорит так:

«Третьему элементу в сословной монархии нет места. А если непокорное экономическое развитие все более подрывает сословные устои самым ростом капитализма и вызывает потребность в «интеллигентах», число которых все возрастает, то неизбежно надо ожидать, что третий элемент будет стараться расширить узкие для него рамки»¹.

Конечно, объяснение этого перелома в настроении интеллигенции того времени и его неизбежности пришло впоследствии, а тогда я тяжело переносил этот отход бывших революционеров на новые позиции. Я, несмотря на мои сомнения, был чужд этим новым позициям, и это мешало мне ближе подойти к кружку Короленко и Анненского.

В это время я познакомился в Нижнем с рядом более или менее выдающихся лиц, надеясь найти у кого-либо разрешение волнующих меня вопросов. Но увы! Нигде такого разрешения я тогда не нашел. Познакомился я с известным тогда народническим писателем Петропавловским-Карониным, который, возвращаясь из ссылки, жил некоторое время в Нижнем. Это был искренний, чуткий, но тяжело ушибленный жизнью, совсем большой человек. От него веяло каким-то мрачным отчаянием².

Конечно, не он мог помочь мне в моих сомнениях и исканиях. Познакомился с другим видным революционером-народником Иванчиным-Писаревым, который, тоже, возвращаясь из

¹ Ленин. Соч., т. IV, стр. 316.

² Он вскоре, в 1892 г., умер;

ссылки, жил одно время в Нижнем. Иванчин-Писарев был известен своим хождением в народ, а потом как один из редакторов «Народной воли». С большими надеждами я шел к нему, но он был сух и сдержан, не хотел, повидимому, раскрывать своего тогдашнего «кредо». Он ведь тоже сменял свои революционные вехи на вехи «Русского богатства», вехи, близкие к либеральным. Только от возвратившегося из ссылки А. А. Карелина веяло более живым революционным духом.

Из своих старых знакомых бывал у Чекина и Метлиных.

Чекин, казалось, остался твердым в своих революционных взглядах и резко порицал новое среди радикальной публики направление — «культуртрегерство». Но я заметил и в нем какую-то подавленность. Да и немудрено было: как я узнал потом, казанская народническая организация переживала в это время большой идейный кризис. После отпечатания того сборника, о котором я упоминал, она уже не знала, что ей больше печатать, и решила хорошо устроенную и прекрасно законспирированную подпольную типографию за ненадобностью... утопить в реке. Это потопление типографии было символом похорон старой революционно-народнической идеологии. Немудрено, что Чекин чувствовал себя в это время подавленным. Впоследствии он сам ушел в культурничество и отошел от активной революционной работы.

У Чекина я познакомился с Алексеем Максимовичем Пешковым. Он тогда только что приехал из Казани, где жил некоторое время с Чекиным и занимался в его кружке. В Нижнем А. М. Пешков продолжал заниматься первое время в кружке Чекина. Вскоре он поступил письмоводителем к адвокату Н. А. Ланину. Он не был тогда еще литератором Максимом Горьким, но возбуждал к себе интерес у радикальной нижегородской интеллигенции как «выходец из народа»; его заметную фигуру, в красной рубашке, высоких сапогах и шляпе, часто можно было встретить на Откосе, близ которого он жил. Во второй его приезд в Нижний, в 1892—1893 гг., он ближе сошелся с Метлиными, часто бывал у них, его считали участником их кружка. О его тогдашних первых выступлениях в литературе я не знал, и он сам писал, что он скрывал это первое время от самых близких ему людей. Запомнился мне один разговор с ним у Метлиных по поводу произведений Чехова. Как известно, Михайловский в своем критическом очерке о ранних произведениях Чехова отозвался о них не очень одобрительно. Он упрекал Чехова в объективизме, в отсутствии у него общественной оценки описываемых им явлений, и в радикальных кругах того времени отношение к Чехову не было особенно благосклонным. А. М. Пешков сказал, что он не согласен с оценкой Чехова Михайловским и что он высоко его ценит как тонкого и глубокого знатока психологии маленьких людей; как пример, он разобрал довольно детально небольшой рассказ Чехова «Поцелуй». Меня

удивило тогда знание литературы и тонкость литературной оценки А. М. Пешкова, нигде не учившегося—самоучки. Я не подозревал тогда, что передо мной сидит знаменитый впоследствии писатель Максим Горький. О его литературных выступлениях в «Новом слове» я узнал только в 1897 г. в Бутырской тюрьме, но и тогда мне не пришлось прочесть его произведений и только позже, в ссылке в 1900 или 1901 г., я прочитал первые два тома его сочинений, вышедшие тогда, и был очарован его большим своеобразным талантом.

Метлины жили опять в Нижнем. В Ярославском лицее они вскоре были арестованы за участие в народовольческой группе, долго сидели в тюрьме и по отбытии срока одиночного заключения в петербургских «Крестах» снова поселились в Нижнем. Они также «сменили вехи» и считались убежденными «культуртрегерами», у них раздавались речи, что теперь не время широких политических задач, что надо приступить к черной будничной работе, поднимать культуру страны путем работы в земстве, в печати, путем частной и общественной инициативы. Впоследствии И. И. Метлин стал кадетом.

Таковы были настроения в кругах нижегородской интеллигенции в это время.

Этим летом (в 1889 г.) я впервые прочитал первое для меня произведение К. Маркса «Манифест коммунистической партии», который достал в гектографированном издании у Чекина. О Марксе я знал и раньше. Он был в большом почете у радикальной русской интеллигенции с начала 70-х годов, когда на русском языке вышел первый том его «Капитала». Маркса мы знали как великого европейского социалиста, который доказал неизбежность социалистической революции на капиталистическом Западе. Но мы были тогда убеждены, что все это не имеет приложения к крестьянской России, которая идет совсем другими путями. Вследствие неприменимости учения Маркса к России, по тогдашним понятиям, я и не интересовался особенно сочинениями Маркса, тем более, что его «Капитала» и не было в библиотеке у Духовского. Прочитал его «Манифест», но он не произвел тогда особенного впечатления; очевидно, я не понял всей глубины содержания этого знаменитого произведения.

В это же лето я принял, так сказать, свое первое жандармское крещение в Нижегородском жандармском управлении, куда я был вызван в качестве свидетеля по делу Заичневского. Явился я к 10 часам утра. Меня тотчас же позвали в кабинет к генералу Познанскому. Познанский был уже старым, обрюзгшим человеком. Он сказал мне, что ждет приезда представителя прокурорского надзора, без которого не может начать допроса, но он хочет мне в частном порядке дать совет во время допроса говорить поменьше, новых людей не запутывать и, если я что-либо плохо помню, то лучше просто сказать, что не помню.

Я был очень удивлен таким предисловием. Приехал вскоре товарищ прокурора Сергиевский, которого я встречал у Кильчевских, и начался допрос, который прошел очень гладко, так как все ответы были раньше мною приготовлены по согласованию с Орловым. После допроса я, очень удивленный советами Познанского, спросил у одного осведомленного в нижегородских делах человека, что это значит. Он мне сказал, что Познанский выслужил уже все сроки службы, мало ею интересуется и самостоятельно не возбуждает дел, а ведет только дела по запросам других жандармских управлений и старается показать, что в его губернии все благополучно.

Конечно, Познанский не был бездеятелен: сыск за нижегородцами, состоящими под гласным и негласным надзором, велся настойчиво и назойливо, хотя, надо сказать, не очень умело: жандармы ходили по квартирам поднадзорных, выпрашивали прислугу, ходили не совсем переодетые по пятам поднадзорных. На их назойливость поднадзорные нередко жаловались Познанскому и губернатору, а они были между собой на ножах, и после этих жалоб надзор становился иногда менее нахальным. Назойливая слежка за Короленко и отзывы, даваемые Познанским в департамент полиции о нем и его кружке, описаны в литературе¹.

Но как бы то ни было, мое первое знакомство с жандармами прошло для меня благополучно.

ГЛАВА IX

На втором курсе. Начало общественного подъема. Студенческие волнения весной 1890 г. В Бутырской тюрьме

К 1 сентября приехал в Москву. Мои сбережения от уроков приходили к концу, и мне надо было сугубо экономить, чтобы иметь возможность жить и учиться в Москве этот год. Пришлось поселиться в бесплатном студенческом общежитии, «Ляпинке», устроенном в доме купца Ляпина на Большой Дмитровке и содержимом на его средства. Общежитие помещалась в трехэтажном доме во дворе, против теперешнего театра Немировича-Данченко. Комнаты общежития были разделены тонкими деревянными перегородками, не доходящими до потолка, так что громкий разговор, пение в одной комнате были слышны во всем этаже. А народ жил там шумный, нередко устраивались попойки с пением; особенно шумливы были художники, учившиеся в Строгановском училище. Для курсисток² было особое

¹ «Былое» № 13 за 1918 г.

² В то время в Москве не было высшего учебного заведения для женщин. Было только двое женских фельдшерских курсов: Екатерининские — трехгодичные при Староекатерининской (ныне Бабушкинской) больнице и двухгодичные Марьиные при Марьиной больнице (ныне больница имени Достоевского). Были еще педагогические курсы, так называемые «коллективные уроки», при обществе воспитательниц и учительниц.

общежитие в Замоскворечье—«женская Ляпинка», содержащая тем же Ляпиным. Во дворе нашей «Ляпинки» в отдельном здании помещалась столовая, в которой за 15 копеек отпущались обеды для студентов. Жить, а тем более заниматься в Ляпинке было трудно: во-первых, четверо в одной комнате, а во-вторых, слышны разговоры и шум из всех других комнат.

В Ляпинке завел несколько интересных знакомств по преимуществу среди студентов 1-го курса, с кружком земляков одного из южных городов; в него входили З. Г. Френкель¹, студент-медик 1-го курса, его товарищ Голяка и еще несколько студентов. Они начали читать «Капитал» Маркса. Познакомился с группой тверяков: среди них выдавался своим революционным настроением и костюмом под фабричного рабочего М. А. Дьяков, сын тверского либерала-земца; он хорошо пел фабричные частушки под гармонь². Помню еще вятича Ложкина, студента-естественника. С ним прочитали мы только что вышедший тогда в русском переводе роман Беллами «Через сто лет». В этом утопическом романе действие происходит в Северной Америке, в которой в 2000 году установился социалистический строй, живо изображенный в романе. Думалось, что это так, вероятно, и будет, и в Америке, как передовой промышленной стране, вероятно, в первой установится социалистический строй, а это уже повлияет на более отсталые страны. Этот роман действовал очень бодряще на нас.

Да и вообще надо сказать, что в московском студенчестве с этой осени повеяло каким-то свежим ветерком: не было уже такой беспринципности и упадочности, как в прошлом году; студенты 1-го курса принесли с мест больше общественного настроения, появилось много кружков, оживилась жизнь землячеств; они объединились в союз и образовали союзный совет из представителей каждого землячества. Появились гектографированные листки с описанием Якутской бойни и Карийской трагедии, происшедших в этом году; эти истории поднимали протестующее и негодующее настроение. То же самое происходило в этот год и среди петербургского студенчества, как это отметил публицист Н. В. Шелгунов в статье, написанной им незадолго до смерти. И хотя это настроение ни во что определенное в Москве еще не вылилось, но уже чувствовалось, что худшие времена общественного упадка остались позади.

К этому же времени выявилось значительное оживление в рабочем движении в Западной Европе. В Англии появился более боевой «новый тредюнионизм» и была успешно проведена

¹ Впоследствии санитарный врач, видный кадет, член первой государственной думы, при советской власти—организатор и первый директор Коммунального музея в Ленинграде.

² Впоследствии земский врач, социал-демократ большевик, умер на Кубани в 1920 или 1921 г.

под руководством социалиста Джона Бернса большая стачка докеров, во время которой организовался союз докеров, до тех пор совершенно неорганизованных. Во Франции усилилось социалистическое движение во главе с Гэдом и Полем Лафаргом.

Летом 1889 г., во время всемирной Парижской выставки, состоялся первый после долгого перерыва международный социалистический конгресс, на котором было восстановлено интернациональное общество рабочих (II Интернационал). На этом конгрессе было постановлено праздновать 1 мая как интернациональный праздник рабочих. Германская социал-демократия одержала большую победу: на выборах весной 1890 г. она собрала более миллиона голосов, и под напором растущего рабочего движения пал исключительный закон против социалистов. Обо всем этом мы в общих чертах узнавали из «Русских ведомостей», и вести эти поднимали настроение.

В октябре умер в Саратове великий русский социалист Н. Г. Чернышевский. Союзный совет московских землячеств решил по этому случаю организовать демонстрацию; для этой цели была использована форма церковной панихиды. По зову Союзного совета собрались четыре-пять сотен студентов на панихиду, заказанную «по рабу божию Николаю» в церкви Дмитрия Солунского, которая помещалась на Тверском бульваре, на углу Тверской улицы. После панихиды «молящиеся» вышли из церкви и пошли по Тверскому бульвару и Никитской по направлению к университету с пением «вечная память» и «Вы жертвою пали». По дороге толпа демонстрантов постепенно таяла и до университета дошла небольшая кучка. Обратились с просьбой к инспекции открыть университетскую церковь и отслужить в ней панихиду. Надеялись собрать здесь большую массу студенчества. Но инспекция разрешения не дала, и на этом демонстрация закончилась.

На похороны Чернышевского в Саратов был послан Союзным советом делегат от московского студенчества для возложения венка на гроб. Делегатом этим был представитель Нижегородского землячества А. В. Второв, который с успехом выполнил свое поручение и сказал речь на могиле.

По случаю смерти Чернышевского была помещена в «Русских ведомостях» статья, в которой говорилось, что хотя Чернышевский и был государственный преступник, но он своими долговременными страданиями искупил свою вину. Эта статья возмутила радикальное студенчество, и в редакцию газеты была отправлена делегация с протестом против статьи. В редакции сказали, что иначе редакция поступить не могла: газета имела уже предостережения и ей было объявлено, что ее закроют при первом прегрешении. Была дилемма—чтобы сохранить газету, или ничего не сказать о смерти Чернышевского, или сказать то, что было в этой статье. Редакция выбрала второе.

В этом году у студенчества была большая потребность продемонстрировать и пользоваться для этого всякими предложениями. Шел большой спор, не воспользоваться ли для этого панихидой, которая традиционно служилась по Александру II в день его восшествия на престол 19 февраля, совпадающий с годовщиной подписания манифеста об освобождении крестьян. Многие считали, что предложение было уж слишком неудачным. Не помню, состоялась ли эта демонстрация; я, по крайней мере, не ходил на эту панихиду.

В эту зиму в Москву часто приезжал и жил Сабунаев, народолец и привлекавшийся по делу Лопатина, бежавший из ссылки и живший нелегально. Он задался целью восстановить организацию «Народной воли» и создавал группы в Москве, Ярославле, Костроме, Нижнем и других городах. Меня познакомил с ним Второв, деятельно работавший в сабунаевской группе. Сабунаева я видел и беседовал несколько раз. Он любил напускать на себя большую таинственность и конспиративность. Мне он как-то мало импонировал, казался несравненно мельче Заичневского. Я в эту организацию не вошел, оказывал ей только разные конспиративные услуги.

Осенью 1890 г. Сабунаев, а с ним и все его группы были арестованы, в том числе и А. В. Второв¹. Организация была в корне разрушена. Это была последняя попытка возродить «Народную волю» как всероссийскую организацию.

Отмечу еще знакомство с П. Ф. Николаевым. Он отбыл каторгу и ссылку по каракозовскому делу. Не имея права жительства в Москве, он жил под Москвой в г. Рузе, часто приезжал в Москву. Николаев в то время увлекался американским социологом Лесли Уордом; большую статью с изложением его теории он поместил в «Русской мысли». Поместил также статьи об «Экономическом материализме» и о Лафарге. В политическом отношении он был живой и активный человек. Я присутствовал на одном докладе П. Ф. Николаева о Чернышевском, организованном студентом-народовольцем М. И. Молчановым в классе городского училища (у Триумфальных ворот), в котором учительницей была его невеста. Николаев был на каторге вместе с Чернышевским, и его доклад был посвящен воспоминаниям о совместной их жизни на каторге, а также характеристике значения Чернышевского.

Николаев во всех своих высказываниях развивал мысль о необходимости всем оппозиционным и революционным направле-

¹ А. В. Второв сидел по этому делу в доме предварительного заключения и в «Крестах» около двух лет. После окончания срока поселился в Нижнем, где принял опять участие в группе народовольцев, поставившей себе целью пропаганду среди рабочих. Группа провалилась летом 1896 г. Отбыв тюремное заключение по этому делу, он вновь поселился в Нижнем и больше уже не принимал участия в революционном движении, жил частными уроками и умер от туберкулеза в 1924 г.

ниям слить свои силы и сосредоточить их на одном пункте—свалить самодержавный режим, добиться конституции. Это был господствующий лозунг момента среди радикальной и либеральной интеллигенции¹. В этом духе издавался нелегальный журнал того времени «Самоуправление», вышло его в 1888 и 1889 гг. четыре номера. Николаев принимал деятельное участие в «Самоуправлении». В 1894 г. на этой платформе образовалась «партия народного права». Николаев вместе с Натансоном были главными организаторами этой партии, которая просуществовала, правда, очень короткое время и была вскоре разгромлена без остатка.

Златовратский, Заичневский, Сабунаев, Николаев—это все были «последние могики» старой, народнической рати. Это были последние попытки возродить движение на старой, народнической основе, но время для них прошло, и они были обречены на неудачу...

Наступала новая эпоха, нужны были новые люди, новые идеи, новые методы работы, базирующиеся на основе другого класса. Мы инстинктивно чувствовали, что старое уже мертво, но нового, живого, идущего ему на смену, мы еще не видели, не понимали.

Чтобы закончить характеристику моих связей этой зимой, упомяну еще о кружке толстовцев. Это были студенты братья Н. В. и В. В. Черняевы, у них я познакомился с Новоселовым и Анохиным—виднейшими толстовцами того времени. У Черняевых бывал и Л. Н. Толстой, но мне не пришлось его встретить у них; его я нередко видел только на улице: бодрого и с виду сердитого старика, в высоких сапогах, в простом пальто и картузе. Черняевы занимались в это время изданием на гектографе сочинения Толстого «Крейцера соната». Она была запрещена и печатать ее было преступлением, за которое братья Черняевы и были вскоре арестованы. Они оба кончили потом самоубийством.

Новоселов впоследствии стал противником Толстого—черносотенцем, а Анохин был потом тульским городским головой—октябристом.

На рождественские каникулы я в этом году не поехал, так как имел в то время урок в Москве.

После «святок», с возобновлением занятий настроение нарастало, в воздухе запахло «беспорядками». Первыми начали волноваться студенты петровцы: пошли сходки, предъявлены были какие-то требования начальству Академии. Вмешалась полиция, было арестовано около ста пятидесяти студентов.

Студенчество университета заволновалось. Союзный совет решил организовать «беспорядки», по аудиториям были распро-

¹ Я говорю здесь, конечно, о тех кругах интеллигенции, чрезвычайно малочисленных в это время, в которых еще сохранялись политические интересы.

странены воззвания, призывающие студентов собраться на дворе университета для протеста против ареста петровцев и требования отмены университетского устава 1884 г.

Около полудня 7 марта на дворе старого здания университета собралась студенческая сходка—человек пятьсот-шестьсот. Из толпы выделился человек с окладистой русой бородой—это был студент-иркутянин Сапожников.

Он сказал сильную речь о придавленности студенчества, всего общества и народа и о необходимости поднять борьбу как против нового университетского устава, так и против политического бесправия студенчества и всего народа.

После него говорил еще студент-сибиряк Антонович на ту же тему. Но не успел он кончить своей речи, как въехал во двор отряд конных жандармов и стал окружать митинг. В течение несколько минут мы были окружены со всех сторон. Мы ждали, что нас станут разгонять и бить. Большинство осталось на своих местах. Когда мы были окружены, то раздалась команда—всем выходить со двора. Вышли на Моховую; там образовались шпалеры из конных жандармов. На улице была большая толпа. Некоторые студенты протискивались через жандармов и присоединялись к арестованным. Нас погнали в манеж. Туда оказались загнанными около четырехсот студентов. В манеже нас оставили в покое, заперев двери и поставив у дверей караул.

В манеже митинг возобновился, говорились речи. Речи перемежались пением, настроение у всех было бодрое, повышенное. Надвигался вечер. С наступлением сумерек нас стали вызывать, формировать в группы человек по пятьдесят-шестьдесят и уводить одну за другой под сильным конвоем полиции и жандармов в Бутырскую пересыльную тюрьму. В Бутырках нас разместили в больших камерах для пересыльных. Нас всех (около четырехсот человек) поместили в одном коридоре, двери камер не запирались, и мы были предоставлены самим себе. С утра начался митинг. Кроме выступавших на сходке в манеже ораторов выступали и другие. Признанным политическим лидером оказался Сапожников. Старостой для переговоров с тюремной администрацией был избран И. С. Вегер, его в шутку прозвали ректором Бутырской академии. Подъем настроения продолжался.

К вечеру настроение еще более поднялось, когда мы узнали, что сегодня в университете состоялась новая сходка, которая заявила о своей полной солидарности с арестованными накануне. Их также арестовали и пригнали вечером в Бутырки, около ста человек. Поместили их в другом коридоре, и мы с ними сносились, только перекликаясь в окна.

На следующий день привели еще группу—человек семьдесят. В этот же вечер администрация тюрьмы вызвала—сначала Сапожникова, а потом еще человек пять-шесть из проявив-

ших себя наиболее активно (Антоновича, Аргунова, Вегера и еще кого-то).

Помню, Вегера на руках с пением донесли до двери. Вызванные больше не явились обратно, их поместили где-то отдельно. Это тяжело повлияло на оставшихся: были взяты от нас наиболее активные и революционно настроенные люди. Масса оказалась без вождей, к которым она успела уже привыкнуть и полюбить их. Настроение на другой день как-то упало, разбилось на течения. Выдвинулись новые лидеры, настроенные более умеренно. Политический уровень выступлений был снижен.

В Бутырках мы просидели семь дней. Все эти семь дней прошли в нескончаемых собраниях, спорах, беседах, которые продолжались далеко за полночь. Люди сблизились, узнали друг друга. Заведено было много знакомств, связей, которые потом пригодились в дальнейшей общественной и революционной работе. Правительство сделало хорошее дело, собрав вместе в тюрьме более пятисот наиболее политически активных студентов и предоставив им возможность беседовать, знакомиться, влиять друг на друга и организоваться. На воле ничего подобного не удалось бы сделать. Арестованные прошли краткосрочный курс политического обучения.

Следует отметить, что на этих собраниях еще не было ни одного марксистского выступления: марксизм еще не выявился на московской общественной арене. Это произошло на полтора-два года позже.

Через семь дней стали нас вызывать и объявлять приговоры. Всего было исключено из университета и выслано из Москвы человек сто. Остальные отделались дисциплинарными университетскими взысканиями и остались в университете.

Меня на этот раз большие репрессии миновали.

Студенческие волнения всколыхнули массу студенчества. Студенты, получив первое боевое крещение и сплотившись в тюрьме и во время высылки, стали более интенсивно работать на общественной арене.

Эти волнения всколыхнули немного и либеральные слои общества. Пошли сборы в пользу арестованных и высланных. Денег было собрано немало.

Эти студенческие волнения можно считать первым всплеском волны нового общественного подъема, пришедшего на смену реакции 80-х годов. Этот подъем особенно усилился, когда через некоторое время выступил новый класс—пролетариат, который вскоре стал гегемоном революционного движения.

Интересно отметить, что среди сидевших в это время в Бутырках были следующие студенты, впоследствии большевики: А. Н. Винокуров—ныне председатель Верховного суда СССР, И. С. Вегер—видный большевик, И. А. Давыдов—ныне профессор, коммунист и, наконец, автор этих строк.

После окончания волнений перед Союзным советом землячеств, сильно потрепанным после арестов и высылки, встал вопрос о посылке делегации на всемирный студенческий конгресс, назначенный во Франции в Монпелье по случаю 600-летия университета в этом городе. Выбор пал на А. И. Доброзрава и еще одного студента.

На съезде оба представителя выступили с речами, в которых развернули картину политического гнета, царившего в России над университетами, и запрещения каких бы то ни было студенческих организаций. По приезде в Россию оба были исключены из университета за свои выступления на съезде. Доброзравов поехал в третий раз в Нижний и жил там, как и прежде, перебиваясь уроками. Весной 1891 г. он внезапно заболел туберкулезом уха, с уха болезнь перешла на мозг, и через несколько дней А. И. умер.

Мне в качестве представителя Нижегородского землячества пришлось хоронить его и говорить на могиле речь. Незадолго до смерти он сблизился с кружком нижегородских марксистов, о котором я скоро скажу.

Я уверен, что, останься он жить, при его уме, боевой натуре и пролетарской психологии, из него вышел бы марксист-большевик.

ГЛАВА X

Лето 1890 г. в Нижнем. Чтение книги «Наши разногласия» Плеханова. Я становлюсь марксистом. На третьем курсе

Летом по приезде на каникулы в Нижний у меня после подъема, который я пережил во время студенческих волнений и сидения в Бутырках, наступила некоторая реакция.

Продумывая все выступления в Бутырках, я сознавал, что определенного ответа на вопрос «что делать» я не получил. И чувство неопределенности и сомнений не оставляло меня.

Подведу здесь краткий итог моего жизненного и книжного опыта за пять лет, следовавших после окончания корпуса.

Под влиянием еще смутных для меня революционных народнических идей я порвал с военщиной и стал готовиться к революционной работе. Познакомился почти со всей народнической литературой: с Добролюбовым, Чернышевским, Писаревым, Лавровым, Михайловским, В. В. (В. П. Воронцовым), Успенским, Златовратским... Познакомился в общих чертах с историей европейских революций и европейским социализмом по Прудону, Лассалю, Шеффле. Познакомился и с живыми носителями революционных идей разных оттенков: с якобинцем Заичневским, каракозовцем Николаевым, народовольцами Сабунаевым, Иванчиным-Писаревым, народником-романтиком

Златовратским, революционным народником Чекиным, с толстовцами, с «критическими» народниками нового типа—Анненским, Короленко, видел много радикальной молодежи в Нижнем и Москве, сам уже участвовал в двух, хотя и скромных, но все же революционных демонстрациях, посидел, хотя и немного, в тюрьме, был привлечен к жандармскому дознанию, пока в качестве свидетеля; словом, немного понюхал революционного пороха. Но в результате я был еще на распутье. Твердо определившихся взглядов на вопросы революционной теории и практики у меня тогда не было: были обрывки взглядов, поиски, колебания, сомнения. Старики-революционеры казались последними могиками революционного прошлого, оно не возбуждало уже пылкого энтузиазма, как это было раньше: его критиковали со всех сторон.

Под такими впечатлениями я пошел к Чекину поискать у него новинок нелегальной литературы. Увидел у него «Наши разногласия» Плеханова, женевское издание группы «Освобождение труда». С интересом взял эту книгу. О группе «Освобождение труда», заграничной группе русских социал-демократов, я уже слышал в разговорах. Народовольцы и народники относились к ней совершенно отрицательно, но надо самому познакомиться с новым направлением. Книга «Наши разногласия» вышла в Женеве в 1885 г., а в 1890 г. она была еще самой свежей новинкой для Нижнего. В Москве я тоже не видал и не читал этой книги, хотя по жандармскому «Обзору важнейших дознаний», с которым я познакомился, конечно, уже после Октябрьской революции, теперь знаю, что она попала в руки жандармов при обыске у студента Московского университета Аркадия Ивановича Рязанова в 1889 г. В Казани ее читали как новинку на собрании, описанном Горьким в его книге «Мои университеты» в 1887 г. или начале 1888 г. Вот с какими затруднениями и опозданием проникала тогда в Россию зарубежная марксистская печать.

С огромным интересом читал я эту книгу.

Плеханов подверг в ней сокрушительной критике основы народнических взглядов на общину, кустарные промыслы, на развитие и значение русского капитализма, на заговорщицкую деятельность и стремление к захвату власти, опирающиеся на интеллигенцию, указал на грядущую роль и значение нарождающегося русского рабочего класса, опираясь на который только и можно произвести революцию. В заключительной главе он писал:

«Итак, «русский социализм», как он выразился, в партии «Народной воли», до тех пор останется чуждым великим задачам европейского социализма, пока не покинет своего промежуточного положения между анархизмом Бакунина и бланкизмом Ткачева, т. е. пока не признает бесплодность теоретических построений г. Тихомирова... Тогда наш социализм перестанет

быть «русским» и сольется со всемирным социализмом Маркса, Энгельса и отчасти Лассаля.

Его сторонники поймут тогда, что:

1) коммунистическая революция рабочего класса не может вырасти из нашего мещанско-крестьянского социализма;

2) по внутреннему характеру своей организации сельская община стремится уступить место буржуазным, а не коммунистическим, формам общежития;

3) при переходе к этим последним ей предстоит не активная, а пассивная роль;

4) инициативу коммунистического движения может взять на себя лишь рабочий класс,

5) освобождение которого может быть достигнуто только путем его собственных сознательных усилий...

Итак, возможно более скорое образование рабочей партии есть единственное средство разрешения всех экономических и политических противоречий современной России».

По вопросу о роли рабочего класса по отношению к крестьянству он писал:

«Только силы нарождающегося пролетариата могут послужить связующим звеном между крестьянством и социалистической интеллигенцией. Через них и с их помощью социалистическая пропаганда проникнет во все закоулки деревенской России...

А когда придет час окончательной победы рабочей партии над высшими сословиями, то опять-таки она возьмет на себя инициативу социалистической организации национального производства. Под ее влиянием—а при случае и давлением—сохранившиеся сельские общины начнут переходить в высшую коммунистическую форму».

Я был весь охвачен этими новыми идеями, потрясен до глубины своего сознания и чувства. Я переживал нечто подобное тому, что переживал шесть лет назад, когда рушилось во мне традиционное православно-монархическое мировоззрение и я воспринимал новое, революционное мировоззрение, но теперь было это значительно сознательнее и глубже.

Русский рабочий класс—вот куда надо было идти, вот куда надо нести светоч социализма. Он совершит ту политическую и социалистическую революцию, базу для которой тщетно старались найти Чернышевский, Заичневский, Желябов и другие революционеры 60-х и 70-х годов...

После «Наших разногласий» я перечитал вновь «Манифест коммунистической партии» и теперь уже понял его по-иному. Новое, огромное впечатление он произвел на меня. Я начинал понимать основы великой теории Маркса, я становился марксистом и уже на всю жизнь...

Я вступал в новую полосу своей жизни. Она счастливым образом совпала с новой эпохой русского революционного движения: кончался тридцатилетний период мелкобуржуазного крестьян-

ского социализма и начиналась новая эпоха, эпоха роста русского рабочего движения—русского пролетарского социализма...

Но прошло после этого знаменательного для меня лета еще немало времени, прежде чем я сумел приступить к практической работе по проведению в жизнь великих принципов марксизма.

Осенью я уехал в Москву, ни с кем не поделившись своими новыми мыслями, переживаниями: они были столь значительны и дороги для меня, и вместе с тем я еще чувствовал себя столь нетвердым в своих новых взглядах, в умении их защитить, что мне не хотелось никому говорить о них, хотелось продумать их пока одному, укрепиться в них, овладеть полнее учением Маркса и только тогда выступить...

Приехав в Москву, я старался найти «Капитал» Маркса в переводе Лопатина и Даниэльсона, изданный в 1872 г.; он был вскоре изъят из продажи и библиотек и в это время был большой библиографической редкостью; мне так и не удалось тогда его найти. Читал, что попадало под руку, достал где-то историю Англии Маколея и с большим интересом прочитал ее.

В общественной студенческой жизни было в этом году затишье, как бывало обычно на следующий год после волнений,—затишье, но не упадок: продолжалась внутренняя работа, было много кружков.

Весной (1891 г.), правда, была студенческая демонстрация по случаю смерти публициста-писателя Н. В. Шелгунова. Я был в это время на пасхальных каникулах в Нижнем, а потому об этой демонстрации помню только по рассказам товарищей.

Студенты решили отслужить демонстративную панихиду по умершем в церкви Ивана Богослова на Тверском бульваре, но поп отказался служить. Собралась на бульваре большая толпа, запели «вечную память» и «Вы жертвою пали». Прискакала конная полиция и стала разгонять демонстрантов. На другой день толпа студентов вновь собралась на этом месте, опять разгоняли, арестовывали...

ГЛАВА XI

Академические занятия на трех старших клинических курсах

Преподавание на старших клинических курсах медицинского факультета было поставлено значительно лучше, чем на первых двух. Это был период расцвета клинического преподавания в Московском университете, особенно на 4-м и 5-м курсах.

Начну с помещения клиник.

Клиники до 1890 г. помещались в старом здании на Рождественке. С 1890 г. начался переход клиник во вновь отстраиваемые здания на Девичьем Поле. Каждый год мы начинали занятия во вновь отстроенных зданиях.

Основную клинику 3-го курса, так называемую пропедевтическую (предварительную), вели профессор М. П. Черинов и его ассистент Н. С. Кишкин, впоследствии профессор. Клиника была недурно поставлена. В ней мы учились основным приемам исследования больного: выслушиванию, выстукиванию, ошупыванию, анализу мочи, крови и т. п. С большим интересом работали мы в этой клинике и, вероятно, сильно надоедали больным, лежащим в клинике, своими исследованиями. Бывали также многие из нас на приемах больных в амбулатории клиники и там исследовали больных под руководством ординаторов и учились прописывать лекарства.

В этом году было сделано немецким профессором Кохом, открывшим несколько лет назад бациллу туберкулеза, новое открытие—лечение туберкулеза туберкулином. Этому средству придавали первое время преувеличенное значение. Профессор Черинов прочитал с большим волнением лекцию об этом открытии, начав ее фразой: «Нет более туберкулеза», и вскоре же начал впрыскивать полученный от профессора Коха туберкулин лежавшим в клинике туберкулезным больным. Мы все с большим интересом и волнением следили за больными, которым делали впрыскивания. Но увы! После короткого периода улучшения у больных появились явные признаки ухудшения, и эксперименты с туберкулином были вскоре прекращены. Наступило горькое разочарование, и туберкулез, несмотря на ряд успехов в его профилактике и лечении с тех пор, еще далеко не побежден.

На 4-м курсе в то время дело было поставлено особенно хорошо. Все кафедры были заняты крупнейшими светилами тогдашней русской медицинской науки.

Ведущую кафедру 4-го курса—факультетскую терапевтическую клинику—возглавлял Григорий Антонович Захарьин, высокоталантливый клиницист-терапевт. Читал он блестяще, его разборы больных, его лекции запоминались на всю жизнь. В мое время Захарьин был уже стариком (профессор с 1862 г.), его научная деятельность приближалась к концу, и конец ее был совсем не блестящим. Дело в том, что Захарьин наряду с достоинствами высокоталантливого терапевта имел и немало крупных недостатков. Центром внимания его медицинской работы была частная практика среди московских купцов, ей отдавал он преимущественно свои силы и свое внимание. У него была установлена такса для частных приемов: в его приемной—50 рублей за совет, а на дому у больного—100 рублей. Ходило много анекдотов о его причудах и ломаниях. В мое время Захарьин приобрел уже себе крупное состояние врачебной практикой и имел огромный доходный дом на Кузнецком Мосту. Его ассистенты и ординаторы имели ту же установку—на частную практику, и хотя Захарьин третировал их, как свою прислугу, но им перепали жирные крохи с его стола, и они были, повидимому, довольны своим положением. Но никто из них не про-

явил себя талантливым ученым и врачом. Сколько-нибудь уважавшие себя и способные люди не шли в Захарьину «в услужение», и у него не оказалось, таким образом, прямых его продолжателей, если не считать его более раннего ученика профессора А. А. Остроумова. В политическом отношении Захарьин—лейб-медик и тайный советник—был воинствующим реакционером, по позднему выражению—ярким черносотенцем.

Наш курс, недовольный постановкой дела в его клинике, подал ему докладную записку, в которой корректно изложил свои пожелания. Захарьин был вне себя от обиды: мальчишки, студенты, осмелились учить его, «знаменитого клинициста и тайного советника». Свой ответ на записку во время лекции он закончил так: дело свое я буду делать, как делал, и либеральничать не намерен. Мы зашикали, и большинство ушло с лекции.

На этот раз инцидент был этим исчерпан. Но это было не первое выступление общественности против Захарьина. За год перед этим (в 1890 г.) против стяжательства «захарьинцев» было выступление в медицинской литературе. Захарьин был очень обижен. Московские профессора-медики поднесли адрес Захарьину, в котором протестовали против «неблаговидных попыток печати» его дискредитировать и выражали ему «глубочайшее уважение и искреннюю признательность».

Только пять профессоров и два прозектора осмелились отказать подписать этот адрес; в их числе были: Н. В. Склифасовский, Ф. Ф. Эрисман, А. А. Бобров и П. И. Дьяконов. Студенты устроили овации неподписавшим адрес профессорам.

Впоследствии студенты не раз выступали против Захарьина. В результате в 1896 г. он принужден был уйти из университета. Так бесславно закончилась его долголетняя профессорская деятельность. Кафедру свою он передал своему ставленнику П. М. Попову. Студенческие протесты и волнения тогда направились против профессора Попова—продолжателя традиции Захарьина, только уже без его талантов.

Кафедру факультетской хирургической клиники занимал проф. Н. В. Склифасовский, имевший славу лучшего русского хирурга того времени. Он был прекрасным лектором, несколько, правда, высокопарным, и любил пересыпать лекцию латинскими выражениями и поговорками. Тон в клинике был корректный и культурный, выгодно отличался от тона захарьинской клиники. По своим политическим взглядам Склифасовский был либерал.

Детской клиникой заведывал Нил Федорович Филатов—неподражаемый лектор и клиницист.

Гинекологическую клинику вел В. Ф. Снегирев. Он был одним из немногих московских профессоров, упоминавших о будущей нашей работе в земских условиях: почти все профессора, как бы сговорясь, совершенно игнорировали тогдашнюю

общественную медицину и имели в виду исключительно частную практику.

Кафедрой нервных болезней ведал профессор А. Я. Кожевников; его лекции и разборы больных можно назвать классическими по научной обоснованности, детальности и глубине анатомического анализа. Его можно назвать основателем московской школы невропатологии. Его ассистент, В. К. Рот, мало уступал своему профессору и вел занятия на 5-м курсе.

Приват-доцент Л. С. Минор читал курс по нервным болезням вне клиники, в Яузской больнице. Лекции Минора отличались тонкостью анализа и выявляли его большую эрудицию. По своим научным данным он вполне мог бы занимать кафедру в любом университете, но его еврейское происхождение закрыло для него при царском режиме эту дорогу.

Кафедру гигиены занимал Ф. Ф. Эрисман, швейцарский гражданин, доктор швейцарского университета; он женился на русской студентке, обучавшейся в Швейцарии, вместе с ней поехал в Россию и здесь стал основоположником русской гигиены и санитарии. Он был организатором знаменитого обследования фабрик и заводов Московской губернии, предпринятого московским земством в начале 80-х годов и проведенного им и врачами А. В. Погожевым и Дементьевым. Результаты этого обследования были впоследствии популяризованы Дементьевым в его известной книге «Фабрика. Что она дает населению и что она у него берет». Эрисман был также организатором первой Московской городской лаборатории по анализу пищевых веществ. Он единственный из профессоров-медиков (за исключением отчасти С. С. Корсакова и В. Ф. Снегирева) говорил на своих лекциях о социальной гигиене; говорил он и об общественной и в частности о земской медицине. Вообще он довольно резко выделялся среди московской медицинской профессуры с ее установкой на частную практику, политический консерватизм и в лучшем случае умереннейший либерализм. Он недолго смог проработать в России: в 1896 г. он был вынужден оставить университет и уехать в Швейцарию, где примкнул к социал-демократической партии.

Интересной фигурой был профессор психиатрии Сергей Сергеевич Корсаков, один из основоположников русской психиатрии, в частности земской, создавший новую клинику с системой открытых дверей для самых беспокойных душевнобольных. Его лекции с демонстрацией больных были исключительно интересны. Это была боевая натура, большой общественник. В политическом отношении он после Эрисмана был самым левым из профессоров-медиков. Он страдал болезнью сердца и рано умер (в 1900 г.).

Ведущей клиникой 5-го курса была госпитальная терапевтическая клиника, руководимая профессором А. А. Остроумовым. Вторая медицинская звезда после Захарьина в Москве,

его младший современник и ученик, был в общем его последователем и продолжателем, что не мешало ему быть с Захарьиным на ножах как в личных, так и в общественных взаимоотношениях.

У Остроумова в клинике была совсем другая атмосфера, чем у Захарьина; со стороны профессора клинике уделялось гораздо больше внимания, и ассистенты (в мое время доктора Щуровский и Ансеров) и ординаторы отдавали много внимания занятиям со студентами. Итти в ординаторы к Остроумову не считалось зазорным, как это было по отношению к Захарьину, и состав его ординатуры был гораздо выше захарьинской как в научном, так и в общественном отношении. Попадались среди ординатуры и лица, настроенные революционно; таким был, например, доктор Н. А. Кабанов, примыкавший тогда к народо-вольцам, впоследствии профессор и автор многих научных работ и популярных медицинских книг.

В общем в мое время медицинское образование было в Москве поставлено неплохо.

Основными недостатками преподавания были его преимущественная установка на частную практику, почти полное игнорирование вопросов профилактики, социальной гигиены, общественной медицины. Эти недостатки со стороны студенчества, настроенного преимущественно народнически (до середины 90-х годов), восполнялись до некоторой степени чтением литературы и каникулярной работой в земских больницах, часто под руководством известных земских врачей. В результате недурно построенная учеба плюс народнический идеализм¹ создавали тип земского врача, преданного своему делу, достаточно квалифицированного и часто специализировавшегося постепенно в какой-либо отрасли медицины, не понижая своего универсализма. Об этом типе мне придется еще говорить впоследствии.

Между прочим, из нашего выпуска (1893 г.) вышло впоследствии немало профессоров медицины.

Этот сравнительный расцвет медицины, который я обрисовал выше, являлся одной стороной общего подъема русской науки, начавшегося в 60-х годах.

В начале 60-х годов несколько десятков молодых врачей были посланы за границу для занятий. Европейские биологические науки, и в частности медицина, переживали в это время период коренной ломки. Работы Дарвина, Пастера, Вирхова произвели переворот в естествознании и медицине. Русские молодые естественники и врачи приобщились к этому живому научному движению. Из их числа и вышли вышеприведенные светила медицины. Реакция 80-х годов и следующих за ними угнетающе действовала на все стороны культурной жизни, в том числе и на

¹ Слово идеализм я здесь употребляю не в смысле философского идеализма, а в смысле преданности идеалам.

университетскую науку: наиболее выдающиеся профессора, согласно вышеприведенному деляновскому принципу, удалялись постепенно из университетов—Менделеев, Тимирязев, Ковалевский, Виноградов, Муромцев, Эрисман; другие деградируют; на смену более талантливым идут менее талантливые: Бабухина сменил Огнев, Склифасовского—Спижарный, Корсакова—Сербский и т. д., а равных Захарьину, Остроумову, Филатову, Эрисману некого назвать. И понятно почему: наиболее талантливые инициативные студенты участвовали в революционном или по крайней мере в студенческом движении, исключались, превращались в «неблагонадежных» и не могли быть поэтому оставлены при университете для подготовки к профессорскому званию; другие просто не хотели идти в услужение и холопствовать у разных Захарьиных; евреи, будь они хоть семи пядей во лбу, не оставались совсем при университете и не допускались к занятию профессорских кафедр.

И чем дальше, тем хуже: в 1911 г. министр «народного просвещения» Кассо производит радикальную чистку профессуры, которая вызывает протесты и массовый уход из университета всей прогрессивной профессуры. Медицинская наука, изгоняемая и не допускаемая в университеты, находит порой приют в городских и земских самоуправлениях: там, в городских и земских больницах, вырабатываются выдающиеся хирурги, терапевты, санитарные врачи, невропатологи (Вейсброд, Обух, Хрущев, Тезяков, Сысин, Кашенко, Яковенко и ряд других). Только при советской власти все выдающиеся врачи, независимо от их национальности, привлечены к научной, лечебной, профилактической и широкой общественной медицинской работе; выдвигаются из низов новые молодые таланты, создается множество научно-исследовательских институтов во главе с Всесоюзным институтом экспериментальной медицины (ВИЭМ). Медицинские институты для подготовки врачей растут численно и привлекают в свои стены студентов из рабочих и крестьян всех национальностей, населяющих Советский Союз, преподавание в них ставится на правильных основаниях. Положение врачей и постановка медицинского образования коренным образом улучшаются после исторического выступления товарища Сталина на XVII съезде партии. Пристальное внимание партии и правительства обращено на фронт медицины—при этих условиях быстрый рост и пышный расцвет советской медицины обеспечены.

Лето 1891 г. Знакомство в Нижнем с первыми марксистами П. Н. Скворцовым и М. Г. Григорьевым. Поездка в Вятскую губернию

Во время летних каникул этого (1891) года в Нижнем мне удалось, наконец, познакомиться с марксистами. Мои знакомые гимназистки рассказали мне, что к ним в 7-й класс поступила одна гимназистка из Казани, Валя Григорьева. Она считает себя марксисткой, ее брат сидит в тюрьме по делу казанского марксистского кружка Федосеева. Мне очень захотелось с ней познакомиться, что мне скоро и удалось на одной большой прогулке молодежи на лодках по Оке. Григорьева рассказала мне много интересного. Она знала в Казани Федосеева, в кружке которого был ее брат, и относилась к нему с обожанием. В это время Федосеев и ее брат М. Г. Григорьев отбывали срок в петербургских «Крестах»; у брата скоро кончался срок, и она его ждала в Нижний в августе. Рассказала еще мне, что в Нижнем живет уже не молодой литератор-марксист П. Н. Скворцов, который тоже был привлечен по кружку Федосеева, но отделался высылкой в Нижний. Обещала меня с ним познакомить, обещала познакомить также с петербургскими студентами-марксистами, высланными из Питера за шелгуновскую демонстрацию. Я был вне себя от радости. Я уже буду не одиночкой-марксистом, которому не с кем поделиться своими мыслями, сомнениями, я буду в кругу своих единомышленников, с которыми можно будет скоро приступить и к практической работе. Вскоре Григорьева меня познакомила с Павлом Николаевичем Скворцовым и братьями Красиными.

В лице П. Н. Скворцова я встретил уже не молодого (ему было тогда 35—36 лет) сложившегося марксиста¹. Его статьи печатались с 1886 г. в «Юридическом вестнике». Кроме того, у него в рукописях были две большие публицистические статьи: одна против тогдашнего народнического корифея В. В. (В. П. Воронцова) и вторая против народнических публицистов—Михайловского, Кареева. Знакомство со Скворцовым дало мне тогда очень много. Я много с ним беседовал, прочитал его напечатанные статьи, а также все рукописные, которые были более значительны, чем печатные. Он снабдил меня первым томом «Капитала» (у него было их три экземпляра), я взял его с собой в Москву и штудировал всю зиму.

¹ Конечно, теперь я не считаю П. Н. Скворцова последовательным революционным марксистом. Его марксизм (т. е. его понимание учения Маркса—Энгельса) был ниже плехановского, уж не говоря о ленинском. Здесь, не ставя себе целью подробный разбор взглядов П. Н. Скворцова, я буду говорить о моем тогдашнем восприятии его личности и взглядов, но укажу в дальнейшем и на некоторые его теоретические и тактические ошибки.

Вскоре же я познакомился с братьями Красиными—Леонидом Борисовичем и Германом Борисовичем. Оба они были высланы из Петербурга после демонстрации на похоронах Шелгунова и жили на даче в тридцати верстах от Нижнего, в Растяпине, где жило тогда и много других высланных студентов. Особенно большое впечатление произвел на меня Леонид Борисович—молодой, красивый студент (ему было тогда двадцать лет). Каким-то особым воодушевлением, умом и энергией веяло от него. Мне приходилось его наблюдать во время споров с народниками. Он говорил горячо, с большим подъемом, сильно и убедительно аргументируя. Маркса он знал уже тогда хорошо. Про него говорили, что он пять раз прочитал «Капитал». На нижегородскую молодежь он производил сильное впечатление и, думается, именно он дал толчок к обращению к марксизму большой группы нижегородской молодежи, из которой вышло потом немало деятелей нашей партии. Он производил впечатление и на противников, с ним не согласных. Когда после одного диспута, в котором он блестяще выступал и на котором присутствовала та народоволка, о которой я говорил, что она отрицала оживление в 1889 г., я спросил ее: как она думает, не пришла ли теперь то новое, что оживит нашу жизнь, она ответила: «Да, я вижу, начинается что-то большое». Но не все относились так чутко к новому направлению. Наоборот, оно было встречено очень враждебно сторонниками старых взглядов; его не понимали, его извращали, на него клеветали.

Рядом с Леонидом Герман Борисович Красин был менее заметен, но производил впечатление серьезного, вдумчивого человека. П. Н. Скворцову, человеку несколько кабинетному, больше нравился Герман Борисович, которого он считал более глубоким и серьезным. Я же при всех моих симпатиях к Герману Борисовичу больше ценил Леонида за его боевой темперамент.

В числе высланных из Петербурга студентов был и нижегородец П. П. Румянцев, участник нашего гимназического кружка. Он тоже стал в Питере марксистом. Красины и Румянцев рассказали мне, что в Петербурге уже есть марксистские кружки среди студенчества, особенно среди технологов, что имеются связи среди рабочих. Такие сведения поднимали настроение, воодушевляли.

В августе приехал брат Вали Григорьевой Михаил Григорьевич Григорьев, отбыв десятимесячное тюремное заключение в Петербурге в «Крестах». Я пошел с ним познакомиться. Жили Григорьевы на Острожной улице в маленьком мезонинчике. С ними жила их мать портниха и содержала своим ремеслом себя и дочь. Григорьев как бы набрался энергии в тюрьме, соскучился по делу и рвался к практической работе. Выражение «брызжащий энергией и воодушевлением» вполне подходило к нему. У него я познакомился и с братом

Александром¹, тоже недавно возвратившимся из ссылки по народовольческому делу.

Встретил я там еще рабочего Абрама Григорьевича Гуревича, высланного из Риги за участие в народовольческом рабочем кружке. Гуревич был первый рабочий-революционер, с которым мне пришлось встретиться, если не считать столяра Китаева, о котором я уже упоминал; но Китаев был, во-первых, ремесленник, а во-вторых, когда я с ним познакомился, он уже отходил от революции. Гуревич же, молодой, бодрый, энергичный, был еще в начале своей революционной работы. Он участвовал в Риге в кружке того типа народовольческих рабочих кружков конца 80-х годов, которые являлись переходными к марксизму, и Григорьеву не стоило большого труда сделать из него марксиста. Оказывается, с Гуревичем Григорьев познакомился еще в прошлом году в Нижегородской тюрьме, когда он отправлялся в «Кресты», а Гуревич пересылался по этапу в Нижний. Он условился с Григорьевым встретиться в Нижнем, когда тот возвратится из «Крестов». Гуревич это время не потерял даром: он, работая в Сормове, а потом на Курбатовском заводе, заводил связи с рабочими. По приезде Григорьева он передал ему эти связи: познакомил с ним рабочих Курбатовского завода Якова Пятибрatова, Михаила Громова, Мухина, Алексея Ивановича Парфенова и еще нескольких; образовался вскоре в Нижнем первый марксистский рабочий кружок. Так осенью 1891 г. было заложено основание нижегородской рабочей марксистской организации; с тех пор работа эта не прекращалась, и этот год можно считать годом начала марксистской работы в Нижнем-Новгороде.

Итак, приехав в Нижний на летние каникулы в этом году, я не знал еще ни одного марксиста, а к концу каникул уже познакомился с целой группой марксистов: со Скворцовым, братьями Красиными, Румянцевым, Григорьевым и с рабочим-революционером Гуревичем². Все мы, кроме Скворцова, были молодыми людьми, почти однолетками, 20—22 лет.

Нас было немного—единицы, но все мы переживали боевое воодушевление: мы овладевали великим учением Маркса, которое давало нам разрешение «проклятых» вопросов, давало ответ на роковой вопрос «что делать». Мы были полны энергии и желания бороться и работать, основательно овладеть великим учением Маркса и нести это учение в рабочий класс и в интеллигентскую молодежь. Собирались мы несколько раз тогда

¹ А. Г. Григорьев окончил жизнь большевиком. Он был расстрелян вместе со своей женой в 1920 г. в Семипалатинске бандой Анненкова.

² А. Г. Гуревич осенью 1892 г. уехал на родину в Витебск отбывать воинскую повинность; отбывал он ее около Варшавы. В 1896 г., после окончания военной службы, уехал за границу, работал в Швейцарии, потом учился там, окончил инженером. В советское время работал инженером в Москве, умер в 1935 г.

у Скворцова, беседовали, спорили. Скворцов казался нам тогда большим авторитетом, и мы поучались у него марксизму и внимательно читали его статьи. Расскажу здесь о нем подробнее.

П. Н. Скворцов был одним из самых первых русских марксистов. По его словам, он к марксизму пришел самостоятельно, независимо от литературы группы «Освобождение труда», в 1883 г., прочитав первый том «Капитала» Маркса. Мещанин посада Колпино около Петербурга, он при поддержке какой-то благотворительницы окончил уездное училище, потом в 1876 г. окончил учительскую семинарию в Петербурге и участвовал добровольцем в войне Сербии против Турции; потом жил в Петербурге. Учитель так из него и не вышел: не было у него никаких педагогических способностей, как он сам говорил про себя.

Он перебивался мелкими заработками, много читал по экономике, выучился немецкому языку, чтобы в подлиннике читать сочинения Маркса и Энгельса. В 1884 г. был привлечен по какому-то политическому делу, по которому приговорен был к трем годам гласного надзора, который отбывал в Твери. Здесь около него сгруппировался кружок, в котором читали «Манифест коммунистической партии» и «Капитал». В 1887 или в 1888 г. Скворцов переехал в Казань, где получил небольшой заработок по земской статистике. Здесь он продолжал свою пропаганду марксизма. М. Г. Григорьев, участник кружка Федосеева, называет Скворцова учителем Федосеева по марксизму; А. А. Санин подтверждает это. Несомненно, он помог кружку Федосеева определиться. Летом 1889 г. федосеевский кружок был арестован; привлечен был к этому делу и Скворцов, но он легко отделался и переехал в Нижний, где также работал в земской статистике. Горький в своем очерке о Короленко так описывает его с легким юмористическим оттенком:

«П. Н. Скворцов был в то время одним из лучших знатоков теории Маркса; он не читал никаких книг, кроме «Капитала», и гордился этим (это—преувеличение: П. Н. хорошо знал литературу по экономике России, а также по русской истории: стоит только обратить внимание на ссылки на литературу в его статьях.—С. М.).

Он был поистине человек «не от мира сего». Аскет, он зиму и лето ходил в легком пальто и худых башмаках, жил впроголодь и при этом еще заботился о «сокращении потребностей»—питался в течение нескольких недель одним сахаром, съедая его по две осьмих фунта в день—не больше и не меньше. Этот опыт «дешевого, рационального питания» вызвал у него общее истощение организма...

Небольшого роста, весь какой-то серый, а светлоголубые глаза улыбаются улыбкой счастливого, познавшего истину в полноте, недоступной никому, кроме него. Ко всем инаковерующим он относился с пренебрежением, жалостливым, но не обидным. Курил толстые папиросы из дешевого табака, вставляя их в длин-

ный, вершков десяти, бамбуковый мундштук—он носил его за поясом брюк, точно кинжал».

Так характеризовал П. Н. Скворцова Максим Горький. К этому надо добавить, что П. Н. был аскетом и «сокращал потребности» не из какого-либо принципа, а потому, что он относился «к инакомыслящим с пренебрежением», которое их настолько обижало, что они неохотно давали ему работу и притом наихудше оплачиваемую, что, конечно, возмущало Скворцова, еще более враждебно настраивало против «инакомыслящих».

Скворцов с 1886 г. начал помещать свои статьи в «Юридическом вестнике». Это были первые и, пожалуй, единственные марксистские статьи о русской действительности в легальной печати вплоть до 1895 г. По этим статьям учились первые русские марксисты. В этих статьях он показывал рост русского капитализма, доказывал, что сельское хозяйство уже подпало под власть законов капиталистического хозяйства, которые изучены Марксом. Что надо признать «жестокий факт, что крестьянство не представляет однородную массу, а состоит из богатых и бедных; но крайности богатства и нищеты сглаживаются тем, что между ними существуют одновременно промежуточные группы, которые в одну сторону примыкают к богатым, а в другую—к бедным», что «общинное землевладение нисколько не мешает превращению крестьянина в пролетария, не гарантирует ему удовлетворения необходимых потребностей. Но ведь нашим реакционерам (т. е. народникам.—С. М.) до всего этого дела нет: им нужен предлог для удержания экономической эволюции, им нужно повернуть назад колесо истории, назад, в сторону мелкой промышленности, мелкого землевладения», что «тот исторический процесс отделения производителя от средств производства и существования, который в Англии совершался пять столетий, совершается у нас гораздо быстрее. Таким образом, Россия стремится стать капиталистической нацией по образцу западноевропейских наций и для этого предварительно преобразовывает своих крестьян в пролетариев». Он доказывал далее, что и другой кит народнической веры—кустарные промыслы—тоже капитализируются и что кустарь превращается постепенно в наемного рабочего. Он писал, что «помочь крестьянину и рабочему можно только устранением препятствий, которые мешают развитию рабочего класса», и приводил тут цитату из Маркса: «подобно всей остальной континентальной Европе нас мучит не только развитие капиталистического производства, но и недостаточность этого развития. Кроме современного зла, нас угнетает еще целый ряд унаследованных бедствий, происходящих из прозябания старых, переживших себя способов производства со всеми сопровождающими их, противными духу времени, общественным и политическим отношениями»¹.

¹ Цитирую по статьям Скворцова.

Кроме статистико-экономических работ, помещавшихся в «Юридическом вестнике», у Скворцова было написано, как я уже упоминал, несколько других работ. В большой работе против В. В. (В. П. Воронцова) он разбирает и разбивает основное произведение В. В.—«Судьбы капитализма в России». Эту свою работу Скворцов написал еще в конце 80-х годов и, по воспоминаниям Санина, читал ее в марте 1889 г. в Казани «на частном собрании, главным образом, учащейся молодежи»¹. Читал он ее неоднократно и на собраниях в Нижнем, о чем я еще скажу ниже. Другая его статья была чисто публицистическая—против Михайловского, Кареева. Все попытки его напечатать эту статью в то время окончились неудачей. Я лично несколько раз вел переговоры об этой статье с соредактром Муромцева в «Юридическом вестнике» Н. А. Каблуковым, который раньше принимал экономические статьи Скворцова. Но Каблуков сказал мне, что она не может быть помещена и по цензурным условиям и потому, что редакция не разделяет взглядов Скворцова. И только через несколько лет эта статья, очевидно, переделанная и сокращенная, «направленная заразом и против Кареева и против Струве», была помещена в марксистском «Самарском вестнике» (№ 59 и 60 за 1897 г.)². Мысли, развиваемые Скворцовым в его статьях, были новы, в русской легальной печати они появились впервые и сильно взволновали тогдашнее либерально-народническое общество, они создали много врагов Павлу Николаевичу, которые и ругали и высмеивали его, стараясь представить его каким-то ненормальным чудачком, они же привлекли к нему симпатии вновь нарождающихся русских марксистов.

У Горького есть чрезвычайно характерное описание выступления Скворцова среди народников и враждебного отношения их к нему. Приведу его здесь.

«В 90 или 91 году, в Н.-Новгороде у адвоката Щеглова Павел Скворцов, один из первых проповедников Маркса, читал свой доклад на тему об экономическом развитии России. Читал Скворцов невнятно и сердито, простудно кашлял, задыхался дымом папиросы. Слушали его люди новые для меня и крайне интересные: человек пять либеральных адвокатов, И. И. Сведенцов, старый угрюмый народоволец-беллетрист, много писавший под псевдонимом Иванович, благожелательный барин, революционер А. И. Иванчин-Писарев, Аполлон Карелин, длиноволосый, как поэт Фофанов, Н. Н. Фрелих, о котором знали, что он тоже революционер. Было и еще несколько таких же солидных людей, с громкими именами, с героическим прошлым.

Когда Скворцов кончил читать, на него почти все закричали, но особенно яростно брат казненного Степана Ширяева, Петр, человек бородатый с лицом алкоголика. Грубо кричал Сведенцов,

¹ См. об этом в брошюре А. Санина «Самарский вестник» в руках марксистов, изд. Политкаторжан, 1934, стр. 59.

² См. также брошюру Санина.

ему вторил Егор Васильевич Барамзин, тяжело переживавший в то время свой отход от народничества к марксизму. Скворцов огрызнулся во все стороны, размахивая длинным камышевым мундштуком, но сочувствующих ему в гостиной не было, его не слушали, забивали криками, уже оскорбляли. Сведенцов, сказав что-то очень сильное, проклинающее, парадно отошел в угол, в облако синего дыма, а навстречу ему из угла поднялся плотный человек, седоватый, с красным лицом и в костюме более небрежном, чем на всех остальных».

Это был Н. Ф. Анненский, который выступил в защиту человеческой мысли: «человеческая мысль, стремясь разрешить загадки жизни, имеет право ошибаться,—сказал он между прочим»¹

С такой враждебностью встречали народники выступления первых марксистов; в лучшем случае им только давали право ошибаться.

Ценил Скворцова и интересовался им и В. И. Ленин.

В 1893 г. он заехал в Нижний для свидания со Скворцовым и имел с ним продолжительную беседу, о чем я расскажу ниже. Когда Ленин и Потресов организовали в конце 1894 г. первый марксистский сборник «Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития», то к нему был привлечен и Скворцов, и его большая работа, представляющая собою сводку его статей «Итоги крестьянского хозяйства по земским статистическим исследованиям», была помещена первой в этом сборнике. Этот сборник, как известно, был сожжен царской цензурой, и только около ста экземпляров его было спасено. Впоследствии, в 1899 г., в «Научном обозрении» появилась статья Скворцова, в которой он подверг критике книгу Ленина «Развитие капитализма в России». Ленин ответил статьей «Некритическая критика», помещенной тоже в «Научном обозрении». В этой статье он доказал всю неосновательность критики Скворцова, выявил неправильные методы группировок крестьянских хозяйств в его работах и неправильность его утверждения, что, чем меньше земли получили бы крестьяне при освобождении и чем дороже бы они ее получили, тем быстрее бы шло развитие капитализма в России². Ошибки Скворцова в его взглядах на методы пропаганды среди рабочих и по вопросу о пути развития рабочего движения, о чем я скажу еще ниже, мы и сами стали скоро замечать. Все это так. Но все же, несмотря на свои ошибки Скворцов сыграл свою роль в самый ранний период русского марксизма (1886—1895 гг.).

Описывая лето 1891 г., не могу не вспомнить мою поездку на свою родину в г. Яранск. Поехал я на пароходе по Волге, Каме и Вятке, поехал, как всегда в то время, в третьем классе, на палубе. Побывал в Казани. Повидал реку Каму, ее несколько

¹ Из статьи Горького, Н. Ф. Анненский, в сборнике «Максим Горький о писателях», изд. «Федерация», стр. 207.

² Ленин, Соч., т. III.

мрачную красоту, проехал по Вятке, показавшейся после Волги и Камы такой тихой, захолустной. Доехал до слободы Кукарки (ныне г. Советск), а оттуда поехал сухим путем до Яранска (70 верст). В Яранске я нашел свою родню в состоянии экономической деградации. Когда-то мощный торговый дом «И. Д. Носов с сыновьями», шумевший на всю Вятскую губернию, после смерти деда распался. Три сына его разделились, разорились и опустились к этому времени до степени второрядных купцов уездного городка. Подтверждалось на них правило о недолговечности русских купеческих династий, обычно кончавших свое существование на третьем поколении. После смерти сыновей деда (моих дядей) их дети занимались мелкой торговлей или пошли в приказчики и служащие других фирм.

Деградировала и другая крупная фирма крупного винного заводчика и виноторговца, А. Д. Халтурина, который был недавно убит своим сыном, гимназистом 8-го класса. А. Д. Халтурин, происходящий из крестьян Орловского уезда, был родственником отца известного революционера Халтурина. Отец последнего тоже был крупным торговцем (стотысячником), хотя и не выписывался из крестьян, чтобы избежать налогов, падающих на купцов. А. Д. Халтурин был дельцом широкого размаха, считался человеком просвещенным и даже прогрессивным, учил детей в гимназиях в Казани, что в то время было еще редкостью в Яранске, жил широко, устраивал в своем доме любительские спектакли, шумные праздники. Убийство его сыном произвело колоссальное впечатление в тихом городке. Мотивы убийства остались невыясненными, убийца был признан действовавшим в состоянии психического расстройства и через некоторое время освобожден.

В этот приезд в Яранск я познакомился несколько с жизнью края, познакомился с председателем уездной земской управы, прогрессивным местным купцом. Он мне рассказал кое-что о местном земском хозяйстве. Поездил по уезду со знакомым судебным следователем, пожил на винокуренном заводе Халтурина у своего двоюродного брата, служащего этого завода, побродил по окрестностям.

Яранский уезд, как и вся Вятская губерния (ныне Кировская область), представлял собой интересный край: в нем почти не было крепостного права; огромное большинство его крестьян были так называемые государственные крестьяне. Они владели тем же количеством земель, что и до реформы 1861 г., и не знали, что такое «отрезки». Ни в городе, ни в уезде не было дворян-землевладельцев, задававших тон местной жизни в других местностях России. Общий тон жизни здесь был более демократичный, было меньше крепостнических пережитков, чем в остальной России, крестьянин был зажиточнее, держал себя независимее и с большим достоинством, чем в дворянских губерниях; крестьянско-купеческие земства были более прогрессивными, чем

дворянские, и большой процент доходов своих употребляли на народное образование и медицину. В последующие годы Вятская губерния известна была сравнительно с другими губерниями высоким процентом учащихся в средних учебных заведениях. Земства почти во всех уездных городах устроили реальные училища и женские гимназии, в которых плата за учение была невысока и в которых были стипендии и общежития для детей местных крестьян. Лучшие ученики, кончившие земские начальные школы, направлялись в гимназии и реальные училища на земские стипендии. Но всеми этими культурными благами пользовалось только русское население, многочисленные же в Вятской губернии нацменьшинства («инородцы», как назывались они тогда)—черемисы (ныне марийцы), вотяки (ныне удмурты) и татары—были лишены всех этих культурных воздействий и оставались на очень низкой ступени культуры.

У меня как у юного марксиста возникал тогда вопрос, что будет с этим крестьянством при политической свободе и как потом это крестьянство перейдет к социализму? На первый вопрос я отвечал себе так: политическая свобода, демократический строй будут завоеваны пролетариатом совместно с попутчиками при помощи революции в политических центрах государства. При демократическом строе крестьянство окраин будет развиваться по фермерскому типу и даст хороший рынок для промышленных центров.

Второй же вопрос, как оно придет к социализму, оставался не решенным, и долго он оставался в таком положении. Плехановское решение, приведенное мною выше, было слишком обще и неопределенно. Только впоследствии Ильич и Сталин дали гениальное решение этого вопроса.

Интересное пребывание мое в Яранске было омрачено надвигающимся ужасным неурожаем, охватившим в тот год весь восток и юг России. Поля и в Яранском уезде стояли жутко черными с редкими колосьями, а время жатвы приближалось... Под тяжелым впечатлением этого надвигающегося бедствия уехал я тогда из Яранска.

После этого в Яранск я попал только через 28 лет, весной 1919 г., в качестве члена комиссии ВЦИК по укреплению тыла прифронтовой полосы. В этих мирных местах, отстоявших за многие сотни верст от всяких границ, шла гражданская война, и фронт Колчака проходил недалеко от Вятки. В Яранском уезде вспыхивали то и дело кулацкие восстания. В грозе и буре под руководством коммунистической партии решался крестьянский вопрос социалистической революцией.

На четвертом курсе (1891/92 г.). Голод в России. Оживление общественной жизни. Марксисты в Нижнем—интеллигенты и рабочие. Первое знакомство с марксистами в Москве. Либерально-народнический кружок московской интеллигенции. Доктор Д. Н. Жбанков и другие. Мое выступление среди них. Другие встречи. Знакомство с рабочими

К 1 сентября я поехал в Москву, захватив с собой для штудирования первый том «Капитала». Зима 1891/92 г. была знаменательным временем как для истории русской общественности, так и лично для меня.

Волна общественного оживления, начавшая обозначаться, как я уже писал, с осени 1889 г., значительно поднялась в этот год под влиянием вестей о голоде, охватившем почти все черноземные губернии России. Для меня этот год был годом интенсивной учебы, как медицинской, так и марксистской. Я основательно штудировал «Капитал», медленно, но неуклонно, в течение всего учебного года усваивая главу за главой этой великой книги. На всю жизнь запечатлелись эти великие истины, этот метод мышления; они легли в основу моего мировоззрения и моего подхода ко всем явлениям общественной жизни. Появилась потребность к выявлению себя как марксиста, стремление к практической работе.

Особенно укрепили меня в этом стремлении впечатления от нижегородской поездки на рождественские каникулы. Среди нижегородской радикальной интеллигенции в это время было большое оживление.

Нижегородская губерния была в числе голодающих; особенно сильно поражены были ее южные уезды. Губернатор Баранов и дворяне-крепостники сначала единым фронтом старались представить дело так, что никакого голода нет, а есть только некоторый недород и что не требуется никакой частной помощи. Прогрессивная же общественность во главе с Короленко и Анненским на основании статистических данных и сведений от земских корреспондентов доказывала, что размеры голода громадны, что необходимы экстренная помощь правительства и разрешение частной инициативы в борьбе с бедствием. Губернатор под влиянием разных соображений через некоторое время переменил фронт, пошел против своих же ставленников—лукояновских земских начальников и предводителя дворянства, стал настаивать на увеличении ссуды и разрешил частную помощь. Разгорелась горячая полемика по этим вопросам в столичной прессе. Все это прекрасно описано у Короленко в его «Голодном годе». Кстати сказать, мне кажется, что это одно из лучших произведений, по которому можно составить конкретное представление о пережитках крепостничества в дореволюционной

«порепорформенной» деревне, особенно, если дополнить это произведение выписками из его дневника по этому вопросу.

Это возбуждение, вызванное голодом, совпало с той борьбой, которую с осени 1891 г. открыла против народников сложившаяся к тому времени в Нижнем марксистская группа: П. Н. Скворцов, М. Г. Григорьев, братья Красины, П. П. Румянцев и примкнувшая к ним значительная группа учащейся молодежи—гимназистов, реалистов, семинаристов. Были прочитаны, как я уже упоминал, рефераты Скворцовым, которые сильно взбудоражили народническую публику; марксисты выступали и на рефератах Анненского, Елпатьевского и других народников. На одном таком собрании присутствовал и я. Выступали Скворцов, Красин, Румянцев, Гольденберг; подавал и я реплики. Перепалка была горячая. Вопрос шел, как относиться к голоду и как голод отразится на судьбах русского капитализма. Спор был запальчивый, горячий и достаточно беспорядочный. Народники обвиняли марксистов, что они рады голоду, что бессердечно относятся к голодающим, говорили, что марксистам следует итти помогать фабрикантам и кулакам обезземелить народ и тому подобные бессмыслицы, воспроизведенные через некоторое время в статьях Михайловского, Кривенко и др. Марксисты в долгу не оставались и обвиняли народников в утопизме, мелкобуржуазности, прекраснотушии и т. п. Обычной темой этих споров был также вопрос о роли личности в истории, о закономерности исторического процесса. В рассказе Вересаева «Поветрие», написанном в 1897 г., очень живо и правильно изображен такой спор между народниками и марксистами.

Нижегородские дискуссии того времени тоже описаны в литературе. Приведу здесь две выписки для характеристики этих споров.

Т. А. Криль, по мужу Богданович, племянница Анненского, жившая у них, пишет:

«В Нижнем в это время происходили горячие обсуждения теоретических основ сталкивавшихся идейных течений. К двум толкам народничества—старого, наивного (т. е. революционного.—С.М.) и нового, критического (т.е. либерального.—С.М.) с 90-х годов присоединился нарождающийся марксизм.

В. Г. Короленко и Н. Ф. Анненскому постоянно приходилось беседовать и вести споры с высланными студентами-марксистами, и у них явилась тогда мысль устроить ряд собраний для обсуждения наиболее жгучих вопросов. Нижегородское общество откликнулось на эту мысль очень горячо. Особенно радовалась молодежь, впервые решавшая тогда для себя эти вопросы. Я кончала в то время гимназию и помню, с каким жадным интересом ждали мы этих собраний...

На эти рефераты собиралось по 50—60 человек, и прения бывали очень оживленные, иногда они обострялись даже до того,

что грозили перейти в личные столкновения. Особенно нетерпимы были юные марксисты»¹.

Л. Б. Красин так описывает эти собрания:

«В Нижнем кроме В. Г. Короленко жил Н. Ф. Анненский, известный статистик, блестящий представитель отживавшего тогда уже свой век народничества, а с ним целая плеяда более молодых статистиков, все сплошь тоже народники. В качестве высланных студентов и нам был открыт доступ в салоны этой радикальной интеллигенции. С первой же встречи выяснилось непримиримое расхождение взглядов, и вся нижегородская интеллигенция разделилась на два лагеря—народников и марксистов. Выступала от марксистов обыкновенно молодежь: мы с братом, П. П. Румянцев, М. Г. Григорьев и др. Но мы нашли большую идейную поддержку в лице одного из самых ярких по тем временам марксистов—Павла Николаевича Скворцова, автора замечательных статей в «Юридическом вестнике» и блестящей критической монографии, разбивавшей в пух и в прах «Судьбы капитализма в России»—книгу, бывшую библией тогдашнего народничества. Наши словесные турниры со стариками и самим Анненским привлекли на нашу сторону почти всю нижегородскую молодежь, и из тогдашних нижегородских гимназистов и гимназисток, присутствовавших на этих прениях, вышло потом немало работников нашей партии. Мне приходят на память имена М. А. Сильвина и И. П. Гольденберга»².

Можно сказать, что эти дебаты нижегородских марксистов и народников являются хорошей иллюстрацией к некоторым мыслям Ленина, которые он высказал в своих «Друзьях народа» в 1894 г.

В это время Ленин писал³: «главным теоретическим вопросом сделался вопрос о «судьбах капитализма в России», около этого вопроса сосредоточивались самые жгучие прения, в зависимости от него решались самые важные программные положения».

И далее⁴: «деревня давно уже совершенно раскололась. Вместе с ней раскололся и старый русский крестьянский социализм, уступив место, с одной стороны, рабочему социализму; с другой—выродившись в пошлый мещанский радикализм».

Мы ясно чувствовали, что мы—представители двух разных миров, двух разных систем, и отсюда горячность, страстность и резкость в спорах.

В это время в Нижнем вокруг Скворцова и Григорьева, братьев Красиных, Румянцева начала расти совсем молодая марксистская поросль: почти вся сколько-нибудь способная и живая молодежь старших классов среднеучебных заведений

¹ Сборник «Памяти В. П. Короленко», изд. Нижегородского губсоюза, 1923, стр. 92.

² Сборник «Л. Б. Красин», Гиз, 1928, стр. 109—110 и 35—36.

³ В. И. Ленин. Соч., т. I, стр. 167.

⁴ В. И. Ленин. Соч., т. I, стр. 165.

Нижнего подверглась в эти годы (1891—1893) марксистскому влиянию, и из нее вышло много работников нашей партии. Многих из них я знал близко и опишу сейчас эту группу. Они значительно отличались от молодежи участников кружков второй половины 80-х годов, которых я описал выше. Тогда было время упадка и разложения народничества, теперь было время подъема молодого революционного класса—пролетариата и его молодых идеологов—марксистов-интеллигентов. Они были бодрь, жизнерадостны, полны боевым воинствующим настроением. Все они много читали, много учились; особенно усердно изучали они экономику России по земским статистическим сборникам, изучали и критиковали народнические книги и статьи и поражали своих уже сравнительно пожилых противников и своей самоуверенностью и своей начитанностью.

Более выдающимися из них были Иосиф Петрович Гольденберг, Михаил Александрович Сильвин и Анатолий Александрович Ванеев. И. П. Гольденберг—тогда ученик реального училища, красивый, эффектный юноша, хороший оратор и полемист. Удачно выступал в спорах с народниками и скоро начал заниматься в рабочих кружках. В 1893 г. он по окончании реального училища уехал учиться в Бельгию. Оттуда стал писать очень интересные корреспонденции в «Русские ведомости» о бельгийском рабочем движении, которое переживало тогда свой героический период борьбы путем всеобщей забастовки и демонстраций за всеобщее избирательное право. По окончании курса возвратился в Россию; принимал активное участие в партийной революционной работе, стал видным публицистом; на V Лондонском партийном съезде, на котором он участвовал как делегат петербургской большевистской организации, был избран членом ЦК от большевистской фракции (Гольденберг—Мешковский), умер в 1922 г. членом ВКП(б).

М. А. Сильвин—тогда гимназист, тоже очень способный юноша—очень остроумно, резко полемизировал с народниками, доводя их до бешенства. Окончив курс гимназии в 1893 г., он поступил в Петербургский университет; там он работал в петербургском «Союзе борьбы за освобождение рабочего класса» вместе с Лениным. Потом видный работник партии, в 1904—1905 гг. член ЦК, партийный литератор (литературный псевдоним—М. Таганский). После 1907 г. отошел от партийной работы. Здравствует поныне (1937 г.).

А. А. Ванеев, способный самоучка, пиисец нотариуса, подготавливался в 7-й класс реального училища. Окончив его в 1893 г., он поступил в Петербурге в Технологический институт, тоже работал в «Союзе борьбы», был близок с В. И. Лениным, умер в ссылке от чахотки.

Выдавался еще реалист Александр Африканович Кузнецов, юноша очень энергичный, экспансивный и самолюбивый. Сын богатого местного купца, он по окончании реального учи-

лица уехал за границу, в Швейцарию, там познакомился с Плехановым; в 1895 г. возвратился в Нижний и принял деятельное участие в пропаганде среди рабочих. Арестованный летом 1896 г. он вскоре же дал подробные показания о всей организации, «не щадя ни себя, ни других», причем приписал себе руководящую роль во всей организации, каковой в действительности он не имел. Жандармы ему поверили, назвали всю организацию «кузнецовским кружком». После отбытия четырехлетнего гласного надзора в Уфимской губернии он поселился в Симбирске. В 1907 г. он был выбран в Государственную думу, примкнул в ней к социал-демократической фракции. Дальнейшая его судьба мне неизвестна.

В этих же кружках принимали участие А. И. Пискунов, брат Е. И. Пискунова, о котором я упоминал, тогда ученик Нижегородского дворянского института, потом видный работник нижегородской и московской партийных организаций; умер большевиком в 1924 г.; далее, гимназисты Б. Д. Фридман и Франк, потом, в 1894—1896 гг., будучи студентами Московского университета, принимали участие в пропаганде среди московских рабочих; реалист Е. Э. Лакур в 1894—1896 гг. работал тоже среди московских рабочих; реалист Г. И. Сергеев—потом видный нижегородский социал-демократ меньшевик; гимназист Н. А. Вигдорчик потом работал в Киевской социал-демократической организации, участвовал в числе восьми лиц на I партийном съезде в Минске в 1898 г., впоследствии врач и известный писатель по вопросам социального страхования.

В женских кружках принимали участие сестры Чачины—Ольга Ивановна и Екатерина Ивановна, обе остались большевичками до конца жизни. О. И. умерла в 1919 г., Е. И., по мужу Пискунова, жива до сих пор, член ВКП(б). Упомяну еще сестер М. Ф. и Е. Ф. Дмитриевых, сестер А. А. и Н. А. Рукавишниковых.

Из института «благородных девиц» в кружках принимали участие три сестры Невзоровы, потом активные партийные работницы; все они остались до конца жизни большевичками: по мужьям—З. П. Кржижановская, С. П. Шестернина и А. П. Лозовская.

Отдельно стоял марксистский кружок семинаристов, в который входило пять-шесть человек во главе с М. Ф. Владимирским. М. Ф. Владимирский—потом виднейший партийный и советский работник.

Таким образом, во всех среднеучебных заведениях Нижнего в то время были марксистские кружки за исключением только кадетского корпуса.

Несколько позднее в этих кружках приняли участие гимназисты В. И. и С. И. Яхонтовы (В. И. Яхонтов потом видный член нашей партии, был наркомюстом РСФСР, умер несколько лет назад) и семинарист В. А. Десницкий, впоследствии — член

ЦК партии (1905—1907 гг.), представитель ЦК в редакции московской большевистской газеты «Борьба» в 1905 г., в 1917 г. вместе с Горьким редактировал «Новую жизнь», теперь— профессор литературы в Ленинграде, беспартийный.

Гимназистки М. П. и О. П. Иваницкие; М. П., потом видная работница нижегородской партийной организации, умерла большевичкой после революции. Ее сестра О. П. была впоследствии членом Нижегородского и Бакинского, а в 1905—1906 гг. Московского комитета партии, ныне беспартийная.

Я перечислил здесь только тех молодых нижегородцев-марксистов того времени, кого я тогда или после знал, но знал я далеко не всех¹.

Познакомился я тогда у Григорьева с несколькими рабочими, кроме уже упомянутого Абрама Гуревича,— с Пятибратовым и Парфеновым. Но из-за конспирации тогда не рекомендовалось вести знакомства с рабочими никому, кроме тех, которые вели непосредственно с ними занятия, а потому мне, как временно приезжавшему в Нижний, не пришлось близко познакомиться с тогдашними нижегородскими рабочими. Но чтобы дать более цельное представление о тогдашней нижегородской марксистской группе, считаю нужным привести здесь характеристику виднейших рабочих из воспоминаний М. Г. Григорьева, который был первым организатором марксистских кружков в Нижнем-Новгороде и воспоминания которого отличаются вообще большой точностью. Вот что пишет он²: «На Острожной, в доме Чекуристова осенью 1891 г. состоялась моя первая встреча с настоящими рабочими, и этой встречей была положена основа организации первого социал-демократического кружка в Нижнем-Новгороде.

Первым пришел Абрам Гуревич (о нем я уже упоминал.— С. М.) с Яковом Пятибратовым. За ними поодиночке приходили Михаил Громов, Мухин, Парфенов, пожилой рабочий, фамилию которого я, к сожалению, уже позабыл, и еще двое молодых рабочих. Все рабочие были с Курбатовского завода, и притом все до одного являлись особо квалифицированными.

После некоторого времени, необходимого, чтобы люди могли друг с другом освоиться, я повел речь о классовой розни, о роли рабочего класса, об организации за границей рабочих в политические партии и о том, как живут за границей сознательные рабочие. Время пролетело незаметно, все гости оживились, посыпались вопросы, причем особенной любознательностью выделялись Яков Пятибратов и Алексей Парфенов.

Опыт удался, и необходимость дальнейших встреч сделалась

¹ Много имен перечислено в нижегородских «Материалах по истории революционного движения» под ред. Илларионова, т. II, Нижний-Новгород 1922, стр. 83—117.

² См. его воспоминания в журнале «Пролетарская революция» № 4, 1924 г.

очевидной, причем было найдено, что было бы удобнее, если бы я ходил к ним, а не они ко мне. Алексей Парфенов для собрания предложил свою квартиру в доме своей матери в фабричной слободке.

И много раз после этого ходил я с Гольденбергом в фабричную слободку в дом Парфеновой, где и велись нами систематические занятия с ядром кружка рабочих на Курбатовском заводе.

От этого ядра марксистские идеи расходились не только по Курбатовскому заводу, но и далеко за его пределы.

Яков Пятибратов-Роганов. Его двойная фамилия объясняется тем, что он воспитывался с малых лет приемным отцом и матерью, которые его впоследствии и усыновили. Он—один из немногих рабочих, которые, получив серьезную теоретическую подготовку, не бросали станка без необходимых к тому полицейских условий, а как только полицейские условия дозволяли, они вновь возвращались к станку.

Имея небольшой природный недостаток—шепелявость, он все же этим не стеснялся и свободно высказывал свои убеждения, играя в рабочих кружках весьма видную роль (он здравствует до сих пор (1936), член ВКП(б).— С. М.).

Если Абрам Гуревич был тем, кто предоставил связи с рабочими, то Яков Пятибратов был главным помощником в деле ведения занятий в рабочих кружках. Усилиями Пятибратова удалась закрепить марксистские идеи в головах многих рабочих не только Курбатовского завода, но и ряда типографий и заводов в Нижнем, а затем и в Самарской губернии, откуда эти идеи, как лавина, распространились и вширь и вглубь. П. Н. Скворцов с особенной любовью относился к Я. Пятибратову.

Алексей Парфенов—другой рабочий, один из помощников в деле пропаганды марксистских идей среди рабочих. Весьма скромного вида и ординарной наружности; в нем чувствовалась какая-то особенная сила, которая заставляла и мать его и молодую жену охотно предоставлять свою квартиру для рискованных собраний.

Когда нам понадобилось иметь на Канавинском химическом заводе своего механика, нами туда был перемещен Парфенов, и он вполне удовлетворял инженера Круковского в техническом отношении; в момент ожидавшегося у Круковского обыска предоставил свою кладовую, не зная вовсе, что обыск у Круковского был по распоряжению из Москвы, а не по местным делам, участие в которых Парфенова также было довольно значительным. Где теперь Парфенов и что с ним случилось, мне неизвестно.

Нельзя не упомянуть еще об одном видном в то время рабочем—Михаиле Громе. Талантливый токарь, он обладал необычайной смелостью, и нам приходилось много затрачивать сил на доказательства необходимости для него выдержки. Он, кстати сказать, умело поддерживал какое-то знакомство с одним из

жандармов, от которого и узнавал о предполагавшихся обысках.

Получив сведение о предстоящем у инженера Круковского обыске, он немедленно же кинулся предупредить об этом Круковского. Это было как раз в то время (весна 1894 г.), когда сообщение Нижнего с Канавиным по льду уже было прекращено вследствие начавшегося ледохода, а лодочное движение еще было опасным. Громов видел, как на берегу начали собираться для переправы на другую сторону жандармы, и он, опасаясь, чтобы жандармы его не опередили, схватил стоявшую на берегу чью-то лодочку и на ней махнул на другую сторону, несмотря на отчаянные окрики береговой речной полиции.

Переправа эта сошла для него благополучно. Он задолго до жандармов успел перебраться в Канавино на завод Высоцкого и Гоца и там не только предупредил о предстоящем обыске Круковского, но и успел перепрятать шрифт от него к Парфенову.

Из ряда других рабочих, среди которых были и многосемейные и которые также бесстрашно не только посещали кружковые собрания, но и руководили развитием своих товарищей на заводе, выделялся еще уже пожилой рабочий Мухин».

Так описывает Григорьев тогдашних нижегородских рабочих-марксистов.

Я уехал тогда из Нижнего (в январе 1892 г.) под впечатлением всего виденного и слышанного, в подъемном настроении, но мне вместе с тем было досадно, что в Москве, в большом университетском городе, я не знаю ни одного марксиста-интеллигента, не имею связи с рабочими. Решил искать этих связей и прежде всего выступать везде, где можно, с изложением своих марксистских взглядов. Я почувствовал, что почва у меня под ногами крепнет и что я могу уже приступить к практической работе.

Прежде всего я стал высказывать свои взгляды в частных беседах с некоторыми студентами, с которыми встречался в университете или в землячестве. Так, я разговорился как-то со своим однокурсником рязанцем С. К. Ивановым, с которым сидел вместе в Бутырках в 1890 г. Оказывается, что он тоже знаком с марксистскими идеями и сам относится к ним с интересом и сочувствием. Он после нескольких бесед со мной принес мне брошюру Энгельса «Развитие научного социализма», издание группы «Освобождение труда». Эта статья Энгельса очень много дала мне для понимания сущности научного социализма и исторического материализма. Потом принес он мне свежую четвертую книжку журнала «Социал-демократ» со статьями Плеханова «Всероссийское разорение» (отклик Плеханова на голод) и его же статьей «Русский рабочий в революционном движении», со статьей Аксельрода о германской социал-демократии и рядом других интересных статей. Большую радость почувствовал

я, читая этот толстый революционный марксистский журнал. Я почувствовал, какая пропасть лежит между этим революционным журналом и толстыми легальными журналами того времени, до чего мизерными показались они мне. Радовало, что вот и русские социал-демократы настолько сильны, что издают такие солидные, хорошо оформленные книги, с таким богатейшим содержанием, и эти книги доходят сюда, в Москву, несмотря на все преграды.

Из того же источника я достал тогда книги Туна «История революционного движения в России» и Степняка-Кравчинского «Подпольная Россия». По этим книгам я ознакомился с историей русского революционного движения, главным образом с историей русского революционного народничества.

Через Иванова я познакомился, наконец, с целым кружком московских марксистов. Более близкое знакомство и мое сближение с этим кружком произошло в следующий учебный год (1892/93), а потому я отложу пока рассказ об этом кружке, а теперь остановлюсь на других встречах в весеннем полугодии 1892 г.

Прочитав «Капитал» Маркса и вышеназванную марксистскую литературу, я решил выступить с изложением своих взглядов. Первый случай выступить представился мне в одном либерально-народническом кружке, который я порой посещал в течение последних двух лет. опишу сначала этот кружок.

Самой колоритной фигурой этого кружка был нижегородец доктор Дмитрий Николаевич Жбанков. Внебрачный сын крепостной крестьянки и ее барина, он пережил тяжелое детство—обычный удел таких детей. Он получил все-таки образование, окончил нижегородскую гимназию, а затем в 1879 г. Медико-хирургическую академию в Петербурге. Восприняв там народнические взгляды той эпохи, он на всю жизнь остался типичным семидесятником—народником-культурником и притом ярким поклонником Писарева. Народничество свое он проявлял и в образе крайне скромной домашней жизни и обстановки и в своей одежде—ходил всегда в блузе, подпоясанной поясом, только в торжественных случаях надевал сверху пиджак. Из-за этого его костюма выходили нередко недоразумения: его не хотели пускать, например, на торжественные собрания Пироговского общества, на общественные обеды в рестораны и т. п. Фанатик общественной медицины, он крайне резко относился к частной практике и к врачам-практикантам. Не имея определенных политических взглядов, только демократически настроенный, он не принадлежал никогда к политическим партиям; по существу либеральный народник, он тем не менее не любил либералов и пренебрежительно называл их орган «Русские ведомости» рабскими ведомостями. Начал он свою врачебную работу в качестве земского врача в селе Большом Рязанской губернии, причем не ограничивался только лечением, но и обследовал условия жизни населения, результатом чего явилась его печат-

ная работа «Село Большое». Эти обследования жизни населения и сближение его на этой почве с крестьянами показались администрации подозрительными, и он был уволен через два-три года работы в рязанском земстве. Около года был без работы, потом получил место врача в Костромской губернии. Здесь он продолжал свои санитарно-бытовые обследования, результатом чего явились новые работы; потом он обследовал, будучи заведующим медико-статистическим бюро Губернского земства, Смоленскую губернию. Эти работы его ценил Ленин и использовал их в своей знаменитой книге «Развитие капитализма в России»¹. Проработав лет шесть в Костромской губернии, Жбанков почувствовал, что практическим земским врачом он не может быть, так как не может производить даже самых малых хирургических операций, а они были неизбежны в земской практике. В это время Пироговское общество врачей предприняло большую работу по составлению земско-медицинских сборников, представляющих собой детальное описание состояния земской медицинской организации во всех земских уездах России. Жбанкову было предложено вести эту работу, он переехал в Москву (в 1889 г.) и занялся этой работой. С этого времени он стал душой Пироговского общества, и ни один пироговский съезд не проходил без его активного участия. На всех этих съездах, до IX съезда в 1904 г., он был наиболее левым, будирующим элементом, вносил предложения о возбуждении ходатайств о возобновлении высшего женского медицинского образования, об организации помощи голодающим крестьянам, об отмене телесных наказаний, смертной казни и т. п. В то время, о котором идет речь, Жбанков приехал в Москву, и я через одного моего сокурсника-нижегородца, его родственника, познакомился с ним и довольно близко с ним сошелся. Около Жбанковых стал постепенно группироваться кружок московской интеллигенции, сначала преимущественно нижегородцы, а потом и другие.

Перечислю некоторых участников этого кружка: во-первых, старый приятель Жбанкова по университету, учитель гимназии, а потом директор 5-й мужской гимназии Г. Х. Херсонский, очень хороший учитель, умеренно либеральный по своим взглядам человек. Далее, его сестра Мария Хрисанфовна Свентицкая, очень живой человек, впоследствии известная в Москве педагогическая работница, основательница первой в Москве гимназии для совместного обучения мальчиков и девочек. Ее муж—инженер, тогда начальник дистанции Ярославской железной дороги, потом начальник Северной железной дороги. Учитель гимназии Д. Д. Галанин. Приват-доцент университета А. А. Кизеветтер, потом известный профессор русской истории, член ЦК кадетской партии, ныне белоэмигрант. Санитарный врач москов-

¹ Ленин. Соч., т. III, Указатель имен.

ского земства А. В. Погожев, участник вместе с Эрисманом и Дементьевым известного обследования московских фабрик и заводов в первой половине 80-х годов, очень образованный человек, большой знаток вопросов социальной политики. Его жена А. В. Погожева, впоследствии организатор при Московском университете кабинета по социальной политике из материалов, оставшихся после смерти ее мужа. Наконец, И. П. Герасимов, тоже московский учитель, впоследствии товарищ министра народного просвещения при либеральном министре народного просвещения Кауфмане в 1905 г.

Бывали в кружке и другие, менее заметные фигуры. Собирались они обычно по субботам по очереди друг у друга. Кроме «больших», на этих «субботниках» бывала учащаяся молодежь, иногда человек до десяти. Велась беседа, споры на разные общественные темы. Молодежь, как обычно полагалось тогда, выступала всегда левее старших и любила поспорить. В зиму 1891/92 г. кружок этот откликнулся на голод, обложив своих членов ежемесячным подоходным налогом в пользу голодающих; на эти деньги была устроена столовая в голодающей местности. Вот в этом кружке я и выступил в феврале или марте 1892 г. с изложением своих взглядов для пробы своих сил.

Произошло это так. Сначала я поделился со Жбанковым о своем намерении выступить и кратко изложил ему сущность своих взглядов. Его они очень удивили, но так как он был большой любитель всяких дискуссий и споров, то очень охотно, как председательствующий на этот раз хозяин дома, способствовал моему выступлению. Он с шуточкой заявил, что у Сергея Ивановича вывезло в голове, и он хочет поделиться с нами своими новыми взглядами. Я выступил приблизительно в таком духе: ваш кружок, собирая пожертвования для голодающих крестьян, делает полезное, но очень маленькое дело. Центр внимания сейчас надо направить не на крестьянство, а на рабочий класс: крестьянство—класс прошлого; под влиянием капитализма крестьянство неизбежно расслаивается на крестьянскую буржуазию и на пролетариев, которым предстоит вывариться в фабричном котле; класс будущего—класс революционный, который выведет Россию из реакционного тупика и произведет революцию,—это рабочий класс. Вот туда-то и надо направить все силы интеллигенции для революционной и культурной работы.

Мое выступление шло решительно в разрез с прочно установившимися в этом кружке либерально-народническими взглядами, и понятна была их бурная реакция против меня. Проспорили и прокричали до поздней ночи. После этого мне еще не раз приходилось выступать в этом кружке, и всегда реакция на эти выступления была та же, что и в первый раз. Особенно выводили из себя публику мои резкие отзывы о корифеях либерального народничества. Я как-то назвал, помню, Джаншиева

за его книгу «Великие реформы» и Иванюкова за книгу «Падение крепостного права» либеральными болтунами; досталось же мне тогда.

Несколько лет назад я встретился с одним научным работником. Он спросил меня, не знаю ли я Д. Д. Галанина. Я сказал, что знал лет сорок назад. Ну тогда, сказал он, я вас знаю с детства, хотя и никогда не видел. Я, сказал он, мальчиком жил у Галанина, и там постоянно ругали какого-то Мицкевича; вот я и наслышался о вас тогда... Признаться сказать, мне было приятно слышать, что такое впечатление я производил на либеральную публику. Конечно, я не надеялся их убедить, но выступал потому, что, во-первых, для меня самого были полезны эти дискуссии, а во-вторых, там была молодежь, которая с большим интересом прислушивалась к этим спорам.

И из этой молодежи впоследствии вышли хорошие революционеры. Уже ближайшим летом двое из них—студенты Н. Х. Херсонский (брат Г. Х. Херсонского) и Д. В. Тихомиров—заялись пропагандой марксизма: читали в кружке сельских учителей и учительниц и в селе Ельне Нижегородского уезда «Наши разногласия» и сами определились как марксисты, работая впоследствии в нашей партии; по той же дороге пошла и сестра Тихомирова Мария Вячеславовна, поныне член ВКП(б). Две сестры Лосевы, курсистки, тоже стали марксистками и остались большевичками до сих пор; одна по мужу Е. Н. Ванеева, а другая—А. Н. Первухина. Некоторые из этой молодежи пошли по другому пути и стали потом эсерами, как В. Е. Павлов и его две сестры.

Но эти споры имели влияние и на кое-кого из старших: жена Жбанкова с большим пониманием, чем другие, отнеслась к моим взглядам, а М. Х. Свентицкая отнеслась и с нескрываемым интересом и сочувствием; впоследствии она оказывала революционерам-марксистам активное содействие, о чем мне еще придется говорить.

В этот весенний семестр 1892 г. у меня было много интересных встреч. В московском подполье было несомненное оживление: образовалось много групп, выпускались подпольные листки и брошюры. Мой знакомый по Бутыркам студент П. И. Кусков рассказал мне, что образовалась группа «Босяки». Эта группа возлагает главные надежды на огромную армию босяков, образующуюся вследствие катастрофического разорения русской деревни; это элемент бунтарский, его легко поднять на революцию. Кусков же принес мне гектографированную брошюру, где обосновывалась программа этой группы. Авторство этой брошюры приписывалось П. Ф. Николаеву. На ней была, помнится, подпись «Старый друг».

Виделся я также в это время с одним студентом, который называл себя марксистом-террористом. Говорил, что вполне разделяет положения Маркса, считает их вполне приложимыми

и для русской действительности; расходится с русскими социал-демократами только в том, что в настоящее время надо на первый план поставить террористическую борьбу за завоевание хотя бы минимальной политической свободы, и только после этого уже следует главное внимание обратить на пропаганду среди рабочих. Встречался я тоже с П. М. Кашинским, державшимся приблизительно таких же взглядов. За настоящих марксистов я их тогда не признал, и у меня не явилось желания войти с ними в организационные отношения.

Между тем, в это время (как я узнал, впрочем, значительно позже) переехал из Петербурга в Москву только что окончивший технологический институт инженер М. И. Бруснев, организатор рабочих кружков в Петербурге, с целью вести пропаганду среди московских рабочих. В своих воспоминаниях, помещенных в журнале «Пролетарская революция» (1923 г., № 2 (14), он называет кружок Кашинского социал-демократическим, хотя еще и не отрешившимся от некоторых народофильских взглядов на политическую борьбу. Далее он пишет, что «кроме группы Кашинского в Москве, повидимому, социал-демократическое направление не пользовалось расположением, вернее, было вовсе неизвестно». Оно было вовсе неизвестным Брусневу, а между тем, в это время в Москве уже были марксисты более ортодоксальные, чем Кашинский, как одиночки (вроде меня), так и целые группки, как кружок Г. М. Круковского, Григория Мандельштама и А. Н. Винокурова и кружок рязанцев, о которых я скоро расскажу более подробно. Эти марксисты, неизвестные Брусневу, уже в то время не пошли бы на объединение с такими лицами, как Кашинский и Егупов¹ на платформе, первый параграф которой гласил: «убежденные социалисты-революционеры, мы стремимся к созданию боевой социал-революционной организации...», и далее: «мы глубоко убеждены, что при современном соотношении общественных сил в России политическая свобода в ближайшем будущем может быть достигнута лишь путем систематического политического террора, воздействия на центральное правительство со стороны строго централизованной и дисциплинированной партии при дружном содействии всех живых сил страны». «Партия должна быть создана на почве широкой пропаганды идей социализма, в связи с пропагандой политического террора среди демократической интеллигенции, среди рабочего пролетариата и отчасти среди сектантов-рационалистов». Правда, Бруснев пишет, что на собрании, на котором была положена основа будущей организации, он возражал против этой программы, но все же вошел в эту организацию. Что вышло бы дальше из этой организации, неизвестно, так как через не-

¹ Егупов, студент-народовец, проявлял большую энергию по сплочению революционных групп. После ареста в апреле 1892 г. вскоре стал выдавать всех, кого знал или о ком слышал.

сколько дней после этого собрания, 26 апреля 1892 г., все участники его были арестованы. В этих же воспоминаниях Бруснев пишет, что «наше направление в это время еще не проникало в Нижний и что Красину первому пришлось его проповедывать». Что это не так, видно из всего, что я писал раньше о Нижнем.

Однажды пришел ко мне студент П. И. Кусков и принес несколько десятков печатной прокламации «Письмо к голодающим», под которым стояла подпись «Мужицкие доброты», и рассказал, что образовавшаяся в Москве группа народовольцев решила повести широкую агитацию среди голодающих крестьян, печатать прокламации и рассылать их по адресам сельских учителей и крестьян. Принес он и адреса, по которым должны быть разосланы эти прокламации, объяснив, что прокламация эта напечатана в большом количестве и мобилизованы все силы для ее рассылки. Я охотно согласился, надписал адреса и побросал конверты с прокламациями в почтовые ящики. Часть прокламаций, разосланных тогда из Москвы, была перехвачена полицией, а что часть их дошла по назначению, можно судить по статье Короленко «Земли, земли!» (см. «Голос минувшего» за 1922 г., № 1). Короленко в это время ездил по голодающим местностям Нижегородской губернии и видел крестьян, на имя которых были получены эти прокламации и которых таскали по этому поводу к станковому.

Через несколько дней после этой рассылки я узнал об аресте писателя Н. М. Астырева и целой группы лиц; я узнал, что именно Астыреву приписывается авторство этой прокламации, а его группе — печатание и рассылка. Но ни Кусков, ни я не были тогда ни арестованы, ни обысканы. В связи с делом Астырева на нашем курсе был арестован студент А. С. Розанов, тогда уже становившийся марксистом, о чем я узнал впоследствии. Розанов этот играл через некоторое время значительную роль в нижегородской марксистской организации.

Но все эти встречи не удовлетворяли меня: я стремился тогда завязать связи с рабочими и начать среди них пропаганду марксизма. Завязать связи с рабочими в то время было не так просто. Метод, которым пользовались часто в 70-х годах народники, — разговоры и знакомство в трактирах — не применялся в мое время. Москва была наводнена шпионами, и разговоры в трактирах обрекали бы на верный и скорый провал. Помню, я пробовал вести разговоры в поездах, особенно при поездках на пасхальные каникулы в Нижний. В это время рабочие Орехова-Зуева и других фабрик Московской и Владимирской губерний во множестве разъезжались по своим домам на пасху. Я всегда заводил с ними беседы. Ехали они на праздники после получки с деньгами, были часто навеселе и охотно беседовали. Редко можно было уловить у них нотки протеста или даже жалобы. Помню беседу с одним очень бойким рабочим-прядильщиком. Я спросил, как ему живется на фабрике у Саввы Морозова. Он сказал, что

живет он хорошо, зарабатывает в месяц 18 рублей, за харчи вносит в артель в месяц 6 рублей, остается на руках 12 рублей; по праздникам покупает полбутылочку, в месяц уйдет на водку 1 рубль, полушубок у него домашний из деревни, на остальную одежду он считает, что уйдет не больше 1 рубля в месяц, а остальное—около 10 рублей в месяц—он посылает семье в деревню; вот и сейчас он везет домой подарки и деньги. Морозова он считает благодетелем, который кормит тысячи народу. Надо иметь в виду, что в это время по закону 1886 г., изданному после большой Морозовской стачки, штрафы почти не применялись на больших фабриках Московской и Владимирской губерний, был введен расчет наличными два раза в месяц; крестьянам, наголодавшимся в своих деревнях, фабричный заработок и фабричный харч казался благодеянием по сравнению с их деревенским житьем. Вспомнились мне тогда слова Лассалья, что положение немецкого рабочего особенно плохо тем, что рабочему еще приходится доказывать, что оно плохо. Во всяком случае из этих разговоров у меня ничего не получалось.

Раздумывал, как найти связи с московскими рабочими. Встречал я у Н. Н. Златовратского рабочих Брестских (Смоленских) железнодорожных мастерских¹, но связи с ними у меня утерялись, и я не знал, как их найти. Знал я еще зятя А. И. Добронравова, тоже слесаря из этих мастерских, но А. И. предупредил меня, что его зять очень боится всяких революционных связей, и я не хотел его напугать. Но вот однажды, в феврале или марте 1892 г., меня отыскала как раз сестра Добронравова и пригласила на поминки по нем в день годовщины его смерти. Я пошел к ним и познакомился у них с помощником машиниста на Брестской дороге Сергеем Ивановичем Прокофьевым и слесарем железнодорожных мастерских Иваном Алексеевичем Семеновым. Они знали хорошо А. И., участвовали в кружке, который он вел, и ухватились за знакомство со мной. Я, конечно, тоже был чрезвычайно рад этому знакомству.

Через несколько дней я зашел к С. И. Прокофьеву. Он занимал со своей семьей—с матерью, сестрой и братом—отдельную небольшую, очень чистенькую квартирку в одном из Тишинских переулков у Сенной площади (ныне Краснопресненского района). Это была вполне культурная семья—сестра его училась на акушерских курсах, брат в железнодорожном техническом училище. В комнате была книжная полка, на ней книги: сочинения Глеба Успенского, Златовратского, Засодимского, Решетникова, Левитова.

Сам С. И., молодой человек лет 22, окончил начальную школу, потом начал готовиться на звание народного учителя, но смерть отца помешала дальнейшей учебе. Он писал красиво

¹ Брестской, или Смоленской железной дорогой тогда называлась Александровская, ныне Белорусско-балтийская железная дорога.

и вполне грамотно, много читал народнической беллетристики; был знаком со студентами, участвовал в кружке А. И. Добролюбова, где читал и кое-что из народовольческой нелегальной литературы. У него уже был два раза обыск, и один раз его вызывали на допрос в жандармское управление. Его приятель и сверстник Семенов подстать ему—двоюродный брат Семенова—учился в Комиссаровском среднетехническом училище. Около них был кружок рабочих на почве саморазвития, общего чтения и общей библиотеки, которую они сообща собирали. Вскладчину они выписывали «Русские ведомости» и особенно внимательно следили по ним за рабочим движением на Западе. Беседа с ними была интересна и оживленна. Я познакомил их в общих чертах с марксизмом, противопоставляя его народовольчеству и народничеству вообще. Познакомил с основами программы русской социал-демократии по Плеханову. Почва была подготовлена, и мои собеседники легко и быстро меня понимали и проявили горячий интерес к нашим беседам. Я достал у студента Иванова для них один из сборников «Социал-демократ». Он произвел на них большое впечатление, и из бесед по поводу его мне стало ясно, что они хорошо поняли его содержание.

Вот что вспоминает Прокофьев по поводу знакомства со мной:

«У Никифорова я встретился с Сергеем Ивановичем Мицкевичем. Знакомство с С. И. и разговоры с ним дали моим мыслям новое направление. Я стал знакомиться с капиталистическим строем и научным социализмом. Стал читать «Капитал» Маркса, Каутского и другие книги. С. И. мне помогал в понимании их. Он мне их объяснял, выяснял и направлял меня. Через С. И. я познакомился с Александром Николаевичем Винокуровым. Это знакомство меня сильно возбуждало: я чувствовал, что я попал в самую точку.

В знакомстве с С. И. и А. Н. я видел не простое знакомство, а почувствовал в них настоящих друзей рабочих и таких, которые могли положить свою голову за то дело, за которое взялись»¹.

В это время произошло событие, которое произвело на нас большое впечатление. Это была первомайская Лодзинская забастовка, охватившая все фабрики г. Лодзи (в Царстве польском, входившем тогда в состав Российской империи) и проходившая очень бурно. Были вызваны войска, которые стреляли, было много убитых и раненых. Понятно впечатление, которое произвели эти события на нас. Мы рассуждали: если возможно такое большое рабочее движение, охватившее, очевидно, широкие массы польских рабочих, то почему оно невозможно в коренной Рос-

¹ «На заре рабочего движения в Москве», изд. Политкаторжан, 1932, стр. 109.

сии; ведь полицейский режим в Польше еще более суров, чем в остальной России, и все же возможна там революционная работа среди рабочих, возможна, значит, она и в Москве. Но как приступить к такой работе, которая бы захватила широкие рабочие массы, мы еще не знали.

Не пришлось мне в это время развить мои связи с рабочими, так как вскоре, в середине мая, я уехал из Москвы на заработок — оспопрививание во время летних каникул.

ГЛАВА XIV

На оспопрививании в Тверской губернии. Земский врач С. Н. Корженевский. Земская медицина в 90-х годах

Мой однокурсник Масленников, тверяк, предложил мне поехать с ним на оспопрививание в Старицкий уезд Тверской губернии, откуда он получил приглашение с предложением подобрать еще нескольких студентов для этой цели. Я охотно принял это предложение: отчасти для заработка (100 рублей за полтора месяца работы плюс 50 рублей разъездных), отчасти потому, что перспектива побродить по деревням и поближе познакомиться с крестьянским бытом показалась мне очень интересной. Наскоро окончив свои дела с зачетами, я 15 мая уехал вместе с Масленниковым в г. Старицу, родом откуда он был; его отец служил там делопроизводителем уездной земской управы. В Старице мы с ним пробыли один день, побывали в управе, получили инструкции и детрит, а также предупреждение быть очень осторожными в беседах с крестьянами, так как полиция едва согласилась разрешить студентам заниматься оспопрививанием и, несомненно, установит за нами тщательное наблюдение.

На другой день мы с Масленниковым выехали в село Берново, где был земский медицинский пункт с больницей. Берновским медицинским участком заведывал врач Степан Николаевич Корженевский. Мы приехали прямо к нему. Он жил в отдельном доме, недалеко от больницы, со своей семьей — женой и двумя детьми лет семи-пяти. На участке своем он работал уже лет шесть. Участок был большой, с радиусом верст в 25, отдельные селения отстояли от центра даже на 35 верст; в участке было около 200 деревень. При врачах были фельдшер и акушерка. Кроме того, в участке было четыре-пять фельдшерских пунктов. Первые два-три дня мы решили бывать в амбулатории на приемах врача, чтобы хоть немного ознакомиться с населением и с подходом к нему врачебного персонала. Амбулаторные приемы были большие — человек по 50—60, а в праздничные дни до 100 и более больных. Корженевский был очень популярен, особенно как глазник, и к нему ехали больные не только из его участка, но и соседних, иногда очень отдаленных. Выходного дня у медицинского персонала не было. Правда, было объявлено, что по понедельникам

нет амбулаторного приема, но в этот день производились операции стационарным больным, число которых доходило до 15—20. Особенно много было глазных операций: снятий катаракт и пластических операций на веках при трахоме. Но приходилось принимать в этот день и амбулаторных больных в экстренных случаях, а также не знавших о том, что по понедельникам нет приема. Отказа в приеме никогда не бывало. Рабочий день медицинского персонала начинался в 8 часов утра и продолжался до 6—7 часов вечера, не считая экстренных вызовов и обращений по вечерам и по ночам. Лекарства приготавливались этим же медицинским персоналом. Это было обычным типом, как я потом убедился, работы земского медицинского персонала. Жалованья врач получал 100 рублей в месяц при бесплатной квартире и отоплении, фельдшера—30—35 рублей в месяц. Какая-либо частная практика и вообще плата за медицинские советы земскими врачами в сельских участках принципиально отвергались.

Через два-три дня выехали на оспопрививание. Мы разделили врачебный участок приблизительно поровну: я взял 105 деревень. Деревни были небольшие и расположены очень близко одна от другой, на расстоянии 1—3 верст, самое большое расстояние между деревнями в моем участке было 6 верст. Ввиду этого я решил обойти свой район пешком. Начинать я свою работу рано утром, часов с шести, и продолжал до захода солнца, отдыхал во время еды и переходов между деревнями; за день обходил и прививал оспу в 3—5 деревнях, в зависимости от их размеров; прививал всем детям и желающим взрослым. Такое поголовное привитие оспы впервые было произведено в этой местности. Ранее оспопрививанием занимались участковые фельдшера и «оспенники» из местных крестьян. Среди населения оказалось много непривитых. Население, привыкшее уже к медицинской помощи, охотно соглашалось на привитие оспы; только в нескольких отдаленных деревнях кто-то распустил слухи, что будут ходить «скубенты» по деревням и портить детей, и в этих деревнях не хотели было давать прививать оспу. Пришлось убеждать. Когда я стал говорить, что нас послал для этого доктор Степан Николаевич, то меня прервали: «Степан Николаевич послал! Так ты бы сразу так и сказал: если послал С. Н., так значит плохого тут нету».

Дальше я обыкновенно с этого и начинал, и дело шло без помех. Насколько популярно было среди населения имя С. Н. Корженевского, я увидел еще из такого случая: к одной крестьянке приехала в гости ее родственница из другого уезда и рассказывала при мне ей о своих болезнях, что она много лечилась и что ни врачи, ни «бабки» ей не помогают, и она решила поехать к отцу Ивану Кронштадтскому, популярному тогда «чудотворцу». А собеседница говорит ей: зачем тебе ехать к Ивану Кронштадтскому; у нас есть свой Иван Кронштадтский—доктор Степан Николаевич, он тебе лучше поможет.

Кроме оспопрививания приходилось нередко давать и медицинские советы и прописывать рецепты, по которым больные получали лекарство у ближайшего участкового фельдшера. Пройдя четыре курса медицинского факультета и проработав в течение прошлого лета в Нижегородской губернской земской больнице, я уже разбирался в простых случаях и помогал обращающимся ко мне как умел; в более сложных случаях я советовал обратиться в больницу в Бернове. Крестьяне относились ко мне хорошо, с доверием, особенно, видя, что я не езжу, как барин, а хожу пешком с котомкой за плечами из деревни в деревню, останавливаясь в первой попавшейся избе, питаюсь вместе с хозяевами «чем бог послал». Крестьяне охотно беседовали со мной; я их расспрашивал о их житье-бытье, вел разъяснительные беседы, но от агитационных речей воздерживался, помня предупреждение о настороженности местной полиции. Крестьяне этого уезда жили по преимуществу отхожими промыслами, работали на фабриках в Твери или ходили на заработки главным образом в Петербург в качестве маляров, штукатуров, плотников. Основной доход давал этот заработок на стороне. Хозяйство в деревне было подсобным; в нем работали по преимуществу женщины, дети и старики. Недород прошлого года, поразивший двадцать губерний, не коснулся Тверской губернии, так что кричащей бедности не было заметно. Помещичьи хозяйства в моем районе мне не попадались. Бывшие помещичьи хозяйства были или распроданы, или сданы в аренду крестьянам, а леса проданы тверским фабрикантам, преимущественно Морозовской тверской мануфактуре.

Помехой в моей работе были «храмовые» праздники. Когда я приходил в села и деревни, где был храмовой праздник, то заставал картину поголовного пьянства—пили старики, женщины, поили детей, поили всех присутствующих; большого труда стоило мне отстоять право не пить водку при настойчивых упрашиваниях, а потом чуть не насильном вливании ее. Праздник продолжался обычно не менее трех дней и захватывал одновременно все деревни данного прихода. Приходилось уходить из этой местности до окончания праздника и потом возвращаться туда. В течение месяца при интенсивной работе мне удалось обойти все 105 деревень моего района и привить в них оспу. Я возвратился в Берново, чтобы сообщить о своей работе врачу. Отдохнув там дня два, я вновь поехал в свой район, чтобы выяснить результат прививки.

На этот раз я уже ездил: нанял какую-то старушку с лошадыю, и с нею объехал мой район дней за 10—12. Прививка оказалась очень успешной, и крестьяне остались довольны моей работой. При этой поездке мне говорили, что вслед за мной многие деревни объехал урядник и расспрашивал крестьян, о чем я беседовал с ними.

Окончив эту поездку, я приехал в Берново и жил там еще

несколько дней, составляя отчет о своей работе и посещая приемы Степана Николаевича. Кроме своей чисто лечебной деятельности он вел и санитарно-просветительную работу, ведя беседы со своими больными о санитарно-бытовых вопросах. Эти беседы не были бесследны, в чем я убедился хотя бы из отношения населения к оспопрививанию, а также из разговора о чудесах Ивана Кронштадтского.

С. Н. Корженевский не представлял какое-либо исключение среди земских врачей; напротив, это был хотя и выдающийся, но все же довольно типичный земский врач.

В настоящее время у нас господствует самое превратное представление о земской медицине, и я считаю полезным дать здесь хотя бы самое краткое описание состояния земской медицины в 90-х годах прошлого века.

Земское самоуправление по положению 1864 г. было введено в течение второй половины 60-х годов в 34 губерниях Европейской России (из 50 губерний, не считая Финляндию, Кавказ и Польшу). Земство получило от дореформенных «приказов общественного призрения» медицинскую часть в самом плачевном положении. В губернских городах и в большинстве уездных были больницы. Но что это были за больницы? Народ называл их «морилками» и шел туда в самых крайних случаях—умирать. В уездах был обычно один врач—так называемый «уездный лекарь», в городах полагался еще «городовой врач», но обыкновенно эти обязанности совмещались. На этом единственном враче в уезде лежали все медико-полицейские функции и заведывание городской больницей. Для крестьян врачей не полагалось: для помещичьих крестьян вообще не было медицинской помощи, а для государственных и удельных были учреждены сельские фельдшера, причем их было очень мало и уровень их квалификации был крайне низкий.

Земства начали реформировать доставшуюся им медицинскую часть или, вернее, совершенно заново ее создавать. Уезды были разделены на участки, вначале обыкновенно на два-три, в них строились больницы, приглашались врачи, фельдшерский и акушерский персонал.

Расходы земств на медицину быстро росли; с 2 миллионов рублей в 1871 г. они дошли до 18 миллионов в 1895 г.¹ Число земских врачебных участков в земских губерниях дошло до 2 тысяч, число земских врачей—до 2 500 (из них женщин-врачей около 5%), самостоятельных фельдшерских пунктов—2 500, фельдшерского и акушерского персонала—до 8 тысяч. Благодаря идейной тяге народнической интеллигенции к работе среди народа нашлось достаточное количество идейных земских врачей, отдававших все свои силы этой работе. Они сумели подойти к населению и скоро переломили то недоверие и боязнь,

¹ См. об этом «Русская земская медицина», Москва 1899.

которые народ питал к дореформенным лекарям. И правильно сказано в цитированном сборнике, что «как только среди крестьян явился земский врач с душевной готовностью оказать помощь в болезнях, то они не замедлили отнестись к нему с доверием и в такой степени занять все его время, что часто он едва успевал наскоро пообедать и несколько часов соснуть». И далее говорится: «В короткий сравнительно промежуток образовалась в России совершенно новая корпорация земских врачей со своими особыми профессионально-общественными целями, стремлениями и задачами». И надо сказать, что эта корпорация, не оформленная, но фактически сложившаяся и очень активная, много содействовала прогрессу земской медицины.

Постепенно вошло в земствах в обыкновение созывать губернские съезды врачей. На этих съездах трактовались вопросы улучшения постановки медицинского дела в губернии, проведения в жизнь оздоровительных мероприятий, борьбы с эпидемиями, улучшения условий жизни трудящихся масс. Таковы вопросы, занимавшие съезды врачей. На съездах принимался ряд конкретных требований, обращаемых к земствам. Врачи постепенно добились организации в большинстве земств коллективных органов—уездных и губернских санитарных советов, куда наравне с земскими гласными входили врачи данного земства. Эти советы подбирали медицинский персонал в своих губерниях и уездах. Случалось, что врачи в случае неудовлетворения земствами их требований поддерживали их коллективным уходом из уезда, и врачебные места, оставленные этими врачами, объявлялись на некоторое время под бойкотом. Кроме того, врачи сумели создать нечто в роде всероссийского объединения под флагом Пироговского общества врачей, созывавшего периодически (года через три) Пироговские съезды врачей, на которых широко ставились вопросы общественной медицины и санитарии. Пироговские съезды свои постановления имели обыкновение формулировать в виде «ходатайств» к правительственным учреждениям, но правительство, обычно, оставалось глухим к этим «ходатайствам»: 80% их не имело никаких результатов, большинство их осталось даже без ответа. И, наконец, IX Пироговский съезд в 1904 г. демонстративно постановил не возбуждать более никаких ходатайств перед правительственными учреждениями. Но это был уже канун революции 1905 г.

В результате работы земств и врачей создана была земская общественная медицина—оригинальный тип лечебно-санитарной организации, не известной в Западной Европе.

В неземских губерниях (двенадцать губерний Европейской России, Кавказ, Польша, Сибирь, Средняя Азия), где медицинской помощью ведали правительственные учреждения, медицинская помощь сельскому населению была организована значительно хуже. Она стала вводиться гораздо позже, только в конце

80-х годов, число участков было значительно меньше (раза в два-три) и они работали менее интенсивно, более бюрократически.

Правительство вообще нисколько не помогало земствам в их медицинской работе и никак ее не объединяло, напротив, оно ставило ей много препятствий. Прежде всего, оно препятствовало какому-либо объединению земской работы, боролось против быстрого увеличения земских смет (закон 1900 г. о предельности земского обложения), нередко не утверждало приглашенных земствами врачей, пыталось изъять у земств право управления лечебницами (лечебный устав 1893 г.) и т. д.

В результате разьединенности земств и отсутствия общих норм положение медицины и медицинского персонала в различных земствах было очень различно. Хуже оно было в реакционно-дворянских, лучше в либерально-дворянских и крестьянско-буржуазных земствах. В реакционных земствах не были организованы коллегиальные врачебно-санитарные советы, и подбор врачей производила сама управа.

В общем результате земская врачебная работа и борьба, которую пришлось вести врачам, нелегко им давались: часть врачей опускалась, запивала, нередко бывали самоубийства врачей. Вересаев в «Записках врача» приводит факт, что за 1889—1892 гг. 10% смертей среди земских врачей падает на самоубийства, и, конечно, это колоссальный процент. И тем не менее текущее врачебного персонала была в общем невелика, особенно в передовых земствах. Я знаю много случаев, что врачи в течение 20—30 лет сидели на одном участке, пользуясь большой любовью и уважением населения.

Что касается вспомогательного медицинского персонала, то первое время он пополнялся преимущественно плохо подготовленными, так называемыми ротными фельдшерами. Но постепенно они заменялись более подготовленными учениками земских и городских фельдшерских и акушерских школ. Среди них было также немало людей, беззаветно и идейно отдававшихся своему делу. Женщин среди них был значительно больший процент, чем среди врачей.

В политическом отношении земские врачи в этот период (первая половина 90-х годов) были в своей массе неактивны в связи с общим политическим застоем этого времени. По своим взглядам они были в большинстве либеральные народники, в редких случаях революционные народники, но и в последнем случае их политическая работа сводилась к заведению немногих связей среди учителей и отдельных передовых крестьян. Немало типов земских медицинских работников выведено в беллетристике того времени, особенно литераторами-врачами—Чеховым и Вересаевым. В следующие годы, начиная с начала 900-х годов, в связи с общим политическим оживлением земский медицинский персонал значительно политически активизировался, полевел,

но об этом я расскажу в свое время. В то позднейшее время мне пришлось в другой обстановке встретиться и с С. Н. Корженевским, а пока я с ним распрощался и уехал в Нижний.

ГЛАВА XV

На холере

Приехал я в Нижний в начале июля. Еще по дороге дошли до меня вести о появлении холеры в низовьях Волги, о погромах врачебных холерных пунктов в Астрахани, Саратове, Хвалынске, убийствах врачей и фельдшеров. Погромы эти были вызваны нелепейшими распоряжениями администрации, вызывавшими панику и вместе с тем крайнее озлобление населения, направившееся на ни в чем неповинный врачебный персонал. Началось с задержки в карантине десятков судов на Каспийском море на девятифутовом рейде близ Астрахани. Пароходы были задержаны без доставки провианта и пресной воды на место карантина. Началась массовая гибель людей от холеры, от голода и жажды¹...

А дальше... «всюду администрация брала дело в свои руки,— писал Короленко,—высылала возражателей и недовольных, приглашала «покорных» гласных и врачей лишь в качестве слепых исполнителей и затем принудительно осуществляла «указания науки» чисто полицейскими мерами, совершенно не считаясь с самыми ясными и законными требованиями жизни. Стоило врачам в Самаре и Саратове указать на то, что квас надо варить из кипяченой воды,—как все квасные посудины на пристанях внезапно, точно бурей, были опрокинуты полицией, и тысячи бурлаков вынуждены были пить грязную воду прямо из волжских затонов, как будто она была кипяченая, и всюду, где строился холерный барак,—перед населением вставал призрак принудительного, при содействии полиции, водворения в это учреждение даже сомнительных больных и заболевших другою болезнью...

Результаты всем еще памяты: в Астрахани, в Дубовке, в Царицыне, в Саратове, не считая мелких городов и поселков, население жгло холерные больницы и бараки. В одном месте фельдшера облили керосином и зажгли, докторов и сиделок убивали, в Саратове убили реалиста Пемурова, который заступился за санитаря».

Нижний тоже лихорадочно готовился к встрече непрошенной азиатской гостьи. Это совпало с подготовкой к всероссийской Нижегородской ярмарке, которая открывалась 15 июля и которая вызывала огромное скопление народа в Нижнем. Обычно

¹ Эти холерные ужасы описаны Короленко в очерках «В холерный год», в томе III собраний сочинений, изд. Маркса, 1914 г.

население города было тысяч 60—70; во время же ярмарки, говорят, доходило до полумиллиона. Приходила масса судовых рабочих, грузчиков, строителей; жили все они в плохих условиях, ели что и где попало. Несомненно, что среди них надо было ждать особенного развития холеры, среди них можно было ждать и взрыва бунтов и погромов.

Большое развитие холеры как раз накануне ярмарки могло серьезно подорвать ярмарку. Администрация поэтому приняла решительные меры, чтобы не допустить паники и бунтов. Борьбу с холерой возглавил губернатор Баранов, о котором я уже упоминал в связи с борьбой с голодом. Методы его борьбы с холерой были аналогичны с методами борьбы с голодом: захватить в свои руки распоряжение всеми средствами борьбы с холерой, что по закону было предоставлено органам городского и земского самоуправления; устранить фактически эти органы от распорядительных и контрольных функций, но привлечь их и ответственность к совещаниям, широко допуская гласность и в этих совещаниях и в информации о принимаемых мерах борьбы. Получалась даже либеральная внешность действий губернской администрации, под которой царили бесконтрольность в расходовании средств, широкие хищения всей барановской клики. Борьба с холерой обошлась городу и земству в колоссальную по тому времени сумму.

Барановым были выпущены воззвания, в которых он грозил зачинщиков и подстрекателей повесить немедленно на месте, а участников беспорядков жестоко наказать. И вместе с тем в этих воззваниях говорилось, что принудительно никто не будет помещен в бараки, и давались наставления, как уберечь себя от холеры; дополнительно было объявлено об организации на ярмарке и пристанях дешевых столовых, чайных, баков с кипяченой водой и т. п.

Эти предупредительные мероприятия и гласность повлияли на население, и начавшаяся паника, выразившаяся было в нелепых слухах и в бегстве приехавших на ярмарку рабочих, быстро прекратилась, и ярмарка прошла близко к нормальной.

Когда я приехал в Нижний, то там уже начался набор врачей и студентов для борьбы с эпидемией. Я записался в земские отряды. От земства возглавлял борьбу с холерой доктор П. П. Кашенко. Через несколько дней он вызвал меня к себе и сказал, что Баранов потребовал прикомандировать к нему одного студента для поручений по борьбе с холерой, и он решил послать меня. Перспектива работать при Баранове была неприятна и тяжела для меня. Я пробовал уклониться, но Кашенко сказал: раз взялись за борьбу с холерой, то придется работать там, где в данное время необходимо, а потому отказываться от какой-либо, даже самой неприятной работы не следует. Пришлось пойти к Баранову. Он принял меня очень любезно, предложил поселиться у него во дворце и быть всегда вблизи него, чтобы днем

и ночью он мог меня позвать и дать поручение. Обязанности мои состояли в разъездах по холерным баракам, по амбулаториям и в информации Баранова о всем происходящем. Он и сам часто везде бывал и возил меня с собой. Дела у меня в общем было немного, но тяготило близкое соприкосновение с этим помпадуром. Он любил шум и блеск. За обедом у него собиралось большое общество; высшие чины губернской администрации, представители города и земства, иногда какой-нибудь приезжий петербургский чиновник. Баранов руководил беседой, любил пошутить, похвалиться. Не стеснялся говорить о своих «подвигах» во время русско-турецкой войны, хотя было общеизвестно, что вследствие ложного сообщения об этих «подвигах» он был предан суду и исключен из морской службы. Когда ему говорили, что он не бережет себя и ездит по холерным баракам, он говорил, что его ничто не берет, что вот и турки в него стреляли, и революционеры три раза стреляли, но пуля его не берет. Любил он также подчеркнуть, что его незаконные порки на ярмарке удостоились «высочайшего» одобрения.

Надо сказать, что во время холеры в этом году он никого не выпорол, только распространителей слухов о том, что в бараках морят больных, он послал работать в бараки в качестве санитаров, чтобы они сами убедились во вздорности распускаемых слухов. К политическим высылаемым и поднадзорным он в общем относился не плохо и, будучи на ножах с жандармским генералом Познанским, нередко оказывал им некоторое заступничество, когда Познанский прижимал кого-нибудь, и последний обращался на него с жалобой губернатору. Так, пришел к нему высланный семинарист Троицкий с жалобой на то, что Познанский не разрешает ему давать уроки. Баранов сказал ему: «Ну, я ищу учителя к своим детям, давайте им уроки, ко мне он не придерется», и Троицкий получил хороший урок. Через некоторое время такую же штуку он проделал с пришедшим к нему высланным студентом Деспамесом. Бедняга был так умилен, что через некоторое время принял православие, и Баранов был у него на крещении «крестным отцом». Недаром Короленко, который его хорошо знал, так как одиннадцатилетнее пребывание в Нижнем все время прошло при губернаторе Баранове, так его характеризовал в «Голодном годе»: «...человек даровитый, фигура блестящая, но очень «сложная», с самыми неожиданными переходами настроений и взглядов», и резче в другом месте: «Баранов мог произносить хлесткие речи и делать прямо эпические (в щедринском смысле) глупости на рокамбольской подкладке». А Кони характеризовал его коротко и ясно—«трагикомический шарлатан». Вот у какого помпадуря пришлось мне работать.

Недели через две у меня оказалось очень мало дела, так как борьба с холерой вошла в обычные рамки, и эпидемия стала несколько ослабевать. Тогда я обратился с просьбой на-

значить меня куда-нибудь на пункт. Баранов сказал: «Вот ко мне обратился директор Сормовского завода с просьбой прислать врача для заведывания открываемым при заводе холерным баракom, и я решил послать вас». Я охотно принял это предложение и с радостью поехал в Сормово.

Там еще не было случаев холерного заболевания, но их ждали со дня на день, атмосфера была напряженная. Я принялся устраивать холерный барак на берегу Волги. Кроме заводского барака, в Сормове был еще земский барак, который был уже устроен и которым заведывал доктор Рожанский, опытный казанский врач.

Мы условились с ним никого из заболевших не принуждать ложиться в барак и лечить желающих на дому, причем Рожанский усиленно рекомендовал лечить холеру горячими ваннами или горячей баней, если больной захочет лечиться дома. Через короткое время меня позвали к первому больному, рабочему, заболевшему холерой. Я посоветовал везти больного в барак, но собралась большая толпа, которая вела себя довольно угрожающе и не хотела давать отправить больного в барак. Тогда я велел немедленно затопить баню и положить больного на жаркий пол, применил также все другие соответствующие меры, как-то: высокие теплые клизмы с таннином, подкожное вливание физиологического раствора, выприскивание камфоры. Больному на другой день стало лучше. Этот первый случай произвел перелом в настроении, и дальше дело пошло уже гладко; больные охотно и с доверием ложились и в барак, который быстро наполнился.

Я был в бараке один с фельдшером. Пришлось работать день и ночь без перерыва. Две недели я не раздевался и спал урывками на кушетке в кабинете врача. На мое счастье холера в Сормове протекала в более легкой форме, чем в Нижнем, и смертность у меня в бараке была очень небольшая, но силы мои истощались. Через две недели прибыл мне в помощь еще один студент. Мы стали дежурить через день, да и холера стала быстро убывать: через месяц уже перестали появляться новые случаи заболевания холерой, и барак был закрыт в конце августа. Сормовская заводская администрация была очень довольна сравнительно благополучным исходом эпидемии, и директор завода Воронцов взял с меня слово, что я приеду работать к ним на будущий год с весны, так как ожидалось, что холера вспыхнет и в будущем году с наступлением тепла. Я охотно обещал это сделать: кроме интересной работы, это сулило и хороший заработок. Кстати, платили нам на холере неплохо по тому времени—150 рублей в месяц, а сормовская администрация заплатила мне даже 200 рублей в месяц.

Начало занятий на двух последних курсах медицинского факультета отсрочили в этом году до 1 ноября, и у меня было еще свободного времени месяца два, а я так разохотился на

холерной работе, что взял еще место на пароходе, где были обязаны на время эпидемии иметь врача или студента.

Я и поступил на большой американский пароход «Миссисипи», который курсировал между Нижним и Астраханью, и успел сделать на нем три рейса. На пароходе работать было легко и интересно. Интересна была собственно сама поездка в Астрахань и обратно, медицинская же работа была небольшая и случайная: холерных больных было совсем немного: мы их везли до первого холерного барака и сдавали туда. На пароходе я подружился с машинной командой, вели разговоры, беседы. Одного масленщика, немца-колониста, я совратил на революционный путь, но больше встретиться мне с ним не пришлось. Дочитывал и конспектировал при этой работе еще первый том «Капитала».

ГЛАВА XVI

На пятом курсе. Зима 1892/93 г. Первые московские марксисты. Расширение связей с рабочими

Около 1 ноября приехал в Москву. Пошел к своим знакомым марксистам. Они в это время были усиленно заняты переводами марксистской литературы с немецкого. Переводы эти потом пускали по рукам в рукописях. Я набросился на эти марксистские статьи и за год много перечитал.

Расскажу об этом первом московском марксистском кружке или, вернее, группе, так как группа состояла из нескольких кружков в собственном смысле этого слова. Скажу прежде всего, почему я называю эту группу *первой московской марксистской группой*.

Как известно, имя Маркса и его сочинения, главным образом первый том «Капитала», были очень популярны среди русских народников 70-х и 80-х годов. «Капитал» был издан в России в 1872 г. издательством Полякова, тесно связанным с чайковцами. Это было первым переводом «Капитала» на иностранный язык. С тех пор имя Маркса не сходило со страниц легальных и нелегальных русских журналов. Часто имя Маркса и его учение популяризировалось в нелегальных брошюрах для рабочих и крестьян («Сказка о копейке», «Сказка-говоруха», «Царь-голод»). Известно приветствие, посланное Марксу как революционному вождю партией «Народной воли». Некоторые группы конца 70-х и 80-х годов называли себя даже марксистами; так это было с некоторыми группами лавристов в Петербурге и Москве в самом конце 70-х и начале 80-х годов. Казанские народники конца 80-х годов называли себя тоже марксистами, как я уже упоминал. Все они неправильно понимали Маркса: одни признавали его экономическое учение, но не признавали историко-философских и политических выводов из него; другие

признавали и то и другое, но с эклектическими «поправками», совершенно извращавшими его учение; третьи готовы были целиком признать его учение, но только для Западной Европы и Америки, а для России считали его неприложимым; четвертые признавали его приложимым и для России, но... только через некоторое время: дайте нам сначала пошатнуть самодержавие посредством террора, добиться от него хотя бы куцой конституции, а там, пожалуйста, ведите пропаганду среди рабочих, организуйте их в социал-демократическую партию.

Из множества отзывов о Марксе и его учении приведу только два мнения лидеров народничества в начале 80-х годов—Лаврова и Тихомирова. Лавров, эклектик и идеалист, считал себя тем не менее почти марксистом, и вот что он пишет в № 3 «Вестника Народной воли» за 1884 г.: «Марксизм—самое замечательное философско-историческое построение, которое выработано за последние полвека. Имя Карла Маркса настолько вплетено в борьбу классов нашего времени, что для беспристрастной оценки его учения еще не могло настать время». И далее: «Я твердо убежден, что нынешняя программа деятельности русских революционеров может быть совершенно определено и точно связана с этими существенными основами научного социализма, несмотря на внешние различия постановки задач, которые кажутся многим такими огромными». Значит, по его мнению, всех русских революционеров того времени, когда даже уже появилась группа «Освобождение труда», можно примирить и слить в одну партию, так как различия между ними только внешние. А Лев Тихомиров писал в том же «Вестнике» № 4 за 1885 г.: «Маркс открыл тайну европейской революции. Его слова являются откровением для пролетария и страшным *memento mori* (помни о смерти) для буржуа. Но на русских буржуа и революционеров он производит не то впечатление... Маркс, вообще хорошо знакомый с Россией, видел близость русской революции, но он не претендовал на объяснение исторического развития русского общества... для Европы он не только великий ученый, но и политический вождь. У нас он не имеет этого последнего значения». Просто и ясно!

В частности в Москве имя Маркса было хорошо известно в начале 80-х годов. Группа молодых экономистов, оставленных при университете,—Чупров, Иванюков—признавала экономическое учение Маркса. Иванюков в своей диссертации, которую он публично защищал при Московском университете в 1881 г., целиком солидаризировался с экономическим учением Маркса, но отмежевался от революционных выводов, которые делает из его учения «улица». На этом диспуте выступил из публики студент-медик 5-го курса П. П. Викторов с блестящей речью против Иванюкова. Он доказывал, что, наоборот, так называемая «улица», т. е. революционный пролетариат, понимает и истолковывает правильно Маркса и не отделяет экономическую часть его учения

от революционно-социалистической, а рассматривает их как нечто целое¹. И все-таки, несмотря на такое выступление, Викторов был не марксист, а лаврист, каковым он и считал себя всю жизнь (умер в Москве в 1929 г.).

Большую работу по ознакомлению с марксизмом провела в первой половине 80-х годов группа московских «милитаристов» и ее отпрыск «общество переводчиков и издателей». Эта группа издала в 1884 г. литографским способом сочинение Плеханова «Социализм и политическая борьба», Энгельса «Научный социализм» и «Анти-Дюринг», Маркса «Наемный труд и капитал», «Конспект капитала», «Гражданская война во Франции» и «Манифест коммунистической партии», Аксельрода «Письмо к товарищам».

Казалось бы, это была марксистская группа, но... главной и ближайшей своей задачей она ставила не организацию рабочего класса в социалистическую партию, а работу среди военных, организацию военного заговора с целью захвата власти, т. е. задачи чисто бланкистского характера. Характерно еще следующее: из этой большой группы не вышло потом ни одного марксиста, ни одного социал-демократа, а вышли «народовольцы», эсеры, либералы. Только В. Т. Распопин написал впоследствии две-три статьи экономического характера в марксистском духе, но он вскоре, еще в 80-х годах, умер. Да еще Циммерман стал марксистом после ссылки во второй половине 90-х годов, в это же время он был народовольцем. Этому обстоятельству, т. е. что члены этой группы не были впоследствии марксистами, я придаю большое значение, ибо кто прочно стал *ортодоксальным марксистом*, тот не так легко отходит впоследствии от марксизма. Примеры, конечно, такого отхода бывали, но у отходивших всегда можно было отметить и в то время, когда они считали себя марксистами, элементы неортодоксальности, элементы уклонов от ортодоксии. Это можно сказать и о Струве, и об Аксельроде, и о Плеханове, у которого такие элементы уклонов можно было отметить во все периоды его работы.

Марксистские группы, возникавшие в 80-х годах в России, не были свободны от народнических пережитков. Это можно сказать как о петербургской группе Благоева, так и о группе Бруснева, о котором я уже упоминал.

В Москве после провала «милитаристов» осенью 1884 г. в течение 80-х годов мне неизвестно ни одной марксистской или даже марксистскообразной группы; о них не упоминается ни в «Обзоре важнейших дознаний», ни в мемуарах. В «Обзоре» упоминается за это время только несколько раз о марксистской литературе, отобранной при обыске. Так, у Варенцовой в 1887 г. было отобрано сочинение Энгельса «Научный социализм», но

¹ См. об этом выступлении П. П. Викторова в «Пролетарской революции» № 6—7 за 1923 г.

Варенцова тогда, по ее же словам, была еще народоволкой; а у А. И. Рязанова¹ в 1889 г. была отобрана книга «Наши разногласия» Плеханова, которая послужила толчком для него, чтобы стать марксистом.

И вот только в самом начале 90-х годов—в 1891—1892 гг.—в Москве образуется настоящая марксистская группа, применившая целиком, без оговорок, к русской действительности учение Маркса—Энгельса. Конечно, это не был еще марксизм-ленинизм-большевизм в позднейшем понимании. Но наша московская группа имела счастье подвергнуться влиянию Ленина во время его посещений Москвы в январе и летом 1894 г. и прежде всех ознакомиться с его первым произведением, формулировавшим основы ленинизма.

Во всяком случае эта группа целиком признавала, что Россия встала на тот же путь капиталистического развития, как и другие капиталистические страны Европы и Америки, и что этот путь приводит ее к тем же последствиям, как и другие капиталистические страны, т. е. что у нас образовался уже класс пролетариев, который начал пока еще стихийную борьбу с капиталистами, и наша ближайшая задача пойти в эту пролетарскую массу с пропагандой идеей революционного марксизма, чтобы помочь ей организовать в рабочую социалистическую партию, задача которой повести систематическую борьбу с капиталистами и защищающим их самодержавием, сбросить самодержавие, бороться за осуществление так называемой программы-минимум, а затем повести борьбу за осуществление программы-максимум—социализма, который может быть осуществлен только при посредстве диктатуры пролетариата. О крестьянстве полагали в общих чертах, что пролетариат должен вести за собой крестьянство, но о каких-либо подробностях аграрной программы тогда еще не говорилось. В этом вопросе было всего больше неясности для группы, и только Ленин впоследствии дал решение этого вопроса.

Не имела группа тогда еще определенных взглядов и на методы пропаганды и агитации среди рабочих и на способы вовлечения рабочего класса в экономическую и политическую борьбу, на способы и формы создания партии пролетариата. Все эти вопросы разрешены были впоследствии, но группа уже избавилась от народнических предрассудков: решительно отрицала общину и артели как основы для социалистического переустройства общественного строя, так же решительно отрицала индивидуальный террор как метод политической борьбы, резко отмежевывалась от всяких народнических группировок, чувствовала себя стоящей против них на резко противоположных принципиальных позициях.

¹ Аркадия Ивановича Рязанова, о котором мне придется еще говорить, не надо смешивать с Д. Б. Рязановым (Гольдендахом), ныне исключенным из партии за измену партии.

Об идеологии этой марксистской группы мне придется еще говорить подробнее ниже, а теперь я перейду к рассказу о том, как она создалась и кто входил в ее состав.

Едва ли не самыми первыми определившимися марксистами в Москве были Григорий Николаевич Мандельштам и Григорий Моисеевич Круковский.

Г. Н. Мандельштам учился во 2-й московской гимназии. В 1887 г., не кончив курса, он вышел из 8-го класса и уехал в Париж, нелегально перейдя границу. В Париже поступил на медицинский факультет и познакомился с русскими эмигрантами, близко интересовался европейским рабочим движением; присутствовал на первом конгрессе II Интернационала летом 1889 г., но вскоре должен был уехать из Парижа в связи с арестами среди русских эмигрантов-террористов. Из Парижа он возвратился в Москву уже определившимся марксистом. Здесь он принял участие в кружке студентов, большей частью из окончивших 2-ю и 3-ю московские гимназии. В кружок входили: Г. М. Круковский, кончивший в это время Высшее техническое училище, Н. Н. Шатерников, А. С. Розанов, Виктор Ванновский, К. К. Чекеруль-Куш, Я. А. Берман и др. Этот кружок работал в 1889/90 и 1890/91 учебные годы. В кружке изучали Маркса и русскую экономику. Под влиянием Г. Н. Мандельштама кружок стал принимать все более определенное марксистское направление. Из этого кружка особенно выделился Г. М. Круковский, который вместе с Г. Н. Мандельштамом усиленно изучал марксистскую литературу на немецком и французском языках. «Капитал» Маркса они одновременно читали на обоих языках и сличали французский и немецкий тексты.

Из этого кружка вышли видные потом марксисты. Кроме Круковского и Г. Мандельштама—В. Ванновский—участник первого съезда нашей партии, Я. А. Берман—публицист-философ, умерший, будучи членом ВКП(б), несколько лет назад, А. С. Розанов—будущий (в 1894—1896 гг.) руководитель первой нижегородской марксистской организации, К. Чекеруль-Куш. К зиме 1891/92 г. этот кружок распался: некоторые его члены окончили университет или техническое училище и разбрелись. Круковский получил место инженера на нефтеперегонном заводе Слиозберга за Даниловской заставой. В ноябре 1892 г. он был по оговору Егупова арестован.

Г. Н. Мандельштам и Н. Н. Шатерников сблизились с кружком А. Н. Винокурова, который выделился из общего екатеринославского народнического кружка, определившись в 1891 г. как кружок марксистский. В начале 1892 г. они поселились «коммуной» на Плющихе в составе Г. Н. Мандельштама, А. Н. Винокурова, его жены П. И. Винокуровой, К. К. Чекеруль-Куш, его жены Н. Куш и Н. Н. Шатерникова. Эта «коммуна» уже в апреле 1892 г. подверглась полицейскому обыску

в связи с распространением астыревских прокламаций, и Г. Н. Мандельштам (у него нашли много марксистской литературы) и Н. Н. Шатерников были арестованы. Мандельштам после нескольких месяцев тюремного заключения был выслан в Орел, а Шатерников вскоре умер. Остальные остались пока целы, и около них стали группироваться московские марксисты. Весной и особенно с осени 1892 г. я сблизился с Винокуровыми, сблизился с ними и брат Г. Н. Мандельштама, Мартын Николаевич, известный больше под фамилией Лядова, который незадолго перед тем приехал в Москву из Дерпта, где учился в реальном училище, и поступил конторщиком на небольшой заводик, которым заведывал Круковский.

Около А. С. Розанова образовался кружок его и моих однокурсников-медиков в составе И. И. Стеллецкого, К. Ю. Блюментала и А. Н. Слетова, изучали «Капитал» Маркса и переводили брошюру Каутского «Экономическое учение К. Маркса». Кружок этот посещали Круковский и Мандельштам. Этот кружок распался после ареста Розанова (в ноябре 1892 г. по делу Астырева), выданного, повидимому, тоже Егуповым, который оговаривал всех, кого он знал и о ком слышал. Виктор Ванновский был арестован в апреле 1892 г. по делу Бруснева и Егупова, с группой которых он поддерживал связь. Таким образом, ряд первых марксистов был арестован и выслан из Москвы, прежде чем они успели начать работу. Полиция недурно делала свое дело!

Остановлюсь еще несколько на характеристике Круковского и Г. Мандельштама.

Как я уже упомянул, Круковский поступил инженером на нефтеперегонный завод, конторщиком к нему поступил М. Н. Лядов. В своих воспоминаниях Лядов¹, характеризуя Круковского в это время (т. е. конец 1891 г.), передает такой разговор с ним: «Вечером после первого же дня работы я накинулся на Круковского. Как может он, человек, изучивший марксизм, так хорошо знающий про жизнь и борьбу заграничных рабочих, мириться со скотским положением, в котором живут и работают рабочие на подчиненном ему заводе. Он довольно спокойно мне ответил, что все это в порядке вещей. Россия—страна с недоразвитым капитализмом—находится еще в периоде первоначального накопления. Пролетариата настоящего еще нет, и нам, марксистам, долго еще придется ждать, чтобы создались условия, при которых может сложиться классовое сознание рабочих, которое приведет их к борьбе. Марксистам сейчас активно вмешиваться в совершающийся процесс не приходится. Их дело пока накапливать знания и терпеливо ожидать, пока доведенный до отчаяния пролетариат, все более пополняемый разорившимся крестьянством, вступит в стихийную массовую

¹ См. «На заре рабочего движения в Москве», 1932 г., стр. 45.

борьбу. Вот тогда наши знания понадобятся, и мы преподнесем ему опыт западноевропейской классовой борьбы, дадим ему возможность избежать ошибок, проделанных рабочими Запада. А пока чем хуже, тем лучше...» Но на этой стадии пассивности он оставался недолго: уже встретивший его осенью 1892 г. А. Н. Винокуров не слышал от него таких разговоров. Вскоре он был арестован тоже, повидимому, по оговору Егупова, просидел два-три месяца в тюрьме и был выслан в Нижний-Новгород; там он уже деятельно работал в местной марксистской организации, занимался с рабочими и написал превосходную популяризацию первого тома «Капитала», которою и мы, москвичи, пользовались для пропаганды среди рабочих, сначала в рукописном виде, под заглавием «Беседы по политической экономии», потом они издавались несколько раз в гектографированном виде¹. О них и о Круковском мне еще придется говорить.

Г. Н. Мандельштам был человек иного склада: он весь кипел революционной энергией. Повидавший кипучую общественную жизнь и рабочее движение в Европе, он не мог, конечно, высказывать таких взглядов, каких, хотя и кратко-временно, держался Круковский. Он всегда рвался к революционной работе. Высланный в 1893 г. из Москвы в Орел, он организовал там марксистские кружки среди интеллигенции и рабочих; наезжал часто в Москву и выступал здесь в дискуссиях в кружках и на студенческих вечеринках. В этих дискуссиях он удивлял своей большой эрудицией и умением удачно и остроумно формулировать свои мысли. О нем мне тоже еще придется говорить. Брат Григория, Мартын Николаевич Мандельштам-Лядов, вступил в марксистский строй около этого же времени. Исключенный из 4-го класса Московской гимназии с «волчьим билетом» за шалости, он окончил немецкое реальное училище в Дерпте (в Юрьеве) и по отбытии воинской повинности осенью 1891 г. приехал в Москву; здесь его взяли в обработку его брат Григорий и Круковский, и скоро он сделался марксистом, отдаваясь этому учению с революционным пылом и энтузиазмом. По условиям своей жизни и работы ему больше других приходилось сталкиваться с рабочими, и он с самого начала своей марксистской жизни начал совмещать изучение теории с практикой работы среди рабочих. О нем мне еще придется не раз говорить, а теперь хочу отметить, что вся семья Мандельштамов—замечательная семья. Отец у них был московским купцом, но разорился и умер, оставив без всяких средств большую семью. Росли они в большой бедности, и борьба за существование была у них не легкой. Из этой семьи вышли четыре брата революционера-большевика. Кроме двух упомянутых, были еще Н. Н. Мандельштам (умер в 1931 г. членом

¹ Напечатана в книге «Литература Московского рабочего союза», 1932 г.

Московского комитета ВКП(б)) и А. В. Мандельштам (умер тоже большевиком в 1930 г.). Мартын Николаевич с тех пор и поныне (1937 г.) член ВКП(б).

Кроме вышеуказанных марксистов одновременно в Москве сложился еще так называемый рязанский кружок марксистов, выделившийся из рязанского студенческого землячества. Землячество это было одним из передовых землячеств в конце 80-х годов. Тогда оно было в своем большинстве народовольческого направления. Но в 1890 г. среди него стали выявляться марксисты, прежде всего Аркадий Иванович Рязанов и Иосиф Александрович Давыдов. А. И. Рязанов—сын рязанского наборщика—вначале при помощи какого-то благотворителя, а позже (с 4-го класса) сам зарабатывая уроками, окончил гимназию и поступил в Московский университет, который и окончил в 1890 г. по юридическому факультету. Много занимался политической экономией и социологией. Чтение «Наших разногласий» в 1889 г. дало ему толчок по направлению к марксизму. Его близкий товарищ И. А. Давыдов, тоже рязанец, сын отставного николаевского солдата, учился в Рязанской гимназии, в таких же приблизительно условиях, как и Рязанов; поступил затем в 1889 г. в Московский университет; после «беспорядков» 1890 г. был исключен из Московского университета и поступил в Дерптский. Но в Москву он приезжал часто на каникулы и подолгу жил здесь у своей сестры, бывшей тогда женой А. И. Рязанова. В Москве он часто выступал в землячестве и на других студенческих дискуссиях нередко вместе с Рязановым. Под их влиянием из народовольческой группы рязанского землячества выделился марксистский кружок в составе: В. А. Жданова, потом видного социал-демократа, его сестры С. А. Ждановой, С. К. Иванова (моего однокурсника, который меня и познакомил с марксистами), сестер Лебедевых и др. К ним примкнул студент-филолог Д. П. Калафати из Николаева, впоследствии делегат второго съезда партии. Около Рязанова и Давыдова образовался ряд кружков, из которых потом вышло немало марксистов. Могу назвать Лосяцкого (потом известного экономиста), Дурново, Кирпичникова, Смирнову. Последние трое принимали потом участие в московской рабочей организации. Около Рязанова несколько позже стал группироваться также ряд молодых московских юристов, впоследствии также видных работников социал-демократов: братья А. Н. и Н. Н. Покровские, П. П. Покровский, Йогансон, Н. К. Муравьев. В зиму 1892—93 г., когда я сблизился с вышеперечисленными лицами, они представляли организационно не оформленную марксистскую группу, имевшую в некотором роде два центра: первый—это квартира Винокуровых, где собирались более активно настроенные элементы, поставившие своей ближайшей задачей работу среди рабочих,—это два брата Мандельштама, супруги Винокуровы и я; другим

центром была квартира Рязановых. Там группировались «теоретики», работавшие главным образом среди интеллигенции. Но все мы были близко знакомы друг с другом, часто бывали друг у друга, и разногласий между нами не было.

В эту зиму московские марксисты были лихорадочно заняты переводами с немецкого и отчасти с французского марксистской литературы. Переводами занимались братья Мандельштамы, Г. М. Круковский, А. Н. Винокуров, Рязанов, Давыдов, Калафати. Редакторами преимущественно были Рязанов и Винокуров.

Немецкую марксистскую литературу, а также отчасти и русскую в издании группы «Освобождение труда» получали мы из немецкого магазина Лидерта-Поста в Петровских линиях. Владелец магазина посредством взяток чиновникам и других махинаций умел обходить цензурные рогатки и пускать в обращение по двойной цене довольно значительное количество запретной для России марксистской литературы. Мы, насколько возможно, использовали этот источник, пока полиция не пронохала этот путь и не прикрыла его.

Года за два было переведено большое количество марксистской литературы. Переведены были¹: сочинения Энгельса «Анти-Дюринг», «Положение рабочего класса в Англии», «Происхождение семьи, частной собственности и государства», «Жилищный вопрос» и «Теория и практика бакунистов»; далее, Каутского «Эрфуртская программа» и «Восьмичасовой рабочий день»; Либкнехта «Знание—сила»; Бебеля «Женщина и социализм» (отдельные главы); Блоса «История французской революции» и «История германской революции 1848 г.»; Лориа «Экономические основы социального строя» (отдельные главы); П. Лафарга «Религия капитала», «Развитие собственности» и «Экономический материализм»; Жюля Гэда «Коллективизм»; Гаупмана «Ткачи»; Вильчевского «Родовое общество» (с польского).

Кроме этих произведений, был переведен ряд брошюр из немецкой популярной серии «Рабочая библиотека»: Макса Шиппеля «Профессиональные рабочие союзы» и «Экономические перевороты и развитие социализма»; Кампфмейера «Борьба немецких типографчиков» и «Кустарная промышленность Германии»; Краузе «Опыт истории антисемитского движения».

Лично я не занимался переводами: я был много занят в университете, пятый курс которого я проходил в эту зиму, а переводчиков находилось и без меня достаточно, но я с жадностью читал все эти переводы, которые в рукописях пускались по рукам, а в подлиннике я читал тогда немецкий марксистский теоретический журнал «Die Neue Zeit», который мы тоже получали довольно регулярно.

¹ Об этом подробнее см. книгу «Литература Московского рабочего союза», Материалы и документы, собранные Н. П. Милютиной и С. И. Мицкевичем, изд. «Московский рабочий», 1930, стр. 29—30.

Вторым делом московских марксистов в это время была устная пропаганда марксизма среди московской интеллигенции, которая велась как в небольших кружках, так и на более широкой арене путем докладов и выступлений в землячествах и на студенческих вечеринках, часто устраиваемых в Москве в это время. Устраивались эти вечеринки или на студенческих квартирах, снимаемых «коммуной», или в квартирах либеральных обывателей, или в школах, предоставляемых для собраний сочувствовавшими учителями, иногда же в особых помещениях, сдаваемых под балы, свадьбы и тому подобные события. Снимались эти помещения тоже под предлогом свадьбы большей частью фиктивной какой-нибудь студенческой пары, билеты на них распространялись по рукам среди интересующейся публики за небольшую плату; на вечеринках устраивались танцы и буфет; особая комната отводилась для разговоров. Вот на таких вечеринках в эти годы (1892—1894) все чаще стали выступать марксисты. Выступали Рязанов, Давыдов, Г. Мандельштам, Винокуров, Калафати. Я в эту зиму выступил в нижегородском землячестве с рефератом, выступал один-два раза в прениях и на других вечеринках, но в общем старался избегать выступлений среди интеллигенции и центр своей работы все более переносил в рабочую среду.

Первые выступления марксистов были встречены московской интеллигентской публикой очень враждебно. Против них была направлена вся тяжелая артиллерия тогдашней московской радикальной интеллигенции. В это время было особенно заметное оживление среди нее. Тогда как раз стала организовываться новая группировка, так называемая «партия народного права». Несколько стариков из революционных народников—П. Ф. Николаев, Натансон, Тютчев, А. И. Богданович и др., наблюдая наступающее оживление общественной жизни, решили его использовать для возобновления революционной работы и объединить в одной организации все революционные и оппозиционные элементы интеллигенции, выставив главной целью организации борьбу с самодержавием, отодвинув пока на второй план социальные вопросы. Как тогда говорили о них, они решили до поры до времени спрятать в карман свой социализм. К этой организации были привлечены и московские либералы, как-то: Гольцев, редактор «Русской мысли», и П. Н. Милуков, тогда молодой историк, приват-доцент Московского университета. В течение 1893 и начала 1894 г.¹ среди московской интеллигенции и студенчества эта группа вела

¹ В апреле 1894 г. «партия народного права» была разгромлена, взята ее типография в Смоленске и арестованы почти все ее деятели. Больше о ней не было слышно. Только в 1903 г. это направление вновь выявилось в виде либеральной организации «Союз освобождения», из которого в 1905 г. образовалась конституционно-демократическая партия, в просторечии—кадетская партия, кадеты.

оживленную агитацию. К этой же организации примыкала и образовавшаяся в это время среди студентов «группа народо-вольцев», в которой деятельное участие принимал Виктор Чернов, будущий вождь эсеров, тогда молодой студент юридического факультета. Вся эта публика почувствовала в нарождающемся марксизме своего сильного врага и яро выступала против наших ораторов. Они и бессознательно, не понимая нас, и сознательно, не желая понять, взводили на нас всякие небылицы и прежде всего то, что мы отвлекаем интеллигенцию от политической борьбы, тогда как мы на самом деле ставили себе задачей как раз вовлечь в политическую борьбу самый революционный (тогда еще революционный в потенции) класс—пролетариат, который, возглавляя все демократические элементы страны, только и сможет свергнуть царское самодержавие. Вот на эти темы—о политической борьбе, о судьбах русского капитализма, об особых путях исторического развития России, о роли личности и в частности о роли интеллигенции в истории—и шли тогда горячие словесные битвы марксистов с выступавшими против них единым фронтом народниками, народо-вольцами, народоправцами.

Наша публика на этих диспутах не давала себя в обиду, держала себя уверенно и решительно переходила от обороны к нападению. Помню диспут Милюкова со студентом Калафати. Милюков старался доказать, что история России идет не тем путем, каким шла история Европы, что у нас не было феодализма, государство слагалось другими путями, не было борьбы классов, роль правительства была определяющей и создающей условия в интересах государства. Эта надклассовость правительства особенно проявилась в освобождении крестьян, которое правительство провело в интересах государства как целого. Калафати, много работавший как раз по русской истории, выступил с критикой этих взглядов Милюкова. Он доказывал, что феодализм в несколько иных формах был и у нас, что русское самодержавие сложилось в борьбе с крупным феодализмом, опираясь тоже, как и в Европе, на торговый капитал, на город Москву, на города северной Руси, как это видно из движения, во главе которого встал нижегородский купец Минин в смутное время; что касается освобождения крестьян, то оно было произведено под давлением роста торговли и промышленности, а также и под страхом крестьянских бунтов, и притом оно было проведено так, что крестьяне были ограблены в интересах дворян-землевладельцев и их государства.

Как-никак мы, марксисты, были вооружены великой марксистской теорией, с высоты которой было не так-то трудно парировать удары народников и либералов. Мы были в боевом, приподнятом настроении и с увлечением отдавались борьбе, уверенные, что мы победим наших противников и поведем за собой радикальную интеллигенцию. Наши тогдаш-

ние успехи в пропаганде в рабочем классе, о чем я скажу ниже, давали нам еще большую уверенность в наших победах. Но в первое время громадное большинство на этих диспутах было на стороне наших противников, и перелом в нашу сторону пришел лишь позже.

Хотя выступления марксистов были в то время только устными и притом в сравнительно узких кругах Москвы, Петербурга и некоторых больших городов, но легальная либерально-народническая печать всполошилась: появилось несколько статей в журналах против марксизма и новых русских марксистов. Нас высмеивали, извращали, называли марксятами и т. п. Полемика была на невысоком идейном уровне, наибольшей высоты она достигла в статьях Михайловского в «Русском богатстве». Но чтобы показать современному читателю, насколько мизерна была эта высота, приведу несколько наиболее характерных цитат из тогдашних статей Михайловского. Первая его статья, в которой он упомянул о русских марксистах, появилась в октябрьской книжке «Русского богатства» за 1893 г. В этой статье он полемизировал с некоторыми взглядами В. В. и, между прочим, употребил такое выражение: «Марксисты прямо настаивают на необходимости разрушить нашу экономическую организацию, обеспечивающую трудящемуся самостоятельное положение в производстве». Против этого утверждения протестовало несколько марксистов в личных письмах к Михайловскому, так как печатно протестовать было негде, ибо либерально-народническая печать упорно не давала места на своих страницах ни одной марксистской статье.

Ему писали харьковские марксисты (Липкин-Череванин), писал Н. Е. Федосеев¹. Михайловский тогда обрушился на марксистов в большой статье, появившейся в № 1 «Русского богатства» за 1894 г. В этой статье он продолжал свою полемику и свое извращение марксизма.

Так, излагая взгляды «господ марксистов», он писал, что они утверждают, что Маркс доказал, что, «если бы не то, что враги рабочих, а даже сами они не пожелали бы собственного благополучия, оно придет к ним помимо их воли в силу имманентных законов исторической эволюции, и на развалинах саморазлагающегося капитализма водворится объединенный пролетариат».

Далее Михайловский объясняет причину успеха марксистов тем, что «ни для кого не тайна и никто не оспаривает, что уровень нашей умственной и вообще духовной жизни сильно понизился. Понизился уровень знаний, критической мысли, энергии, восприимчивости, потускли идеалы, выступили разочарования, образовалась некоторая пустота... и вот в эту пустоту

¹ Их письма теперь напечатаны: Череванина—«Былое» № 23 за 1924 г., а Федосеева—«Пролетарская революция» № 1 за 1933 г.

вторгается немецкая марксистская литература: ясно, просто, логично, в четверть часа можно целую философию истории усвоить с гарантированной научностью. Притом для всех удобно: кто не хочет думать, для того уже все удумано, все разжевано и все в рот положено, остается только проглотить; кто не хочет ничего делать, за того историческая необходимость все сделает; кого смущают «бедность и несовершенство жизни», тот узнает, что все это на пользу человечества и даже именно народа, того самого, который нищенствует и голодает; кому нужно непременно новое слово—вот оно, еще пятьдесят лет тому назад сказано».

В этой же статье Михайловский делит русских марксистов на три категории: 1) активные марксисты—это те, которые активно насаждают капитализм; 2) марксисты-зрители, которые спокойно созерцают процесс капитализации, и, наконец, 3) марксисты пассивные, которые желают только «облегчить муки родов», «хотят только итти следом за неизбежным процессом и, не интересуясь народом, на земле сидящим, сосредоточивают свое внимание и надежды на тех, которые историческим процессом уже отлучены от средств производства».

И вот приходилось читать такие пошлости и не иметь возможности на них ответить печатно. Приходилось ограничиваться только устными выступлениями на собраниях. Писем мы не писали, считая это делом совершенно бесполезным. Исчерпывающий и уничтожающий ответ Михайловский получил несколько позже от Ленина и Плеханова, о чем я скажу в свое время.

В это время я расширял и свои знакомства среди рабочих. Прокофьев и Семенов, о которых я говорил выше, познакомили меня постепенно с другими рабочими. Прежде всего с Дымовым, который работал раньше тоже в Брестских мастерских, а в это время переехал работать в Петербург и приезжал на пасху в Москву. Это был молодой, но очень развитый рабочий, уже много читавший и уже несколько оторвавшийся от рабочей массы, на которую он смотрел как-то пренебрежительно, говоря, что ее трудно раскатать на какое-нибудь дело. Приходилось убеждать его, что надо работать, несмотря на трудности, в рабочей массе, стараться ее поднять до себя, а не смотреть сверху вниз. Другого типа человек был рабочий Константинов, уже немолодой, участвовавший еще в 70-х годах в Петербурге в кружках лавристов. Он регулярно читал «Русские ведомости», прочитывал иногда вслух рабочим корреспонденции о европейском рабочем движении. В кружках он не участвовал, хотя созывал иногда своих приятелей и вел с ними беседы, но тут вступалась его жена и кричала: «Уходите, уходите, черти, вы царя убить хотите, вот вас всех заберут за это», и разгоняла этими криками собравшихся. Рабочий Немчинов тоже уже ранее был затронут народнической пропагандой и был замечен

железнодорожными жандармами в сборе денег весной 1892 г. в пользу арестованных служащих на Брестской дороге—Бруснева и других лиц. Он был с виду очень скромный, даже простоватый человек, но с большим пропагандистским пылом, причем очень умело подходил к самым серым рабочим. О нем мне еще придется говорить. Слесарь Миролюбов с завода Грачева впервые был обработан нами (Прокофьевым и мною); сначала он был религиозным парнем, но под влиянием бесед и нескольких прочитанных брошюр эта религиозность скоро соскочила с него, и он скоро стал умелым и притом очень осторожным пропагандистом; сам подобрал кружок рабочих на своем заводе и стал с ними сообща читать даваемые нами брошюры.

Первое время я просто беседовал с моими новыми знакомыми рабочими по поводу прочитанных ими брошюр или статей из газет. Беседы не были систематичны. Постепенно у нас образовался кружок. Вот как описывает Немчинов первый рабочий кружок, в котором я занимался¹:

«На квартире Прокофьева нас собралось четверо: сам Прокофьев, Александр Баранцевич, Николай Антонович Миролюбов и я. С одним только Миролюбовым я не был знаком, он был с завода Грачева, находящегося на Пресне.

Баранцевича я знал хорошо еще до совместной работы в железнодорожных мастерских, так как мы с ним жили у одного и того же хозяина и в одно время. Завязался между нами разговор, мы горячо стали обмениваться мнениями и взглядами на наше рабочее положение, на возможности его изменения к лучшему, на тяжелую и опасную работу, которая предстоит нам на этом пути. Но мы все были молоды, стоявшая же перед нами цель толкала всю нашу волю к действию. За этими разговорами время до прихода нашего руководителя прошло незаметно. Это был еще молодой человек лет 24, среднего роста, с легко пробивающейся бородкой и серыми искрящимися глазами—это был Сергей Иванович Мицкевич. Он просил нас не прерывать нашу беседу, потому что хотел послушать, о чем мы говорим. Поговорив немного, мы приступили к делу. Мицкевич начал излагать нам экономические обоснования нашей заработной платы, прибавочной стоимости, прибыли работодателя и причины их падения и подъема. Лектор читал по рукописи, но многое передавал и своими словами; после лекции происходил обмен мнениями. Я думаю теперь, что мы были неплохими учениками; многие из высказанных лектором мыслей бродили в наших головах, но не могли оформиться в стройную, последовательную систему. Из членов кружка, продолжавшего и дальше собираться, только мне было 28 лет, остальным това-

¹ Воспоминания Немчинова в сборнике «На заре рабочего движения в Москве», 1932 г., стр. 161.

рицам не свыше 25 лет. Продолжая занятия в нашем кружке, мы организовали кружки из других товарищей-рабочих своих железнодорожных мастерских.

В это время мы чувствовали большую нужду в популярной марксистской литературе для рабочих, но ее было очень мало в нашем распоряжении: всего по несколько экземпляров брошюр издания группы «Освобождение труда», полученных через немецкий магазин. Вот эти брошюры: Дикштейна «Кто чем живет», Плеханова «Ежегодный всемирный праздник рабочих», «Речь Петра Алексеева», «Первое мая 1891 г.—четыре речи рабочих, произнесенные на тайном собрании в Петербурге», «Чего хотят социал-демократы», «Речь коммунара Варлена перед судом». Вот, кажется, и все. К этому мы добавляли рукописные переводы немецких брошюр из серии «Рабочей библиотеки», Либкнехта «Знание—сила», отдельные главы из сочинений Бебеля «Женщина и социализм», Каутского «Труд и капитал». Но рукописные брошюры не могли читать малограмотные рабочие, для них они читались вслух более грамотными.

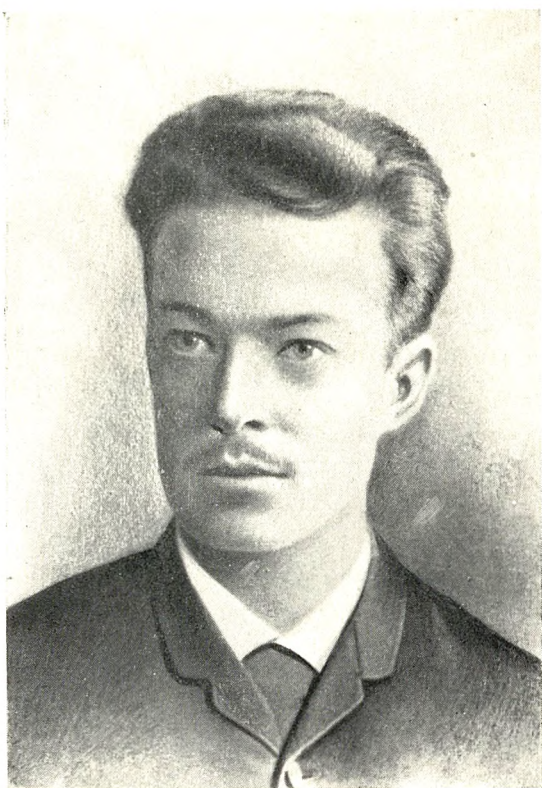
Большим успехом пользовались еще тетрадки с наклеенными вырезками из «Русских ведомостей» о европейском рабочем движении.

Весной 1893 г. я поехал на пасхальные каникулы не в Нижний, как обыкновенно, а в Рязань, куда переехала моя мать с двумя братьями, окончившими военное училище и служившими в Рязани офицерами в Болховском полку.

В Рязани я встретил много знакомых студентов, тоже приехавших на каникулы, в том числе несколько человек из марксистского кружка рязанцев: В. А. Жданова, С. К. Иванова, его сестру, К. А. Боголюбова. Познакомился я также с Н. Л. Мещеряковым, в то время еще народовольцем, потом искровцем и большевиком.

Злобой дня тогда было появление книги Николая—она (Даниэльсона) «Очерки нашего пореформенного хозяйства», в которой он массой цифр доказывал, что русский капитализм беспочвенен, что он ведет только к разорению России и что единственный выход для России—это повернуть на другой путь; но какие силы могли повернуть ее на этот другой путь, он не указывал. Много оживленных разговоров и бесед было по поводу этой книги.

Другим крупным событием, о котором мы тогда узнали, была большая победа немецких социал-демократов при выборах в рейхстаг: они получили 1 800 тысяч голосов из 7 500 тысяч всех голосовавших. Тогда мы ждали близкого социалистического переворота в Германии, который должен был оказать большое влияние и на Россию. А в России в то время тоже народился марксизм, как показали выступления марксистов в Москве, начиналась работа среди рабочих в Москве, Петербурге, Нижнем-Новгороде и других городах. О Петербурге

С. М. МИЦКЕВИЧ (1893 г.)

мы это узнали из брошюры «Первое мая 1891 г.—четыре речи рабочих, произнесенные на тайном собрании в Петербурге», выпущенной группой «Освобождение труда» в Женеве и недавно нами полученной в Москве. Все это создавало у нас радостное, приподнятое настроение, так гармонировавшее с чудной весной, стоявшей тогда...

ГЛАВА XVII

Лето 1893 г. Опять на холере. Встреча с В. И. Ульяновым-Лениным

Недолго после Рязани побыв в Москве, я 15 мая поехал на холеру в Нижний на Сормовский завод. В начале лета холеры не было, и я работал в заводской больнице, помогая сормовскому врачу И. И. Пугачеву. В июле пришла холера, которая была слабее прошлогодней и не вызывала уже таких страхов и паники.

В свободное время из Сормова я ездил в Нижний к Григорьеву и Скворцову. От них я узнал нижегородские новости. За год, как я не был в Нижнем, организация значительно выросла: увеличилось число связей среди интеллигенции и среди рабочих.

В марте отметили десятилетие смерти Маркса собраниями и докладами по кружкам рабочим и интеллигентским; всего участников собраний марксистских кружков оказалось до 90 человек.

Моим соседом по Сормову оказался Г. М. Круковский, высланный из Москвы. Он управлял небольшим заводиком горного масла, расположенным около Сормовского вокзала в Канавине. В помощь для заведения связей среди рабочих организация дала ему машинистом А. И. Парфенова, рабочего с Курбатовского завода. Вместе с ним они и работали в Канавине. Круковский писал в это время свои «Беседы» — популяризацию Маркса. Я часто бывал у него этим летом.

Однажды застал у него П. Н. Скворцова, и мы долго беседовали о дальнейших судьбах рабочего движения. Насколько неясны для нас были еще тогда формы будущего рабочего движения, показывает та перспектива, которую нарисовал нам Скворцов: постепенно будет увеличиваться число рабочих, изучающих Маркса; они будут привлекать в кружки по изучению Маркса все новых членов; со временем вся Россия покроется такими кружками, и у нас образуется рабочая социалистическая партия. Что она будет делать и как бороться, это представлялось неясным.

Я пытался завести связи с рабочими, но это было нелегко при моем положении врача. В Сормове в то время было около тысячи рабочих, многие рабочие были старожилками на заводе, имели свои домики, были консервативно настроены. Познако-

мился через жену директора, которая занималась там небольшой культурной работой, с несколькими молодыми и довольно развитыми рабочими, но они увлекались пением в церковном хору, и я не сумел к ним подойти с той стороны, с которой хотелось. У нижегородских марксистов тогда не было еще связей в Сормове. Тот кружок, который завел там еще в 1890 г. Гуревич, рассеялся, и связи порвались. Парфенову с заводика гарного масла тоже не удалось завести тогда связей в Сормове. Только уже позже, в 1894 г., такие связи завелись через чертежника Герардовского.

В сентябре этого года мне пришлось познакомиться с Владимиром Ильичем Ульяновым; он тогда еще не был известен под именем Ленина. Произошло это так. В одну из своих поездок из Сормова в Нижний я зашел к П. Н. Скворцову и у него застал незнакомого человека, оживленно беседовавшего с ним и Григорьевым. Познакомившись, я узнал, что это Владимир Ильич Ульянов. В Нижний он заехал по пути из Самары в Петербург, куда собирался совсем перебраться на житье. В Нижний он заехал познакомиться с П. Н. Скворцовым, которого он знал по его статьям в «Юридическом вестнике», да и раньше слышал о нем в Казани. Ильич расспрашивал о марксистской работе в Нижнем и Москве. Мне сказал, что в Москву переезжает его сестра Анна Ильинична со своим мужем Марком Тимофеевичем Елизаровым, посоветовал познакомиться с ними и сказал, как их найти в Москве; условились, что при их посредстве мы будем поддерживать с ним связь; он будет нередко бывать в Москве. А сейчас, сказал он, я еду по пути во Владимир, чтобы повидаться с Н. Е. Федосеевым, который сидит во Владимире в тюрьме, но которого должны выпустить на-днях. Как известно, с Федосеевым ему не пришлось тогда увидаться, так как освобождение его из тюрьмы задержалось на некоторое время.

Скворцов и Григорьев, которые хорошо знали Федосеева, говорили, что это замечательный человек, подающий большие надежды, много работающий. Только что получена была его работа в виде большой рукописи на тему падения крепостного права в России. В этой работе он полемизирует против книги профессора Иванюкова на эту же тему, против его внеклассовой либерально-народнической точки зрения на крестьянскую реформу и сам дает основательный марксистский анализ борьбы классовых интересов, выявившихся при проведении этой реформы и обусловивших ее половинчатый компромиссный характер, обездолившей крестьянство и максимально обеспечившей интересы помещиков. Удивляло в этой работе большое обилие материалов, использованных Федосеевым: тут и четырехтомник Скребницкого, изданный за границей и представляющий собой сводку работ центральной и губернских редакционных комиссий по подготовке положения 19 февраля, тут

и официальные материалы, тут и мемуары деятелей реформы, тут и использование соответствующей беллетристики, как, например, «Пошехонской старины» Салтыкова-Щедрина.

Удивительно было, что такая основательная ученая работа была сделана молодым человеком 23 лет, исключенным из 8-го класса гимназии и с тех пор непрерывно находящимся в тюрьмах и ссылках. Материалы для работы доставляла ему его преданный друг и невеста Мария Германовна Гофенгауз. Эта работа его осталась неоконченной и бесследно погибла после его смерти.

Так беседовали мы с Ильичем несколько часов, пока не пришло время ехать ему на вокзал. Он произвел на нас очень хорошее впечатление: чувствовались большая эрудиция и какая-то особая основательность и глубина его суждений. Интересно отметить, что уже тогда проявилась его черта будущего организатора нашей партии—собираемость всех наличных революционно-марксистских сил, установление связей между марксистами, разбросанными в разных городах.

ГЛАВА XVIII

Осень 1893 г. Новые связи: Елизаровы, Е. И. Спonti. Образование первой московской марксистской группы для пропаганды и агитации среди рабочих. Поездка в Нижний. Работа Нижегородской организации в 1894—1896 гг.

В сентябре я поехал в Москву, имея в виду готовиться к выпускным государственным экзаменам, которые в этом году по причине холеры были отложены до 1 ноября.

В Москве я первым делом пошел по указанию Ильича познакомиться с Анной Ильиничной и Марком Тимофеевичем Елизаровым, служившим в управлении Курской железной дороги. С ними же жил тогда и брат Владимира Ильича Дмитрий Ильич Ульянов, студент 1-го курса медицинского факультета. Я сразу сблизился с этой милой семьей и с тех пор поддерживал всю жизнь с ней дружеские отношения. Они оказывали нам за все время моей работы в Москве очень существенное содействие и передали мне ряд связей; у них же я встречал не раз Владимира Ильича. Анна Ильинична занималась переводами. Так, она перевела с немецкого драму Гауптмана «Ткачи», которую мы издали на гектографе; драма эта имела большой успех у рабочих. Она написала также популяризацию книги Дементьева «Фабрика»; эта брошюра ходила по рукам рабочих в рукописях¹. У них я познакомился с одним железнодорожным служащим Окуличем, который имел связи среди рабочих,

¹ А. И. Елизарова в последующие годы (1895—1898) играла крупную роль в Московской партийной организации, она была центром

у Окулича же я вскоре познакомился с приехавшим из Вильно Евгением Игнатьевичем Спonti.

Спonti сыграл видную роль в московской организации, потому я остановлюсь несколько на нем. Спonti в 1887 г. окончил военное училище и был направлен в чине подпоручика в Троицкий полк в г. Вильно. Здесь он вступил с некоторыми своими товарищами по полку в кружок, которым руководил Иогихес Тышко, будущий вождь вместе с Розой Люксембург польской социал-демократии. В этом кружке Спonti стал марксистом. В 1889 г. он был исключен с военной службы «за неисполнение приказаний начальства», после чего решил нигде не служить и целиком отдаться революционной работе. Он имел эту возможность, так как владел участком земли, который ему давал дохода 16 рублей в месяц, на что он и жил. Сначала он начал заниматься с кружком польских ремесленников, потом около двух лет ездил и ходил по России. Его похождения по России, по его рассказам, напоминают по своему характеру путешествия Максима Горького, с которыми они почти совпадают хронологически (1890—1892 гг.).

В 1892 г. он возвратился в Вильно и продолжал здесь работать среди ремесленников. Но эта работа его мало удовлетворяла по своему масштабу, и он решил перебраться в центр русской промышленности, в Москву, что он и осуществил в августе 1893 г. Виленцами он был направлен к Окуличу, который и познакомил его с несколькими рабочими и со мной.

Спonti мне показался очень интересным человеком. Он много поездил по России, имел уже некоторый опыт работы среди рабочих, был знаком с польским и еврейским рабочим движением.

Я его решил ввести в наш кружок, для чего вскоре представился случай.

В конце сентября мы сговорились собраться у А. Н. Винокурова, который как человек семейный снимал отдельную квартиру на Пятницкой в Большом Овчинниковском переулке. Собралось нас шестеро: Винокуров, его жена Пелагея Ивановна, учившаяся тогда на акушерских курсах, М. Н. Лядов, С. И. Прокофьев, Спonti и я. К этому времени у каждого из нас были уже связи с рабочими. Винокуров занимался с Прокофьевым и Семеновым с Брестской железной дороги, кроме того он познакомился с наборщиками из типографий Кушнарера и Сино-

связей организации: восстанавливала связи после провалов, связывала вновь приезжавших в Москву работников между собой и рабочими; переводила с немецкого пропагандистские брошюры и сама писала популярные брошюры для рабочих и т. п. В 1898 г. она вошла в состав первого Московского комитета, образовавшегося после первого съезда Российской социал-демократической рабочей партии (в Минске).

Умерла в 1935 году, оставаясь всю жизнь верным и преданным партийным работником—членом ВКП(б).

дальной. Около Пелагеи Ивановны складывался кружок из ее однокурсниц, которые начали заводить знакомства среди работниц, занимаясь в воскресных школах. У меня были знакомства, о которых я говорил в прошлой главе. Два-три кружка были у Лядова. Он познакомился с кружком рабочих на заводе Вейхельта у Курского вокзала¹. Среди этих рабочих особенно выдавались Константин Бойе и Саша Хозецкий. Другой кружок у него был на ткацкой фабрике Михайлова в Замоскворечьи; этот кружок был организован ткачом Федором Поляковым, который имел кроме того большие знакомства среди московских текстильщиков. Спonti, который недавно приехал в Москву, тоже имел уже знакомства через Окулича среди рабочих, отчасти совпадающие со знакомствами Лядова. Собравшись в этот вечер у Винокурова, мы подытожили свои связи с рабочими; они оказались для начала немалыми. Перед нами вставал вопрос, что же делать нам дальше с нашими связями, с нашими кружками.

Спonti рассказал нам, как ведется пропаганда в Польше. Там есть центральная группа, строго законспирированная, которая ведет все рабочее дело в Польше. Эта центральная группа имеет около себя ряд рабочих кружков, через которые она ведет широкую агитацию, распространяя среди рабочих популярные агитационные брошюры и прокламации. Для образца он привез в Москву переводы на русский язык нескольких таких брошюр; это были: «Что должен знать и помнить каждый рабочий», «Рабочий день», «Рабочая революция» и «О конкуренции». Первые три были в рукописях, а последняя в литографированном виде. Брошюры эти были очень хороши—популярны, агитационны и очень доступны даже для малограмотных рабочих.

В Вильно, рассказал он, тоже ведется значительная работа преимущественно среди еврейских ремесленников, так как там нет больших фабрик и заводов. Через виленцев можно наладить получение нелегальной литературы, так как у них есть связи с заграницей.

Обменявшись мнениями по поводу сообщенных Спonti сведений, мы решили создать в Москве организацию по образцу польской для постановки систематической пропаганды и агитации среди московских рабочих. Центральной группой решили считать присутствовавшую на этом собрании шестерку. Решено было хранить втайне образование нашей группы, решительно никому не говорить ни о создавшейся группе, ни тем более о ее составе. Имевшиеся у нас связи среди марксистской интеллигенции и прежде всего кружок Рязанова, Давыдова, Калафати и др. решили и впредь использовать для переводов литературы

¹ Где теперь клуб имени Кухмистерова.

и привлекать желающих из них к занятиям в рабочих кружках, но пока никого не вводить в центральный руководящий кружок; в него постановили вводить кого-либо только по единоголосному решению всех членов шестерки. Решили мы также возможно широко заводить связи с рабочими, организовывать кружки, держать друг друга в курсе своих связей с рабочими, передавать их тем, кому из нас удобнее вести в данном районе, и т. д. Для обслуживания литературой рабочих решили усилить получение популярной нелегальной литературы из немецкого магазина; переделать привезенные Спonti брошюры для русских рабочих и стараться наладить их воспроизведение тем или другим способом. Наметили также завести правильную связь с виленцами, чтобы через них получать из-за границы литературу.

Так создалась первая московская марксистская организация для пропаганды и агитации среди рабочих. Это было 28 сентября (старого стиля) 1893 г.

До сих пор организации у нас не было; был только неоформленный круг знакомых марксистов-интеллигентов, были у отдельных лиц знакомства и кружки среди рабочих, но оформленной организации не было. Теперь такая организация создалась. С этого момента началась в Москве организованная марксистская революционная работа среди рабочих. С этого времени вплоть до Февральской революции 1917 г. не прекращалась эта подпольная революционная марксистская работа. Сколько ни было провалов, как ни старалась полиция вырвать с корнем эту организационную работу, но ей это не удавалось никогда: после провалов разорванная цепочка организации немедленно восстанавливалась. Борьба временами ярко вспыхивала и разгоралась, временами затихала и глубоко уходила в подполье, но никогда не прерывалась совсем. Поэтому эту «шестерку», образовавшуюся в сентябре 1893 г., можно считать первой зачаточной ячейкой московской партийной организации. Характерно, что из шести членов ее четверо до сих пор (1936 г.) состоят членами ВКП(б)—Винокуров, Лядов, Прокофьев и я.

Лядов в своих воспоминаниях¹ относит образование этой руководящей группы к весне 1893 г. и считает в числе ее членов, кроме перечисленных, еще К. Бойе и Ф. Полякова, но то и другое неверно. Во-первых, о времени образования и составе этой группы одинаково вспоминаем я, Винокуров и Прокофьев. Место ее образования—квартира Винокуровых в Большом Овчинниковском переулке. Это установлено тоже нашими общими воспоминаниями, а Винокуров в этом переулке жил с осени 1893 г. С Бойе я познакомился позже— в 1894 г., а Полякова я первый раз увидел в Бутырской тюрьме весной 1897 г. Возможно, что Бойе и Поляков были кооптированы в руководящую

¹ См. «На заре рабочего движения в Москве», 1932, стр. 64.

группу уже после моего и Винокурова ареста в декабре 1894 г., когда оставался на свободе Лядов; отсюда можно понять и ошибку Лядова, который относит их вхождение к более раннему времени.

Любопытно отметить, что образование этой группы совершилось под наружным наблюдением филеров московской охранки. Дело в том, что Винокуров был под довольно пристальным наблюдением охранки: он долго был членом Союзного совета московских землячеств. В 1892 г. весной в совместной с ним квартире были арестованы по астыревскому делу Шатерников и Григорий Мандельштам, который, будучи выслан в Орел, нелегально часто наезжал в Москву и постоянно бывал у Винокурова. Осенью 1892 г. были арестованы его близкие знакомые Круковский и Розанов; к тому же он был хорошо знаком с А. Е. Серебряковой, знаменитой московской провокаторшей, о которой я расскажу ниже подробнее: Лядов и я тоже были на учете охранки. Итак, за нами следили, и вот что значит в филерской записи от 28 сентября 1893 г.¹:

«28/IX Винокуровых посетил Григорий Мандельштам. В 4¹/₂ часа дня А. Н. Винокуров зашел к Калафати и И. Павлицкому, от них он пошел к С. И. Мицкевичу, с коим затем и вышел, сопровождаемый еще мещанином Костромской губернии С. И. Прокофьевым; около университета Мицкевич отделился, и Прокофьев с Винокуровым пошли на квартиру к последнему, куда скоро явились Мартын Мандельштам (т. е. Лядов), а потом и С. Мицкевич, который в 11 часов вечера вышел с С. Прокофьевыми; распрощавшись пошли по домам: С. Мицкевич в д. Гирш, а С. Прокофьев — в д. Кудрявцева по Трындинскому переулку». Таким образом, донесения филеров отмечают пять лиц, присутствовавших на этом собрании: хозяев квартиры А. Н. и П. И. Винокуровых и троих гостей — С. И. Мицкевича, М. Н. Мандельштама-Лядова и С. И. Прокофьева; шестое лицо — Е. И. Спонтин, присутствовавший на собрании, не был отмечен филерами, так как повидимому был им еще неизвестен, как недавно прибывший в Москву. Конечно филеры не знали, что это было за собрание, ибо если бы они знали, то не прервали бы вскоре наблюдения за Винокуровыми и всеми нами, что видно из отсутствия выписок филеров в деле с декабря 1893 г. по ноябрь 1894 г. и из книги Меньщикова «Охрана и революция», в которой (т. I, стр. 245 и 246) читаем:

«26 апреля 1893 г. под наблюдение московских филеров поступили А. Н. Винокуров и его жена Пелагея Ивановна. Осенью (октябрь и ноябрь) слежка за ними сделалась хронической; она установила, что к числу ближайших знакомых Ви-

¹ Филерская справка находится в Архиве революции и внешней политики в деле Московской судебной палаты за № 28, 1896 г., в трех томах, по обвинению лекаря С. И. Мицкевича и других в преступлениях, предусмотренных ст. 250, 252 и 384 («Кружок социал-демократов»).

нокурова и его жены принадлежат: И. Давыдов, сестра его А. Рейнгольд и второй муж ее А. Рязанов, а также Гр. Мандельштам, С. И. Мицкевич, З. И. Серебрякова, И. Немолякин, М. Н. Корнатовская и наконец сама А. Е. Серебрякова, которая нашла нужным почтить самолично рождение нового члена московской революционной семьи.

Благодаря своей «мамочке» (т. е. А. Е. Серебряковой.—С. М.); охранное отделение знало, что квартира Давыдовых (т. е. А. И. Рязанова, А. Д. Давыдовой и А. И. Давыдова.—С. М.) являлась школой экономического материализма; было известно также, что Мицкевич старался обзавестись связями среди рабочих и даже приобрел таковые в мастерских Московско-брестской железной дороги, пользуясь содействием помощника машиниста С. И. Прокофьева.

Но Бердяев в это время был занят народовольцами, на которых надеялся пожать лавры, и поэтому молодой социал-демократии особого внимания не уделял.

Между тем, отдельные признаки указывали на то, что интерес революционной интеллигенции к пролетариату и само рабочее движение стихийно и самочинно начинали расти в геометрической прогрессии.

Нельзя сказать, чтобы охранное отделение этого не замечало, но сразу приспособиться к новой обстановке оно не могло. У него не было достаточной агентуры для всестороннего освещения революционного движения, рост которого направлялся вглубь и вширь».

Но как бы то ни было, несмотря на некоторую осведомленность охранного отделения о нашей работе среди интеллигенции и рабочих, нам удалось после нашего первого организационного собрания в сентябре 1893 г. проработать еще около двух лет.

Правда, я и Винокуровы проработали тогда в Москве после этого только один год и два с небольшим месяца, но Лядов и другие интеллигенты проработали один год и десять месяцев, а рабочий центр, о котором я скажу ниже, почти два года. Но и за это сравнительно короткое время мы развернули большую работу среди московских рабочих и интеллигенции, пустили такие корни вширь и вглубь, что охранке не удавалось уже никогда вырвать эти корни.

После организации группы работа наша закипела. Мы перерабатывали польские брошюры, привезенные Спonti, применительно к русским условиям, переписывали и распространяли их, к переписке приспособили студентов и курсисток, а впоследствии и некоторых служащих, имевших хороший почерк. Круковский прислал из Нижнего свои «беседы», представляющие очень популярное, доступное для рабочих изложение экономической теории Маркса¹. Эти «беседы» мы положили в основу

¹ Напечатаны в книге «Литература Московского рабочего союза», изд. «Московский рабочий», 1930.

занятий наших в кружках. Для вводной беседы А. Н. Винокуров написал брошюру «Откуда взялись капиталисты и рабочие», в которой нарисовал картину первоначального накопления за границей и в России. Поставлена была задача организовать издание листков и брошюр на гектографе. Прежде всего поставили у себя гектограф студенты В. А. Жданов и С. И. Потехин, причем опять филеры отмечают, что Калафати передал гектограф Жданову 3 декабря 1893 г. (см. у *Меньщикова*, т. I, стр. 247).

Усиленно стали покупать и заказывать нелегальную литературу группы «Освобождение труда» в немецком магазине. Но этого было мало. Через Спonti заказали виленской организации достать транспорт литературы из-за границы. Распределили для занятий кружки между собой и поставили в нескольких кружках правильные занятия по одному разу в неделю. Усиленно и успешно расширяли наши связи на фабриках и заводах.

Наше самочувствие значительно поднялось. Мы чувствовали себя уже не отдельными одиночками, работающими на свой риск и страх, но членами организации, работавшей по известному плану и ставившей себе определенные задачи.

О себе лично должен сказать, что я первые месяцы (октябрь—декабрь) после организации нашей группы был очень занят подготовкой и сдачей выпускных государственных экзаменов, что отнимало у меня много времени, но все же я поддерживал и расширял мои знакомства в Брестских железнодорожных мастерских и вел там кружок, о котором я уже упоминал. Имел также немало встреч и бесед среди интеллигенции. Выступил раз на одной большой студенческой вечеринке в Грузинах против культурников, которые говорили, что, конечно, вести революционную работу среди рабочих надо, но прежде надо поднять их культурный уровень, обучить грамоте, выпускать легальные популярные книги, работать в воскресных школах и т. д. Эту точку зрения отстаивал студент В. П. Кашенко, впоследствии известный профессор-дефектолог. Я возражал, что революционную работу надо начинать сейчас же, использовать для нее и все культурные возможности, что неграмотные рабочие, затронутые пропагандой, стремятся научиться грамоте и учатся читать на нелегальных брошюрах, каковые случаи уже были в нашей практике.

19 декабря 1893 г. я заканчиваю сдачу государственных экзаменов и получаю диплом врача. Я достиг своей цели, на что затратил восемь лет работы (три года подготовки к аттестату зрелости и пять лет университета). Конечно, я чувствовал известное удовлетворение и даже радость по случаю окончания университета, но та цель, ради которой я стремился к диплому врача,—пойти в деревню для культурнической и революционной работы среди крестьян,—теперь отпала. Мои устремления за это время радикально изменились. Теперь на первом

плане стояла для меня революционная работа среди городских рабочих, которой я решил целиком отдаться, и звание врача для этой работы уже не являлось для меня чем-то необходимым; мне нужен был только небольшой заработок, и все равно какой, чтобы жить и чтобы он отнимал возможно мало времени, все же остальное время отдавать своей основной работе.

С такими мыслями ехал я после окончания экзаменов в Нижний, где решил побывать, чтобы немного отдохнуть после экзаменов, повидаться с нижегородцами и поделиться с ними нашими новыми методами работы.

В Нижнем я собрал руководящую группу марксистов—П. Н. Скворцова, М. Г. Григорьева, Г. М. Круковского и высланного из Казани марксиста Н. В. Сигорского. Перед ними я изложил нашу новую точку зрения на работу среди рабочих, что надо переходить от пропаганды к агитации при помощи агитационных брошюр и листовок. Я привез показать им наши переделки польских брошюр.

До этого времени работа в Нижнем была чисто кружковая. В кружках изучалась марксистская литература. Агитировать на заводе рабочим, участвовавшим в кружках, не рекомендовалось, чтобы не привлечь внимание полиции и не провалить кружковых занятий.

На этом собрании, о котором я говорю, на меня обрушился Скворцов. Он сказал, что все эти брошюры и листки—вульгаризация марксизма, а потому они вредны; надо изучать Маркса в подлиннике, и он не считает рабочего социал-демократом, прежде чем он не проштудирует «Капитал» Маркса. Его поддерживал Сигорский, который сказал, что это возвращение к старым и осужденным уже историей агитационным приемам «Народной воли», что эта гектографическая пачкотня представляет уже пройденный этап и не выдерживает критики с точки зрения конспирации; для занятий с рабочими достаточно легальной литературы и устных бесед в кружках.

Но не все отнеслись так узко доктринерски к моим словам: Григорьев и Круковский поддержали меня и сказали, что, конечно, надо постепенно переходить к этому методу работы в Нижнем.

Вскоре после этого собрания в Нижний приехал А. С. Розанов, арестованный в Москве в ноябре 1892 г. и проведший это время частью в тюрьме, частью под «особым надзором» в Ливнах и в Москве. За это время он окончательно определился как марксист и, высланный в Нижний, решил целиком отдаться революционной работе среди рабочих. Он отнесся с большим интересом и сочувствием к моим сообщениям.

А. С. Розанов сыграл видную роль в первой нижегородской организации и был, после ареста в 1894 г. Круковского и высылки в мае того же года Григорьева в Самару, признанным руководителем организации до ее провала в июне 1896 г. Григорьев

вишет о нем в своих воспоминаниях: «В лице А. С. Розанова мои друзья и наше дело нашли всесторонне образованного с глубоким умом и неутомимой энергией работника». А М. А. Сильвин даже преувеличенно оценивает его роль: «В Нижнем я увидел прежде всего (в начале 1896 г.) с А. С. Розановым, вождем нижегородской организации в такой же степени, как Ильич вождем нашей организации в Петербурге»¹.

Нижегородская организация была в постоянной связи с московской и постепенно перешла к агитации; так, из дела видно, что 19 октября 1894 г. были разбросаны в Нижнем и Сормове прокламации. После этого прокламации уже неоднократно появлялись в Нижнем.

В этот приезд в Нижний я был на встрече нового года на вечеринке у либерального адвоката С. С. Баршева. На вечеринке принимало участие большое количество нижегородской интеллигенции и учащейся молодежи. Развернулись горячие бои между марксистами и народниками. Другая рабочая вечеринка происходила в это же время где-то в Канавине, присутствовало человек 20 рабочих; она прошла очень оживленно, говорились речи, чувствовалась горячая вера в торжество рабочего дела.

В начале января 1894 г. я уехал в Москву. Больше мне не пришлось бывать в Нижнем в этот период.

В этой главе я хочу вкратце рассказать о дальнейшей работе первой нижегородской организации до ее провала в 1896 г., о чем я знал, отчасти поддерживая деятельную связь с ней через нижегородцев-студентов в течение 1894 г., а потом из рассказов ее участников и из литературы.

За последующие два с половиной года (т. е. с января 1894 г. до сентября 1896 г.) в Нижнем была проделана большая революционная марксистская работа. Кружки были на всех заводах, мельницах и типографиях. Выпускались прокламации, из которых по городу были разбросаны и расклеены 19 октября 1894 г., 12 января, 3 апреля, 30 апреля, 1 и 17 августа 1896 г. Распространялась в довольно большом количестве нелегальная литература, которая доставалась через Москву и Петербург, а также привозилась прямо из-за границы Кузнецовым и Марышевым, которые ездили за границу; Кузнецов учился в Швейцарии и несколько раз бывал в это время в Нижнем, а с лета 1895 г. поселился в Нижнем. Организация через студентов-нижегородцев вообще была хорошо связана с Москвой, Питером и Киевом, а через рабочих с Иваново-Вознесенском и Ярославлем (в последнем—со Стопани). С лета 1894 г. среди нижегородских рабочих стал работать также народовольческий кружок во главе с народным учителем, потом статистиком, Н. В. Романовым. Этот кружок, сначала горячо дискуссировавший с марксистами, в процессе ра-

¹ «Каторга и ссылка» № 1 за 1934 г. После ареста в 1896 г. и ссылки в Архангельскую губернию на три года А. С. Розанов уже не играл активной роли в революционном движении.

боты среди рабочих все больше стал склоняться к марксизму и в 1896 г. вел переговоры о слиянии с социал-демократами и вместе с ними праздновал маевку 1896 г. В тюрьме народовольцы Н. В. Романов и И. В. Цветков уже вполне определились как марксисты и впоследствии были видными работниками большевистских организаций. Из народовольческих рабочих того времени особенно следует отметить А. К. Петрова и М. А. Богаева, которых я знал впоследствии.

Петров проявил большую энергию в пропагандистской работе среди нижегородских рабочих, стал потом марксистом и до конца своей жизни состоял в рядах ВКП(б). Написал интересные воспоминания о своей работе в Казани и Нижнем¹.

Богаев начал работать с 1892 г. в первом рабочем кружке в Иванове, переехал в Нижний весной 1894 г., попал к народо-вольцам, сначала они было сбили его с марксистского пути, на который он уже вставал в Иванове, но он вскоре отошел от них и вернулся к марксистам. Он работал одновременно в Нижнем и Иванове, часто наезжая в Иваново из Нижнего. Заметив за собой упорную слежку, он осенью 1895 г. перебрался в Иваново, оттуда иногда наезжал в Нижний, а в 1896 г. перебрался в Петербург, но там вскоре был арестован. Жандармы характеризовали его в 1897 г. так: «Богаев представляет собой выдающуюся в политическом отношении личность как по своей энергии и отважности, так и обширности его сношений с лицами противоположительного направления».

Можно вполне согласиться с этой характеристикой. После отбытия трехлетней ссылки в Оренбурге, где он тоже продолжал революционную работу, он в 1900—1903 гг. сыграл большую роль уже как профессионал-революционер в организации и работе Северного «Рабочего союза» — областной партийной организации, охватывавшей Владимирскую губернию с г. Иваново-Вознесенском, Ярославскую и Костромскую губернии. В этом районе он побывал чуть ли не на каждой фабрике за этот период. Потом тюрьма и ссылка в Сибирь. В 1905 г. Богаев работал в Москве как организатор боевых дружин, в 1906—1908 гг. он опять в Нижнем, где я и познакомился с ним. Затем вновь ссылка в Архангельскую губернию. Доселе (1936 г.) он член ВКП(б) с революционным стажем с 1892 г.

Летом в 1896 г., после большого собрания за Волгой против Сормова, на котором присутствовало до ста человек, нижегородская организация подвергается разгрому одновременно с народовольческой. Пятьдесят человек арестовываются. 7 сентября следует еще ряд арестов. Всего привлекается к делу по марксистской организации 72, а по народовольческой — 16 чел.

Основные работники после полуторагодового тюремного заключения были приговорены к трем-четырем годам ссылки.

¹ «Пролетарская революция» № 6—7 за 1923 г.

Несколько человек, как Кузнецов, Марышев, Колин, оказались предателями. Кузнецов, например, 13 августа 1896 г., т. е. через два месяца после ареста, подал заявление о своем полном раскаянии и отказе от прежних убеждений с клятвой никогда не заниматься нелегальной деятельностью и обещанием все подробно рассказать, только бы его скорее освободили из тюрьмы. И действительно, в целом ряде показаний рассказал все самым подробным образом. Но большинство арестованных с честью выдержало свое первое тюремное испытание.

В то время как в Нижнем шла эта работа, питомцы первых нижегородских марксистских кружков работали в других городах: Сильвин, братья Ваневы, сестры Невзоровы работали в Петербурге вместе с Лениным; Вигдорчик в Киеве, был представителем от Киева на 1-м съезде партии в Минске; в Москве работали М. Ф. Владимирский, А. И. Пискунов. А. М. Никитин, Фридман, Франк, Лакур и я; П. П. Румянцев работал в Орле, Полтаве; в Риге работали студенты-нижегородцы Марышев, Степанов, Горячев—среди рабочих Балтийского завода. И. П. Гольденберг в это время учится в Бельгии, пишет интересные корреспонденции о рабочем движении из Бельгии в «Русские ведомости» и готовится к своей будущей политической работе; рабочие Пятибратов, Шишкин, Лукомский, Беляевский переезжают в Самару и там вместе с Григорьевым закладывают основание первой самарской рабочей марксистской организации. Г. М. Круковский недолго прожил после нашей последней встречи. Осенью 1894 г. он получил приговор по своему московскому делу—шесть месяцев тюремного заключения. В тюрьме он заболел острым туберкулезом и вскоре после освобождения умер. Так погиб в самом начале своей работы один из первых русских марксистов, человек талантливый, подававший большие надежды.

М. Г. Григорьев тоже недолго поработал в Нижнем после моего отъезда. Весной 1894 г. он был выслан из Нижнего под гласный надзор в Самару, где при помощи вызванных им из Нижнего нескольких рабочих заложил основание первой самарской марксистской организации; она провалилась одновременно с нижегородской летом 1896 г. Григорьев после тюрьмы и ссылки на четыре года в Архангельскую губернию отошел от активной революционной работы; служил в Волжском пароходстве, где достиг командных должностей. В советское время работал в Наркомводе и заграничных торгпредствах. Умер беспартийным, персональным пенсионером в Москве в 1934 г.

П. Н. Скворцов после провала в 1896 г. отходит от практической работы; элементы доктринерства и кабинетности, бывшие у него всегда, дают себя знать все более, и он замыкается совсем в своем статистическом кабинете. Пробовал писать, но уже неудачно. После революции Ильич вспоминал о нем несколько раз и выражал желание его отыскать. Я узнал в конце 1922 г.,

что он находится в приюте для инвалидов в Смоленской губернии; поехал и отыскал его там, уже слепого и дряхлого старика, привез в Москву, где он был помещен в доме ветеранов революции. Там и умер 4 июня 1931 г.

Аресты 1896 г. нанесли тяжелый удар нижегородской организации: вся верхушка организации была изъята. Организованная работа прекратилась года на два, но осталась «периферия» организации—отдельные интеллигенты и рабочие. Работа постепенно начинает оживать, и уже в 1898 г. начальник Нижегородского жандармского управления доносит департаменту полиции об усилении революционной марксистской работы в Сормове и Нижнем: «Вероятно,—пишет он,—в недалеком будущем придется свести счеты с вновь возникающим в Нижнем преступным сообществом, более серьезным, чем организованный Кузнецовым кружок». Главные руководители этой новой слагающейся организации были тоже участники первых марксистских кружков—это сормовские рабочие Петр Заломов (прототип героя повести М. Горького «Мать»), Михаил Громов, курбатовский рабочий Г. Я. Казин и интеллигенты А. И. Пискунов и Е. И. Пискунова.

Но их работа далеко выходит за рамки моих воспоминаний первого периода. Хочу здесь только подчеркнуть, что из всего рассказанного мною о Нижнем видно, какую значительную роль сыграли первые нижегородские марксистские кружки и воспитанные в них нижегородцы-марксисты в истории нашей партии.

Однако пора мне возвратиться к прерванному этой исторической экскурсией рассказу.

ГЛАВА XIX

Выступления Ленина в Москве и Нижнем. Моя поездка в Вильно. Виленская организация.

12 января 1895 г. я возвратился в Москву. Здесь шли разговоры о недавней дискуссии на вечеринке приезжих из Питера—известного литератора В. В., автора «Судьбы капитализма в России», и выступившего против него петербуржца-марксиста. От А. И. Елизаровой я узнал, что здесь недавно был Владимир Ильич, который с большим успехом выступил против В. В., а теперь он проехал в Нижний. Я таким образом с ним разъехался и не был на его выступлениях ни в Москве, ни в Нижнем. Мне было очень досадно. Анна Ильинична рассказала мне тогда подробно об этом выступлении Ильича; этот рассказ она потом изложила в своей статье¹. Она пишет:

«Я помню дебаты, принявшие скоро горячий характер, особенно после того, как одному очень солидному народнику, не-

¹ См. «Пролетарская революция» № 2 (14) за 1923 г.

высокого роста, плотному, с лысиной блондину, к которому молодежь обращалась очень почтительно и который сидел в некотором роде в «красном углу», стал возражать Владимир Ильич.

Помню, что брат, тогда 23-летний юноша, стоял с толпой молодежи в дверях в другую комнату и сначала произнес несколько смелых иронических Zwischenruf'ов, заставивших всех—большинство очень неодобрительно—повернуть головы в его сторону, а затем взял слово. Смело и решительно, со всем пылом молодости и силой убеждения, но также вооруженный и знаниями, он стал разбивать доктрину народников, не оставляя в ней камня на камне, и враждебное отношение к такой «мальчишеской дерзости» стало сменяться постепенно если не менее враждебным, то уже более уважительным отношением. Большинство стало смотреть на него как на серьезного противника. Марксистское меньшинство ликовало, особенно после второго, в ответ солидному народнику, слова Ильича. Снисходительное отношение, научные возражения более старшего собеседника не смутили брата. Он стал подкреплять свои мнения также научными доказательствами, статистическими цифрами и с еще большим сарказмом и силой обрушился на своего противника. Все собеседование обратилось в турнир между этими двумя представителями «отцов и детей». С огромным интересом следили за ним все, особенно молодежь. Народник стал сбавлять тон, цедить слова более вяло и, наконец, стушевался.

Диспут этот с живостью обсуждался и комментировался в кружках молодежи, многих из которых Владимир Ильич переубедил, убедил и толкнул на путь изучения Маркса. Марксисты заметно подняли головы, а имя «петербуржца», раздлавшего так основательно В. В., было одно время у всех на устах».

П. М. Голубева об этом же выступлении вспоминает: «Впечатление, произведенное речами Владимира Ильича, было громадное, о нем говорили как о новой звезде, появившейся на горизонте,—одни с удовольствием и удовлетворением, другие с завистью и оглядкой—что, мол, из этого будет».

Это выступление отмечено и в летописях охраны. Начальник московского охранного отделения Бердяев сообщает 20 января 1894 г. наблюдения своих агентов за И. А. Давыдовым, который приезжал на каникулы из Юрьева в Москву:

«Вследствие отношения от 18 прошлого декабря за № 7271 имею честь уведомить департамент полиции, что студент Юрьевского университета Иосиф Давыдов за время проживания в Москве вращался исключительно среди лиц, политически неблагонадежных. Кроме пассивного его участия на чисто студенческом вечере 12 сего января агентуре известно, что он с увлечением дебатировал 9 числа сего месяца на конспиративно устроенной сыном коллежского асессора Николаем Ефимовым Кушенским вечеринке в доме Залесской (что на углу Воздвиженки

и Арбатской площади). Присутствовавший на вечере известный основатель теории народничества писатель «В. В.» (врач Василий Павлович Воронцов) вынудил своей аргументацией Давыдова замолчать, так что защиту взглядов последнего принял на себя некто Ульянов (якобы брат повешенного), который и провел эту задачу с полным знанием дела...»

И. А. Давыдов отрицает это свое выступление и свое присутствие на этой вечеринке. Либо он забыл о нем, либо агент охраны смешал его с кем-нибудь другим. К сообщению агента, что В. В. «заставил замолчать» выступавшего против него марксиста, следует отнести с осторожностью. Возможно, что Давыдов выступил, потом ответил ему В. В., а уж на этот ответ выступил Ильич. Давыдов был человек недурно подкованный марксистски, и его нелегко было заставить замолчать. Но во всяком случае интересен отзыв осведомителя, что Ильич выступил «с полным знанием дела».

После этого выступления Ильич поехал в Нижний и там сделал доклад. Вот как вспоминает Григорьев об этом докладе¹: «Местом прочтения В. И. Ульяновым реферата была выбрана небольшая квартирка Минодоры Егоровны Якубовской. Учительница женского для «благородных девиц» института, М. Е. Якубовская, имея большое тяготение к народолюбцам, все же проявляла любознательность и к другим видам революционного движения. Слухи о брате Ульянова уже тогда доходили до широкой нижегородской интеллигентной публики, а потому интерес к реферату В. И. Ульянова был необычайный. Ввиду же тесноты помещения и по конспиративным соображениям публики на реферате было сравнительно немного и она была избранной. Более тонкий подход к тому же вопросу о судьбах русского капитализма, к которому подходил и П. Н. Скворцов, резкая определенность в постановке и разрешении вопросов и обширная эрудиция произвели громадное впечатление, и среди присутствовавших не нашлось никого смелого для возражений».

Несомненно, что эти выступления Ленина в Москве и Нижнем значительно подкрепили позицию марксистов в этих городах.

По возвращении Ильича из Нижнего в Москву я виделся с ним; мы побывали с ним у Винокуровых на их квартире в Большом Овчинниковском переулке. Рассказали Ильичу о нашей работе.

Он очень внимательно и сочувственно слушал наши сообщения. Побыл он тогда в Москве недолго и скоро уехал в Питер.

По приезде в Москву передо мной встал вопрос, что мне делать с моим врачебным дипломом, где мне искать работу. Найти в Москве медицинскую работу нечего было и думать:

¹ См. М. Г. Григорьев, Марксисты в Нижнем, «Пролетарская революция» № 9 за 1924 г.

тогда, для того чтобы получить место врача в Москве, надо было проработать при больнице сверхштатным ординатором без жалованья несколько лет. Понятно, что только люди состоятельные, преимущественно москвичи, имеющие здесь квартиру у родителей, могли выдержать этот бесплатный стаж в течение нескольких лет. Уехать сейчас из Москвы, когда у нас развертывалась такая большая работа, я решительно не хотел. У меня еще оставалось рублей двести, остаток от моих летних заработков, и я решил жить пока на эти деньги, покуда их хватит, и целиком отдаться нелегальной работе, а там видно будет.

В конце января мы получили сообщение из Вильно, что для нас имеется транспорт литературы. На собрании «шестерки» решено было послать за ним меня, так как я был абсолютно свободен и мог поехать во всякое время. Я немедленно выехал в Вильно.

По приезде в Вильно я должен был пойти на явку к зубному врачу Средницкой. Явки и пароли еще не практиковались тогда в Москве, и для меня все это было внове и казалось очень интересным и таинственным.

Прямо с вокзала я пошел на явку. Пришел рано утром. У зубного врача не было еще никого на приеме. Она приняла меня сразу. Я сказал пароль, она мне ответила и просила подождать прихода одного человека. Вскоре пришел молодой человек, с большой красноватой бородой. Он назвался Александром. Это был, как я узнал потом, Кремер, один из будущих вождей «Бунда». Он взял меня на свое попечение и отвел на окраину города в полудачную местность, в отдельный домик, стоящий в глубине сада. Этот домик снимало несколько офицеров-холостяков. Александр сказал, что мне здесь придется прожить два-три дня, пока он приготовит для меня литературу.

Офицеры оказались своими людьми, товарищами Спonti, с которыми он участвовал вместе в кружке. Помню двух офицеров: один был Иван Осипович Клопов, другой—Макар Иванович Ковалевский. Ковалевский перевел с польского те брошюры, которые привез нам в Москву Спonti. Клопов был в 1905—1906 гг. видным работником нашей военной организации. О дальнейшей судьбе их я сведений не имею.

Когда я жил у них, была получена январская книжка «Русского богатства», с «знаменитой» статьей Михайловского против марксистов, о которой я уже говорил. Мы вместе читали и возмущались этой статьей. Заходил Александр. С ним вели интересные беседы. Он рассказал, что в Вильно социал-демократическая работа ведется уже несколько лет среди, главным образом, еврейских ремесленников, что сколько-нибудь значительных фабрик и заводов в Вильно нет. Работа велась до сих пор чисто кружковая. Кружки многочисленные, они охватили все профессии виленских ремесленников. В кружках ведутся

и общеобразовательная работа и изучение марксизма. Занятия ведутся на русском языке. Ремесленники занимаются в кружках по несколько лет. В результате умственный и культурный уровень участников кружков значительно поднимается; их перестает удовлетворять участь ремесленного подмастерья, работающего 13—14 часов за 5—8 рублей в месяц, и они стремятся уйти от этой тяжелой участи: часть становится хозяйчиками, часть сдает экзамены на учителя, часть, и может быть лучшая, эмигрирует в Америку.

Вскоре Александр доставил мне около пуда литературы группы «Освобождение труда», и я благополучно привез ее в Москву около 1 февраля.

ГЛАВА XX

Первые прокламации. Их влияние на рабочую массу. Наши передовые рабочие. Руководители-интеллигенты. Женский кружок

Вскоре после моего приезда из Вильно в Москву, в феврале 1894 г., Спonti написал первые две прокламации, рассчитанные на широкую массу. Он написал их, иллюстрировал, а потом сам оттиснул на гектографе на своей квартире. Они очень характерны и до сих пор нигде не были напечатаны. Когда печаталась книга «Литература Московского рабочего союза» (1930 г.), то они не были еще найдены, а потому в этой книге помещены они были только в жандармском изложении. Недавно институт Ленина мне их любезно предоставил. Помещаю одну из них в тексте, другую в приложении.

Разговор двух фабрикантов

— Сколько лет я уже стригу своих баранов, на их счет построил себе палаты каменные, скопил большие капиталы, а они, глупые, все еще величают меня благодетелем.

— Потихе, не так громко! Неравно услышат наши бараны да взаправду захотят сделаться из баранов разумными людьми, тогда прощай наше беспечальное житье.

— Ну нет, я так думаю, что уж так на роду им написано: быть глупыми рабами, жить в непосильных трудах, в постоянной нужде, а нам с тобой их, дураков, стричь да держать их в строгости да повиновении, смотреть в оба, чтобы, неровен час, ему, дураку, и в его глупую голову не втемяшилось чего неподобного. А за это мы с тобой отцами-благодетелями сльвем, кормильцами-поильцами народа прозываемся, живем не работая, весело, едим-пьем сладко, горяшка не зная.

— Твоими бы устами да мед пить. Да слышь-ты, сказывают, теперь времена уж другие, все пошло навыворот (шепчет на ухо). Сказывают, в других странах народ бога совсем забыл, на хозяев своих ополчился, говорит, мы не скоты, чтобы на нас пахали да ездили. Будет, говорит, попили вы, благодетели, довольно нашей кровушки. Будет быть дураками. Довольно нас грабить. Дайте и нам вздохнуть. И мы тоже желаем жить, как подобает людям, а потому на такую плату, какую вы даете нам, не согласны, а желаем вот какую. Мы, говорят, не согласны убивать наше здоровье и жизнь на непосильной работе, а требуем, чтобы рабочий день был не 11—12—13 часов, а часов 8, к примеру; да это все, говорят, только для начала, а вот погодите, придет время, тогда мы фабрики и заводы, железные дороги, корабли и землю и леса отыдем от вас и будем всем этим владеть всем миром—целый народ, и не будет тогда ни бедности, ни нищеты, а счастье и довольство по всей земле.

— Ну, до этого нашим баранам далеко, и нам с тобой бояться нечего. Наше дело, знай, стриги только почище, а они еще за это нас с тобою в благодетели произведут.

— Ох, твоими бы устами да мед пить. Ох, да мнится мне, что не долго и нам осталось барствовать, что и наш русский рабочий не так уж глуп, как ты думаешь.

Эти две первые листовки носят общий характер, они не написаны по какому-либо конкретному поводу, но они агитационны и доступны для понимания самому серому рабочему. Они не ограничиваются узкими экономическими вопросами, но в них, особенно в той, которая помещена в тексте, выясняется в самой общей форме социалистическая программа: рабочие отнимают от капиталистов фабрики и заводы, железные дороги, корабли, землю и леса, и завладевает этим и управляет весь народ.

В конце марта или начале апреля (перед пасхой) появляется листовка уже по конкретному поводу—снижения расценок на заводе Вейхельдта (у Курского вокзала). Листовку эту написал М. Н. Лядов. Ее пока не удалось найти, сохранилась она только в жандармском изложении. Вот оно:

«Она представляет собой три четвертушки белой писчей бумаги, склеенных вместе, образуя, таким образом, нечто вроде небольшой тетради, заполненных (кроме четвертой) текстом, скопированным, повидимому, на гектографе с подлинника, исполненного на пишущей машинке. Текст этот начинается словами: «Товарищи, наши заработки сокращают», и по содержанию своему представляет воззвание к рабочим фабрики Вейхельдта. В воззвании этом рабочие призываются к образованию общего союза и кассы, с тем чтобы путем стачек общими силами вести борьбу с хозяевами по примеру заграничных рабочих. Оканчивается воззвание так: «А достигнув этих требований (увеличения заработной платы и точного расценка), мы не

остановимся на них и будем бороться за дальнейшее улучшение нашего положения, помня, что только в единении заключается сила и победа».

За этой прокламацией было выпущено еще несколько по разным конкретным поводам на той или другой фабрике.

Эти первые прокламации имели огромный успех среди московских рабочих, о них заговорили на фабриках и заводах, где они были распространены, прошли о них слухи и по другим фабрикам. Кое-где вспыхнули вызванные ими забастовки.

Вот как вспоминают о них рабочие-активисты: М. П. Петров, работавший в то время у Вейхельдта, пишет¹:

«Кружки самообразования нас мало удовлетворяли, необходимо было захватить массы. Для этого решено было расклеивать и распространять листки с небольшим текстом. Помню, был первый листок, на котором были изображены два буржуа, под ними текст разговора, вверху заголовок «Разговор двух фабрикантов». Точно не помню этого текста, но в разговоре один жалуется другому на то, что его рабочие стали очень дерзки, а все это оттого, что появились социалисты. Несколько таких листов нам удалось расклеить по мастерским, один из них долго продержался в «клубе», т. е. в уборной. Эта форма агитации оказалась в высшей степени удачной и имела огромное влияние на рабочих. Вейхельдт при первой же забастовке воспользовался случаем и стал упрекать нас в том, что среди нас появились социалисты. Кто-то из задних рядов крикнул: «Что, Карлуша, или не по носу табак?» Вейхельдт бросился отыскивать крикнувшего. С другой стороны раздался крик: «Карлуша, за что ты социалистов не любишь?» Вейхельдт пришел в неопишемую ярость и заявил, что он закроет завод, потому что мы — «сволочь и русская грязная свинья». На эту сцену мы ответили новой прокламацией: «Как хозяин защищает свои права». Тут был представлен разговор хозяина с социалистами. Все это давало огромную тему для разговоров среди рабочих. Разумеется, черная рать тоже не дремала, и среди рабочих ходили слухи, что социалисты убили царя за то, что он дал свободу крестьянам, и теперь мутят народ, чтобы вернуть крепостное право. Эту сказку не представляло большого труда опровергнуть, и мы в одной из листовок разъяснили истинный смысл этих слухов. Такие листки так пришлись по вкусу товарищам, что они стали заведующих пугать такими прокламациями».

Другой рабочий, А. Д. Карпузи, работавший тогда также у Вейхельдта, пишет в своих воспоминаниях²:

«Выпускались время от времени листовки агитационного характера. Листовки эти клеились на стенах наших тогдашних клубов — уборных, в которые сходились покурить и побеседовать рабочие».

¹ «На заре рабочего движения в Москве», 1932, стр. 188.

² Там же, стр. 197—198.

Эти листовки обыкновенно вызвали прения и разговоры среди рабочих, и нередко там, в зловонии и в чаду махорки, шлифовалась рабочая мысль, охватывавшая после того широкие массы рабочих. Листовки я помню: «Много ли мы зарабатываем», «Долго ли мы живем»¹ и много других по поводу разных случаев из нашей рабочей жизни, как, например, молебен на заводе Доброва и Наболец с угощением архиерея и взысканием этих расходов с рабочих.

В 1894 г. у Вейхельдта организована была забастовка. Требования—повышение расценок, так как Вейхельдт систематически их понижал. Полиция стала на ноги. Нас стали излавливать по трактирам и заставлять силой идти на работу. Вейхельдт грозил преследованиями и вызовом войск. На это я ему написал письмо, переписанное рукой П. С. Мокроусовой (она всегда принимала горячее участие в наших делах, ведала рабочей кассой, работая в то же время в нашем главном центре). В письме было ему сказано, что если он желает спровоцировать нашу экономическую борьбу с ним и добьется вмешательства в забастовку полиции и войск, то за неизбежные в таком случае жертвы он будет отвечать перед нами. Забастовка у Вейхельдта была выиграна. Организационная работа продолжалась в масштабе все более широком.

Листки, появлявшиеся от организации, служили толчком к тому, что стали выступать со своим творчеством и одиночки, порой малограмотные и малосознательные, но уже втягивающиеся в классовую борьбу. Как пример такого индивидуального творчества можно привести рукописную листовку, вывешенную в уборной на заводе Гоппера перед рождественскими праздниками 1894 г. Вот ее содержание²:

«Господа мастеровые и рабочие! Давайте уговоримся собраться, чтобы заявить, что мы желаем получить харчевые до праздника и чтобы работа была прекращена после обеда за день до праздника. Господа! Некоторые говорят, что думают ехать в деревню, другие хотят сходить в баню и церковь. Какие же мы православные, если пойдем грязные в церковь, или совсем в нее не пойдем? Иисус Христос учил быть непреклонными, зачем же нам бояться?»

Кстати, значение этой сравнительно небольшой забастовки у Вейхельдта, о которой говорилось в этой главе, известный Л. Меньшиков в своей книге «Охрана и революция» совершенно правильно оценивает³:

«Несмотря на незначительность упомянутого события, я нахожу нужным его отметить, так как это был чуть ли не первый случай в летописи московского рабочего движения, когда осо-

¹ Эти две листовки напечатаны в книге «Литература Московского рабочего союза», 1930.

² Меньшиков, «Охрана и революция», т. I, стр. 251.

³ Там же.

знавший себя пролетариат выступил в ногу со своими друзьями из социалистической интеллигенции. Как выяснилось несколько позднее, забастовка у Вейхельдта была вызвана агитацией, которую вели слесаря завода А. Карпузи, Бойе; последние принадлежали к социал-демократической группе Винокурова и Мицкевича, выпустившей воззвание...

С этого момента рост московского рабочего движения шел параллельно, а несколько позднее и в тесной связи с развитием социал-демократических организаций, которые преемственно и почти непрерывно стали возникать потом в столице».

Итак, наши первые листовки¹ сразу изменили масштаб работы: втягивалась широкая масса в орбиту агитации, легче стало заводить и организационные связи.

Наши передовики-рабочие развивали большую энергию в заведении новых связей. Особенно выдавались следующие товарищи.

С. И. Прокофьев, вошедший в «шестерку». Он скромно пишет о себе в воспоминаниях: «Я исполнял как бы должность почтальона—во все углы разносил литературу, бывал во всех кружках, создававшихся моими товарищами... Ввиду моих прежних обысков я был очень осторожен, но с рабочими я знакомился смело. У меня насчет этого был хороший нюх. Литературы у нас нехватало. Приходилось хорошие статьи из газет вырезать, наклеивать на тетрадь и пускать в оборот. Работа кипела во-всю. Моя служба отнимала много времени, я не имел возможности совершенствовать себя, каждая минута была на счету. В свободное время я должен был идти то за Москва-реку к Листу, то к Вейхельдту; надо видеть и Сергея Ивановича (т. е. автора этой книжки.—С. М.) и Александра Николаевича (Винокурова.—С. М.), достать литературу, разнести ее, да и дома заводились знакомства».

Прокофьев был тесно связан со мной, постоянно заходил за литературой, которой он требовал все больше и больше. Я давал ему и литературу группы «Освобождение труда» и рукописные брошюры и листовки, но ему все казалось мало. Он заводил связи, особенно по линии Брестской железной дороги и по железнодорожным мастерским. Скоро он связал нас с курскими и казанскими железнодорожными мастерскими. Его старый приятель И. А. Семенов, перешедший работать к Листу, а потом к Бромлею, не отличался такой бурной активностью, но систематически заводил связи и организовывал небольшие кружки на заводах, где работал. Зато другой его приятель, Е. И. Нем-

¹ К сожалению, из листовок этого времени найдены до сих пор далеко не все. Всего найдено их двенадцать; напечатаны они в книге «Литература Московского рабочего союза», одна в книге «На заре рабочего движения в Москве», 1932 г., и две в этой книге. Объясняется эта неполнота тем, что в это время у охранки не было еще агентуры на московских фабриках, и некоторые листовки не попадали в руки полиции.

чинов, отличался большой активностью и инициативой и умел заводить связи среди самых отсталых рабочих. К ним он особенно умело подходил. Вот как он сам и совершенно верно описывает свою работу¹:

«Сама по себе установилась такая форма наших действий: Проксфьев, будучи помощником машиниста, поддерживал связи, доставлял литературу, вел пропаганду по службе движения, а в свободное время раздавал литературу знакомым рабочим в мастерских. Миролюбов вел работу, где работал, на заводе Грачева (Расторгуевский переулочек по Малой Пресне) и по другим заведениям этого переулочка. Я и Баранцевич работали в железнодорожных мастерских, вели пропаганду, раздавали литературу, подбирали товарищей в кружки. Эти товарищи собирались для занятий на квартиру ко мне или к слесарю Рогову Сергею Ивановичу. Товарищи сравнительно охотно шли в кружки, но очень трудно было найти помещение: все боялись рискнуть предоставлением квартиры. Сформировав кружок, приступаешь к его подготовке. Скажу по поводу подготовки несколько слов. Подобрать товарищей на большое количество кружков с такой подготовкой, какую имели члены нашего первого кружка (это не хвостовство), совершенно было невозможно (об этом первом кружке я упоминал уже.—С. М.), даже более того, я прямо утверждаю, что рабочие того времени в своей массе не понимали интеллигентского языка, и только благодаря кадру, так сказать, переводчиков из среды полуинтеллигентных рабочих могла наладиться работа. Итак, приступая к обработке кружка, принимаешь в расчет религиозность его членов, идолопоклонство перед царем и, самое главное, самоунижение, пришибленность духа перед сильными и богатыми. Принимаешь в расчет мастерскую, заработок и все мелкие недочеты мастерской. Вот с этих недочетов и начинаешь; они всегда чувствительнее, потому что напоминают о себе каждый день. Указываешь на скидку сдельных расценок на все работы, сделанную только потому, что рабочие постарались при сдельной работе и заработали вдвое более своей поденной ставки. Указываешь как на выход из этого—требовать повысить поденную ставку; говоришь, что для этого нам нужно соединиться, действовать сообща, как по команде, что мы требуем только своего, так как все сделано нашими руками. И если даже все сумеем взять в свои руки, в этом греха нет, так как христиане вначале, когда жили по-христиански, имели общее имущество, работали сообща и ни в чем не нуждались. А еще, говорил я, управляют нами неправильно, потому что в евангелии (для большего доказательства я и евангелие с собой носил) сказано: «У язычников цари царствуют, вельможи вельможествуют, между нами да не будет так, но первый да будет слуга всем». Но разве о нас заботится

¹ «На заре рабочего движения в Москве», стр. 161.

царь, вельможи, все богачи? Нет, а раз нет, то и нам незачем работать на них, а давайте учиться, как скорее и лучше стряхнуть их. И приступаешь к чтению. Таков был мой подход к рабочим, первичный, так сказать, агитационного порядка. Затем к этим рабочим приходил С. И. Мицкевич. Он занимался с ними часа три (политэкономией), а потом выяснял наши мнения по поводу прочитанного и поздно вечером уходил. Раз Мицкевич, видя мою безудержность в деле организации новых кружков, говорит мне: «Нужно повнимательнее присматриваться, а то мы влопаемся скоро и мало произведем работы».

Так вел дело Немчинов. В этом районе (ныне Краснопресненском) у нас была крепкая рабочая группа, состоящая из квалифицированных, энергичных и преданных товарищей.

Другая группа была на заводе Вейхельдта, оттуда члены ее с лета 1894 г. рассеялись по другим московским заводам.

Во главе этой группы стоял токарь Константин Федоров Бойе. Это был очень развитый, интеллигентный рабочий, сын железнодорожного рабочего. Он окончил железнодорожное техническое училище; в это время ему было 23 года. Он давно вел знакомство со студентами, много читал. По виду он походил скорее на разночинца-интеллигента—с темнорусой бородкой, в шляпе; и на заводе звали его «скубентом», но относились к нему с уважением. У него была библиотека с книгами Писарева, Белинского, Глеба Успенского. Она послужила ядром общественной библиотеки при центральном рабочем кружке. Он жил в Москве целой семьей с младшим братом Федором, тоже токарем, и сестрой Марией—портнихой. Они также принимали активное участие в работе.

Снимали они отдельный мезонинчик на Черногрязской Садовой, потом переехали на Немецкую улицу (ныне Баумановская). Мы очень ценили К. Бойе как самого дельного организатора и руководителя. Около Бойе группировался кружок вейхельдтовских рабочих. Из них выдавался Саша Хозецкой—слесарь, сын псаломщика, окончил железнодорожное училище, талантливый юноша и смелый агитатор.

Упомяну еще о Михаиле Петровиче Петрове, по кличке «Беспалый». Он работал на Тульском патронном заводе. Там он познакомился с высланными из Питера рабочими Буяновым и Руделевым и под их влиянием стал революционером. Переехал в Москву, здесь попал в 1891 г. в кружок рабочего Федора Афанасьева, вызванного из Петербурга Брусневым для работы в Москве. После ареста Афанасьева осенью 1892 г. поступил на завод Вейхельдта и познакомился с Бойе. Был очень дельным и инициативным организатором и пропагандистом; таковым остался на всю жизнь. Состоит поныне членом ВКП(б).

Осенью 1893 г. в Москву приехал из Таганрога слесарь Андрей Дмитриевич Карпузи. Сын разорившегося таганрогского купца, он учился в городском училище, потом был конторщи-

ком, вступил в народовольческий кружок; с целью сблизиться с рабочими пошел в слесаря. Из Таганрога переехал в Харьков, потом в Москву. Здесь он попал на завод Вейхельдта и познакомился с Бойе и с нами. Быстро встал на наши позиции и начал очень энергично работать. У него были сестра курсистка и брат железнодорожный служащий. Через них он завел знакомство среди интеллигенции. В то время рабочие начинали входить в моду у интеллигенции, и его начали водить по вечеринкам и студенческим собраниям. Нам, по правде сказать, это не очень нравилось, так как он от студентов тащил за собой «хвосты», т. е. шпииков. Поселившийся с ним Спonti из-за этого перешел на другую квартиру; но, с другой стороны, он своей особой популяризировал, так сказать, рабочих среди интеллигенции. Карпузи до сих пор состоит в рядах коммунистической партии.

Работу среди текстильщиков организовывал Федор Иванович Поляков, так же, как Петров, побывавший в кружке Федора Афанасьева. Его больше знал М. Н. Лядов, и я приведу здесь его характеристику Полякова:

«Поляков был очень талантливый человек. Он вырос на Раменской мануфактуре, где работали его мать и отец. В детстве его отдали мальчиком на ту же фабрику. Учился он урывками и, кажется, не кончил фабричной школы. У него рано явилась страсть к чтению.

Первое благотворное влияние на него оказал фабричный доктор, который, заинтересовавшись им, поместил его учеником в фабричную аптеку и снабжал его хорошими книжками. В аптеке он проработал недолго. Когда я с ним познакомился, он успел уже побывать чуть ли не на всех фабриках Москвы. Всюду вылетал с треском, потому что где он ни работал, везде возникал конфликт с мастером или начальством. В этих столкновениях он выступал защитником какого-нибудь обиженного или разоблачал какую-нибудь несправедливость. Ему было тогда года 23, но он уже пользовался широкой популярностью среди московских текстильщиков. Он еще мальчиком начал писать стихи и все мечтал напечатать их. У него было много знакомых среди студентов Петровской сельскохозяйственной академии. Они считались тогда наиболее передовыми. Когда мы познакомились, Поляков еще насквозь был проникнут традициями старой «Народной воли». Несмотря на свою довольно серьезную начитанность, по всему своему облику он остался типичным мастеровым. Очень любил выпить, выпив, любил поскандалить с фараонами (полицейскими) и не раз пспалал для вытрезвления в участок. Может быть, именно за это его особенно любили рабочие на всех фабриках, где ему приходилось работать.

О себе самом он не умел заботиться. У него была жена, но он не жил с ней вместе; у него не было своего постоянного жилья. Чаще всего он вселялся в какую-нибудь артель или казарму.

В противоположность передовым рабочим того времени, он никогда не обращал внимания на свой костюм...

В работе он проявлял необыкновенную активность. Он проникал на все мануфактуры, у него были связи на Прохоровке, на Балашовской, Даниловской, Раменской мануфактурах, на мелких фабриках. Он всюду проникал, кое-где организовав кружок, передавал его кому-нибудь из нас.

Я лично познакомился с Поляковым уже в 1897 г. в Бутырской тюрьме; вместе ехали с ним по этапу до Красноярска. Я очень с ним сблизился. Он был приговорен в ссылку на три года в село Тасеево Енисейской губернии. Там он сдал экзамен и служил фельдшером. Деятельно переписывались до его смерти от чахотки в г. Минусинске в 1903 г.

Кроме Полякова из текстильщиков был еще очень интересный человек—это Осип Васильев. В противоположность остальным нашим передовым рабочим это был человек уже пожилой, лет пятидесяти. Он работал на шерстяной фабрике Филиппова на Покровке, близ церкви Нового богоявления. Осип участвовал в народнических кружках 70-х годов, знал Петра Алексева, которому приходился дальним родственником. Он любил рассказывать про старину. Это был малообразованный, простой ум, но очень дельный агитатор, умевший подойти к самому серому рабочему. Он пользовался большим авторитетом среди рабочих, с которыми у него были большие связи. Он уже давно утерял связи с интеллигенцией, но постоянно вел самостоятельно устную агитацию среди рабочих и пользовался всяким случаем, чтобы резко порицать фабричную администрацию, попов, богачей, правительство. Хотя сам он был малограмотный, но книгу ценил и много и умело распространял и нелегальную и легальную литературу.

Кроме перечисленных рабочих было у нас и еще немало дельных и энергичных агитаторов и организаторов. Вспоминаю часовщика Колчина, по прозвищу «Барбасон», слесарей Богомолова, Ананьева, Зиновия Лаврова, Гузакова из мастерских Курской железной дороги, ткача на фабрике Баулиных Василия Комарова.

Это был цвет московского пролетариата того времени. Почти все они до встречи с нами подвергались революционному или культурническому воздействию со стороны народнической интеллигенции, главным образом со стороны московского студенчества.

Надо сказать, что народническая пропаганда среди московских рабочих велась уже давно. Попытки пропаганды были еще в начале 60-х годов через воскресные школы. В 70-х годах пропаганду вели московские чайковцы, потом долгушинцы; за ними в 1875 г. группа пропагандистов, фигурировавшая на «процессе 50-ти», с знаменитой речью на нем ткача Петра Алексева. В 1879—1883 гг. довольно значительную работу среди рабочих

вели народовольцы. В 1884—1885 гг. появляются уже среди рабочих отдельные издания группы «Освобождение труда». В последовавший за этим глухой период реакции—с 1885 по 1892 г.—систематической работы среди московских рабочих, повидимому, не велось, однако и в этот период интеллигенция, по преимуществу студенты и отчасти учителя, заводила кое-какие связи революционные и культурнические, по большей части с более квалифицированными рабочими механического производства. Были даже, может быть, не вполне определившиеся, марксистские кружки, организованные петербургским рабочим Федором Афанасьевым из Брусневской организации.

Следы всей этой работы остались. По крайней мере, многие из перечисленных рабочих подверглись до встречи с нами революционно-народническим влияниям. Сделать из них марксистов социал-демократов не стоило большого труда. Наш подход к работе и вообще марксистская идеология, выражающая их насущные классовые интересы, быстро завоевывала их симпатии. Я уже приводил высказывание Немчинова об этом. Осип Васильев говорил Лядову: «Раньше действовали на наше чувство, учили нас ненавидеть. Вы учите нас понимать, что нас окружает. Это сделает нас сильными». Мне один рабочий говорил, что наш подход сравнительно с прежним, народовольческим, скорее приводит к цели развития сознательности у рабочего. «Несколько лет тому назад,—рассказывал он,—жил я в Туле, на оружейном заводе; там один рабочий стал мне говорить, что царя не надо, бога нет. Я слушал, слушал его, да как дал ему по роже и ушел от него; а вот как я прочел ваши листки, то я понял все правильно и о капитале, и о царе, и о боге».

Вообще занятия в наших кружках были поставлены так, чтобы по возможности теснее связывать теорию с практикой. Когда мы по «Беседам» Круковского проходили основные положения экономической теории Маркса, то это изложение иллюстрировалось примерами из русской жизни, почерпнутыми из литературы, о положении рабочего класса в России и из сведений, полученных от членов кружка об условиях работы на их фабриках и заводах, о длине рабочего дня, заработной плате, штрафах, притеснениях мастеров, деятельности фабричной инспекции и т. д. Таким образом теория связывалась с жизнью, с ближайшими и насущными нуждами рабочих. Затем выяснялась конечная цель рабочего движения—социализм—и доказывалось, что первым этапом по пути к социализму должно быть завоевание политической свободы, свержение самодержавия. Говорилось много о борьбе заграничных рабочих как за политические права, так и об их экономической борьбе, причем всегда и прежде всего внушалось рабочим, чтобы все, что они вынесут из занятия в кружках, они передавали бы своим товарищам по работе, чтобы они пользовались для агитации среди массы каждым мелким фактом из их повседневной жизни, чтобы

они старались заводить связи и на других фабриках и заводах.

Теперь посмотрим, что читали наши передовики-рабочие. Некоторые из них еще до знакомства с нами читали довольно многонароднической беллетристики—сочинения Златовратского, Успенского, Левитова, Решетникова, Мордовцева, а также книгу Михайлова «Ассоциации», статьи Шелгунова «О рабочем движении на Западе» и т. п.

Читали рабочие также переводную беллетристику: Беллами «Через сто лет», Золя «Углекопы», Шпильгагена «Один в поле не воин», Джиованиоли «Спартак», Войнич «Овод», Швейцера «Эмма». Эту переводную беллетристику мы раздавали сами и рекомендовали приобретать в рабочие библиотеки.

В 1893 и 1894 гг. вышло несколько легальных книг по рабочему вопросу—Вебб и Кокс «Восьмичасовой рабочий день», Ланге «Рабочий вопрос», Свидерский «Труд и капитал». Вышла еще серия брошюр Водовозовой «Жизнь европейских народов»; в них говорилось и о рабочем движении в европейских странах. Рекомендовались и распространялись и эти книги.

В это же время вышла замечательная книга Дементьева «Фабрика, что она дает населению и что она у него берет», представляющая собой итог статистического обследования фабрик и заводов Московской губернии. В ней отображены условия труда, заработка и быта московских рабочих первой половины 80-х годов. Сделано сопоставление с положением рабочих в Англии и Америке. Книга давала огромный материал для пропаганды и агитации и была широко нами использована в наших брошюрах и листках. А. И. Елизарова популярно изложила ее в виде небольшой брошюрки, которая распространялась в рукописи, да и сама книга читалась более развитыми рабочими.

Из нелегальной литературы читались те брошюры, о которых я упоминал уже раньше. Наиболее развитые рабочие прочитали и более капитальные вещи, как-то: «Наши разногласия», «Всероссийское разорение», «Задачи социалистов в борьбе с голодом» Плеханова; «Рабочее движение и социал-демократия» и «Задачи рабочей интеллигенции» Аксельрода; «Манифест коммунистической партии» Маркса. Несколько человек, как Прокофьев, К. Бойе, штудировали с А. Н. Винокуровым первый том «Капитала» главу за главой.

Приведу еще для характеристики чтения передовых рабочих того времени выдержку из показаний Карпузи на допросе о его совместном чтении с часовщиком Д. М. Колчиным, по прозвищу «Барбасаном»:

«Познакомившись с Колчиным, я стал бывать у него, и мы вместе прочли Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», Карышева «Экономические беседы». Чтения эти не были последовательны. Бывало так, что мы прочтем несколько страниц вместе, а дальше Колчин читает один.

Мы тоже вместе прочли брошюру «В знании—сила» Либкнехта; кроме того, я дал прочесть Колчину брошюры: «Рабочий день», «Людвиг Фейербах», «Речь Алексеева», «Манифест коммунистической партии», «Варлен перед судом исправительной полиции», «Задачи социалистов в борьбе с голодом», «Первобытная культура» (легальная) и «Труд и капитал» (легальная).

Приведу еще взятый при обыске у Л. Биронт список книг, который представляет собой как бы список пропагандистской библиотеки:

«Всемирный праздник».

«Речь Варлена».

«Речь Алексеева».

«За правду» Либкнехта.

«Письмо к рабочей интеллигенции» Аксельрода.

«Рабочее движение на Западе» В. Засулич.

«Русский рабочий в революционном движении» Плеханова.

«Праздник петербургских рабочих 1891 г.—4 речи...»

«Кто чем живет» Дикштейна.

«Труд и капитал» Свидерского.

«Наемный труд и капитал» Маркса.

«Что должен знать и помнить каждый рабочий»—перевод с польского.

«Катехизис» и другие популярные брошюры издания группы «Освобождение труда».

«Хитрая механика».

«Идея рабочего сословия» Лассалья.

«Эмма», роман Швейцера.

«Манифест коммунистической партии».

Параллель этому: роман Станюковича «Без исхода», «Отечественные записки», Беллами «Через сто лет», Каронин, Гаршин, Шелгунов, Михайлов «Ассоциации».

Этот список вместе с приведенным показанием Карпузи об его чтении с Колчиным дает хорошее представление о том, что читали передовые рабочие того времени.

Итак, вот каковы были наши передовики-рабочие и как мы с ними вели работу в 1893—1895 гг.

Скажу теперь еще о руководящих интеллигентах. Члены руководящего центра—«шестерки»—все свое время отдавали конспиративной работе. Спonti кроме этой работы ничем и не занимался, живя на свою 16-рублевую ренту. Жил он хуже, чем жили квалифицированные рабочие, зарабатывавшие 30—40 рублей в месяц, тем более, что он по характеру своей деятельности должен был снимать отдельную комнату и не имел никакого домашнего хозяйства, что удорожало жизнь. Он был болен еще к тому же туберкулезом, бывали кровохаркания, но он не обращал на это внимания и весь отдавался революционной работе. Он был как бы прообразом типа профессионала-революционера последующего периода.

М. Н. Мандельштам-Лядов служил на постройке клиник. Служба отнимала у него не очень много времени, все остальное время он целиком отдавал нашей работе, проявляя огромную энергию по заведению связей среди рабочих. «Мартын Мандельштам был нашим весь. Он часто бывал у нас. Юный, горячий, честный, он всегда пылал революционным огнем и любовью к нам»,—так правильно характеризует его Карпузи в своих воспоминаниях. Кроме того, Лядов много писал. Он написал брошюры: «Как крестьянин и кустарь в фабричного рабочего превратились», «Кое-что о женщине-работнице», переделал брошюру Лафарга «Катехизис рабочего» и написал ряд листовок. Он, по существу, был тоже «профессионалом-революционером».

Я первые три месяца 1894 г. нигде не служил и мог все свое время отдавать конспиративной работе; поддерживал и развивал связи с рабочими, занимался в кружках, имел значительные связи среди студентов, вел среди них пропаганду марксизма, организовывал работы на гектографе, переписку брошюр и т. п.

С апреля я поступил на работу в земскую управу, но она отнимала время только до 3 часов, оставляя в моем распоряжении, кроме того, многочисленные тогда праздники.

А. Н. Винокуров был тогда студентом-медиком 5-го курса, а потом сдавал государственный экзамен, но, несмотря на это, он занимался в рабочих кружках, писал брошюры и листки. Так, он написал: «Откуда взялись капиталисты и рабочие», «Много ли мы зарабатываем», «Царь Александр III умер» (последнюю совместно со мной) и несколько листовок.

Кроме того, мы трое совместно переработали три вышеупомянутые польские брошюры.

П. И. Винокурова организовала около себя кружок преданных делу курсисток. В него вошли Софья Ивановна Муралова, Пелагея Сергеевна Мокроусова (потом вышла замуж за А. Д. Карпузи), Анфиса Ивановна Смирнова, Е. А. Петрова, Л. И. Биронт, Н. А. Желвакова и М. Х. Горбачева.

Они заводили связи среди работниц в воскресной школе—среди ткачих, среди модисток. Из работниц, с которыми они познакомились, выдавалась одна ткачиха. Она сначала была неграмотной и ей читали брошюры и листки другие, а она потом почерпнутые таким образом знания несла уже в массу в своей устной передаче. Потом она научилась грамоте. Да и вообще замечалось, что многие неграмотные рабочие и работницы, затронутые агитацией, стали проявлять сильное стремление научиться грамоте и часто учились читать по нелегальным брошюрам. Специально для женщин П. И. Винокурова написала брошюру «Дура-баба», которую пока не удалось найти. Другую брошюру, «Кое-что о женщине-работнице», написал Мандельштам-Лядов (она напечатана в книге «Литература Московского рабочего союза»).

Наш женский кружок вообще проявлял большую активность: переписывали литературу, доставали деньги, устраивая разные сборы и лотереи, иногда фиктивные; у него хранилась литература и т. д. Мокроусова откуда-то достала пишущую машинку; тогда они еще только входили в употребление. Это значительно облегчило переписку, тем более что машинка давала несколько копий. Машинка эта использовалась во-всю. Из этого женского кружка вышло потом несколько большевичек, которые всю жизнь оставались в партии. Так, С. И. Муралова умерла в 1932 г. коммунисткой, Анфиса Ивановна Петрова была потом активной партийной работницей, умерла раньше; П. С. Мокроусова-Карпузи также работала потом в партийных организациях, умерла до революции.

Говоря о нашем женском кружке, я мимоходом коснулся о сборах денег на организацию. Вообще надо сказать, что с деньгами у нас обстояло дело неважно, а их часто надо было иметь дозарезу. Покупка литературы нелегальной и легальной, покупка пишущей машинки, материалов для гектографа, бумаги, мимеографа, поездки в Вильно и в другие места—на все это требовались деньги, а достать их было не легко. Иногда надо было бы снять квартиру получше для собраний, для печатания, а средств нехватало. Тов. Лядов хорошо отметил это в своих воспоминаниях, откуда я приведу соответствующее место¹.

«Большой недостаток испытывали мы в денежных средствах. Хотя все кружки, входящие в организацию, и отчисляли определенный процент на литературу, но это были гроши в сравнении с нашими возросшими потребностями. И очень часто мы эти гроши предпочитали тратить на поддержку забастовщиков, на поддержку уволенных за выступления рабочих. Наши девичьи, в особенности Смирнова и Муралова, ухитрялись всякими способами добывать деньги среди студенчества. Печатали фотографии писателей и продавали их, перепродавали нелегальную литературу, устраивали лотереи, собирали в пользу забастовщиков среди радикальной молодежи, среди учащейся массы, в пользу какой-нибудь придуманной умирающей с голоду курсистки, и раз кому-то из них удалось обобрать какого-то заезжего губернатора в пользу фантастической голодающей дворянки.

Смирнова обхаживала с финансовой целью разведенную жену сибирского золотопромышленника Пенневскую, которая обещала, что если удастся ей по суду отвоевать от мужа причитающуюся ей часть имущества, то она пожертвует нам 10% своей доли. Смирнова познакомила и меня с ней, кое-что нам удавалось доставать у нее. Квартиру ее мы широко использовали для хранения нелегальщины, но имущества так и не дождались».

¹ «На заре рабочего движения в Москве», 1932, стр. 82.

Образование центрального рабочего кружка в апреле 1894 г. Его работа

С увеличением наших связей среди рабочих, с увеличением числа кружков скоро встал перед нами организационный вопрос. Решено было создать центральный рабочий кружок, в который входили бы представители от каждого заводского кружка. Заводский кружок состоял из более сознательных рабочих одного завода, занимающихся в пропагандистских кружках. Этот заводский кружок вел агитацию и пропаганду на своем заводе, подготавливая стачки и всякого рода протесты и заявления заводской администрации, словом, он в зачаточной форме выполнял ту роль, которую выполняли впоследствии (в 1905—1907 гг.) заводские комитеты.

Центральный рабочий кружок, составленный из представителей всех заводских кружков и пополненный несколькими интеллигентами, ведущими непосредственную пропаганду среди рабочих, по мысли некоторых товарищей, и должен был играть роль коллектива, который руководил бы всем рабочим делом в Москве. Этот центральный кружок должен собирать материал для агитации, для листков, брошюр, он должен давать «директивы» для всей организации, он же должен заведывать техникой, транспортом и сношениями с другими городами и т. д. Другие возражали против этого и говорили, что рабочие еще недостаточно подготовлены для руководства движением, особенно же неудобно передавать в такой большой кружок конспиративную часть (технику, транспорты, сношения), и даже образование такого центрального кружка они считали неконспиративным, так как это может привести к провалу всей верхушки организации. Всем делом, по мысли этих товарищей, должен руководить центральный кружок из вполне проверенных людей, который будет кооптировать наиболее подготовленных и проверенных рабочих и интеллигентов.

Сторонниками этого взгляда были я и Винокуров. Мы, воспринявшие старые революционные традиции, отстаивали мысль, которую можно формулировать словами Ленина из «Что делать»: сосредоточение всех конспиративных функций в руках возможно небольшого числа революционеров. Наиболее определенным защитником другой точки зрения, отстаивавшим более широкую, менее оформленную организацию, был Спonti. На одном собрании по этому вопросу было даже резкое столкновение между ним и Винокуровым.

Так, у нас в зачатке намечались противоречия, которые в следующий период проявились очень остро, именно по вопросу о методах построения организации в тот период, в условиях глубокого подполья: или сверху путем кооптации как организа-

ции революционеров (точка зрения Ленина и «Искры»), или путем выборов с низов, как рабочей организации, приближающейся к типу профсоюзной (точка зрения экономистов). Но тогда, повторяю, эти противоречия сказывались еще в зачаточной, неразвитой форме.

Тогда у нас обе точки зрения сошлись на компромиссе: центральный рабочий кружок был организован, но остался прежний руководящий кружок—«шестерка». За этим кружком оставлено высшее идейное руководство движением, редактирование изданий и конспиративная часть; центральный рабочий кружок играл роль совещательную, так сказать. Впрочем, взаимоотношения между этими кружками не были оформлены, а сложились сами собой.

Фактически всем делом у нас руководили четверо: Винокуров, Лядов, я и Спonti, причем первые три встречались чаще, так как жили ближе, были давно знакомы и были более единомышленными, более, так сказать, спевшимися между собой.

Мы трое часто виделись, обсуждали теоретические вопросы, редактировали все наши издания, ставили технику; в более важных случаях собирались вместе с Спonti. Надо сказать, что Спonti не проявлял большого интереса к теоретическим вопросам; нам казалось, что он как-то застрял на Лассале и мало интересовался теорией Маркса и Энгельса.

«Это был страстный, фанатически убежденный патриот пролетариата: он верил в пролетариат, преклонялся перед ним... но обнаруживал порой прямолинейность и примитивность мышления». Так, в общем правильно, характеризовал его в своих воспоминаниях П. Б. Аксельрод, который познакомился со Спonti во время поездки Спonti за границу весной 1895 г.

Лично я не вошел в центральный рабочий кружок; мне была поручена преимущественно организация техники и конспиративных сношений.

Первое собрание центрального рабочего кружка состоялось в начале апреля 1894 г. в квартире Бойе, на Немецкой (ныне Бауманской) улице в доме Труфанова № 23. Семейство Бойе занимало отдельный мезонинчик, имевший общий ход с пекарней, куда ходило много людей, что представляло свои удобства. В этой квартире центральный рабочий кружок и собирался постоянно вплоть до провала в середине августа 1895 г. Домик этот сохранился до сих пор.

В этот центральный кружок входили представители от кружков с заводов Вейхельдта, Гужона, Листа, Бромлея, Доброва и Набгольц, Грачева, из Брестской, Курской и Казанской железнодорожных мастерских, с фабрик Михайлова, Филиппова. Со временем включены были представители от кружков еще нескольких заводов и фабрик—Гоппера, Иокиша, Лыжина, Даниловской, Баулина, от двух-трех типографий. Представители от кружков включались не путем выборов, а путем кооптации

наиболее надежных рабочих данного кружка. Центральный кружок собирал материалы для агитации, передавал связи, собирал сведения о настроениях рабочих на московских заводах и фабриках, узнавал, какая литература где требуется, какая больше идет. На собраниях читались проекты листовок и часто вносились в них изменения по указанию рабочих. Собирались обычно через две недели, иногда каждую неделю. Центральный кружок завел свою кассу. Члены кружков вносили 2% с полочки, часть оставляли в своем заводском кружке для его нужд, а часть передавали в центральный кружок. При кружке завели библиотеку легальной литературы, а также и нелегальной, но последняя хранилась отдельно. Одной из важных функций центрального рабочего кружка была переброска рабочих с одного завода на другой для заведения новых связей или укрепления старых. Так, например, Михаил Петров был направлен с завода Вейхельдта на завод Бромлея, и ему оказана была денежная помощь для найма подходящей квартиры для кружковых занятий. Карпузи был направлен на завод Гоппера, потом на завод Гужона; Хозецкой—на завод Доброва и Набгольц, потом в мастерские высшего технического училища; Поляков перебрасывался несколько раз на разные текстильные фабрики, а когда его перестали принимать на эти фабрики, так как везде прославился как беспокойный элемент, то он поступил в модельную мастерскую на заводе Гоппера.

Тогда же или несколько позже перед нами встал вопрос, как назвать нашу организацию. Думали было назвать социал-демократическим союзом, но это было отвергнуто, так как незнакомое и непонятное еще широкой массе слово—социал-демократический—могло отпугнуть массы, а потому пока решили воздержаться давать название до упрочения и расширения нашей организации.

Листки выпускались без подписи. Только впоследствии уже, после моего ареста в 1895 г., стало упрочиваться название «Рабочий союз». Это название официально было принято на первоммайском собрании в 1895 г., как об этом вспоминает М. Н. Лядов в своей «Истории Российской социал-демократической рабочей партии» (изд. 1-е 1906 г.). После этого уже стали появляться листки с подписью «Рабочий союз»¹. Образовавшаяся после провала нашей организации новая в начале 1896 г. приняла название «Московский рабочий союз», с какой подписью и выпускала листки.

И это явление, т. е. что социал-демократические организации в России не сразу принимали какое-нибудь название, было общим. Известно, что и петербургская социал-демократическая организация приняла название «Петербургский союз борьбы за освобождение рабочего класса» только в 1896 г., уже после

¹ См. «Литература Московского рабочего союза», 1930.

ареста Ленина и всей группы «стариков», а работа велась с 1893 г. если даже не считать рабочих кружков 80-х и начала 90-х годов. То же было в Нижнем, Вильно, Екатеринославе и других городах.

ГЛАВА XXII

Моя вторая поездка в Вильно. Провал транспорта. Аресты членов «партии народного права». Брошюра «Об агитации». Московская организация переходит к агитации в массах

В апреле было нами получено извещение из Вильно, что для нас приготовлен транспорт литературы. С 1 апреля я служил в санитарном бюро губернского земства, но тут подошла пасха, когда служебные занятия прерывались на пять-шесть дней, и я решил воспользоваться этим перерывом для поездки за литературой. Числа 16—17 апреля (старого стиля) я выехал в Вильно. Там опять остановился у своих офицеров, повидался с Александром. Я ему рассказал о наших успехах в применении агитации на почве ближайших экономических нужд, об образовании центрального рабочего кружка. Он мне рассказал, что у них мысль об агитации начинает пробивать брешь в заскорузлой кружковщине, что начата борьба по проведению в жизнь старого забытого закона, изданного еще при Екатерине II, который гласил, что рабочий день в ремесленных мастерских должен продолжаться с 6 часов утра до 6 часов вечера с двухчасовым перерывом на обед, т. е. чистых рабочих часов должно быть десять, а не двенадцать или тринадцать, как это практиковалось до сих пор. Этот лозунг сокращения рабочего дня втянул в борьбу всю массу ремесленников, и борьба эта проходит успешно. Виленская социал-демократическая организация руководит этой борьбой и пользуется ею для того, чтобы популяризировать в массе идею сплоченной и солидарной борьбы рабочих за свои классовые интересы.

Я привез с собой для пересылки в группу «Освобождение труда» для печати переделанную нами брошюру «Рабочий день». Вернее, она была написана заново, но сохранено только старое заглавие. За границей в ней сделали большую вставку, о чем я скажу в главе «Наша идеология». Получена она была в печатном виде в Москве уже после моего ареста, в начале 1895 г.

Александр передал мне в рукописи заново переделанную брошюру «Об агитации».

Пробыл я в Вильно тогда дня два. Стояла чудная весна. Я бродил в свободное время по Вильно и окрестностям, вспоминая свое детство и весну 1879 г., когда я мальчиком, до поступления в военную гимназию, жил в Вильно. Прошло с тех пор пятнадцать лет; я уже окончил и гимназию и университет и вот теперь занят большим делом. Эта мысль наполняла меня

чувством большой радости. Транспорт на этот раз я получил большой—больше двух пудов литературы группы «Освобождение труда». Купил для нее большой новый чемодан. Набитый литературой, он оказался для меня очень тяжелым, так что только с очень большим трудом я его мог переносить. Носильщику я решил не давать его, так как он был подозрительно тяжел, а я недавно прочитал у Степняка Кравчинского в «Подпольной России», что Гольденберг в Харькове из-за тяжести чемодана с динамитом, который показался подозрительным носильщику, был обыскан и арестован. Я условился в Москве с В. А. Ждановым, что я его извещу нейтральной открыткой без подписи, когда он должен меня встретить на вокзале в Москве и увезти мой чемодан в надежное место. За сутки до моего отъезда я опустил открытку в почтовый вагон в Вильно. В Минске была пересадка, нужно было перетащить довольно далеко мой чемодан, и я надорвался при этой перетаске. Приехал в Москву. Никто меня не встречает. Сам тащить чемодан не могу. Пришлось-таки взять носильщика. Он кряхтел, но донес мой чемодан до извозчика. Куда теперь ехать с моим чемоданом? На свою квартиру я побоялся из-за тяжести чемодана: с квартиры я уехал без вещей, сказав, что еду на пасху в Рязань к родным. Решил ехать к Жданову, думая, что он еще не успел получить мою открытку. Приехал к нему, оставил извозчика у ворот, пошел с предосторожностями к Жданову. Оказывается, действительно, он моего письма не получил. Он пошел со мной к извозчику, и мы с ним вместе поехали. Он мне сказал, что чемодан он решил поставить к своей невесте Н. Н. Лебедевой, которая жила на Мещанской в Ольгинской больнице, где служила фельдшерницей, и у нее можно надежно спрятать транспорт. Когда мы ехали переулками, я тщательно следил, нет ли слежки, но ничего не мог заметить. Не доезжая до больницы, я сошел с извозчика и пешком пошел на Рязанский вокзал, чтобы съездить на день-два в Рязань с целью замести свои следы. Приехал в Рязань 20 апреля. На другой день вечером пошел к студентам-рязанцам. Они мне сказали, что они только что получили известие из Москвы, что там идут аресты: арестованы Жданов и Лебедева. Я был поражен: значит меня проследили и транспорт мой провалился. Я немедленно, в тот же день, поехал в Москву. Захожу на свою квартиру; там все тихо. Пошел по своим: наши не тронуты. Но узнал, что в Москве в ночь на 21 апреля были большие аресты среди народоправцев, что арестована среди других Л. Н. Лебедева, которая жила вместе с Н. Н. Лебедевой, к которой Жданов отвез мой чемодан.

Как потом выяснилось, 21 апреля была ликвидирована вся верхушка партии народного права, которая только что организовалась в течение зимы 1893/94 г. Была поставлена в Смоленске типография, которая выпустила в феврале 1894 г. «Манифест партии народного права» и брошюру «Насущный воп-

рос». Московская охранка через свою внутреннюю и наружную агентуру все время усиленно следила за организацией этой «партии» и 21 апреля захватила ее типографию, склады и всех ее вожakov, проживавших в Москве, Орле, Смоленске, Рузе— М. А. Натансона, Н. С. Тютчева, А. М. Лежаву, А. М. Манцевича, П. Ф. Николаева, А. В. Геденовского. Так эта партия, пытавшаяся сорганизовать и объединить либералов и старых радикалов-народников, погибла в самом начале своего образования. Начальник Московского охранного отделения Бердяев и его помощник Зубатов телеграфировали в Париж своему приятелю Рачковскому, заведующему тогда русской заграничной агентурой, 22 апреля 1894 г.: «Вчера взята типография, несколько тысяч изданий и 52 члена партии народного права. Немного оставлено на разводку». Но и из «разводки» ничего не вышло, и эта «партия» не возродилась. Оказывается, что у Н. Н. Лебедевой и ее сестры Л. Н. Лебедевой был большой склад и народоправческой литературы, и за ними давно следили. Вот какое «надежное» место приготовил Жданов для нашего транспорта. Открытку мою нашли у него при обыске. Очевидно, он ее получил уже после моего приезда к нему. Охранка по открытке узнала, повидимому, о моей поездке в Вильно, так как мой почерк ей был известен по предыдущим перлюстрациям моих писем. Но тогда наша организация больше не пострадала: она потеряла только Жданова и мой транспорт. Потерю эту я очень больно переживал: до сих пор мне жалко этих двух пудов марксистской литературы, которая тогда погибла в недрах охранки.

Мой транспорт погиб, но тетрадка с рукописью брошюры «Об агитации» у меня сохранилась. Я ее привез в боковом кармане. Мы ее коллективно прочитали и одобрили ее мысль о необходимости агитации среди рабочих на почве их ближайших экономических нужд, теорию же постепенных стадий вовлечения рабочего класса в политическую борьбу мы на практике отвергли. Вот что писал я в своих воспоминаниях еще в 1906 г. об этой брошюре¹:

«Главная мысль этой брошюры была такая: для того чтобы развить классовое самосознание в рабочем классе, чтобы поднять его на планомерную экономическую и политическую борьбу, недостаточно вести пропаганду в его среде идей научного социализма; для этого необходимо прежде всего вести агитацию в массе на почве ближайших экономических нужд ее и постараться вовлечь ее в борьбу там, где она еще не начиналась, за эти ближайшие, а потому наиболее для массы понятные и доступные экономические нужды. Раз масса начнет такую борьбу, то она очень скоро придет к сознанию противоположности классовых интересов, она также очень скоро увидит и почувствует, что главным препятствием в этой борьбе является современный

¹ См. сборник «Текущий момент», Москва 1906, стр. 11—12.

политический режим, и таким образом процесс экономической борьбы втянет ее и в борьбу политическую. Роль агитаторов и сознательных рабочих и будет состоять в том, чтобы помочь массе понять эту непосредственную связь экономической и политической борьбы, содействовать развитию в процессе борьбы ее экономического и политического самосознания.

Вот эту-то тактику мы и проводили в своей работе. Главный мотив нашей пропаганды и агитации, главное содержание листов и брошюр были экономические: говорилось о плохом положении рабочих, об эксплуатации со стороны хозяев, о необходимости борьбы с капиталистами. Но сейчас же указывалось, что у нас эта борьба крайне затруднена: нет ни свободы стачек, ни свободы собраний и союзов. Указывалось, что правительство преследует рабочих за борьбу с хозяевами, что оно всегда защищает интересы капиталистов и что для успехов в экономической борьбе необходимо добиваться изменения политического режима. Приводились примеры из западной жизни, где порядки другие, где рабочие принимают участие в управлении государством, где обеспечен известный минимум свобод, а потому рабочие и добились многих улучшений в своем положении. Доказывалось, что все эти завоевания есть результат борьбы, к каковой и призывались русские рабочие. Эти мысли старались мы провести в каждом листке, в каждой брошюрке и пользовались для этого каждым представляющимся случаем: отказ в жалобе, поданной фабричному инспектору, отказ в каком-либо ходатайстве рабочих со стороны генерал-губернатора, благодарность фанаторийцам за расстрел рабочих (в Ярославле в мае 1895 г.)—все это служило поводом для выявления связи экономики с политикой. При подходе к случаю писали и на чисто политические темы. Так, например, была написана брошюра по поводу смерти Александра III, в которой была изложена политика этого императора и указывалось на ее чисто классовый характер. При случае указывалось и на классовый характер церкви, как, например, в листке по поводу архиерейского молебна на заводе Доброва и Набгольц, деньги за который пробовали взыскивать с рабочих.

В общем следует сказать, что тактика, принятая нами, оказалась в высшей степени успешной. Наши листки всегда встречали горячий интерес и сочувствие в самой серой массе, они были для нее понятны и касались ее наболевших нужд. Благодаря нашей тактике успешно достигалась и цель политического воспитания».

Так мы применяли ценную мысль брошюры о необходимости связать экономические нужды рабочих с политической борьбой, отвергнув, как я уже сказал, на практике ложную теорию брошюры о постепенных фазисах рабочего движения, которая впоследствии легла в основу учения «экономистов».

Теория фазисов, как известно, заключалась в том, что сначала рабочее движение останавливается на первом фазисе борьбы

за мелкие требования на своей фабрике, затем постепенно переходит во второй фазис только тогда, когда собственным опытом рабочий придет к выводу о невозможности успеха в борьбе за частные интересы рабочих отдельной фабрики, и по мере вступления в эту вторую фазу рабочее движение станет мало-помалу принимать политическую окраску. И роль партии, взявшей на себя задачу политического воспитания и организации масс, ограничивается тем, чтобы верно определить момент, когда борьба назрела настолько, чтобы перейти в борьбу политическую.

В этих положениях ясно видны основы будущей теории «экономистов» о постепенных стадиях рабочего движения, элементы будущего их хвостизма. Этих элементов оппортунизма было вообще немало в виленской организации, главари которой были потом главарями «Бунда»—организации, занимавшей всегда правый фланг среди оппортунистов российской социал-демократии. Но тогда мы этого отчетливо еще не осознали и брали из этой брошюры те жизненные и действительно «полезные» указания, которые, по выражению Ленина, в ней заключались.

У нас, исходя из этих полезных указаний, получалось, напротив, стремление тесно увязать экономическую и политическую борьбу и выводить вторую из первой *по возможности немедленно*.

Мне кажется, что мы можем вполне применить к себе характеристику Ленина, которую он дал впоследствии о работе первых социал-демократов. В своей знаменитой статье «Что делать» (1902 г.) он писал¹:

«При этом особенно важно установить тот часто забываемый (и сравнительно мало известный) факт, что *первые* (курсив везде подлинника.—С. М.) социал-демократы этого периода, *усердно занимаясь экономической агитацией*—(и вполне считаясь в этом отношении с действительно полезными указаниями тогда еще рукописной брошюры «Об агитации»), не только не считали ее единственной своей задачей, а напротив, *с самого начала* выдвигали и самые широкие исторические задачи русской социал-демократии вообще и задачу *ниспровержения самодержавия в особенности*».

Ведь это он писал, зная и о нашей работе, за которой он внимательно следил во время своих приездов в Москву. О том, что эту характеристику мы можем вполне приложить к себе, я еще буду говорить подробнее в главе об идеологии и литературе нашей организации.

Считая мысли об агитации на почве ближайших экономических нужд крайне важными и плодотворными для успехов рабочего движения, мы переписали брошюру «Об агитации» в нескольких экземплярах и разослали ее в города, где у нас были связи.

¹ Ленин, Соч., т. IV, стр. 385.

Помню, что я передал один экземпляр студенту-нижегородцу М. А. Сильвину при его проезде через Москву, тогда работавшему уже в петербургской организации.

Сильвин в своих воспоминаниях так описывает свое посещение меня¹:

«С С. И. Мицкевичем я был знаком раньше, по Нижнему (мы были земляки), и, бывая в Москве, не пропускал его студенческой комнаты на Бронной. Иной раз я привозил ему кое-что из литературы, но чаще брал у него, главным образом, для Нижнего. Памятно мне мое посещение его осенью 1894 г. на пути в Петербург. Мицкевич пригласил двух товарищей—не помню, кого именно,—для собеседования (мне помнится, Винокурова и Лядова.—С. М.) и после моих сообщений о положении дел в Петербурге и Нижнем они рассказали мне о том новом, что происходило в их революционной работе, о переходе от пропаганды к агитации путем распространения листовок. Две из них, довольно объемистые для листовки, отгектографированные на четвертушках, с карикатурными рисунками в тексте, произвели на меня впечатление целесообразностью своего содержания: «Разговор двух фабрикантов» и «Столковались у фабричного инспектора».

Тут же я получил и копию брошюры «Об агитации», которую привез в Петербург. Брошюра, однако, уже и ранее циркулировала в социал-демократических кружках столицы, вызывая много разговоров. *Ее идея отвечала самому острому вопросу нашей деятельности: как перейти от кружковой работы к массовой, как вовлечь в движение эти массы? Вопрос об изучении условий работы и жизни рабочих на каждом заводе был уже поставлен Владимиром Ильичем (курсив мой.—С. М.)».*

Из слов Сильвина, подчеркнутых мною, видно, что он верно понял главную мысль брошюры, но понял он ее, повидимому впоследствии, ибо тогда, когда я спросил его, как ему понравилась эта брошюра, он ответил, что не понравилась, так как там неправильно освещен вопрос о рынках. Меня этот ответ крайне удивил. Вопросу о рынках в этой брошюре посвящено буквально два слова. Там сказано во введении, что увеличение резервной армии рабочих уменьшает внутренний рынок и заставляет буржуазию искать новых рынков, что становится все труднее... и больше о рынках ни полслова. Меня удивило, что главная мысль брошюры не произвела на него впечатления, а он остановился на нескольких мельком сказанных словах, не имеющих отношения к главной мысли, и это было не случайно: петербуржцев в это время, как это видно из другого места статьи Сильвина, а также и из воспоминаний Мартова, сильно волновал вопрос о рынках, а практический вопрос об агитации с трудом пробивал себе дорогу. Сильвин же приводит одно выступление

¹ Журнал «Каторга и ссылка» № 1, 1934 г., стр. 96.

Ильича на докладе Г. Б. Красина о рынках. Ильич сказал: «Мы должны заботиться не о рынках, а об организации рабочего класса, о том, чтобы вызвать к жизни массовое рабочее движение в России, о рынках же позаботится наша буржуазия».

Как известно, петербургская организация—«Союз борьбы за освобождение рабочего класса»—перешел вскоре под влиянием и руководством Ленина к агитации в массах, проводил ее широко и блестяще, руководил стачками, стремясь придать им не только экономический, но и политический характер.

Итак, московская организация начала систематически выпускать агитационные листовки, ряд агитационно-пропагандистских брошюр, рассчитанных на широкие массы, и в течение 1894 г. выпустила ряд листовок и оригинальных и переработанных брошюр. Перепечатка только найденных в архивах заняла целый том—около двадцати печатных листов («Литература Московского рабочего союза»).

ГЛАВА XXIII

На службе в санитарном бюро московского губернского земства. Доктор П. Ф. Кудрявцев. Постановка земской медицины в Московской губернии. Доктор Е. А. Осипов и профессор Ф. Ф. Эрисман. Культурничество или революционная работа

У меня был знакомый в Москве доктор Петр Филиппович Кудрявцев. Он был членом руководящей группы казанской народнической революционной организации, о которой я писал в главе V. Оставленный с начала при Казанском университете, он по «политической неблагонадежности» в 1890 г. был уволен от должности ординатора; служил потом в вятском земстве, а затем в Москве. Я познакомился с ним через А. В. Чекина. Изредка виделся с ним и спорил о народничестве и марксизме. В конце марта 1894 г. он сообщил мне, что получил интересное для него место участкового санитарного врача в Херсонской губернии, где теперь обследуются сельскохозяйственные рабочие, в большой массе приходившие туда на лето из других губерний для работы в помещичьих и крупнокулацких имениях. Он предложил мне свое место врача-статистика при санитарном бюро московского губернского земства, сказав, что уже говорил обо мне с руководителем санитарного бюро доктором Е. А. Осиповым и что это место за мной обеспечено. Я согласился и с 1 апреля стал там работать. Кудрявцев перед своим отъездом передал мне интересную связь с одним миссионером, который участвовал в казанской народнической организации, а теперь живет и ра-

¹ Об этом подробнее см. в книге «Литература Московского рабочего союза», 1930, стр. 4—6.

ботает в Москве. О нем я скажу ниже, а теперь еще несколько слов о докторе Кудрявцеве, который является очень характерной фигурой земского санитарного врача, постоянно совмещавшего культурническую работу с активным содействием и революционной работой.

Еще в середине 80-х годов он руководил народническими кружками в Казани. В одном из этих кружков принимал участие Алексей Максимович Пешков, когда работал в булочной Деренкова, при которой жил и Кудрявцев. После Москвы Кудрявцев работал в Херсонской губернии. Там он написал ряд работ о сельскохозяйственных рабочих, которые не раз сочувственно цитировал Ленин в своей работе «Развитие капитализма в России»¹. Вследствие нажима администрации был вскоре принужден уйти из херсонского земства. Перебывал потом заведующим санитарным бюро симбирского, ярославского, вологодского и рязанского губернских земств. Нередко увольнялся по требованию администрации, бывали обыски.

Везде вел большую культурную работу, насколько только позволяли тогдашние возможности, как правительственные, так и земские. Устраивал питательные пункты для пришлых рабочих или голодающих крестьян, устраивал летние ясли в деревнях, сельские библиотеки-читальни, организовал санитарный надзор в школах, проектировал сеть врачебных участков и всячески продвигал вопрос об осуществлении этой сети, произвел обширные обследования движения населения, водоснабжения и жилищ в ряде губерний. Имеет около 150 печатных работ.

С этой культурной работой он умел совмещать революционную работу главным образом организационного характера: он подбирал на места врачей и санитарных статистиков соответствующую публику. Примкнув с начала 900-х годов к партии социалистов-революционеров, он в подборе санитарных статистиков и врачей не проводил узкопартийной линии, подбирая людей революционно настроенных без различия партий; так у него работали статистиками и врачами социал-демократы, в том числе и большевики: Калафати, Стопани, Цурюпа, врачи З. П. Соловьев, Д. И. Ульянов и другие. После Октябрьской революции он порвал с эсерами и безоговорочно стал на советскую платформу. С тех пор он работал по организации советской медицины как сотрудник рязанского Губздрави и санитарии имени Ф. Ф. Эрисмана. Награжден званием героя труда и недавно представил всестороннюю программу обслуживания колхозников в культурном, санитарном и медицинском отношениях².

Итак, я по его рекомендации начал работать в качестве врача-статистика. Обязанности мои состояли в медико-стати-

¹ См. о П. Ф. Кудрявцеве в приложении к III тому сочинений Ленина, стр. 630.

² Умер в конце 1935 г.

стической работе и в подготовке к печати трудов санитарного бюро. Я приходил на службу ровно к 10 часам утра и уходил в 3 часа дня; никаких работ на дом не брал. Относился к работе как к заработку, работал добросовестно, но формально, не вкладывая в эту работу души, которую целиком вложил тогда в революционную работу. Но тем не менее, постепенно я познакомился с постановкой земской медицины в Московской губернии по материалам, которые стекались в санитарное бюро, по бюллетеням, которые я готовил к печати, по рассказам земских врачей (и не только Московской губернии), которые часто посещали бюро. Несколько раз ездил по поручению бюро для осмотра больницы в губернии и для санитарного осмотра фабрик и заводов, нередко совместно с санитарным врачом Московского уезда В. Г. Богословским. Все это дало мне возможность достаточно ознакомиться с постановкой земской медицины в губернии.

Московская губерния в то время была небольшая, приблизительно с стоверстным радиусом вокруг Москвы, но представляла собой довольно высоко развитую в промышленном отношении местность. Жителей¹ в губернии было 1 300 тыс. (кроме г. Москвы), в пределах губернии проходило десять железнодорожных линий и имелось 1 200 верст шоссейных дорог. Общее число фабрик и заводов было 1 688 с 137 тыс. рабочих, кустарей—175 тыс., занятых отхожими промыслами—100 тыс. Школ в губернии было 1 019 с 667 тыс. учащихся.

Земская медицина стала быстро развиваться с 1875 г., когда при губернской земской управе было организовано санитарное бюро для руководства делом здравоохранения, во главе которого был поставлен доктор Евграф Алексеевич Осипов, человек очень энергичный, образованный, с большим кругозором. Рост медицинского дела в губернии виден из таких цифр:

В 1875 г. было лечебных заведений в Московской губернии	21
» 1897 г. » » » » » »	149
» 1879 г. было пользовано в них госпитальных больных	4 785
» 1897 г. » » » » » »	46 195
» 1879 г. посетило их амбулаторных больных	78 250
» 1898 г. » » » » » »	1 380 000
» 1875 г. земских расходов на медицину было	100 000
» 1898 г. » » » » » »	1 000 000

Радиус лечебного участка не превышал десяти верст, и одно лечебное заведение обслуживало в среднем 10 тыс. населения. Самостоятельные фельдшерские участки были ликвидированы.

Чтобы показать высоту постановки земской медицины Московской губернии по сравнению с таковой же в остальных 34 земских губерниях России, приведем такую таблицу:

¹ Все цифры, приведенные в этой главе, взяты из книги «Русская земская медицина», Москва 1899, разд. III, «Земская медицина в Московской губернии». Данные относятся к 1897 г.

В 1897 году в среднем:	В 34 губернских земствах России	В Московской губернии
Одно лечебное заведение обслуживало	36 000	10 000
Один участковый врач на число жителей	25 000	7 500
Одна больничная кровать на число жителей	2 000	600

В остальной, неземской России на участок приходилось в среднем 100 тыс. населения. Из этого видно, как неравномерно была распространена медицинская помощь в то время в России с крайней невыгодой для окраин.

Кроме сравнительно хорошо поставленной лечебной медицины, в Московской губернии была создана санитарная организация, тогда еще новость в земской России: только три-четыре губернских земства последовали тогда примеру московского земства и тоже начали вводить у себя санитарную организацию. В мое время губерния была разделена на десять санитарных участков, в центре каждого жил санитарный врач. В течение 1879—1885 гг. санитарными земскими врачами—Ф. Ф. Эрисманом, Погожевым, Дементьевым и др.—были обследованы все более или менее крупные фабричные заведения в губернии, а именно 1 080 фабрик и заводов с 114 тыс. рабочих. Были обследованы все стороны труда и жизни рабочих. В результате получалась многотомная, весьма ценная работа, популяризованная Дементьевым в его книге «Фабрика, что она дает населению и что от него берет». Об этой книге и ее высокой ценности я уже говорил. В результате этого обследования земство издало обязательные санитарные постановления о содержании фабрик и заводов, внесшие некоторые улучшения в фабрично-заводской быт.

Санитарная организация вела борьбу с эпидемиями, организовала оспопрививание, изучала местности с особо большой смертностью, готовила проекты санитарных постановлений.

При земских управах были организованы коллегиальные врачебно-санитарные советы, в которые входили врачи и гласные земства. Эти советы обсуждали все мероприятия по врачебно-санитарной части и представляли земской управе кандидатов на свободные места врачей, которых она обычно и утверждала. Положение врачей в Московской губернии было сравнительно хорошее: они получали 100 рублей в месяц при готовой квартире и отоплении; при доме обычно бывал участок земли для огорода и сада. Через три года давалась прибавка, через девять

лет она достигала 50%. Через три года давались три месяца на научные командировки для повышения квалификации. Врачи сидели на участках десятилетиями, нередко всю жизнь.

Вообще врачебно-санитарная организация московского земства была сплоченная, солидарно, дружно и с подъемом работающая группа на платформе общественной постановки медико-санитарного дела. Принципы этой постановки были выработаны самой этой организацией, не имевшей образцов для подражания и традиций ни в России, ни в Западной Европе. Она, организация передового русского земства, являлась образцом для подражания других земств, которые постепенно, в меру своих возможностей, старались равняться по московскому земству. Московское земство в общем может быть названо буржуазно-прогрессивным земством, к тому же оно было несравненно богаче других земств вследствие наличия развитой промышленности и такого богатого объекта обложения, как город Москва (земство на город Москву ничего не тратило, а с него получало значительные суммы). С врачами московское земство ладило и шло навстречу пожеланиям, вырабатываемым санитарными советами и губернскими съездами врачей, собиравшимися раз в два-три года.

Председателем губернской земской управы был в это время Д. Н. Шипов, известный впоследствии лидер правого крыла земских либералов. Земства тогда вели борьбу с министерством внутренних дел против применения к земским лечебницам «устава лечебных заведений министерства внутренних дел», утвержденного в законодательном порядке 10 июня 1893 г.

Согласно этому уставу управление лечебницами, созданными и содержимыми земствами, переходило к правительственным органам, что являлось серьезным ударом по всему строю земской медицины. Воспользовавшись неясностью редакции закона, земства настаивали на том, что этот закон неприменим к земским лечебницам. Эту борьбу возглавлял Шипов, как председатель московской губернской земской управы. Борьба эта волновала и возбуждала тогда всю земскую медицинскую общественность; она окончилась победой земства: закон по отношению к земским лечебницам не был применен¹. Эта победа очень открылила тогда земцев и земских врачей. Через некоторое время Шипов вел снова, правда, с меньшим успехом, борьбу с губернатором против стеснений и урезок прав губернских съездов врачей.

Мой шеф, доктор Осипов, хотел втянуть меня во всю эту земско-медицинскую работу, намечая выработать из меня полно-

¹ Ленин впоследствии в своей статье «Гонители земства» так отозвался на этот и подобные инциденты: «Сила созданных земством и принесших значительную (сравнительно с бюрократией, конечно) пользу населению врачебных и статистических учреждений оказывается достаточной, чтобы парализовать сфабрикованные в петербургских канцеляриях уставы» (Соч., т. IV, стр. 141).

ценного санитарного врача-организатора. У меня с ним было много бесед на эту тему; я иногда бывал у него, где познакомился с профессором Эрисманом и встречался с доктором Погожеввым. Я вел с ними оживленные и порой горячие дебаты, противопоставляя их либерально-демократическим взглядам идеи революционного марксизма. Я употребил выражение либерально-демократические взгляды потому, что либеральными народниками их нельзя назвать, так как характерных признаков народничества—преклонения перед общиной и отрицания прогрессивной роли капитализма—у них не было. Либералами просто их тоже было бы неверно назвать: они—разночинцы, являлись идеологами не буржуазии, в узком смысле этого слова, а «народа», т. е. трудовых и мелкобуржуазных элементов. Но просто демократами было бы тоже неправильно их назвать, так как в это понятие входит элемент революционности, чего у них не было. Итак, буду называть их либеральными демократами. Они развили такую концепцию. Революционное движение в России совершенно разбито и сейчас не имеет никакой почвы. Надо длительно, терпеливо работать на культурной почве, поднимать культуру народа. На этой почве возможно добиться немалых результатов. В пример они приводили те данные о развитии медико-санитарного дела в московском земстве и в земствах вообще, которые я привел выше. Эти успехи достигнуты преимущественно как раз в период реакции, несмотря на нее и на многие препоны, чинимые правительством развитию культурной работы земства. Рост медицины, народного образования, земской агрономии и т. д. доказывает, что культурная работа возможна и полезна. Да и само правительство под давлением жизни порой принуждено проводить некоторые прогрессивные меры, как, например, фабричное законодательство (закон 1886 г.), которое внесло заметное улучшение в положение рабочих. В будущем, конечно, когда культура народа поднимется, когда народ станет более сознательным, возможны и революционные движения, но это музыка более или менее отдаленного будущего, а теперь, засучив рукава, надо вести черную, невидную работу на культурной ниве.

Такова была их установка; я противопоставлял мою. Да, говорил я, конечно, земство имеет достижения в культурной работе, полезно рабочим и фабричное законодательство. Но все это так же полезно, как полезны заплатки на дырявом старом кафтане. Не лучше ли заменить старый заплатанный кафтан новым, а это может сделать только революция. Ведь вот и в Московской губернии, несмотря на большие достижения в лечебно-санитарной области, смертность еще выше высокой общероссийской смертности; санитарные условия труда и быта на московских фабриках и заводах еще крайне далеки от идеала: чрезмерно длинный рабочий день и низкая заработная плата очень мало изменяются к лучшему в результате фабричного

законодательства; крестьянство в России периодически голодает и разоряется. И что со всем этим может поделать культурничество? Нет, нужна революция и прежде всего свержение самодержавия. После этого и культурная работа примет гораздо более широкий размах. И перспективы революции в России не безнадежны. Вырос рабочий класс, который начал уже, пока еще стихийную, борьбу в виде стачек, но и она уже дала некоторые результаты в виде фабричного законодательства, которое целиком является результатом этой борьбы. Но эта стихийная борьба скоро примет более организованные формы, порукой чему — появление революционной молодежи, которая все более становится под знамя Маркса, под которым и пойдет русский рабочий класс к победе¹.

Так спорил я неоднократно с земскими либеральными демократами, пока одна сторона не была насильно устранена из спора волею охранного отделения...

Интересно отметить, что политическая установка врачей Осипова и Эрисмана была типичной установкой земских служащих, или «третьего элемента», как их потом называли, в московском земстве того времени. Эти либеральные демократы находили общий язык с либералами-земцами (со «вторым элементом») и сумели с ними сработаться, толкая их «тактично и лойяльно» насколько возможно влево.

Шипов в своих воспоминаниях так отзывается об этих взаимоотношениях²: «Однообразное понимание управой и земскими тружениками сущности земской идеи сблизало нас в нашей работе и являлось в высшей степени благоприятным для нее условием. Настроение, которое при моем вступлении в губерскую управу я застал господствующим среди земских служащих, сохранилось в значительной мере в течение всего времени моей службы в губернском земстве (т. е. до 1904 г.), но за последнее время в настроении этой среды произошло, к сожалению,

¹ Что мои возражения не воспроизведены мною приблизительно, по памяти, это видно из всей литературы нашей организации, о чем я буду еще говорить подробнее в главе об идеологии организации. В частности о фабричном законодательстве как продукте стачечной борьбы рабочих мы как раз в это время писали в брошюре на смерть Александра III: «Но не думайте, что и эти (фабричные) законы были добровольной уступкой царя и его правительства. Ряд громадных стачек: в Ярцеве, на Хлудовской мануфактуре, беспорядки на Демидовской мануфактуре, Морозовская стачка, много стачек в Петербурге, Ростове, в Царстве польское заставили правительство умершего царя подумать о рабочем... Но так как эти стачки были мало сознательны, так как требования рабочих не шли дальше недовольства штрафами и расплатой товарами вместо денег, то и уступки рабочим были самые незначительные. Рабочие не требовали сокращения рабочего дня, и 13, 15 и даже 18-часовой рабочий день господствует у нас. Нет, рабочим нечего надеяться на царя и его правительство, только дружными собственными усилиями они могут улучшить свое положение». См. «Литература Московского рабочего союза», стр. 174.

² Шипов, Воспоминания и думы о пережитом, Москва 1918, стр. 26.

заметное изменение под влиянием получившей большое распространение вообще в кругах нашей интеллигенции идеологии марксизма».

Значит, все шло хорошо, вот только злокозненные марксисты стали портить музыку; но в то время, которое я описываю, марксисты не могли еще портить настроение Шипова, так как их было ничтожное количество среди земских служащих (только я да А. И. Рязанов, служивший в дорожном отделе), и занимали они не влиятельные места; только их арест по политическому делу мог компрометировать лойяльную среду земских служащих.

Но несмотря на такое свое умереннейшее легалистское настроение, земские служащие навлекали на себя очень подозрительное отношение со стороны правительства, и министр Плеве, не утверждая Шипова в 1904 г., одной из причин этого неутверждения выставил то обстоятельство, что благодаря Шипову «при земских управах образуются когорты санкюлотов, которые приобретают доминирующее влияние и на ход земских дел...»

Так защитники постепенщины и легальности зачислены были тупоумным правительством в разряд санкюлотов, чуть ли не якобинцев.

ГЛАВА XXIV

Лето 1894 г. Работа и связи среди рабочих расширяются. Заводятся связи с подмосковными фабриками и с другими городами

Это лето прошло у нас очень оживленно. Рабочие начали собираться за городом: в Анненгофской роще, Сокольниках, за Даниловской заставой и в других местах. Вот как описывает Лядов такие собрания: «В районе Лефортова излюбленным пунктом собраний стала Анненгофская роща. Каждое воскресенье и каждый праздник там толпился фабричный народ. Всюду были разбросаны отдельные кучки рабочих. В одном месте играли в орлянку или в карты, в другом играли в лапту, кое-где выходили целой семьей с самоваром. В большинстве групп пили водку. Городовые стояли на своих постах. Мы тоже приходили с четвертью на заранее условленное место, каждый приносил с собой закуску. Мы располагались обыкновенно невдалеке от городского, который обращал на нас так же мало внимания, как и на остальные группы. Со стороны казалось, что мы, подобно всем остальным, наслаждаемся воскресным отдыхом за водкой. Иногда к нашей группе подходил городской, но тут Поляков сразу начинал рассказывать такие веселые анекдоты, что блюститель порядка убеждался, что мы самая благонадежная группа. Такие собрания, но более редко, мы устраивали и на гуляньях на Девичьем поле и в Сокольниках».

Связи с рабочими вообще заводились легко и просто. Например, Саша Хозецкий ходил купаться на Москва-реку, где купалось много рабочих, и там вел беседы и заводил знакомства.

Я этим летом часто ходил на собрания к Немчинову, который устраивал их у себя на квартире, иногда у других рабочих. Приглашались рабочие широко, человек по 12—15, прочитавшие одну-две брошюры или даже ничего не читавшие, но выявившие в предварительных беседах с ними свой интерес к рабочему делу. На таких собраниях беседа не отличалась систематичностью; говорилось обо всем: об условиях работы в мастерских или на фабриках, о политике, о религии. Беседа велась живо и имела большой успех. Из среды рабочих собеседников отбирались рабочие в кружки для более систематических занятий.

Об этих собраниях у Немчинова полиция пронюхала, и московско-брестское железнодорожное жандармское управление сообщило в московское охранный отделение от 30 июля 1894 г., что у рабочего железнодорожных мастерских Евгения Иванова Немчинова происходят весьма часто собрания рабочих упомянутых мастерских для бесед. В другом донесении, от 14 августа того же года, сообщается, что у Немчинова имеется гектограф, с помощью которого он воспроизводит брошюры вредного направления, между прочим, «Царская земля» и «Темная вода». Достать эти брошюры не представилось возможным, так как сообщники Немчинова ведут дело осторожно¹. Несмотря на такие донесения, Немчинов не был обыскан и арестован до лета 1896 г. Надо сказать, что хотя охранка, повидимому, уже знала кое-что о работе, которая ведется в рабочей среде, но пока почему-то ничего не предпринимала. У нее не было еще и налаженной агентуры в рабочей среде, и это не давало ей достоверной информации. Это доказывается еще и тем, что не все наши издания попали в ее руки. Как бы то ни было, до летних арестов 1895 г. в Москве была фактически такая свобода пропаганды в рабочей среде, какой не было потом уже до 1905 г., и мы пользовались этой сравнительной свободой во-всю. У меня завелись летом новые интересные связи среди рабочих. Я уже говорил, что мой знакомый врач народник Кудрявцев передал мне свое знакомство с одним «единоверческим»² миссионером. Он оказался очень интересным человеком. Живя в Казани, он познакомился с народниками, они его распропагандировали, и он стал революционером. Он не бросил своей службы, которая давала ему возможность ездить по всей России и соприкасаться по своей должности с широкими слоями крестьян и рабочих, и он очень ловко использовал это обстоятельство для пропаганды. Он имел знакомства среди московских рабочих, особенно среди ткачей. Сам он

¹ См. в кн. «На заре рабочего движения в Москве», 1932, стр. 229.

² «Единовѣрцами» назывались придерживающиеся старообрядческой обрядности, но признающие официальную православную церковь и получающие от нее священников.

ходил в кафтане, носил большую бороду, стригся по-мужички «в скобку». Для пропаганды среди крестьян и текстильщиков это была самая подходящая внешность; говорил он простым, хорошим русским языком на о. Фамилию его я забыл и утерял его из виду с тех пор. Он познакомил меня с модельщиком завода Гоппера (ныне завод Ильича в Ленинском районе Москвы) Тимофеем Тимофеевичем Самохиным.

Самохин был выдающимся по своему развитию рабочим, давно уже интересовался рабочим вопросом, перечитал много книг, изучал эсперанто, чтобы завести переписку с заграничными рабочими, и давно жаждал знакомства с революционной интеллигенцией. Первой книжкой, которую он получил от меня, была «Эрфуртская программа» Каутского, которую он сразу прекрасно усвоил. На заводе Гоппера он не был одинок: там уже существовал кружок, охватывающий почти весь модельный цех во главе с мастером цеха Иваном Семеновичем Малининым и подмастерьем И. А. Приваловым; в него входили модельщики М. С. Алексеев, Яков Ларионов, С. Ф. Степанов, П. Егоров, А. Н. Кудрин, М. Васильев, Г. С. Малахов, П. А. Старостин, А. П. Сергеев, Циголь, С. П. Шепелев. Они вместе собирались, читали, устраивали загородные прогулки, во время одной из которых снялись. По установлению связей с нашей организацией через Самохина они стали с жадностью поглощать получаемые от нас книги и брошюры. Кружок этот стал вскоре развивать большую активность. В мае 1895 г. хозяин завода Гоппер получил анонимное письмо — донос о работе этого кружка. Вот содержание этого письма, которое привожу с сохранением его правописания:

«Москвы. Братьям Гоппера, Алану Васильевичу. у Вас мастер модельной Иван Антонов (Ив. Ант. Привалов.—С. М.) не признающий бога высших властей и всех сбивает мальчиков модельщиков. Загородная компания собирает молодых людей Сергея Федотова, Григория Сергеева, Александра Никанорова, Михаила Васильева, Павла Егорова и собирает много мальчиков с разных заводов, стали стачки делать, собирается их большая компания человек по 200—150 и хотят бунт сделать и добираются до инспектора и не признают государя».

Полицейский пристав получил донос сходного содержания: «Господину приставу. Просим Вас покорнейше узнать об мастеровом люде, проживающих у сыновей Гоппера на заводе. Модельщики есть, не признающие бога и высших властей и ругают не печатными словами его величество, их же модельный мастер Иван Антонов и Сергей Федотов, московский мещанин, разыскали таких студентов, студенты доставляют книги такие, чтобы не повиноваться властям, собираются за город всех заводов человек 300—500 и хотят сделать самоуправство».

Кружок этот не пострадал при летних арестах 1895 г.; Самохин и Шепелев уехали в Петербург и там были арестованы в 1896 г.

и привлечены по одному делу с Лениным. В том же году было арестовано и несколько членов гопперского кружка в Москве, но большинство было арестовано только в 1897 г., после чего кружок в своем первоначальном составе перестал существовать¹.

С Самохиным я ходил несколько раз по рабочим кружкам; он очень умело вел беседу с рабочими. Его везде принимали за интеллигента, тем более, что он очень франтовато одевался, куда лучше наших интеллигентов, которые совсем не обращали внимания на свой костюм и ходили небрежно и бедно одетыми; особенно этим отличались Лядов и Спonti. Да и вообще квалифицированные рабочие следили за своим костюмом и одевались недурно.

Кроме Самохина «миссионер» познакомил меня еще с ткачами с Даниловской мануфактуры. С ними я встречался для бесед несколько раз по воскресеньям в рощице за Даниловской заставой. Связи мои с рабочими за это лето значительно увеличились.

Связи наши не ограничивались Москвой, но стали захватывать и подмосковные фабрики. Этим летом среди рабочей массы Москвы и Московской промышленной области шло глухое брожение, по временам проявляющееся в стачках и фабричных бунтах. Так, на фабрике Цинделя в июле рабочие разгромили «спальные корпуса», т. е. свои общежития, не предъявив даже определенных требований, только на стенах были сделаны надписи такого рода: «Бунт за дешевое жалованье, за штрафы, за курение табаку на спальне 1894 г. июня 27 дня».

У нас тогда не было еще связей на этой фабрике, но после этих волнений мы выпустили листовку о том, как надо устраивать стачки и выработать требования.

Мы получили сведения, что беспокойно на Малютинской фабрике в Раменском. Там у нас уже был кружок, организованный Поляковым, ранее работавшим на этой фабрике. Туда поехали Лядов с Поляковым и помогли выработать требования рабочих, которые были предъявлены хозяину и частично удовлетворены. Волновались рабочие на фабрике Хлудовых в Егорьевске, где в прошлом году были две большие стачки. Туда ездил Поляков и собрал интересный материал, который тоже послужил темой для листовки. Я ездил в Орехово, на фабрику Саввы Морозова, получив связь через толстовцев к рабочим-толстовцам. Но толстовцы оказались мало интересным материалом для пропаганды, они крепко стояли на самоусовершенствовании и на непротивлении злу насилеиом; обещали они меня познакомить с социалистами в следующий приезд, но это почему-то не состоялось.

Заведены были связи с Ковровскими железнодорожными мастерскими и с рабочими Тульского оружейного завода. Лядов

¹ См. об этом в книге «На заре рабочего движения в Москве», 1932, стр. 221—223.

ездил в Екатеринослав и привез нам сведения, что там его брат Григорий, высланный из Москвы, и А. Н. Винокуров, живший летом там на каникулах, завели связи с рабочими и ведут работу в кружках. Были связи еще с г. Орлом, где образовался марксистский кружок, организованный Гр. Мандельштамом, который до Екатеринослава жил в Орле. Была также связь с Иваново-Вознесенским, о чем я еще скажу.

Все это показывало, что движение разрастается и что есть почва для его дальнейшего быстрого роста. Мы с радостью и гордостью чувствовали, что находимся на гребне волны большого подъема, чреватого великим будущим.

Это чувство подъемной радости усиливалось теми известиями, которые получались из-за границы: везде бурно росло рабочее движение. В Бельгии и Австрии шла в это время борьба за всеобщее избирательное право, сопровождаемая всеобщими стачками и демонстрациями. В Италии, во Франции, в Скандинавских странах, везде социаллисты имели большие успехи. В Германии рост социал-демократии был столь значителен, что Энгельс в своих предсмертных статьях предсказывал победу социализма в Германии к концу века, т. е. через несколько лет.

ГЛАВА XXV

Встречи с Лениным. Его книга «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов»

Среди этой напряженной и подъемной работы я часто встречался этим летом с Ильичем. Он проводил лето на даче у Анны Ильиничны близ станции Люблино Курской железной дороги, в дачном поселке Кузьминки.

Ильич заходил иногда ко мне на Кудринскую Садовую в дом Мордвин-Щодро (№ 135), бывал и я несколько раз у него на даче у Елизаровых. Мы гуляли с Ильичем по окрестностям, купались в пруду, много беседовали. Он расспрашивал про нашу работу, говорили о всех вопросах, волновавших тогда русских марксистов. Дал мне прочесть свою работу «Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни». Это была рукопись в толстой тетради, написанная характерным почерком Ильича и представляющая собой исследование о расслоении крестьянства на юге России, о выделении из крестьянской массы, с одной стороны, экономически мощной кулацкой группы, применявшей в своем хозяйстве машины и наемный труд, с другой, разоряющейся маломощной группы крестьян, постепенно пролетаризирующихся. Статью эту Ильич хотел поместить в легальной прессе и передал в редакцию «Русской мысли»,

экономической частью которой ведал Н. А. Каблуков¹; статья была сдана ему. Уже после отъезда Ильича из Москвы по его поручению я заходил к Каблукову, чтобы узнать об участии этой статьи. Каблуков вернул ее мне, сказав, что она не будет напечатана как неподходящая к направлению журнала. Статья лежала после этого у меня и была взята на обыске 3 декабря 1894 г. В 1923 г., т. е. почти через 30 лет, я нашел ее в архиве в «вещественных доказательствах» по моему делу, и она была в том же году напечатана в сборнике Истпарта «К 25-летию I съезда партии» и вошла в I том сочинений Ленина (см. примечание 1-е в этом томе).

После этой статьи Ильич дал мне для прочтения три части своей большой работы «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов». Эта работа произвела на меня тогда огромное впечатление. Я уже говорил о том, как мы тяжело переносили то обстоятельство, что кампания в печати, начатая народниками и либералами против марксистов, не встречала отповеди марксистов ни в легальной ни в нелегальной печати, да и вообще не было теоретической работы, формулирующей марксистские теоретические взгляды на современный момент в России, дающей обоснование основных программных и тактических лозунгов русских марксистов. Книги Плеханова «Социализм и политическая борьба» и «Наши разногласия» были посвящены критике старого народничества (Бакунина, Ткачева, Лаврова); идеи которого уже не были тогда актуальны: общественным мнением интеллигенции владели почти целиком их эпигоны, отказавшиеся от идей революционного народничества и распространявшие идеи народничества оппортунистически-мещанского. Чувствовалась среди русских марксистов большая нужда в работе, которая дала бы отповедь нашим пристрастным и яростным критикам-народникам, разоблачила бы их мелкобуржуазную сущность, свела бы в единую систему марксистские философские, экономические и политические идеи применительно к современным российским условиям, ответила бы на запросы практической работы среди рабочих, дала бы указания на решение крестьянского вопроса, вопроса об отношении к другим политическим партиям, дала бы перспективы на будущее.

И вот такая работа появилась. Можно сказать, что эта работа была манифестом революционного марксизма в России, первым программным документом большевизма.

По существу основные программно-теоретические и организационно-тактические вопросы предстоящей в России революции уже поставлены в этой работе Ленина, и уже намечено их решение в духе революционного марксизма.

¹ В одной из прежних моих статей я писал, что предполагалось поместить статью в «Юридическом Вестнике», но я ошибся тогда: я забыл, что «Юридический Вестник» был уже в это время закрыт, а Каблуков из «Юридического Вестника» перешел в «Русскую мысль».

Ее заключительные абзацы нельзя до сих пор читать без волнения. Вот они¹:

«Политическая деятельность социал-демократов состоит в том, чтобы содействовать развитию и организации рабочего движения в России, преобразованию его из теперешнего состояния разрозненных, лишенных руководящей идеи попыток протеста, «бунтов» и стачек в организованную борьбу **всего русского рабочего класса**, направленную против буржуазного режима и стремящуюся к экспроприации экспроприаторов, к уничтожению тех общественных порядков, которые основаны на угнетении трудящегося. Основой этой деятельности служит общее убеждение марксистов в том, что русский рабочий—единственный и естественный представитель всего трудящегося и эксплуатируемого населения России.

«На класс рабочих и обращают социал-демократы все свое внимание и всю свою деятельность. Когда передовые представители его усвоят идеи научного социализма, идею об исторической роли русского рабочего, когда эти идеи получат широкое распространение и среди рабочих создадутся прочные организации, преобразующие теперешнюю разрозненную экономическую войну рабочих в сознательную классовую борьбу,—тогда русский **рабочий**, поднявшись во главе всех демократических элементов, свалит абсолютизм и поведет **русский пролетариат** (рядом с пролетариатом **всех стран**) *прямой дорогой открытой политической борьбы к победоносной коммунистической революции*».

В этих замечательных строках дана перспектива дальнейшей работы, дана идея гегемонии пролетариата в предстоящих революциях, намечены этапы предстоящих революций и идея перерастания демократической революции в социалистическую. По аграрному вопросу автор набрасывает главнейшие элементы нашей будущей аграрной программы: «Социал-демократы будут самым энергичным образом настаивать на немедленном возвращении крестьянам отнятой от них земли, на полной экспроприации помещичьего землевладения—этого оплота крепостнических учреждений и традиций. Этот последний пункт, совпадающий с национализацией земли...»².

И вот в моих руках была эта замечательная работа, ответившая в основном на все наши запросы и вопросы. Понятно было мое волнение и пришедшая мне тотчас же мысль: надо размножить во что бы то ни стало это произведение.

Личность Ильича выросла в моих глазах: я понял, что наше молодое русское марксистское направление нашло в его лице огромную политическую и теоретическую силу.

Чтобы размножить это произведение, я обратился к своим знакомым—братьям А. Н. и В. Н. Масленниковым, студентам

¹ Ленин, Соч., т. I, стр. 193—194.

² Ленин, Соч., т. I, стр. 185.

Московского высшего технического училища, и к их двоюродному брату А. А. Ганшину, студенту Петербургского технологического института, с которыми я познакомился через Анну Ильиничну, а Ганшина знал и Ильич по петербургской организации. Я от них слышал прежде, что они налаживают работу на литографском камне. Они с радостью согласились на воспроизведение этого сочинения. Но работа у них что-то долго не налаживалась. Ильич уже уехал в конце августа или в начале сентября в Петербург, а у них все еще ничего не было готово. Однажды пришел ко мне Ганшин и сказал, что из Петербурга приезжал от Ильича человек и забрал весь воспроизведенный материал и подлинник статьи Ильича.

Из воспоминаний М. А. Сильвина¹, принимавшего участие в воспроизведении этой работы в Петербурге, а также и из других источников видно, что первый выпуск был воспроизведен на гектографе не более как в 50 экземплярах. В апреле 1894 г. второе издание первого выпуска было повторено той же группой в Петербурге в июне, тоже на гектографе (значит тоже не более 50 экземпляров). В сентябре группа Сильвина уже оканчивала третье издание первого выпуска, когда Владимир Ильич приехал в Петербург и, убедившись, по словам Сильвина, что «в Москве то же несовершенство техники, медленность печатания и незначительность выхода, он, огорченный всем этим и найдя, что у нас дело подвигается, по крайней мере, не хуже, сейчас же попросил Малченко отправиться в Москву, взять у Ганшина все, что уже готово, а также и самые рукописи. Ганшин ошибается, говоря, что им были отпечатаны первый и второй выпуски. Им был отпечатан только один первый выпуск... Ильич хотел прежде издать третий выпуск, считая его более важным».

Группа Сильвина и отпечатала третий выпуск, пометив его сентябрем 1894 г., снабдив для конспирации надписью: «Издан провинциальной группой социал-демократов». Этот выпуск в гектографированном виде в желтой обложке доставил мне Ганшин из Петербурга только в ноябре того же года. Повидимому, дело и было так, как пишет Сильвин, отличающийся точностью своих воспоминаний. Таким образом, первый выпуск был издан в четырех изданиях, причем несомненных только два первых, так как они найдены в царских архивах, а третий в одном издании. Издание в Черниговской губернии, о котором пишет Могилянский («Былое» № 23), вышло в свет (первый выпуск?) только в 20—25 экземплярах.

Издание второго выпуска сомнительно, хотя есть полицейские сведения, что он был выпущен в Москве². Во всяком случае, он до сих пор не найден.

¹ «Каторга и ссылка» № 1, за 1934 г.

² См. донесение петербургского градоначальника от 27 мая 1896 г.; «Красный архив» № 62 за 1934 г.

Больше достоверных сведений об издании этого сочинения нет. Поэтому неудивительно, что оно было мало распространено. Когда я приехал из ссылки в Москву в 1903 г., о нем никто не помнил. Первое о нем упоминание в литературе сделал я в своей статье в сборнике «Текущий момент» в 1906 г. и повторил это упоминание в сборнике «На заре рабочего движения» в Москве в 1919 г. Тогда по моим указаниям начались поиски этой работы, которые увенчались успехом только в 1923 г., когда первый и третий выпуски были найдены в Ленинграде в Публичной библиотеке и почти одновременно в Берлине в социал-демократическом архиве. Тогда же впервые это сочинение было издано в издательстве «Московский рабочий», а затем помещено в первом томе первого и второго-третьего изданий (см. примечание 3-е второго и третьего изданий). Так же, как и первая статья Ленина,—книга «Что такое «друзья народа» задержалась печатанием на 29 лет. Но во всяком случае партийные работники первого призыва почти все читали это гениальное произведение, и оно вошло в железный инвентарь старых большевиков. Руководящие работники нашей московской организации ознакомились тогда с этой работой по первому и третьему гектографированным выпускам. Третий выпуск был взят при обыске, кроме меня, еще у двух членов нашей группы в июне 1895 г.

Ильич уехал из Москвы в Петербург в конце августа или начале сентября. Мне не пришлось больше встречаться с ним в этот период. Во время ссылки мы вели с ним деятельную переписку. К сожалению, у меня не осталось его писем. Несколько откликов этой переписки имеются в книге «Письма к родным» (изд. 1931 г., стр. 118, 225, 427).

ГЛАВА XXVI

Осень 1894 г. Появление книги Струве. Способы размножения литературы. Постановка работы на mimeографе и на печатном станке. Последние дни моей работы. Арест. В сретенской полицейской части

Вскоре после отъезда Ильича в Петербург в московских книжных магазинах появилась книга Струве «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России». Это была первая ласточка так называемого «легального марксизма». Появление ее было своего рода сенсацией: она читалась нарасхват, обсуждалась в студенческих кружках. При всем своем буржуазно-либеральном извращении марксизма книга сыграла свою роль в борьбе «с устарелым социально-политическим мировоззрением», по выражению Ленина, и способствовала «распространению вширь идей марксизма (хотя и в вульгаризованном виде)». Вообще с этой осени марксизм делает заметные успехи среди студенчества, особенно среди младших курсов,

в которые начинают вливаться молодые марксисты из провинциальных питомников. Так, из Нижнего приехали и поступили в университет А. И. Пискунов, Фридман, Франк; в техническое училище—Лакур, где он вместе с братьями Масленниковыми образовал первую марксистскую группу. Из Екатеринослава, Орла, Вильно и других городов тоже приехали несколько молодых марксистов.

Через таких же молодых марксистов-студентов у нас установились связи с другими городами. С Киевом нас связал студент-нижегородец Н. А. Вигдорчик, поступивший в Киевский университет, с Петербургом—Сильвин. Через них мы получали информацию, обменивались нелегальной литературой. Завязалась связь с Иваново-Вознесенском через С. П. Шестернина, с которым я познакомился у А. И. Елизаровой. С. П. Шестернин был интересной личностью. Он окончил университет в 1888 г., во время апогея реакции, и пошел служить по судебному ведомству во Владимирской губернии, но сохранил при этом свои революционные симпатии и интересы, образовавшиеся у него еще со времени участия в гимназических кружках во Владимире. В январе 1894 г. назначенный городским судьей в Иваново-Вознесенск, он проводит отпуск в Петербурге, где сходитяся с кружком петербургских марксистов во главе с Лениным и там определяется как марксист. Этим кружком он снабжается нелегальной литературой для Иванова и с тех пор служит связью между ивановской социал-демократической организацией, образовавшейся там в 1892—1893 гг., и «Петербургским союзом борьбы». С осени 1894 г. он устанавливает связь с нами и также получает от нас литературу. Так он проработал в Иванове до 1897 г., написав за это время несколько статей и корреспонденций, напечатанных за границей; он был автором брошюры «Десятилетие Морозовской стачки». В 1897 г. был привлечен к жандармскому дознанию по ивановскому делу, но для него это окончилось только переводом на место городского судьи в глухой городок Ефремов Тульской губернии.

Между прочим, ивановские фабриканты подавали на него жалобу, что он решает дела пристрастно в пользу рабочих. Из Ефремова он был переведен в Бобров Воронежской губернии, тоже судьей, и в 1906 г. снова привлечен к следствию по делу организации крестьянского союза, после чего был уволен со службы. Стал присяжным поверенным и продолжал связь с партией большевиков до самой революции. Жив и работает до сих пор, оставаясь, так сказать, непартийным большевиком.

В это время у меня была еще одна встреча. Пришел как-то Прокофьев и рассказал, что он через членов одного рабочего кружка познакомился с одним студентом, который тоже ведет пропаганду среди рабочих. Я захотел познакомиться с ним. Он оказался студентом-медиком 4-го или 5-го курса Александром Николаевичем Орловым. Оказывается, он марксист-

одиночка и ведет одну пропаганду среди рабочих, имеет уже довольно много связей. Он сказал, что избегает связываться с какой-либо группой, боясь провала, и надеется так одиночкой дольше продержаться и больше сделать. Я порадовался тогда этой встрече: значит, думал я, не мы одни ведем работу среди рабочих, вероятно, есть и еще такие одиночки, а может быть, и группки; очевидно, к этой работе появляется тяга среди интеллигенции.

Орлов после этого проработал еще два года и был арестован в ноябре 1896 г., войдя все-таки в организацию третьего состава «Московского рабочего союза», о чем я еще скажу. Он теперь известный врач-хирург в Вологде, беспартийный.

Перед нашей организацией все время остро стоял вопрос о литературе. Требование на марксистскую литературу как со стороны рабочих, так и со стороны интеллигенции росло чрезвычайно. Мы по мере сил удовлетворяли эту жгучую потребность разными способами.

Первый способ—это рукописное размножение. Переписывались брошюры и целые книги очень усердно как членами организации, так и сочувствующими студентами, курсистками, рабочими. Рабочими был привлечен к переписке даже один городской. Много переписывал бывший волостной писарь Буканов, владевший прекрасным почерком. Но, конечно, при помощи рукописи копирование шло медленно и давало небольшие результаты.

Второй способ—это пишущая машинка. Добыть такую машинку было тогда не так просто. Нужны были деньги и разрешение, которое давалось учреждениям или особо благонамеренным лицам. Каким-то путем организация все же приобрела машинку. Мокроусова-Карпузи писала на ней очень усердно и подготавливала материал для гектографа, а то и просто переписывала некоторые брошюры в нескольких экземплярах. Но много ли могла дать одна машинка?

Третий способ—это гектографирование. Приходилось этим заниматься как руководящим членам организации (Спonti, Лядов), так и прибегать к помощи сочувствующих студентов и курсисток. Рабочий Е. И. Немчинов имел свой гектограф и на нем размножал свои произведения. Но гектограф давал 30—40 копий и то не всегда хороших, но завести его было сравнительно все же легко и на нем издавались наши листовки и небольшие брошюры. Впоследствии, уже после моего ареста, были изданы на гектографе и более крупные вещи: «Эрфуртская программа», «Беседы», «Ткачи» и отдельные главы из сочинения Бебеля «Женщина и социализм».

Четвертый способ—получение литературы из-за границы и заказ литературы за границей. С этим способом дело обстояло также не очень благополучно. Получить небольшой транспорт пуда в полтора-два через Вильно было очень нелегко. За полтора

года наша организация получила три-четыре таких транспорта, но один провалился на следующую ночь после прибытия, о чем я уже рассказывал, в другом оказалась почти сплошь народо-вольческая литература. Кроме того, надо сказать, что группа «Освобождение труда» издавала очень мало популярных брошюр, годных для широкого распространения среди рабочих. Приходилось посылать свои брошюры для напечатания. Как раз весной этого года мы послали совершенно переделанную с польского, вернее, заново написанную на основании русских материалов, брошюру «Рабочий день»; она вернулась напечатанной через Вильно месяцев через восемь, уже после моего ареста. В феврале 1895 г. еще три брошюры—«Что должен знать и помнить каждый рабочий», «Рабочая революция» и «Брюссельский конгресс»—отвез за границу Спonti, но они были получены в Москве только почти через год, уже после провала нашей организации, нашими преемниками.

Так неважно обстояло дело у нас с литературой, нужда в которой, повторяю, была очень напряженной. При этих условиях мы мечтали о постановке хотя бы небольшой типографии и о приобретении только что изобретенного тогда мимеографа. Еще летом Лядов ездил в Нижний и привез оттуда около пуда шрифта. Но для шрифта надо сделать рамку, валик, надо достать типографскую краску. Во всем этом мы были совершенно неопытны. Я обратился к моим знакомым народо-вольцам, Ленину и Захлыстову, с которыми познакомился через С. Н. Прокоповича, бывшего тогда не то народо-вольцем, не то народо-правцем. Они были полуинтеллигенты, пошедшие в народ и державшие маленькую слесарную мастерскую, в которой вдвоем работали. Они мне обещали оборудовать маленькую ручную типографию. С этим делом тянули два-три месяца, откладывая под всякими предлогами окончание заказа. Я стал подозревать, что они решили присвоить этот шрифт для своих целей и, действительно, они в конце октября напечатали нашим шрифтом прокламацию на смерть Александра III¹. Узнав об этом, я устроил им большой скандал, в результате которого они отдали мне принадлежности для типографии. Но куда их поставить? Устроить подпольную типографию в Москве при наших возможностях было чрезвычайно трудно. Надо иметь отдельную, хорошо изолированную от соседней квартиру и надежных и «чистых» (в смысле охранного наблюдения) людей. А где их взять? Надо немало средств, которых у нас не было. Вывел из затруднения на первый раз Спonti. Он жил в маленьком мезонине во дворе большого двора на Черногрязской Садовой, близ Курского вокзала. Он решил поставить эту типографию у себя и самому работать. Конечно, это было неосторожно: у него было много связей с рабочими,

¹ Эта прокламация перепечатана в книге: «Литература Московского рабочего союза», стр. 175.

и он легко мог попасть под наблюдение, если уже не попал. Но другого выхода тогда не было. Он начал работать.

Появилась у нас тогда же возможность получить мимеограф, через Вильно, где мы его заказали. Он был получен на адрес М. Т. Елизарова или кого-то из его сослуживцев. Где его поставить? Я посоветовался с Винокуровыми, и мы решили, что я перееду к Винокурову, который занимал отдельную квартиру со своей женой и ребенком в Прогонном переулке близ Новинского бульвара. У него была отдельная изолированная комнатка, в которой и поселился я 25 октября, чтобы поставить там мимеограф. Надо сказать, что это решение было очень неблагоприятно: ни я, ни Винокуров не могли себя считать сколько-нибудь «чистыми». И мы сознавали рискованность этого предприятия, но другого выхода тогда у нас не было, а литература нужна была дозарезу. Итак, я поселился у Винокуровых и начал готовиться работать на мимеографе. Надо было достать вошеной бумаги, простой бумаги, краски. Все я решил делать сам, чтобы не впутывать других людей в это дело. Это все я достал через книжный склад Муриновых, которые оказывали всякое содействие революционному делу. Я решил изолироваться от всяких других дел, но это было трудно сразу сделать, надо было передать кому-нибудь кружки, которые я вел, доставлять этим кружкам литературу и т. п. Так что в результате никакой изоляции не получилось.

Между прочим, у Винокуровых я вскоре познакомился с знаменитой впоследствии сотрудницей московского охранного отделения Анной Егоровной Серебряковой, с мужем которой, бывшим народовольцем и в то время тоже сотрудником охраны, П. С. Серебряковым, я был знаком по совместной службе в губернской земской управе. С ним меня познакомил А. И. Рязанов, тоже служивший тогда в земской управе.

С Серебряковой я виделся несколько раз. Она производила впечатление очень умной и образованной женщины; ранее она привлекалась по политическому делу. Она живо интересовалась марксистской идеологией, и мы охотно с ней беседовали. У нее были большие знакомства среди московской интеллигенции, которые мы надеялись использовать для сборов денег и других целей. Мы не говорили ей ни о том, что мы работаем среди рабочих, ни тем более о наших конспиративных предприятиях... Но, конечно, близко зная нас, она о многом догадывалась. Знала она и Лядова, и С. И. Муралову, и семью Карпузи, и А. И. Елизарову (с последней она познакомилась, впрочем, несколько позднее). Так что она и ее муж, а значит, и охранка были достаточно информированы о нашей работе изнутри¹.

¹ Как известно, А. Е. Серебрякова, хитрая и умная провокаторша, «мамочка» или «святая святых» московской охраны, служила ей с усердием, верой и правдой, и оставалась неразоблаченной в течение около

а снаружи за мной началась усиленная слежка, которую я вскоре заметил. Но работа уже началась и у Спonti и у меня, и мы решили идти на риск. Удалось начать дело и мне и Спonti только во второй половине ноября. Мы начали лихорадочно работать.

Надо было прежде всего выбрать, что нам сейчас нужнее всего отпечатать. Первой мы выбрали брошюрку, написанную Винокуровым вместе со мной на смерть Александра III и на восшествие на престол Николая II. Это была брошюра чисто политического характера, в ней разбирались внутренняя политика умершего царя, доказывалось, что она была целиком направлена в интересах «промышленников, купцов и землевладельцев» за счет рабочих и крестьян, что это был царь дворян и кулаков. В заключение указывалось, что только борьбой рабочие и крестьяне могут улучшить свое положение; в пример ставились европейские рабочие, которые борьбой добились политической свободы и серьезных уступок от правительства и капиталистов. Заканчивается брошюра такими словами: «Пусть борьба наших заграничных собратьев послужит нам примером в долгой и упорной борьбе за наше рабочее дело, и пусть никого не введут в заблуждение слова нового царя, будто он будет отцом всего народа».

Первый опыт оказался очень удачным. Получалась брошюра в восемь больших страниц с печатным шрифтом пишущей машинки. Напечатав ее, я переправил ее в склад через студентов И. В. Денисова и Б. А. Келлера (ныне член Академии наук СССР). Она была распространена вся, и ни один экземпляр до 19 июня 1896 г. не попал в руки охранки. В этот день она раздавалась на большом рабочем собрании в лесу Николо-угрешского монастыря, и один экземпляр попал в охранку¹.

После нее я начал печатать сразу две брошюры: «Что должен знать и помнить каждый рабочий» — тоже наша переделка с польского, которая была очень популярна среди рабочих, и они ее настоятельно требовали, — и брошюра «Об агитации», которая пользовалась большим успехом среди интеллигенции. Но докончить их мне не удалось...

Спonti, между тем, налаживал работу на типографском станке. Он начал печатать брошюрку, которую написал, помнится, Винокуров и которую отредактировали совместно с ним Ядов, Спonti и я. В ней мы решили в короткой и очень общедоступной для рабочих форме изложить основы нашей тактики. Брошюра была без заглавия и начиналась словами: «Мы живем в такое время, когда мелкое хозяйство и мелкие мастерские гибнут и заменяются крупным хозяйством и огромными мастерскими».

25 лет, до 1909 г., когда она была разоблачена Л. П. Меньшиковым. См. о ней у Меньшикова, Охрана и революция, все три тома, и книгу И. В. Алексева, Провокатор Анна Серебрякова, изд. «Политкаторжан», 1932.

¹ См. «Литература Московского рабочего союза», стр. 170—175.

Далее говорится о крайне тяжелом положении русского рабочего, о чрезмерно длинном рабочем дне, о нищенской заработной плате и о бесправном положении русского рабочего, противопоставляется лучшее положение заграничного рабочего, которого он добился упорной борьбой. Говорится, что за границей рабочие поняли, что жизнь их должна быть теперь одной борьбой, а мир наступит лишь тогда, когда все фабрики, вся земля перейдут в их руки. И вот рабочие стали стремиться к этому. Они стали соединяться в один общий союз, в одну рабочую партию, которая поставила себе целью овладеть правительственной властью, чтобы самой издавать законы. В Германии из 7 млн. человек, которые посылают своих выборных в собрание, где издаются законы, около 2 млн. голосов принадлежит рабочим. Между тем, все большая гибель мелкого хозяйства приводит к тому, что общество все более делится на две части: одну большую, состоящую из рабочих, и другую меньшую—из капиталистов. Рабочим остается только понять, что ведь они создатели всех богатств, и устранить ничего не делающих капиталистов. Войско, которое пока еще служит опорой эксплуататоров, начинает все более набираться из сознательных рабочих, и таким образом падает последняя защита капиталистов».

Один критик сумел увидеть в этих словах «парламентские иллюзии», а между тем, это было популярное изложение мысли Энгельса, которую он проводил в своих предсмертных статьях, а именно, что приближается время, когда в Германии рабочие получат большинство в рейхстаге или будут близки к этому, правящие классы не будут этого ждать, а попытаются произвести государственный переворот с целью отмены или изменения конституции. Вот тогда народные массы восстанут против этого и в результате победоносного восстания возьмут власть в свои руки. Наше указание на роль войска ясно указывает, что мы проводили мысль Энгельса и отнюдь не надеялись, что рабочая партия возьмет власть в свои руки мирным парламентским путем. Отсутствие таких иллюзий у нас доказывается и рядом других мест в наших изданиях, о чем я еще буду говорить.

Заканчивается эта брошюра таким призывом: «Работники и работницы должны протянуть друг другу руки и вместе бороться за освобождение. Только в соединении всех рабочих заключается сила, которая разобьет все, что станет на ее пути».

Спonti начал набор этой брошюры, который подвигался крайне медленно вследствие его неопытности. Я три раза был у него в этом время—26, 28 ноября и 2 декабря. В последний раз он мне рассказал, что сегодня к нему заходил околоточный надзиратель, расспрашивал, чем он занимается и чем живет. Спonti сказал, что он ищет работу, но не может найти, и попросил надзирателя указать ему какую-либо работу. Посе-

шение было весьма подозрительное, и мы решили спешно закончить, работая день и ночь, эту брошюру, а потом перенести типографию куда-нибудь в другое место. В этот раз мы отпечатали первую страницу рукописи (всего должно было получиться шесть страниц); я принес ее домой и с торжеством показал Винокурову первые плоды нашей типографской работы. Наши первые успехи в печатной работе очень нас окрылили, и мы размечтались об издании в скором времени журнала для рабочих или на первое время хотя бы неперIODических сборников. Хороший образец такого сборника мы получили из Петербурга. Он был издан на гектографе группой петербургских народовольцев, во главе которой стоял М. С. Александров, больше известный под псевдонимом Ольминского, впоследствии видный литератор-коммунист, умерший в 1933 г. Эта народовольческая группа была характера переходного к социал-демократизму. В сборнике этом из девяти статей семь целиком посвящены рабочему движению, и лозунгом сборника является: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь»¹. Вот по образцу этого сборника и мы мечтали издавать журнал или сборники под заглавием «Рабочее дело».

Интересно отметить, что почти ровно через год такая же идея была близка к осуществлению в Петербурге, где «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» во главе с Лениным уже приготовил материал для первого номера газеты «Рабочее дело», но он был взят при обыске 9 декабря 1895 г.

Беседуя так с Винокуровым, мы проработали на мимеографе почти всю ночь, печатая брошюру «Что должен знать и помнить каждый рабочий». К утру я все сложил в корзину, запер ее и задремал. Не успел я еще, радостный от наших успехов, как следует заснуть, как резкий звонок прервал мою дремоту, а затем ввалилась орава полиции для производства обыска у меня и Винокурова...

Эти последние дни перед обыском у меня были какие-то лихорадочные. Я замечал за собой упорную слезку и принимал все меры, чтобы от нее избавиться, что мне иногда и удавалось. По крайней мере в «обзоре важнейших дозваний», где говорится о нашем деле, значится: «Мицкевич принимал особые меры предосторожности, лишавшие возможности правильного за ним наблюдения», но и того, что им удалось наоблести за мной за эти последние дни, было совершенно для них достаточно.

Приведу здесь в несколько сокращенном виде те «сведения по наблюдению за врачом Мицкевичем, проживающим в доме № 10 по Прогонному переулку, в квартире супругов Винокуровых», которые сохранились в деле. Из них видно разнообразие моих

¹ Этот «Рабочий сборник» перепечатан в журнале «Красная летопись» № 4 за 1922 г.

связей и отчасти характер работы. В прямых скобках я буду давать свои объяснения, где могу.

Итак: «19 ноября 1894 г. Мицкевич вышел в 9¹/₂ час. утра в Губ. Зем. управу, пробыв там до 3¹/₂ ч. дня, вернулся домой.

В 6 час. отправился на Мал. Якиманку в д. Гогон, к жившим там С. М. Кафтанову и крестьянину Г. Н. Ковалеву [относил литературу поименованным здесь рабочим завода Листа, у которых на квартире вел кружок]. Пробыв с полчаса, отправился к университету, в пивную [назначено было в ней с кем-то свидание]. По выходе из портерной встретился со студентом В. С. Елпатъевским, с которым отправился на Бол. Серпуховку в д. Кузнецова, к жившим там В. Ф. Ельчину, З. В. Калиопиной и Б. Ф. и Е. Ф. Масленниковым; пробыв там до 12 час. ночи, вернулся домой [это была школа, в которой жили поименованные городские учительницы, которые оказывали нам разное содействие].

20 ноября в 2 часа дня отправился в книжный магазин Карбасникова [мне помнится не Карбасникова, а Муринова,—отсюда я получал краску и бумагу] на Плющихе в д. Орлова, где знаком с хозяином магазина; после вернулся домой. В 5¹/₂ час. вторично вышел, отправившись в Скатертный пер. в д. № 39 к студ. Д. П. Калафати; выйдя вместе, Мицкевич и Калафати отправились на немецкую ул. в д. № 7, после по той же улице в д. № 23, где живет слесарь К. Ф. Бойе [я водил Калафати, чтобы связать его с рабочими для ведения кружков];

21 ноября М. вышел в 6 час. вечера, отправился в Хамовники, Пуговичный пер., к живущим там В. П. Захлыстову и П. В. Оленину, пробыв ³/₄ часа, вернулся домой [ходил за получением типографских принадлежностей].

22 ноября. Был на службе. В 5 час. вечера вышел вторично и отправился на Плющиху в магазин Карбасникова, вошел в магазин с заднего хода, откуда вернулся домой в 9¹/₂ час. вечера.

23 ноября. М. отправился к Калафати, от него вернулся домой [Калафати занимался переводами популярных марксистских брошюр с немецкого и др. литературными делами в связи с нашей работой]. Вторично вышел в 6 час. веч. к Захлыстову и Оленину.

24 ноября. Был на службе. В 6 час. вечера к М. пришел студент Петербургского технологического института А. А. Ганшин. Пробыв у него с полчаса, Ганшин вышел с М. На Поварской Ганшин остался ожидать, а М. прошел к Калафати; по возвращении М. названные лица простились, причем М. передал что-то в роде письма Ганшину [Ганшин приезжал из Петербурга и привез для Москвы несколько гектографированных экземпляров третьей части «Друзей народа», а я ему передал что-то для Петербурга]. После этого М. пошел в д. Гонеевской на Арбате к быв. студ. И. В. Денисову [отнес к нему на сохранение получен-

ное от Ганшина). Пробыв у него с $\frac{1}{4}$ часа, отправился на свою старую квартиру в д. Корша на Мал. Молчановке. Пробыв здесь $\frac{1}{2}$ часа, вернулся домой.

25 ноября М. был на службе. 26 ноября М. в 11 час. отправился к Калафати. Пробыв 20 минут, пошел на Садовую к Спonti, жившему ранее совместно с Карпузи; пробыв $\frac{3}{4}$ часа, наблюдаемый отправился в Яковлевский пер. в д. № 19, к живущим там студенту Д. И. Ульянову и супругам М. Т. и А. И. Елизаровым. Пробыв там $2\frac{1}{2}$ часа, вынес сверток в виде папки, завернутый в газетную бумагу, после заходил в писчебумажный магазин на Воздвиженке, откуда вынес сверток в трубку и со всем этим вернулся домой.

В $7\frac{1}{2}$ часов вышел вторично. На Новинском бульваре, как видно, было назначено свидание с Денисовым, с которым, поговорив, прошелся; тут же вскоре присоединился врач А. Н. Винокуров, от которого М. получил сверток и тут же передал его Денисову; последний со свертком отделился к неподалеку от него ожидавшему студенту Б. А. Келлеру [помнится, я передал им сработанную на мимеографе брошюру на смерть Александра III]. Затем оба последние отправились к Денисову и, оставив там сверток, пошли в д. № 6 по Нащокинскому пер., где живут суденты Н. А. Жданов [брат арестованного В. А. Жданова] и Н. Н. Малышев, мещанка С. И. Муралова и две дочери тюменского купца Н. К. и В. К. Пенъевские. М. отправился после этого на Якиманку в д. Виноградова, где была назначена вечеринка нижегородского землячества, не допущенная полицией.

27 ноября. М. был на службе.

28 ноября. Был на службе. В 6 час. веч. отправился к Спonti, где пробыл до 9 ч. вечера.

29 ноября. Был на службе. В 6 час. веч. М. пошел с Олениным, около мажежа простились.

30 ноября. Был на службе.

В 6 час. веч. отправился к студ. Н. В. Оппокову, выйдя от него очень скоро, отправился по той же улице в д. Нартова, к жившим там М. В. Черняевой и студ. Н. З. Васильеву; пробыв до 10 ч. веч., вернулся домой [взял у них для прочтения только что вышедшее сочинение Л. Толстого «Царствие божие внутри вас»].

2 декабря. Был на службе.

На этом дневник наблюдений обрывается, и 3 декабря я был арестован, так же как и Винокуров.

Нас отвезли в Бутырскую тюрьму, где уже находилось в общей комнате много арестованных в эту ночь. Среди них я встретил несколько человек знакомых. Из лиц, с которыми я вел в последнее время дела, там были кроме Винокурова студенты Калафати, Денисов, Келлер, Пискунов и Потехин. Большинство остальных, как выяснилось потом, были члены Союзного совета землячеств, почти целиком арестованного в эту ночь;

среди них были известные потом коммунисты Н. А. Семашко и П. Г. Смидович, тогда уже определившиеся как марксисты. Арест Союзного совета и многих студентов в эту ночь вызван был происходившими тогда в университете волнениями, начавшимися по поводу хвалебной речи Ключевского Александру III, произнесенной им во время лекции. Мы к этим волнениям не имели никакого отношения, так как целиком ушли в работу среди рабочих. Но охранка решила, воспользовавшись студенческими волнениями, очистить Москву от «неблагонадежных» элементов и прихватила кроме лиц, связанных со студенческими организациями, еще ряд лиц, в том числе и нас. Я был доволен, что не видел среди арестованных ни одного рабочего, ни Лядова, ни Спonti. Значит, думал я, полиция не пронюхала еще о нашей рабочей организации, и нас арестовали только как «неблагонадежных» бывших и настоящих студентов.

Я недолго пробыл в этой компании: через короткое время был вызван и отвезен в Сретенскую полицейскую часть, где был заключен в одиночную камеру.

Через некоторое время привезли туда же Денисова и посадили в камеру рядом со мной. Начались переговоры через форточку. От Денисова я узнал, что вскоре после того, как увезли из Бутырок меня, остальным объявили о высылке их из Москвы. Ему ничего не объявили, а отвезли в часть. Через несколько дней он мне сказал, что ему тоже объявили о высылке из Москвы и что он поедет в Рязань. Я попросил его известить моих родных в Рязани о моем аресте. Его увезли, и я остался один.

Я знал, что мне грозит тяжелое наказание. За печатание на мимеографе литературы, рассчитанной на широкую рабочую массу, я ожидал от трех до пяти лет одиночки, кроме предварительного заключения.

Таковы были приговоры по аналогичным делам в последние годы. Я не боялся этого наказания: я чувствовал, что я его вынесу. Думалось мне, что я уже хорошо поработал, что идеи революционного марксизма уже стали глубоко проникать в рабочую массу, что наша организация хотя и потерпела урон в лице Винокурова, меня и Калафати, но остались на свободе Лядов, Спonti, вся рабочая группа, многие наши студенты; они сумеют повести дело дальше. Цела осталась, повидимому, типография¹. Да и Винокуров с Калафати не арестованы, а только высланы, значит, выбыл из строя только я один. Дешево отделалась еще наша организация...

¹ Спonti удалось после моего ареста закончить начатую брошюрку (6 страниц). После окончания ее он свернул типографию и передал ее Лядову, который спрятал ее в смотровом колоде в строящейся канализации клиник, где он работал. Потом она много путешествовала; на ней было напечатано несколько листов и в конце концов она была взята полицией при обыске 10 июня 1895 г. у братьев Масленниковых на даче под Москвой, где была зарыта в землю (сыщики проследили, когда ее зарывали).

Эти мысли утешали и бодрили меня. С собой я захватил из своей библиотечки десятка полтора книг по истории и медицине, которые и читал запоем в эти первые дни заключения.

Переименую здесь книги, взятые мною с собой (список их у меня сохранился): Липперт «История культуры», Кареев «История Западной Европы» т. III, М. Ковалевский «Общественный строй Англии в средние века», Виноградов «Социальная история Англии в средние века», Лучицкий «Кальвинизм и католическая лига во Франции» и несколько медицинских книг.

Через семь дней меня вызвали на допрос в жандармское управление, которое было уже 6 декабря извещено охранным отделением о моем аресте и о характере моей революционной работы. Вот что писала охранка обо мне¹:

«Лекарь Сергей Иванович Мицкевич стоял во главе деятельного социал-демократического кружка, который помимо изданий на mimeографе и других копировальных аппаратах вел правильную пропаганду и агитацию среди рабочих, сплачивая их в самостоятельную организацию, имевшую связи с иногородними рабочими центрами, находившимися между собою в оживленных сношениях и помогавшими друг другу материальными и иными средствами, а в случае арестов собиравшими по подписке деньги в пользу пострадавших.

Замечая, что рабочие затрудняются пользованием их брошюрами, сработанными на указанных аппаратах, а также циркулировавшими в рукописях, Мицкевич с близкими ему по делу людьми вступил в сношения с польской организацией и с заграничными деятелями и получал от них транспорты социал-демократических и др. групп изданий, как то, например, имело место весной текущего года, когда только что полученный нераспакованный транспорт революционных изданий был взят по обыску у Надежды Николаевой Лебедевой, которая ныне арестована и находится под следствием в Петербурге и арестованный жених которой Владимир Жданов все время² жил ранее до ареста совместно с Мицкевичем.

Ближайшими сотрудниками Мицкевича были лекарь Александр Николаев Винокуров, студент Московского университета Дмитрий Павлов Калафати, бывший студент Московского университета Иван Васильев Денисов и другие члены рязанского кружка, по преимуществу социал-демократического.

Из числа его знакомых известны студент Московского университета Борис Александров Келлер и Сергей Иванов Потехин.

В настоящее время все означенные выше лица по распоряжению г. Министра Внутренних Дел удалены из Москвы с вос-

¹ См. в книге «На заре рабочего движения в Москве», 1919, стр. 58, 59.

² На самом деле не все время, а только два месяца—с 4 февраля по 4 апреля 1894 г.—С. М.

прещением им на некоторое время жительства в столицах и столичных губерниях и университетских городах. Причем Винокуров выбыл в Екатеринослав, Калафати—в Николаев Херсонской губ., Денисов—в Орел, Келлер—в слободу Екатеринбургинскую Самарской г. и Потехин—в Арзамас Нижегородской губ.

Ввиду проявленных Мицкевичем в последнее время приемов особой конспирации в своей деятельности приступлено было на основании п. 21 Высочайше утвержденного положения о мерах к охране государственного порядка и спокойствия к обыску в его квартире, причем у него отобраны: мимеограф со всеми принадлежностями, отчет Красного Креста и сработанные на мимеографе: 1) Сочинение гр. Л. Н. Толстого «Царствие Божие», 2) Статья «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов», Спб, 1894 г., 3) Воззвание к рабочим и др. записки и заметки предосудительного характера. Ввиду таких результатов обыска Мицкевич арестован и заключен под стражу в Сретенско-Полицейский дом, и согласно распоряжения Г. Директора Департамента Полиции, изложенного в телеграмме от 5 с. декабря за № 8536, он должен быть передан в Жандармское Управление для возбуждения о нем формального дознания».

Оказалось, что охранка очень многое знала обо мне еще до моего ареста.

В жандармском управлении на допросе, который вел подполковник Порошин в присутствии товарища прокурора Александра-Дольника, мне предъявлен был только протокол обыска. Я сказал, что все материалы, которые у меня найдены запертыми в корзине, принадлежат не мне, а даны мне на хранение лицом, назвать которое я не желаю.

Больше никаких показаний я не дал. Меня отправили в Таганскую тюрьму.

ГЛАВА XXVII

В Таганской тюрьме. Тюремные порядки. Допросы. Тюремное чтение. Отправка в Калужскую тюрьму

Привезли меня в Таганскую тюрьму. Эта тюрьма была только что отстроена по образцу новейших американских одиночных тюрем. Это большое пятиэтажное здание с сквозным пролетом посередине, по которому проходят железные лестницы и видны балконы с обеих сторон, проходящие вдоль дверей камер. Внизу стол старшего надзирателя, от него видна вся тюрьма, двери во все камеры пяти этажей. Везде была образцовая чистота. Ввели в камеру и заперли дверь. Осмотрел камеру: довольно большая комната, чистая; кровать поднята и заперта к стене; окно большое, но высоко от пола, около него стол и табуретка, полка на стене, на ней таз, кувшин и кружка из красной меди. В углу параша, в деревянном судне с крышкой, под

крышкой идет вентиляционная вытяжка. Ничего, думаю, жить можно. Выдали одну книгу из моего запаса, остальные остались в конторе. Хорошо, что я захватил с собой порядочно книг: хватит чтения на месяц или даже больше. В книгах было спасение: без них одиночное заключение было бы очень тяжело.

Потекли дни за днями в строжайшем одиночном заключении.

Надзирателей было двое, Поляков и Хренов, дежуривших по шести часов два раза в сутки. За все время моего сидения в этой тюрьме—два года и три месяца—они никем не подменялись, не имея, очевидно, выходных дней.

Они не говорили со мной ни одного слова, на вопросы отвечали «не приказано разговаривать». На прогулку выводили раз в день на полчаса. Прогулка происходила во дворике по кругу; надзиратель Петелин, выводящий на прогулку, стоял в центре круга и наблюдал за гуляющими. Гулял я всегда один.

На содержание полагалось $7\frac{1}{2}$ копеек в день; казенный обед, состоящий из супа с двумя-тремя маленькими кусочками мяса и пшенной каши с салом, и ужин из кашицы пшенной или гречневой; стоило это 4 копейки в день. Можно было получать обед порционно—из двух мясных блюд, каждое стоило $7\frac{1}{2}$ копеек. Разрешалось также выписывать ежедневно продукты. Давали кипяток, можно было пить чай, сколько угодно. У меня было с собой рублей 20—30, так что я не нуждался материально; потом мне присылали немного денег мать и братья. Кровать разрешили не запирать на день. Из окна, если встать на стол, был чудесный вид на Москву, на Москва-реку, на Кремль. Вставать на стол запрещалось, но я научился различать все шаги и шорохи в коридоре, которые доносились через вентиляционное отверстие над дверью, и я слышал, когда надзиратель подходил к двери, чтобы посмотреть в глазок, и тогда слезал со стола. Несколько раз он ловил меня на месте преступления, но ограничивался заявлением, что вставать на стол не полагается. Впоследствии, как мне говорили, стол и табуретку прикрепили у боковой стены, так что смотреть в окно уже было нельзя. Но в мое время стол и табуретка были еще свободны, и самое большее развлечение было—смотреть из окна на Москву.

Политических арестантов было в тюрьме первое время очень мало. Я это заключил из времени, отведенного на одиночные прогулки: уголовные гуляли группами и их громко вызывали на проверку. Я слышал, как выводили на прогулку одиночных и насчитывал их пять-шесть человек. Все они сидели, как и я, на пятом этаже, через несколько камер друг от друга, отделенные уголовными. Каких-либо сношений с политиками установить не удалось; изоляция получилась полная.

Это был особый период политических репрессий, установившийся во второй половине 80-х годов и продолжавшийся приблизительно до 1897 г. Период, когда царское правительство раз-

громило главные силы «Народной воли» путем виселиц, долго-временных каторжных работ и массовых ссылок. В этот период оно добывало сравнительно малочисленные и разрозненные отряды эпигонов этой когда-то грозной для него партии. Политических процессов в это время не было за исключением процесса первоартовцев 1887 г. Все политические дела проводились келейно, в порядке жандармского дознания и решались в административном порядке «по высочайшему повелению». Приговаривались за участие в народовольческих кружках, за пропаганду и распространение литературы на два-четыре года «Крестов», которые в более серьезных случаях дополнялись ссылкой до десяти лет. Административные приговоры к тюремному заключению были новостью этого периода. Это тюремное заключение политических отбывали в это время в Петербурге в особой тюрьме «Крестах», на Выборгской стороне, построенной по американской системе строжайшей изоляции с обязательными 10-часовыми работами в одиночной камере. Работы были особо однообразными и противогигиеничными вроде трепания пакли. Политические заключенные очень плохо переносили этот тюремный режим. В предварительном заключении обязательных работ не было, но система строжайшей изоляции проводилась жестко. Обращение с политическими в этот период было в общем внешне «корректное», вежливое; о нередких впрочем исключениях из этого я расскажу ниже. Такое обращение было завоевано жестокой борьбой. Вспомните наказание розгами в Петербургской тюрьме Боголюбова, за которым последовали бурные тюремные беспорядки и выстрел Веры Засулич, а затем ее процесс, нашумевший на всю Европу, многочисленные тюремные истории периода народовольчества, Якутскую и Карийскую истории 1889 г., тоже нашумевшие на весь мир.

Приблизительно через неделю меня вызвали на свидание с матерью. Ей сообщил о моем аресте Денисов. Она немедленно выехала в Москву. Свидание происходило в полутемном шкафчике, разделенном двумя частыми сетками на две части: в одной части стоял я, а в другой мать в сопровождении жандармского поручика Чернопятава. Говорить о чем-либо, касающемся ареста или дела, было нельзя. Свидание продолжалось минут 10—15 и было тяжело и для меня и для матери. Она, конечно, гораздо тяжелее меня переносила мой арест. Мои взгляды были ей чужды и непонятны: она смотрела на мой арест и заключение как на разгром всей моей карьеры и жизни, и очень тяжело это переживала. Единственное, о чем я просил ее—это устроить мне доставку книг и для этого подписаться в Петровскую библиотеку, лучшую в то время частную библиотеку в Москве, помещавшуюся в Петровских линиях. Нужно было еще найти человека, который бы согласился менять эти книги в библиотеке и носить их в жандармское управление для передачи мне. Обращаться к кому-либо, кто имел со мной какую-либо связь

на политической почве, я не хотел, чтобы не дать какой-либо нити жандармам. Я решил обратиться к фельдшеру И. Д. Варламову, работавшему в санитарном бюро, с которым у меня были хорошие, но только служебные отношения. Я просил мать попросить его. Он согласился и в течение 2¹/₂ лет, пока я сидел в Москве, доставлял мне книги из библиотеки. Делал он это совершенно бескорыстно и необыкновенно аккуратно. Я ему бесконечно благодарен: никто не оказал мне такой большой услуги.

Приблизительно через месяц меня вызвали на второй допрос. Товарищ прокурора, присутствующий на этом допросе, был уже другой—А. А. Лопухин, тогда изящный молодой человек; впоследствии, с 1903 г., директор департамента полиции. Он впервые выдвинулся на нашем деле. В 1908 г. он, как известно, выдал Бурцеву во время заграничной поездки тайну департамента о провокаторе Азефе. Это потом раскрылось, и Лопухин был осужден царским судом к лишению всех прав состояния и к ссылке в Сибирь на поселение. Но, кажется, в 1913 г. он был помилован и возвращен в Россию. Лопухин мне объявил, что я привлечен по 252 статье Уголовного уложения, по которой за участие в сообществе, имеющем целью ниспровержение существующего строя в более или менее отдаленном будущем, приговариваются к каторжным работам от четырех до восьми лет.

Я спросил: значит мне предстоят каторжные работы? Он ответил: ну, каторга не каторга, а несколько лет тюремного заключения и ссылки получите. Потом мне предъявили все взятое у меня. Я повторил свою версию, что все это было доставлено мне на сохранение. Предъявили тетрадку, которая была взята не в корзине. Это был перевод с немецкого брошюры социал-демократа Шиппеля о профессиональных союзах. Я сказал, что в этой брошюре ничего нет нелегального и что перевод предназначался для легальной печати. Спросили, почему она такая засаленная, грязная (она была зачитана рабочими). Я ответил, что должно быть завалилась на полу. После этого Лопухин сказал: «Господин Мицкевич ничем не хочет помочь следствию, которое благодаря этому может очень затянуться; дальнейший допрос я считаю бесполезным». Меня увезли опять в тюрьму. Ни о ком из знакомых меня не спрашивали; это меня успокаивало: значит, наши еще целы.

Тогда еще не был дан лозунг: отказываться от показаний. Приходилось самому вырабатывать тактику во время следствия. Я усвоил такую: ни в чем не признаваться, отказываться от знакомств, кроме самых очевидных. И эта тактика была самой рациональной при тех условиях. Я знал, что народовольцы во время судебных процессов признавали себя членами партии и старались использовать скамью подсудимых для пропаганды своих идей. Но в это время политические дела не передавались

суду, следствие велось келейно и хоронилось в тайниках жандармских архивов. Какой же смысл развивать перед следователями свое кредо: ведь это им только поможет установить наличие организации и усилит наказание для ее участников. Бывали случаи и в нашем деле и в других делах того времени, что некоторые это делали, принимая перед следователем «геройскую» позу, и брали на себя главную вину, старались выгораживать других, но при этом подтверждали факты и признавали знакомства, что только и надо было следователям. В результате такие «геройские» показания объективно мало чем отличались от прямого предательства. Я лично никогда не жалел и не раскаивался, что избрал ту тактику, о которой я говорил. Она фактически мало отличалась от тактики не давать показаний.

После этого второго допроса потянулись для меня бесконечные однообразные дни. Спасало чтение, которым я был обеспечен. Заключение при этом условии переносилось сравнительно легко. Думалось, что бы я стал делать без чтения; можно было бы, кажется, сойти с ума. Вообще, надо сказать, что одиночку особенно плохо переносили люди, или не привыкшие к умственной работе, или почему-либо не имеющие возможности получать книги.

Из тюремной библиотеки книги политическим не выдавались, очевидно, во избежание сношений через книги.

Итак, я засел за серьезное чтение с конспектированием в тетради. На руки выдавалась одна тетрадь с пронумерованными листами, на ночь она отбиралась. После окончания она сдавалась в контору и заменялась другой. При выходе из тюрьмы тетради, если в них не находили ничего противозаконного, выдавались на руки. У меня накопилось несколько таких тетрадей, из которых одна с некоторыми дефектами уцелела у меня до сих пор. В этой тетради сохранился конспект нескольких книг и список всех книг, которые я прочитал с 27 марта 1896 г. по 10 февраля 1897 г., т. е. за 10¹/₂ месяцев.

Я воспроизвожу этот список, чтобы показать, что читали тогдашние марксисты. Что это не моя индивидуальная особенность такого характера чтения, я потом убедился из разговоров с моими товарищами по делу и заключению. Это было типичное тюремное чтение марксиста-интеллигента того времени. Некоторые читали и больше и глубже, выполняя в тюрьме свои оригинальные работы. Я не говорю уже о Ленине, огромная литературная работа которого в тюрьме общеизвестна. Могу еще привести примеры: Федосеева, И. И. Скворцова, А. В. Луначарского, А. А. Богданова, М. Н. Лядова и еще нескольких.

Мой список книг начинается с № 40 и оканчивается № 90; предыдущие 39 номеров помещены в другой тетради, которая не сохранилась. Кроме того, второй список, параллельный, начинается с № 17 и кончается № 32; в нем перечислены прочитанные мною книги по беллетристике.

Вот эти списки, воспроизводимые с буквальной точностью, как они были записаны в то время:

Научные сочинения

40. «Труды общества русских врачей», т. I
41. «Труды общества русских врачей», т. II.
42. Беляев. «Крестьяне на Руси».
43. Туган-Барановский. «Промышленные кризисы в Англии».
44. Зибер. «Д. Рикардо и К. Маркс» (600 стр.).
45. Скворцов. «Влияние парового транспорта на сельское хозяйство».
46. К. Маркс. «Критика политической экономии».
47. Вебер. «Всеобщая история», т. XIV.
48. Каутский. «Очерки и этюды».
49. Бельтов. «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю».
50. Градовский. «Государственное право западно-европейских государств».
51. Каутский. «Происхождение брака и семьи».
52. Ковалевский. «Очерк происхождения и развития семьи и собственности».
53. Лампрехт. «История германского народа», т. I.
54. Лампрехт. «История германского народа», т. II.
55. Гурвич. «Экономическое положение русской деревни».
56. Милюков. «Очерки по истории русской культуры».
57. Тверской. «Очерки американской жизни».
58. Головин. «Мужик без прогресса».
59. Минье. «История французской революции».
60. Дарвин, т. I, ч. 1.
61. «Сборник правопведения и общественных знаний», т. V.
62. «Промышленность», изд. Водозовой.
63. Bücher. «Die Entstehung der Volkswirtschaft». (Бюхер. «Происхождение народного хозяйства»).
64. Дарвин, т. I, ч. 2.
65. Дарвин, т. II.
66. Лампрехт. «История германского народа», т. III.
67. Риль. «Четвертое сословие».
68. Ключевский. «Боярская Дума».
69. Ходский. «Основы государственного хозяйства».
60. Ингрэм. «История рабства».
71. Гоббинс. «Английская реформация».
72. Иегер. «Новейшая история».
73. Кулиш. «История воссоединения Руси».
74. Иеринг. «Дух римского права», ч. I.
75. Ковалевский. «Происхождение современной демократии», т. II.
76. Виноградов. «История Греции».
77. Фюстель де Куланже «Древняя гражданская община».
78. Мэн. «Древнее право».
79. Грегуар. «История Франции», т. II.
80. Ковалевский. «Происхождение современной демократии», т. V.
81. Нордау. «Вырождение».
82. Ковалевский. «Происхождение современной демократии», т. III.
83. «Сборник правопведения и общественных знаний», т. VI.
84. Коркунов. «Русское государственное право», т. I.
85. Брандес. «Главные течения».
86. Грееф. «Общественный прогресс и регресс».
87. Брандес. «Новые веяния».
88. Ходский. «Земля и земледельец».
89. Сергеевич. «Русские исторические древности», т. I.
90. Бобжинский. «Очерк истории Польши», т. II.
91. Ковалевский. «Происхождение современной демократии», т. IV.

Беллетристика

17. Руссо.
18. Байрон.
19. Додэ. «Жак».
20. Успенский. 2 тома.
21. Григорович, тт. I—VIII.
22. Мамин-Сибиряк.
23. Теккерей (биография).
24. Гейне (биография).

25. Шекспир.
 26. Ардов. «Руфина Каздоева», ч. 1.
 27. Шелгунов. «Очерки русской жизни».
 28. Гегель (биография).
 29. Классен. «Жизнь Лассалья».
30. Ардов «Руфина Каздоева», ч. 2.
 31. Золя. «Рим».
 32. Брандес. «Литературные портреты».

Книги в тюрьме прочитывались очень основательно, конспектировались, запоминались в основном на всю жизнь.

Пропускались все книги, разрешенные к выдаче из библиотек, почему-то кроме психиатрии и психологии, повидимому, чтобы не давать материала лицам, решившимся симулировать душевное заболевание.

Журналы, даже старые, а тем более газеты, абсолютно не пропускались, и я за все время сиденья в Таганской тюрьме не держал в руках ни одного журнала, ни одной газеты за единственным исключением, о котором скажу позже. Получалась страшная оторванность от текущих событий, от внешнего мира вообще. За это время произошла китайско-японская война, в России произошел переход на золотую валюту. Были и другие крупные события, но узнал я о них только значительно позже.

Беллетристика действовала на меня в тюрьме необычайно сильно: вследствие полной оторванности от внешнего мира, когда я читал какой-нибудь роман, то целиком сам переносился в ту обстановку, и переживания героев были как бы моими переживаниями или, как говорится, я вживался в жизнь действующих лиц романа; читал такие вещи не отрываясь с раннего утра до 11 часов вечера, когда лампа убиралась в всякий фонарь и читать становилось больше невозможно. В результате такого чтения развивалась мигрень, и я после этого усталый не мог читать несколько дней и начинал хандрить. Поэтому я избегал много читать беллетристики, как это и видно из списка.

Кроме того, я занимался языками: читал по-немецки Гейне и Гете, по-французски Руссо. Читал еще по медицине.

Такие занятия, такое чтение по истории, экономике, статистике, праву подводили довольно основательную фактическую базу под теорию Маркса, которую мы усвоили еще до тюрьмы; это многих из нас сохранило в течение всей жизни в марксистско-ленинских рядах.

Между тем, прошла зима, настала весна, приходило лето, стало тянуть на волю, сидеть стало тяжелее, а меня больше не вызывали никуда, и я сидел и сидел, не видя конца. За это время приезжала раза два мать на свидания, но они кроме огорчения ничего для меня не приносили; не давали и информации. Наконец, мне стало невтерпёж сидеть без всяких сведений, и я попросил вызвать меня на допрос. Меня вскоре вызвали. Мне показалось, что следователи мои как-то насторожились и заинтересованно ждали, что я скажу. Мне кажется, они думали, что вот человек просидел шесть месяцев, сидеть ему надоело, и он

хочет дать показания, чтобы ускорить следствие и облегчить свою участь. Но в этом они были разочарованы, я не дал никаких новых показаний, а только хотел узнать, скоро ли кончится следствие. Они мне несколько таинственно сказали, что следствие затягивается и едва ли очень скоро кончится. Я был этим ответом несколько встревожен: думалось, не напали ли они на след нашей организации.

Было это в начале июня, а в середине июня я по различным признакам—шорохам и шопотам по коридору—догадался, что привезли новую партию политиков. Их рассадили по разным этажам, возможно дальше друг от друга. Сократили срок прогулок до 20 минут. Пробовал перестукиваться, переговариваться в окно, но ничего не выходило. Стали новых возить на допросы. Я это тоже узнавал по долетающим из коридора фразам: «Пожалуйста в контору, оденьтесь» и т. п. Я насторожился, но меня пока не вызывали на допрос. В середине августа привезли новую группу политических, прогулки сократили до 10—12 минут, стали выводить иногда на другой дворик. Стало слышаться характерное выстукивание букв в стены. Пробовал и я, но получал мало результатов, да и относился к этому осторожно, боясь нарваться на шпиона. Но по отрывочным выстукиваниям и по разным признакам я решил, что, вероятно, провалились наши. Жду вызова на допрос. Наконец, в сентябре 1895 г. вызывают. Прежде всего предъявляют массу карточек, более 50, и спрашивают, кого из них я знаю, говоря, что я должен многих из них знать. Действительно, почти все были мои знакомые: наши интеллигенты-марксисты и наши рабочие. Тут были Рязанов, Давыдов, Г. Н. Мандельштам, М. Н. Мандельштам-Лядов, Винокуровы муж и жена, Калафати, братья Масленниковы, Ганшин, еще несколько наших студентов и курсисток, затем наши рабочие-активисты братья Бойе, Прокофьев и еще несколько. Меня эта фототека очень взволновала: значит, провал всей организации; но я старался не подать виду, что я волнуюсь, и внимательно рассматривал карточки. Не нашел там Спonti, Самохина, Немчинова, Миролубова, Семенова, Елизаровых и еще кое-кого. Отобрал несколько карточек—супругов Винокуровых, Рязанова, Давыдова—и сказал: вот этих я знаю, остальных не имею понятия. У Винокуровых я жил, с Рязановым служил в губернском земстве, Давыдов его зять, встречал у него, больше никого не знаю. Следователи сказали, что это невероятно, я должен знать многих из показанных, но я стоял на своем. На этом допрос и закончился.

С тяжелым чувством, совсем разбитый возвратился я в тюрьму: разгром организации подействовал на меня сильнее, чем в свое время мой арест. Похандрил немного. Но потом стал соображать: во-первых, повидимому, арестованы все-таки не все, только рабочая верхушка, а периферия, повидимому, не затронута; прошло ведь больше полгода после моего ареста;

товарищи, наверное, хорошо поработали за это время и корни в рабочую среду наша организация пустила, вероятно, глубокие, которые уже не вырвут никакие аресты. Эти мысли утешали, укрепляли.

Скоро обычная жизнь и обычные занятия наладились, и опять пошли месяцы за месяцами. Пришла вторая зима в тюрьме, а за ней вторая весна.

В марте 1896 г. объявили мне, что следствие по делу закончилось. Я стал ждать приговора, но увы, еще немало пришлось его прождать.

А между тем в Москве шли какие-то приготовления: по вечерам все церкви Кремля вдруг освещались разноцветными лампочками; это были репетиции иллюминации, которая готовилась, как я сообразил, по случаю предстоящей коронации Николая II. Ну, думал я, вероятно к коронации они объявят приговор и ушли куда-нибудь из Москвы. Ведь в Москве во время коронации будут представители и корреспонденты со всего мира, едва ли захотят показывать политических тем из них, которые пожелают посетить тюрьмы. Напряженно ждал какого-нибудь изменения в своей судьбе. Вдруг велют одеться и идти в контору. Ну, думал я, объявят сейчас приговор. Но в конторе ждало меня разочарование: ничего мне не объявили, а сдали меня жандарму, который всегда возил меня на допросы. Повез он меня на Курский вокзал, поехал до Тулы, в Туле пересели на другую дорогу (Московско-киевской дороги тогда еще не было), а я все не знал, куда везут меня: жандарм был непроницаем. Наконец, поезд остановился у станции Калуга. Со станции жандарм повез меня в Калужский тюремный замок и сдал туда. Так увезли нас, политических, из Москвы по разным тюрьмам на время коронации, которая состоялась 15 мая 1896 г.

ГЛАВА XXVIII

В Калужской тюрьме. Тюремные порядки более свободные, чем в Таганской тюрьме. Общение с товарищами по заключению. Работа московской организации после моего ареста до арестов в июне 1895 г. Книги Бельтова и Волгина. Опять в Таганской тюрьме. Изменение тюремного режима. Приговор

В Калужской тюрьме меня поместили в маленькой одиночной камере с низкими сводами под церковью. Из маленького окна видна была только высокая стена тюремной ограды. Камера была много хуже большой и светлой камеры московской тюрьмы. На обед дали пустые щи с несколькими кусочками сала и почти совсем сухую пшеничную кашу. Но все это с лихвой вознаграждалось улучшением общей тюремной обстановки сравнительно с московской.

До нас здесь не сидели еще, по крайней мере, за последние годы, политические арестанты и среди тюремной стражи не была еще выработана по отношению к ним дисциплина наподобие московской. Надзиратели добродушно болтали о чем угодно. Вскоре ко мне в камеру пришел помощник начальника тюрьмы Племянников и просидел целый час; вели с ним беседу. Это был первый разговор, который я вел за полтора года. Понятно, какое впечатление он произвел на меня! Он мне рассказал разные газетные новости за последние месяцы. Сказал также, что за последние дни из Москвы привезли, кроме меня, еще Григория Мандельштама, Александра Масленникова и студента Кирпичникова, и что они сидят в одиночных камерах, смежных со мной. Все это были мои старые знакомые по совместной работе в Москве.

Как только ушел помощник начальника, я влез на стол и стал вызывать в окно своих соседей. Мандельштам и Масленников немедленно откликнулись на мой вызов, а Кирпичников упорно молчал. Как я потом узнал, Кирпичников, арестованный в июне 1895 г., в ноябре этого же года дал на допросе откровенные показания. Это, очевидно, на него потом сильно повлияло и он через некоторое время сделал попытку к самоубийству: бросился, идя на прогулку, в пролет лестницы, сильно разбился, лежал несколько месяцев в больнице, после чего стал проявлять признаки душевного расстройства. Так во все время нашего совместного сидения в Калужской тюрьме он ни слова ни с кем не сказал.

Зато с двумя другими моими соседями мы вели нескончаемые беседы. Так как они были арестованы на шесть с лишком месяцев позже меня, а именно в июне 1895 г., то они много могли мне рассказать о том, что произошло после моего ареста.

Вот что рассказал мне Масленников. После арестов в декабре 1894 г. началось восстановление порванных связей, к работе среди рабочих были ближе привлечены молодые студенты братья Масленниковы, А. В. Кирпичников, П. Д. Дурново, курсистки Петрова и Желвакова. Около Лядова образовалась новая руководящая группа, в которую входили и рабочие Бойе, Карпузи, Поляков. Спonti в начале февраля уехал за границу, получив деньги за принадлежавший ему лесок на его хуторе. Он повез с собой для напечатания переделанные нами брошюры «Что должен знать и помнить каждый рабочий», «Рабочая революция» и «Всемирный рабочий конгресс в Брюсселе»¹.

Работа особенно оживилась с весны. Решено было отпраздновать Первое мая. Празднование было назначено накануне, 30 апреля в воскресенье. Место празднования было выбрано в лесу близ станции Вешняки Казанской железной дороги. Место было особенно удобно тем, что туда можно попасть с трех

¹ За границей, как я узнал впоследствии, он пробыл шесть месяцев. Брошюры были отпечатаны на его средства (400 рублей), и он вернулся в Москву в сентябре 1895 г. 12 декабря того же года он был арестован.

железных дорог. Собрание было организовано очень конспиративно: полиция не смогла его накрыть.

Собралось 250—300 человек с тридцати фабрик и заводов; с некоторых фабрик пришли почти все участники кружков, с других пришли лишь делегаты. При приблизительном подсчете выяснилось, что собравшиеся представляли уже около тысячи затронутых пропагандой рабочих. Масленников присутствовал на этой первой московской рабочей маевке и подробно мне рассказал о ней. То, что рассказал он, подтвердил с еще большими подробностями через год в Бутырской тюрьме Лядов. Этот рассказ свой Лядов потом поместил в своих воспоминаниях. Приведу его здесь¹.

«Перед началом митинга мы произвели тщательную проверку всех наличных товарищей. Все разбились по кружкам и друг друга проверяли, нет ли кого лишнего. Ни один кружок не знал про существование другого. Встречались рабочие, работавшие на разных фабриках, хорошо знавшие друг друга, но не подозревавшие, что их хорошие знакомые тоже являются членами организации. В этом отношении я мог отметить, что, несмотря на сравнительно широкий размах работы, условия конспирации соблюдались очень строго. Вначале, до проверки всех собравшихся, каждый кружок уединялся под каким-нибудь деревом, вытаскивалась закуска, и делали вид, что приехали просто на пикник. Только после проверки вся толпа смешалась, и слышались радостные возгласы о том, что вот-де мы все не верили руководителям, когда те говорили, что кружков уже много. Все закрадывалось сомнение, не они ли единственно организованные, а вот теперь видят, что движение очень широко развилось, что затронуто уже очень много предприятий.

Мы не успели открыть собрания, как вдруг расставленные патрули сообщили, что прямо к нам подходит человек с ружьем. Оказывается, подходил лесник, услышавший наши многочисленные голоса. Кто-то из молодых ребят решил его обезвредить. У него оказалась в запасе бутылка водки, и с места в карьер он начал угощать непрошенного гостя, причем плел ему какую-то чушь про земляков, которые собирались отпраздновать свой деревенский храмовой праздник. У кого-то нашлось подкрепление, и мы не успели опомниться, как лесник оказался побежденным водкой, начал сначала горланить песни, а затем заснул мертвецки пьяным сном. Его взяли два товарища на руки и отволокли подальше от нас. К нему приставили караульного. Но так до вечера он и не проснулся. Уж никто больше не помешал нам спокойно провести весь день вместе.

Открыть собрание пришлось мне длинной речью о значении Первого мая, о нашей организации, о борьбе западноевропейских и американских рабочих, о нашей конечной цели. Слушали

¹ «На заре рабочего движения в Москве», 1932, стр. 84—87.

как-то особенно внимательно и хорошо. После меня говорили Бойе, Поляков, Карпузи, Хозецкой, говорил и еще ряд товарищей вне программы. Говорила Мокроусова о женском движении. Поляков прочел несколько своих и чужих стихотворений, пели песни, пели Поляковым же сочиненные куплеты... Все время на ораторском месте развеялся красный кумачевый флаг. Было очень торжественно, очень трогательно и очень задушевно. Чужие, совершенно незнакомые до того времени, люди братски целовались. После началась простая душевная беседа, никто не хотел расходиться, хотелось как можно дольше продолжить этот день. Помню, многие подходили ко мне и с какой-то неуверенностью спрашивали, неужели мы не доживем до того дня, когда можно будет, не скрываясь в лесу, а по-настоящему, открыто отпраздновать этот день. Я был всегда оптимистом, но не решался ответить на этот вопрос утвердительно. Мы-то не доживем, это наверное, но наши дети несомненно доживут, если мы будем бороться. Всем так хотелось верить в это, но верилось с трудом. Я подробно рассказал, как много пришлось вынести европейским рабочим, прежде чем они добились относительной свободы союзов, собраний и участия в парламенте. Раздались возгласы: «Но немцы и французы—народ ученый, им легко было понять, а мы, русские,—темные, необразованные». Я на это горячо возражал, указывая, что французские крестьяне и рабочие сто лет тому назад, перед французской революцией, были не развитее и не образованнее наших, а вот сумели же свергнуть помещичье-дворянский строй. Нам будет легче бороться, чем им, мы учтем все их ошибки и не допустим, чтобы после свержения самодержавия власть перешла к буржуазии.

По заранее составленному плану, перед уходом должны были раздать заготовленные прокламации, которые каждый из присутствующих должен был снести к себе на предприятие для широкого массового ознакомления. Всего было заготовлено четыре прокламации, две отпечатанные в типографии и две на mimeографе¹. Они все с разных сторон освещали значение Первого мая и проповедовали идею организации «Рабочего союза» как составной части международного рабочего движения. Одну прокламацию, если память мне не изменяет, написал студент Кирпичников, одну Карпузи и две я.

При раздаче прокламаций какой-то неописуемый энтузиазм охватил всех присутствующих: каждый старался захватить как можно больше прокламаций, некоторые, как дети, выклянчивали себе несколько лишних экземпляров, чтобы раздать их по тем или иным фабрикам, представителей которых не было на празднестве. Кто-то предложил всем итти к Рогожской заставе, итти демонстративно, с песнями. Несмотря на все мои и других

¹ Одна прокламация напечатана в книге «Литература Московского рабочего союза» (стр. 61—68), другая в книге «На заре рабочего движения в Москве». Другие две не найдены.—С. М.

устроителей возражения, это предложение было всеми подхвачено. Поздно ночью мы правильными рядами двинулись по шоссе, с красным флагом впереди, по направлению к Москве. По дороге нам встретилось всего лишь несколько крестьянских возов. Крестьяне испуганно смотрели на нас, стройно идущих с пением революционных песен. Перед самой Москвой мне удалось убедить разойтись по разным улицам небольшими кучками. И я у каждой кучки брал слово, что ребята совершенно молча, не разговаривая друг с другом и тщательно избегая каких-нибудь столкновений с фараонами, разбредутся по домам.

Только отпустив последнюю кучку, я сам поплелся на Грузины, где снимал в то время угол у какого-то кондуктора с Брестской дороги. Один старик-рабочий из Курских мастерских, которого я до сих пор не знал, пошел проводить меня и все время шептал мне, что вот он неграмотный, а несет домой одну прокламацию и дома заставит прочесть ее свою грамотную внучку. Уже после мне рассказывали, что, действительно, старик собрал свою многочисленную семью, всех соседей, заставил свою внучку прочесть эту прокламацию и сказал целую речь о том, что вот-де он помнит, как царь освободил в 1861 г. крестьян. Они все тогда радовались, читая царский манифест, которого никто не понял. А вот теперь мы читаем уже не царский манифест, а манифест рабочего люда, который сам себя хочет освободить. Это будет посильнее и повернее царского. После чтения старик спрятал прокламацию за икону на память детям и внукам.

Празднование на этом еще не закончилось. На следующий день, 1 мая, без всякого предварительного уговора, на всех московских традиционных гуляньях—на Ходынке, у Новодевичьего монастыря, в Сокольниках, в Анненгофской роще, куда после обеда (в то время 1 мая шабашили на всех фабриках с обеда) направился массами рабочий народ,—можно было наблюдать отдельные кружки, среди которых один из участников массовой рассказывал про нее и читал вслух прокламации. Фактически к празднованию было, таким образом, привлечено все рабочее население Москвы. Разговоры о праздновании распространились по Москве самым широким образом.

После маевки интерес в рабочей массе к революционной пропаганде сильно возрос. В течение мая и начала июня состоялось много собраний в подмосковных рощах; на них обсуждался проект устава «Рабочего союза». Но усилилась и слезка за всеми активными работниками; за ними шпики ходили, что называется, по пятам. Попытки сколько-нибудь основательно поставить типографию не удавались. Слежка за нею шла неотступно. Но все же несколько прокламаций на типографском станке и на вновь приобретенном mimeографе было отпечатано.

В это время было получено из Ярославля от студента Каверина, поддерживавшего связи с нашей организацией, письмо

о стачке на Корзинкинской мануфактуре в Ярославле, сопровождавшейся вызовом войск и стрельбой в толпу рабочих; в результате были убитые и раненые. Войска получили после этого «высочайшую благодарность». Немедленно были командированы организацией в Ярославль Ганшин и А. Масленников. Там они собрали хороший материал о стачке, но было уже поздно...¹

11 июня предполагено было устроить большое собрание между станциями Люблино и Люберцами, на котором ожидалось до двух тысяч рабочих, ожидалось представители иногородних организаций—из Тулы, Иваново-Вознесенска, Раменского, Александрова, Коврова. На собрании должен был быть принят устав «Рабочего союза»,—так решено было назвать организацию еще на первомайской сходке. Была заготовлена в большом количестве печатная прокламация за подписью «Рабочий союз». Она была напечатана в квартире Дурново и Петровой. Квартира эта была снята организацией специально для постановки типографии. Но вскоре же замечена была упорная слежка за этой квартирой, и типографию свернули, отвезли на дачу Масленниковых в Мытищи и зарыли там в землю в лесу. Но сыщики все это проследили. Накануне этой сходки, в ночь на 11 июня, были арестованы все московские марксисты-интеллигенты-активисты, в том числе М. Н. Лядов, А. И. Рязанов, И. А. Давыдов, братья Масленниковы, Ганшин, Дурново, Кирпичников, Петрова, Мокроусова-Карпузи и ряд других. Из рабочих был арестован лишь один А. Д. Карпузи. Были взяты типографский станок, два мимеографа, склад нелегальной литературы. Словом, вся интеллигентская марксистская группа и вся техника организации были начисто разгромлены. Разгром распространился и на Екатеринослав, где были арестованы муж и жена Винокуровы, Григорий Мандельштам и ряд рабочих Брянского завода и других мастерских города. Г. Мандельштам подробно рассказал мне тогда об их работе в Екатеринославе. Винокуровы и Мандельштам были сразу привлечены и по московскому и по екатеринославскому делам.

Рабочая центральная группа почти вся уцелела, из нее был арестован только А. Д. Карпузи. Что происходило в Москве после ареста интеллигентской группы, ни Масленников, ни Мандельштам не знали, хотя об аресте рабочей центральной группы, последовавшем в августе этого же года, Масленников знал, как потому, что ему на допросах были предъявлены карточки членов центрального рабочего кружка, так и по некоторым сведениям, которые ему удалось собрать путем перестукивания в Таганской тюрьме. Во всяком случае для нас было ясно, что хотя и провалился и интеллигентский и рабочий центры,

¹ По воспоминаниям Лядова, организация успела выпустить листок об Ярославской стачке.

значительная периферия и в той и в другой среде осталась, и она сумеет вновь наладить работу¹.

Много радости и бодрости дало нам сообщение о грандиозной майской стачке всех текстильных фабрик в Петербурге, организованно продолжавшейся три недели. Об этой стачке мы узнали из правительственного сообщения, которое было напечатано во всех газетах. Газету с этим сообщением принес нам Племянников. С радостным волнением прочитал я в газете это сообщение. Оно доказывало, как неуклонно растет рабочее движение в России, несмотря на все препятствия и гонения правительства.

Конечно, мы через окна сейчас же обменялись сведениями об этой стачке и обсуждали ее значение. Таким образом мы устраивали еженедельные регулярные беседы вдвоем и втроем, обменивались информацией, вели также беседы теоретического характера, обсуждая разные вопросы теории и практики. Особенно содержательны были беседы с Мандельштамом. Это был человек с большой эрудицией и оригинальным умом. В тюрьме он много работал. Беседы с ним доставляли большое удовольствие. К концу нашего пребывания в Калуге я стал замечать за ним какие-то странности: он начал высказывать совершенно необоснованные подозрения в шпионстве, проявлять какую-то болезненную мнительность. Как потом оказалось, у него началась уже душевная болезнь, которая быстро овладела им, и он умер через несколько лет в психиатрической больнице. Самодержавие поглотило еще одну из своих бесчисленных жертв из наших лучших талантливейших людей.

Ко мне на свидание приезжала в Калугу один раз моя мать. Свидание было в конторе «личное»—без решеток, в присутствии Племянникова, который то-и-дело уходил в другую комнату и оставлял нас одних. Можно было говорить спокойно обо всем. Мать мне сказала, что она привезла мне две книги от Анны Ильиной Елизаровой, которая поручила еще ей передать мне, что у них все благополучно и что дела в Москве идут очень хорошо. Это было как раз время разгара работы «Московского ра-

¹ Слухи об этих арестах, равно как и о первой московской рабочей мавке, широко распространились и произвели большое впечатление. Плеханов летом 1895 г. в своем письме к Энгельсу незадолго до его смерти писал из Женевы: «В начале мая (старого стиля) [на самом деле в начале июня—С. М.] была устроена в Москве облава, причем было арестовано до 80 человек обоего пола. Этот разгром постиг либералов (? С. М.) и социал-демократов. Аресты в рабочем классе были следствием первого мая, которое праздновалось в Москве собранием 126 делегатов от рабочих кружков. Этот праздник был в то же время чем-то в роде местного съезда Москвы и ее окрестностей». Далее Плеханов сообщает Энгельсу об Ярославской стачке в мае этого же года и известия о нарастании общего недовольства в России и заканчивает свою информацию словами: «В России становится жарко. Что-то будет, что-то будет». (Группа «Освобождение труда». Сборник № 2. Госиздат, 1924, стр. 337.)

бочего союза» второго состава, о чем я еще расскажу. Я ее порадовал тем, что в Калужской тюрьме живет неплохо, гораздо лучше, чем в Москве. Она ушла со свидания успокоенной. Хорошими вестями, полученными из Москвы, я, конечно, немедленно порадовал товарищей.

Книги, присланные мне Анной Ильинишной, были: Бельтов «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» и Волгин «Обоснование народничества в трудах В. В.». Я запоем прочитал их. Поразительно было появление легальных боевых марксистских книг. Загадочным для меня было—кто авторы этих замечательных книг. Думалось, что такие книги должны оказать сильное влияние на переход интеллигенции к марксизму и что самая возможность появления таких легальных марксистских книг показывает, насколько марксизм становится влиятельным. Много и долго обсуждали мы втроем эти книги.

Так в интересном чтении, беседах, длительных прогулках—часа по два в день по обширному тюремному двору—проходила наша жизнь в Калужской тюрьме. Она казалась нам раем сравнительно с жизнью в Таганской тюрьме.

Надо сказать, что Племянникову нагорело от начальника за либеральное отношение к нам, и он вынужден был изменить его: прекратить беседы с нами, перестать нам передавать газеты.

Просидели мы так в Калуге около двух месяцев. В начале июля нас по одиночке перевели опять в Москву, в опостылевшую Таганскую тюрьму. Меня посадили попрежнему в мой 269 номер на пятом этаже. Опять потекла нудная тюремная жизнь с молчанием, с короткими прогулками, с полной неизвестностью о будущем. После Калуги эта жизнь стала казаться еще тяжелее. Но я не падал духом и держал себя бодро. Как-то раз при уборке камеры надзиратель Хренов говорит мне: «Вот, господин Мицкевич, я вам удивляюсь, сидите вы уже около двух лет, а все веселый, смеетесь и шутите».

Тюремные надзиратели за последние месяцы заметно изменились: утратили свою непроницаемость и молчаливость, стали понемножку втягиваться в разговоры. Да и вообще тюрьма стала как-то изменяться. Чем же вызвано было это изменение? Дело в том, что число политических заключенных за время моего сидения с единиц перешло за десятки, да и состав политиков заметно изменился. Прежде политические были почти исключительно интеллигенты, преимущественно студенты, теперь в числе политических в большом проценте появились рабочие. Этот состав был ближе и понятнее тюремной страже, и она стала подвергаться влиянию этого элемента. Однажды другой мой надзиратель, Поляков, отличавшийся какой-то особой ехидно-злой сыщицкой повадкой, не сказавший со мной за полтора года ни одного слова, кроме официальных «обед», «ужин», «пожалуйста на прогулку» и т. п., неожиданно заговорил со мной: «Что это, господин Мицкевич, непонятно как-то стало нынче:

прежде шли все политические господа, а нынче политический мужик пошел?». Я, конечно, воспользовался этой его репликой и постарался ему возможно понятнее и короче объяснить, что это значит. Поведение его со мной после этого разговора резко изменилось: мы стали вести короткие беседы во время уборки камеры. А Хренов передавал мне даже несколько раз газету «Русские ведомости», которую, оказываясь, обертывали посуду с молоком, передаваемым одному из заключенных, а потом он через Хренова давал ее читать другим. Явление это было бы совершенно невероятно всего год назад! Чтение газеты в тюремной обстановке доставляло огромное удовольствие. В тюрьме стало вообще шумнее: пошли перестукивания, разговоры в окна и через парашную вентиляционную трубу.

Вторая половина 1896 г. была особенно богата в Москве арестами. Провалы «Московского рабочего союза» следовали один за другим: в июле, ноябре и декабре было три больших провала со многими арестами. В ноябре была большая студенческая демонстрация на Ваганьковском кладбище по поводу полугодовщины Ходынской коронационной катастрофы. Группа организаторов этой демонстрации тоже попала в Таганку. Эта демонстрация была очень популярна среди москвичей. Ходынская катастрофа, в которой погибли благодаря неправильным действиям царской полиции тысячи рабочего московского люда, и поведение царской клики после этого, продолжавшей как ни в чем не бывало свои празднества, глубоко возмутили москвичей, и демонстрация-протест по поводу этих событий была понятна и симпатична для московских трудящихся. Впервые студенческая демонстрация произошла по поводу, понятному и популярному для широкой массы. Это нашло отклик и среди тюремной стражи, которая подавала нам сочувственные реплики, когда привели в тюрьму арестованных демонстрантов.

А между тем, недели шли за неделями и конца моему сиденью не предвиделось. Прошел новый, 1897 год, а я все в тюрьме, а арестован я был еще в 1894 г. Пошел третий год моего тюремного сидения.

Но всему бывает конец, пришел он и неопределенности в моей судьбе. 10 февраля 1897 г., т. е. через два года и два с лишком месяца после моего ареста, ко мне в камеру входит начальник тюрьмы с какой-то бумагой и с особым торжественным видом. «Пришел объявить вам приговор»,—сказал он и прибавил: «Приговор вам тяжелый—пять лет». Я уже говорил, что я ждал приговора на три-пять лет тюремного заключения по примеру приговора последних лет по аналогичным делам. У меня в голове пронеслось: «Очевидно, пять лет тюремного заключения. Ну, вынесу и еще пять лет заключения, по крайней мере, срок будет определен». Сейчас же спросил начальника: «Пять лет тюрьмы?» Он ответил: «Нет, по высочайшему повелению вы приговорены к пяти годам ссылки в Якутскую область».

Я чуть не подпрыгнул от радости: пять лет ссылки! Значит, подумал я, кончено мое тюремное заключение, я скоро буду на свободе, хотя бы и в ссылке. Я не знал тогда, что пройдет еще целый год мытарств по тюрьмам и этапам, покуда я не получу ссыльной «свободы»...

Следует отметить, что с начала 1897 г. начался период более слабых приговоров сравнительно с предыдущим периодом и последующим—в 1902—1904 гг. Еще в прошлом году Бруснев за пропаганду среди рабочих, причем не было обнаружено в его организации ни типографии, ни мимеографа, ни оригинальных прокламаций и брошюр, получил три года Петропавловки и десять лет ссылки «в отдаленнейшие места Якутской области». Стеклов, Цыперович и Калашников за пропаганду в Одессе получили по десяти лет тоже «в отдаленнейшие места Якутской области». У нас приговор был значительно мягче: мы только четверо—Лядов, Г. Мандельштам, Винокуров и я—получили по пяти лет Восточной Сибири, Поляков—три года Восточной Сибири, остальные по три года и меньше в Архангельскую губернию, или на место родины, или по выбору кроме столиц, университетских городов и больших фабричных центров.

По делу «Петербургского союза борьбы» (приговор состоялся почти одновременно с нами—29 января, а наш 5 февраля) получил пять лет один только Запорожец, остальные—по три года и меньше. Ленин получил три года ссылки в Минусинский округ Енисейской губернии.

Позже стало известно, что первоначально намечались более суровые приговоры—от восьми до десяти лет ссылки, но в окончательном виде они были смягчены до трех—пяти лет. Это сопровождалось и другими смягчениями условий отправки в ссылку: выпуском на свободу перед ссылкой «для устройства своих дел», разрешением ехать в ссылку на свой счет и т. п., о чем я расскажу еще в следующей главе.

Объяснить это некоторое смягчение репрессий по отношению к марксистам в этот период, может быть, можно тем же, чем объяснял Ленин разрешение цензуры на выпуск в свет марксистской литературы как раз в это же время, о чем я тоже буду говорить в следующей главе.

Мне тогда не дали ознакомиться с приговором в целом и с обвинительным актом. Ознакомился я с ними только в архиве после революции. Надо сказать, что жандармы и прокуратура в общем правильно разобрались в нашем деле и правильно охарактеризовали работу нашей организации со своей классовой точки зрения. Обвинительное заключение подписал министр юстиции Н. В. Муравьев, тот самый, который выступал обвинителем по делу «цареубийства» 1 марта 1881 г. Он имел хороший опыт в политических делах. Приведу здесь выдержки из обвинительного заключения (целиком он помещен в приложении): министр юстиции находит, что «обстоятельства настоя-

щего дела заключаются в следующем. В конце 1894 г.¹ среди фабричного населения г. Москвы и ее окрестностей появились многочисленные воззвания социал-демократического и отчасти революционного содержания, подстрекавшие рабочих к образованию союзов и устройству касс для организованной борьбы с капиталистами. Эти прокламации и равно распространявшиеся наряду с ними произведения подпольной прессы и устная пропаганда некоторых лиц вызвали на фабриках волнения и беспорядки. Под влиянием означенной агитации рабочие проявили стремление к совместному обсуждению интересовавших их вопросов и стали в окрестностях столицы периодически устраивать многолюдные сходки. На собраниях этих руководители— преимущественно представители интеллигентного класса—раздавали противоправительственные издания и произносили речи, указывая на неудовлетворительность экономического положения трудящегося сословия, а также на необходимость единения и упорной борьбы с существующим общественным строем в видах достижения социалистической свободы и политической власти».

Далее идет перечисление главных обвиняемых в числе 17, после чего идет такой текст:

«Названные лица, стремясь к осуществлению противоправительственных целей, старались возбудить волнения среди фабричного населения на почве мелких нужд и требований, имея в виду приучить рабочих к отстаиванию своих интересов и пробудить в них классовое самосознание, при наличии которого только, по мнению агитаторов, и возможно было бы трудящемуся сословию захватить общественную и политическую власть в свои руки. В этих целях поименованные члены кружка составляли воззвания и переводили с иностранных языков преступного содержания статьи и брошюры, печатали таковые на имевшихся в их распоряжении типографском станке, гектографе и мимеографе, распространяли изготовленные таким образом в большом числе экземпляров подпольные произведения среди фабричного населения, а также в кругу своих единомышленников и знакомых, стараясь заинтересовать наибольшее число лиц вопросами социал-демократического характера, и, наконец, собирали сходки, руководили ими и произносили речи, в которых, порицая современное экономическое положение, призывали рабочих к открытой борьбе с капиталистами для достижения равенства и свободы».

Далее идет выяснение степени виновности отдельных лиц.

После объявления приговора в моем положении ничего не изменилось, и я продолжал сидеть в Таганке, не зная, когда меня переведут в пересыльную для отправки дальше. Я надеялся, что это будет скоро, а дни шли за днями, и мне ничего не объявляли.

¹ На самом деле с начала 1894 г., но вначале листки не попадали в руки полиции.—С. М.

Стал думать, что буду делать в ссылке, строил планы жизни там. Якутская область представлялась какой-то обледенелой пустыней. Я задавал себе вопрос, растут ли там деревья, бывают ли цветы на полях летом и т. п.

Достал из библиотеки книгу о России, изданную министерством финансов к всероссийской выставке 1896 г. В ней я нашел описание Якутской области, из которого узнал, что земледелие находится там в зачаточном состоянии, население живет в юртах с ледяными окнами, вместе со скотом; пароходы по Лене делают только два-три рейса в лето...

5 марта, наконец, перевели меня в Бутырскую пересыльную тюрьму.

ГЛАВА XXIX

В Бутырской тюрьме. Тюремные встречи. Состав политических. Работа «Московского рабочего союза» в 1895—1897 гг. Успехи марксизма. Перелом в интеллигенции. Отправка в Сибирь.

Перевод в Бутырскую тюрьму сопровождался переводом нас из ведения жандармского управления в ведение тюремного ведомства. Теперь разрешения на свидания, передача книг и вещей шли только через начальника тюрьмы. Меня направили в «Часовую» башню. При входе в отдельный дворик, прилегающий к башне, меня встретила группа заключенных в этой башне. Среди них оказались мои друзья и товарищи по работе А. Н. Винокуров и М. Н. Лядов. Прошло два с лишком года, как мы расстались после моего ареста; они после этого проработали еще шесть месяцев, тоже были арестованы и просидели в тюрьме год и девять месяцев. Теперь мы были опять вместе. Встреча была бурно радостная. Расспросы, разговоры...

Сейчас же меня познакомили с Поляковым, который тоже был приговорен к ссылке в Восточную Сибирь на три года и о котором я раньше много слышал от Лядова, но с ним не приходило до этого встречаться. Все они трое были тоже только что переведены из Таганской тюрьмы. Начали узнавать об участии остальных товарищей. Скоро мы узнали, что только на-днях отправили из пересыльной партии в Архангельск, в которой пошли Спonti и Петрова на два года, братья Масленниковы, Константин Бойе, Александр Хозецкой, И. А. Давыдов, Андрей и Пелагея Карпузи, Дурново—все на три года. Мы очень жалели, что не удалось их повидать. Об остальных товарищах мы узнали, что они получили меньшие наказания или были совсем освобождены. Просидели они в предварительном заключении тоже меньшие сроки—от двух до восьми месяцев. Всего было привлечено по нашему делу 53 человека¹. Лядов сообщил еще

¹ См. об этом подробнее в приложении «Приговор». Упомяну здесь в двух словах о дальнейшей судьбе участников нашей организации, о которых я знаю. Живы до сих пор (1936 г.) и состоят в рядах ВКП(б):

печальную весть о своем брате Григории, что он психически заболел и сейчас находится в психиатрической больнице.

Кроме перечисленных лиц в башне оказались Борис Окольский, идущий в Якутскую область по делу Одесской группы народовольцев, два екатеринославских рабочих Кац и Файн из кружка Винокурова и несколько польских рабочих из Лодзи.

Мы все быстро перезнакомились, и начались бесконечные разговоры. Первую ночь, помнится, совсем не спали, проговорили до утра. В одиночках за два года мы намолчались досыта, теперь хотелось говорить и говорить без конца, узнавать новости, расспрашивать товарищей из других городов об их делах и рабочем движении в их местностях.

Поляков нам рассказал, как они работали после ареста интеллигентской группы. Центральный рабочий кружок взял все руководство делом в свои руки; сам Поляков написал две прокламации, которые оттиснул в типографии наборщик Наумов; Наумов и сам написал одну прокламацию, очень безграмотную, но зато очень темпераментную². Летом устраивались за городом собрания рабочих человек по 70—100, на них выступали Поляков, Бойе, Хозецкой и другие. Чувствовалась большая нужда в литературе. Незадолго до ареста они познакоми-

А. Н. Винокуров, М. Н. Лядов, С. И. Мицкевич, С. И. Прокофьев, И. А. Давыдов, А. Д. Карпузи, М. П. Петров (впрочем, за последние несколько лет не имею сведений о нем), Б. А. Келлер.

Беспартийные: А. Н. и В. Н. Масленниковы, А. А. Ганшин, Е. Э. Лакур (все инженеры), П. И. Винокурова, А. С. Розанов (персональный пенсионер). Д. П. Калафати был делегатом от Николаевского комитета на II съезде партии. После 1905 г. отошел от активной работы. Живет в Одессе.

Умерли, состоя в рядах ВКП(б): А. И. Рязанов (умер в 1931 г.), С. И. Муралов (умер в 1932 г.), Е. И. Немчинов (умер в 1932 г.), А. И. Смирнова. Умерли, будучи беспартийными: Е. И. Спonti (умер в 1931 г., после возвращения из ссылки не принимал активного участия в революционном движении), К. Ф. Бойе (после возвращения из ссылки работал некоторое время в Англии, потом, возвратясь в Россию, не принимал участия в революционной работе). В. А. Жданов был в ссылке на три года в Вологде, после окончания которой стал присяжным поверенным (адвокатом); в 1905 г. вступил в московскую партийную организацию большевиков, в 1907 г. был приговорен к каторжным работам на четыре года, затем отбывал ссылку до 1917 г.; после Февральской революции отошел от партии. Умер в 1932 г.

Давно умерли: А. И. Хозецкой, П. С. Карпузи, Ф. И. Поляков, П. Д. Дурново. Об остальных не имею сведений.

² Эти прокламации напечатаны в книге «Литература Московского рабочего союза», стр. 70—72.

Приведу здесь прокламацию, написанную Наумовым, как особенно характерную, исправив ее правописание:

«Товарищи, мы спим и не видим, как капиталисты нас грабят. Нашу кровь пить довольно: потрудились, пора и честь знать. Итак, товарищи, последуем примеру наших товарищей, братьев по труду, заграничных рабочих. У них такие законы, и они добились своего, а мы как рабочий скот, работаем по 15—16 часов в сутки, набиваем карманы богачей нашей кровью, нанним трудом. Товарищи, вся трудовая кровь наша у капитали-

лись с интеллигентами Колокольниковым и Кварцевым. Колокольников бывал на последних заседаниях центрального кружка. В рабочей среде шло большое брожение, вспыхнуло несколько стачек, в том числе на Прохоровской мануфактуре (ныне Трехгорной). Колокольников собрал сведения о нескольких стачках и выпустил гектографированную брошюру под заглавием «Стачки и их значение для рабочего класса». В ней описаны стачки на Прохоровской и Реутовской мануфактурах, в чаеразвесной Попова, стачка в Тейкове и знаменитая Ярославская стачка¹.

В ночь на 16 августа большая часть членов центрального рабочего кружка была арестована², но все же остались на свободе Немчинов, Зиновий Лавров, Семенов, Миловидов и Мария Бойе, принимавшая активное участие в работе центрального кружка и имевшая большие связи среди рабочих; не арестованы также Колокольников и Кварцев и вся обширная рабочая периферия. Так что, говорил Поляков, наше дело не заглохнет: слишком глубокие корни пустило оно в рабочую среду.

Много рассказывал Лядов о своей работе после ареста меня и Винокурова. Он остался после этого фактически единственным руководителем московской рабочей организации, так как Спonti вскоре уехал за границу. Молодые студенты, которых он привлек к делу, были еще недостаточно подкованы как в теоретическом, так и в практическом отношении, и ими необходимо было постоянно руководить. Ему пришлось руководить и пропагандой и агитацией среди рабочих, налаживать технику, порой самому набирать и печатать листки в смотровом колодце клиник, приходилось выступать и среди интеллигенции. Он рассказывал о своем выступлении на большой вечеринке 19 февраля в Техническом училище, где он выступил с программной речью. В начале речи отношение к нему было очень враждебное, но он его переломил и закончил речь при одобрении части слушателей.

стов. Неужели они сильнее нас? Их горсть, а нас миллионы. Товарищи, ведь мы братья между собой. Забудем ссоры и вздоры, будем соединяться и сообщать на врага! Берем за руки и просить короткого рабочего дня. Товарищи, просыпайтесь! Пора начинать мстить кровью за кровь! Рабочие всех стран, соединяйтесь!»

¹ См. в книге «Литература Московского рабочего союза», стр. 285.

² Приведу здесь сохранившийся по этому поводу в делах московского охранного отделения документ:

«Начальник Моск. Губ. Жанд. Управления 12-го августа 1895 г. № 6351 г. Москва. Секретно.

Г. и. д. Московского обер-полицейстера.

По роду производимого при вверенном мне управлении дознания о леваре Сергее Иванове Мицкевиче и других (ст. 250 Улож. о Наказ.) признано необходимым произвести обыски у следующих, упоминаемых в отношении Вашего превосходительства от 13 апреля, 16 июня и 4 июля с. г. лиц: 1) К. Ф. Бойе, 2) Ф. Ф. Бойе, 3) Ф. И. Полякова, 4) С. И. Прокофьева, 5) М. Ф. Бойе, 6) А. И. Хозецкого, 7) Д. М. Гаврилова, 8) Д. Я. Малинова, 9) С. Захарова, 10) Г. Форпленского, 11) Рудольфа Мейера.

Вследствие изложенного имею честь покорнейше просить Вашего распоряжения о производстве, в возможно скором времени, одновременных

Ему многие возражали, особенно резко один учитель, И. И. Скворцов, и студент А. А. Богданов. А в июне незадолго до его ареста Богданов приезжал в Москву из Тулы, куда он был выслан уже сочувствующим марксизму. Приезжал он совместно с рабочим патронного завода С. И. Степановым (впоследствии видный большевик, член II съезда партии, умер в 1935 г.) для установления связей с московской организацией. И. И. Скворцов-Степанов, впоследствии видный партийный литератор, тоже вскоре стал марксистом.

Среди студенчества появилось много кружков, где изучалась марксистская литература. Образовался такой кружок даже среди студентов духовной академии в Троицко-сергиевской лавре, куда несколько раз ездил Лядов. Этот кружок завел тектограф и печатал на нем марксистскую литературу.

Кац и Файн рассказали нам о работе среди екатеринославских рабочих, которая пустила большие корни в рабочую среду заводов и мастерских Екатеринослава.

Сами они работали в мелких слесарных мастерских, но имели знакомых и на крупных заводах города. Они шли на три года в Восточную Сибирь; несколько их товарищей по делу, получивших такой же приговор, сидели в это время тоже в Бутырьках. Рассказывали они еще о том, как велись допросы рабочих в екатеринославском жандармском управлении. Оказывается, жандармы на допросах их запугивали каторгой, чуть ли не виселицей; были очень грубы с ними, били по лицу, лишали свиданий и передач: с целью вынудить откровенные показания. Многие не выдерживали этих пыток и давали показания... Сами Кац и Файн казались очень стойкими и сознательными товарищами, но Файн после окончания ссылки перешел к эсерам и через некоторое время опять пошел на пять лет в Якутскую область, где я его опять встретил. О таком же обращении на допросах рассказывали и лодзинские рабочие. Вообще обращение жандармов и тюремщиков с рабочими, особенно в провинции, было, как правило, хуже, чем с интеллигентами. Тут часто они теряли всякую «корректность» и выступали как озверелые и неприкрытые классовые враги.

От польских рабочих узнали мы о широкой постановке революционной работы в Польше и в частности в Лодзи, где бывают часто стачки, руководимые социал-демократами. Все наши лодзинцы были яркими социал-демократами и очень враждебно относились к польской социалистической партии—ППС, которая тоже вела работу среди рабочих и в некоторых городах Польши, особенно в Варшаве, пользовалась большим влиянием среди рабочих.

обысков у названных лиц, после чего К. и Ф. Бойе, Полякова и Прокофьева надлежит безусловно арестовать. С остальными же поступить согласно результатов обысков...»

Арестованы были К. и Ф. Бойе, Поляков, Прокофьев, Малинов, Хозецкой и Захаров (см. «На заре рабочего движения в Москве», 1919, стр. 68—69).

Поляки знали много революционных песен, которым научили и нас. Пели «Варшавянку», «Червонный штандарт», песню о Первом мае и еще несколько. Пели мы и новые и старые русские революционные песни, которым нас кто-то научил в тюрьме. Особенно понравилась нам новая песня, полная пролетарской бодрости и воинствующей революционности, «Дружно, товарищи, в ногу». Из старых песен пели «Марсельезу» и переведенные с польского сидевшим в это же время в Бутырьках, но только в другой башне, Г. М. Кржижановским «Красное знамя», «Варшавянку» и «Беснуйтесь, тираны». Свободно пели мы в башне; попытки петь на двореке немедленно пресекались тюремной администрацией.

Помещались мы в одиночных камерах башни, но двери их не запирались. Тут было лучше, чем в общей камере: тут можно было изолироваться, когда хочешь почитать или позаняться, но можно и собраться по двое-трое, а то и больше человек и беседовать. Днем башня не запиралась и можно было свободно гулять на небольшом двореке при башне хотя бы весь день. На ночь башня запиралась. При нас был один надзиратель, но они ни во что не вмешивались.

Понемногу завелись сношения и с другими башнями—«Северной» и «Пугачевской», где в это время сидела вся верхушка первого состава «Петербургского союза борьбы за освобождение рабочего класса», так называемые «старики». Тут были Г. М. Кржижановский, П. Н. Лепешинский, Ванеев, Юлий Цедербаум (Мартов), Запорожец, Старков.

Только Леница и Ляховского не было среди них: они получили разрешение проехать в ссылку на свой счет «по проходному свидетельству» и были в это время уже в Енисейской губернии. Это было тоже новое явление этого года, того же порядка, как и некоторое ослабление репрессий, о котором я упоминал. В этом году разрешили ехать на свой счет даже двум приговоренным к шести годам Якутской области. В следующие годы таких разрешений, кажется, не давали.

Упомянутые петербуржцы перед отправкой из Петербурга были даже освобождены на три или четыре дня «для устройства своих дел». Тоже это было неслыханное новшество, кажется, едва ли повторявшееся впоследствии. Они воспользовались, конечно, кратковременной свободой для собраний, передачи связей и своего опыта преемникам и, между прочим, снялись группой в восемь человек.

Читатель, может быть, спросит, а не могли ли убежать получившие возможность ехать свободно в Сибирь? На это можно ответить, что побеги из ссылки имели тоже свою закономерность, и в этот период их вовсе не было. Этот период отсутствия побегов продолжался с конца 80-х до самого конца 90-х годов—около двенадцати лет. В следующей книге моих записок я остановлюсь подробнее на этом вопросе.

В это время в одной из башен сидел еще Н. Е. Федосеев, отправляемый в третью ссылку. Мне не пришлось тогда повидать его; я познакомился с ним позже, при моем проезде через Верхоленск, где он отбывал ссылку. Поистине трагична была судьба этого человека, одного из крупнейших представителей русского революционного марксизма в этот ранний его период¹. Пробыв около двух лет в тюрьме по первому своему казанскому делу 1889 г., он поселяется во Владимире. Здесь он тотчас же начинает работу среди владимирских и орехово-зுவских рабочих и вскоре вновь арестовывается. Опять тюрьма, потом ссылка в Сольвычегодск; оттуда он ведет переписку и организует работу во Владимире и Орехове-Зуеве. Снова тюрьма и новая ссылка из ссылки, теперь уже в Восточную Сибирь на пять лет. О его работе по истории падения крепостного права в России, написанной в тюрьме, и его письмах к Михайловскому я уже упоминал. В той башне, в которой он сидел, завелась склока, поднятая неким Юхоцким и поддержанная Лениным и Захлыстовым, которые теперь тоже сидели в Бутырках. Эти люди, именовавшие себя народовольцами, были, так сказать, отребьями политической ссылки; к ним примкнуло несколько малосознательных рабочих. Они сочиняли всякую клевету про Федосеева, и началась гнусная травля.

Насколько вздорны и нелепы были «обвинения» против Федосеева, видно, например, из того, что первым пунктом такого «обвинения» было то, что Федосеев везет с собой много книг, необходимых для его литературных работ, следовательно, он владеет средствами производства, значит, он представитель буржуазии. Другой пункт гласил, что Федосеев заставил рабочего вычистить его сапоги, значит, он не социал-демократ. Тогда как, на самом деле, один рабочий, сосед по койке с Федосеевым, однажды от нечего делать, видя, что Федосеев совсем запустил свой костюм, почистил ему сапоги... и т. д. все в том же духе...

Большинство заключенных без различия направлений были против этой группки, но она не унималась. История эта продолжалась и даже разрослась в ссылке и довела расшатанные непрерывными тюрьмами и ссылками нервы Федосеева до крайнего напряжения, и он застрелился летом 1898 г. в г. Верхоленске двадцати восьми лет от роду, из которых девять лет провел в тюрьмах и ссылках. Его невеста М. Г. Гопфенгауз, бывшая в это время в ссылке в Архангельске и только что получившая разрешение

¹ Как высоко ценил Ленин Федосеева, видно из его воспоминаний о нем. Он писал: «Федосеев пользовался необыкновенной симпатией его знавших, как тип революционера старых времен, всецело преданного своему делу...

Во всяком случае для Поволжья и для некоторых местностей центральной России роль, сыгранная Федосеевым, была замечательно высока, и тогдашняя публика в своем повороте к марксизму несомненно испытала на себе в очень и очень больших размерах влияние этого необыкновенного талантливого и преданного своему делу революционера». (Соч., т. XXVII, стр. 376—377.)

поехать к нему, узнав об его самоубийстве, тоже покончила с собой. Так выбыли из передовых марксистских рядов еще две жертвы царизма¹.

Кроме перечисленных лиц в Бутырках в это время сидело еще несколько польских социал-демократов, положивших начало социал-демократической организации в Царстве польском и Литве. Это были А. Б. Веселовский и Я. Ф. Погожелский. Словом, в Бутырках в эту весну 1897 г. перебивал, можно сказать, цвет первого периода революционного марксизма России.

Впервые также значительное большинство среди пересылаемых политических принадлежало марксистам.

В это же время в Бутырках сидели и виднейшие деятели польской социалистической партии (ППС) Я. Ф. Строжецкий, Казимир Петкевич и Мариан Абрамович.

Связь с внешним миром или, по арестантскому выражению, с «волей», была в Бутырках гораздо свободнее, чем в Таганке.

Свидания в Бутырках давались нам раза два в неделю, «личные», без решеток, но только с родителями, братьями, сестрами, с женой или «невестой». На свиданиях этих можно было свободно обо всем говорить и передавать записки; при этом присутствовал старший надзиратель Петр Акимович, который относился к нам очень либерально и смотрел сквозь пальцы на нарушения тюремных формальностей. Через него же шли книги и всякие передачи. Он передавал все, не просматривая, просил только не передавать нелегалщину, говоря, что если это откроется, то достанется крепко и ему и тому, кто передал, и условия передачи тогда должны измениться к худшему. Вообще Петр Акимович был оригинальная фигура: высокий представительный старик с седой бородой, он пользовался в тюрьме как самый старый служащий большим авторитетом и доверием у тюремной администрации; фактически он всем управлял в тюрьме и делал это так умело, что у него никогда за много лет не было столкновений или каких-либо историй с арестантами, за это начальство его и ценило. Его очень любили и подчиненные ему младшие надзиратели. К политическим он относился хорошо и допускал всякие послабления для них. Ежедневно он заходил к нам во время поверки и вел беседы.

¹ Интересен отклик Ленина на смерть Федосеева в письме к сестре Анне Ильиничне от 16 августа. 1898 г. из села Шушенского Минусинского уезда:

«Вместе с твоим письмом получил известие из Архангельска, что М. Г. тоже застрелилась (18. VII), получив 16. VII известие о кончине Н. Е. Ужасна эта трагическая история! И дикие клеветы какого-то негодяя Южюцкого (политический!! ссыльный) сыграли в этом финале одну из главных ролей. Н. Е. был страшно поражен этим и удручен. Из-за этого он решил не брать ни от кого помощи и терпел страшные лишения. Говорят, дня за 2—3 до смерти он получил письмо, в котором повторяли эти клеветы. Чорт знает, что такое!.. Клеветник был открыто и решительно осужден всеми товарищами, и я никак не думал, что Н. Е. берет все это так ужасно близко к сердцу» (см. сборник «Федосеев», Гиз, 1923, стр. 184).

Рассказывал разные тюремные случаи. У него была богатая память: он помнил всех проходящих через Бутырки, рассказывал нам о видных народниках и народовольцах, проходивших через тюрьму, называл их орлами и говорил, что после них пошла мелкота.

А. И. Елизарова в своих воспоминаниях о Федосееве рассказывает, как она не решалась передать Федосееву в тюрьму перед отправкой его в Сибирь просимый им мимеограф, и как Федосеев при отъезде рассказал ей: «А знаете, мы все-таки тот материал, который вы считали, что нам ни в коем случае не дадут увезти. Мы достали его. Нам это устроил Акимыч».

Он служил еще долго после нас. По крайней мере, когда я в 1906 г. приходил на свидание к арестованному доктору Столкинду, то на свидании присутствовал все тот же Петр Акимович, который меня сразу узнал.

При этих условиях связь с «волей» установилась у нас хорошая. Самым лучшим источником информации являлся М. Н. Лядов, который имел частые свидания со своей невестой Лидией Павловной Кранихфельд; они в тюрьме и поженились; я был шафером на их свадьбе.

Л. П. Кранихфельд принимала активное участие в московской революционной работе и была в курсе всех революционных новостей, как русских, так и заграничных. Через нее мы имели богатую информацию и хорошо снабжались новейшей литературой. От нее мы узнали подробности о рабочем движении в Москве и о всех его перипетиях. Расскажу, что мы узнали¹. Затишье, наступившее после августовских арестов, продолжалось недолго. Уже в сентябре возник новый интеллигентский кружок в составе Колокольниковова, Кварцева, Величкина, его двух сестер, Бонч-Бруевича, Рума, Солодовникова. Этот кружок, главным образом, через Колокольниковова, который уже раньше входил в центральный рабочий кружок первого состава, восстановил многие связи среди рабочих. Кроме этого кружка одновременно начал работать другой кружок, в составе студентов-нижегородцев М. Ф. Владимирского, А. М. Никитина, Франка, Фридмана, Фина и Батурина. Эти два кружка в январе слились и образовали ядро нового состава «Московского рабочего союза». Наладилось получение литературы из-за границы, между прочим, были получены отвезенные Спonti за границу для печати «Что должен знать и помнить каждый рабочий» и «Рабочая революция». Стали и сами издавать брошюры и прокламации. К концу февраля 1896 г. организация настолько разрослась, что явилась возможность послать адрес французским рабочим по случаю двадцатипятилетия Парижской коммуны, под которым было собрано 605 подписей рабочих от 28 москов-

¹ Сведения о работе «Московского рабочего союза» уточнены мною по литературным данным.

ских фабрик и заводов¹. Летом повторилась картина прошлого лета: под Москвой, в Тюфелевой роще, около Николо-угрешского монастыря, в роще близ Останкина и в других местах собирались рабочие сходки по 150—300 человек, на которых выработывался устав «Московского рабочего союза». К концу июня «Союз» имел уже связи с 55 крупными заведениями и распространил только за июнь до тысячи нелегальных изданий. Тогда же был отправлен мандат от тысячи московских организованных рабочих В. И. Засулич для представительства от имени московских рабочих на Лондонском международном социалистическом конгрессе.

Мы узнали также, что в Петербурге рабочее движение под руководством «Петербургского союза борьбы за освобождение рабочего класса», во главе которого стоял Ленин, сделало за это время гигантские успехи. Под руководством «Союза борьбы» была проведена в мае 1896 г. грандиозная стачка на всех текстильных фабриках Петербурга. Правительство вынуждено было опубликовать об этой стачке «правительственное сообщение». По словам этого «сообщения», забастовка дала повод «злонамеренным личностям» попытаться использовать эти стачки и придать им политический и «социальный характер и в этом смысле руководить забастовщиками». Благодаря этой стачке русское рабочее движение вышло из подполья на широкую общественную арену, не только всероссийскую, но и мировую, так как эта стачка имела отклик (приветствия и сбор средств) в европейских странах и на международном социалистическом конгрессе в Лондоне.

Петербургская майская стачка имела отклик и в Москве: «Союзом» был выпущен ряд прокламаций по поводу этой стачки; начались частичные забастовки — забастовали мастерские Курской и Брестской железных дорог, завод Перенуда. Шло брожение на ряде и других фабрик и заводов. Назревала всеобщая стачка, но большие аресты в начале июля всех руководителей «Союза» и многих рабочих приостановили на время забастовочное движение...

По отношению к арестованным в июле была применена совершенно особая тактика. Они не были переданы для формального следствия в жандармское управление с участием прокурорского надзора. Их оставило за собой охранное отделение и повело предварительное дознание без участия прокуратуры в особом порядке, не предусмотренном в законе. Начальник охранного отделения Зубатов вызывал арестованных к себе в кабинет, угощал их чаем, папиросами и вел с ними непринужденные беседы; некоторых выпускал «под честное слово» на несколько дней в город для устройства своих дел, предлагал и давал деньги арестованным для поддержки их семей и т. п. С интеллигентами

¹ См. приложение II.

он вел беседы на тему о возможностях легализации рабочего движения на основе профессиональных союзов, но без политической окраски под руководством правительства; давал им читать по этому вопросу книги Рузье и Магайма о профсоюзах, переведенные с немецкого, его «мамочкой», провокаторшей Серебряковой, или при ее содействии. Рабочим он говорил, что коварная интеллигенция сбивает их на путь политической борьбы для того, чтобы их руками таскать каштаны из огня, добыть конституцию, при которой управлять всем будет буржуазия и придавит рабочих еще крепче, чем при самодержавии. Рабочие не должны идти за этой коварной интеллигенцией, которая их обманывает и губит, а вот правительство может многое сделать для улучшения их положения, только бы они не увлеклись политикой. Оно им разрешит объединяться под своим контролем и поможет в их борьбе с хозяевами. На удочку Зубатова попал кое-кто из интеллигентов и из рабочих. В первых, почти все дали откровенные показания, а нескольких человек Зубатов прямо «заагентурил». В их числе — интеллигент Рума и Кварцева и ряд рабочих, работавших в исследовании над организацией в Москве зубатовских обществ рабочих механического и текстильного производства. Все арестованные после одного-полутора месяцев были выпущены на свободу и оставлены в Москве.

Начиналась эра знаменитой московской «зубатовщины», вносившей деморализацию и смуту в недостаточно устойчивые и окрепшие элементы, сильно тормозившей долгое время революционное рабочее движение в Москве.

В ноябре тех из выпущенных, которые продолжали работать не в зубатовском духе, вновь арестовали и возбудили против них уже дело в обычном жандармском порядке, а затем сослали на разные сроки. После этого начались провалы за провалами. В ноябре была арестована группа, которая самостоятельно уже несколько лет работала среди московских рабочих. Эта группа возглавлялась врачом А. Н. Орловым, о встрече с которым незадолго до моего ареста я упоминал. Группа выдвинулась, так сказать, на авансцену после июльских арестов деятелей второго состава «Московского рабочего союза», стала работать под тем же названием и выпустила ряд прокламаций. В ноябре эта группа была ликвидирована¹.

¹ Вот что телеграфировал московский обер-полицмейстер Трепов по поводу ликвидации этой группы департаменту полиции 10 ноября 1896 г.: «Ввиду перехода Орлова к агитации подготовленной на завтра забастовки мастерских Казанской дороги, имеющей осложниться забастовками других дорог, приступаю ночью ликвидации всего кружка. Трепов».

А 11-го ноября Трепов телеграфировал уже о своих победах: «Результаты ликвидации блестящи: взято несколько мимеографов и гектографов, два пуда манифеста коммунистической партии, две пишущих машины, масса

В декабре были новые аресты...

Эти сведения, полученные нами о большой работе среди московских рабочих, хотя и прерываемой частыми арестами, являющейся прямым продолжением нашей работы, очень окрыляли нас, поднимали наше настроение. К тому же мы получили сведения, что в Петербурге дело идет еще шире, чем в Москве: там с начала 1897 г. идут непрерывные забастовки за сокращение рабочего дня; эти забастовки имеют отклик и в Москве, где завод за заводом выставляют требование о сокращении рабочего дня с 11—11¹/₂ часов до 10 часов. Фабрики, работающие 12 часов в день, требуют 11-часового рабочего дня. Стачки обычно кончаются удовлетворением требований рабочих¹. Правительство, напуганное этим широким движением, проходящим к тому же под руководством «Петербургского Союза борьбы» 2 июня 1897 г. издало закон, сокращающий рабочий день на заводах и фабриках до 11 часов для взрослых мужчин и до 10 часов для женщин и подростков до 17 лет и запрещающий для женщин и подростков ночные работы.

Несомненно, этот закон при всем его несовершенстве был большой политической победой начавшего борьбу русского рабочего класса.

В интеллигенции под влиянием рабочего движения произошел за это время решительный перелом в сторону марксизма².

Появился ряд легальных марксистских книг: Бельтова, Волгина, марксистская газета «Самарский вестник», правда, к этому времени уже закрытая, и, наконец, с марта 1897 г. стал выходить толстый ежемесячный марксистский журнал «Новое слово», три первые книжки которого мы получили в тюрьме. В нем принимали участие Ленин (под псевдонимом Тулина), Плеханов, Вера Засулич, Струве, Туган-Барановский. С огромным наслаждением читали мы этот журнал, о появлении которого не могли и мечтать два-три года назад.

Вспоминалось при этом, как пять лет назад я мечтал встретить в Москве хотя бы одного марксиста, найти хотя бы одного

краски, желатина, множество нелегальных печатных изданий. Особенно изобличаются означенным Калачевская, рабочий Федоров, Полянский, Корчагин, Сеницын, Орлов, Радин, Горяева, Семенов. Кроме того, обыск дал множество улик против второстепенных интеллигентных членов, а также против рабочих. Находятся под стражей 51 человек; обыскано 59. Подробности курьерскими поездами. Трепов» (см. «На заре рабочего движения в Москве», 1919, стр. 80—81).

¹ См. об этом приложение III.

² Еще 1 сентября 1895 г. бывший народоволец В. Я. Яковлев писал из Москвы в Париж: «Года три-четыре тому назад марксистское направление не могло даже считаться сколько-нибудь заметным явлением русской жизни; теперь оно безусловно господствует: к нему пристало весьма значительное количество революционно настроенной молодежи... Трактат по этим вопросам Бельтова встречен с восторгом и разошелся с необыкновенной быстротой» («Былое» № 2 за 1917 г.).

рабочего, которого можно бы начать пропагандировать. И в какое большое движение, как среди интеллигенции, так в особенности среди рабочих, вырос за это время марксизм и какие огромные победы он одержал.

Это было как раз в то время, о котором писал Ленин в «Что делать?»: «Мы говорим о медовом месяце „легального марксизма“. Это было вообще чрезвычайно оригинальное явление, в самую возможность которого не мог бы даже поверить никто в 80-х или начале 90-х годов. В стране самодержавной, с полным порабощением печати, в эпоху отчаянной политической реакции, преследовавшей самомаleastшие ростки политического недовольства и протеста,—внезапно пробивает себе дорогу в *подцензурную* литературу теория революционного марксизма, излагаемая эзоповским, но для всех „интересующихся“ понятным языком. Правительство привыкло считать опасной только теорию (революционного) народовольчества, не замечая, как водится, ее внутренней эволюции, радуясь *всякой* направленной против нее критике. Пока правительство спохватилось, пока тяжеловесная армия цензоров и жандармов разыскала нового врага и обрушилась на него,—до тех пор прошло не мало (на наш русский счет) времени. А в это время выходили одна за другой марксистские книги, открывались марксистские журналы и газеты, марксистами становились повально все, марксистам льстили, за марксистами ухаживали, издатели восторгались необычайно ходким сбытом марксистских книг»¹.

Вот в какое интересное, незабываемое время жили мы, и понятно было наше подъемное, радостное настроение.

В чтении, беседах, перемежаемых революционными песнями и подвижными играми на дворике, проводили мы время и не очень жалели, что отправка наша в Сибирь задержалась на три месяца.

Наконец, нам объявили, что 3 июня нас отправляют в Сибирь.

Мы стали готовиться к поездке. Наши родные и политический Красный крест усиленно снаряжали нас в дальнюю поездку. Особенно обильно снабжали всем едущих в Якутскую область, так как предполагалось, что там ничего нельзя достать: нас снабдили чаем, сахаром, чернилами, бумагой, нитками и т. п.

Как я узнал, особенно много хлопотала и заботилась о нашем снаряжении провокаторша А. Е. Серебрякова, которая стала играть видную роль в московском Красном кресте. Это давало ей много знакомств и связей в революционной среде...

3 июня нас, десять человек,—Винокурова, Лядова, Полякова, меня, екатеринославских рабочих Файна, Каца, Мазанова, Смирнова, Афанасьева и народовольца из Одессы Федорова—отправили на Курский вокзал и поместили в арестантский вагон. Сибирским поездом через Самару мы отбыли в Сибирь.

¹ Ленин, Соч., т. IV, стр. 373.

С легким сердцем и бодрым подъемным настроением ехали мы в Сибирь, радостные, что не напрасно поработали, уверенные, что осталось много продолжателей нашего дела и что это великое дело—освобождение рабочего класса и всех трудящихся от самодержавия, а потом от капитализма—восторжествует в близком будущем. А когда мы возвратимся из Сибири, то движение примет уже грандиозные размеры...

ГЛАВА XXX

Заключение. Идеология нашей организации

В этой заключительной главе я хочу подытожить, уточнить и дополнить разбросанные в разных местах высказывания об идеологии и организационных принципах нашей организации.

В области теории наша группа оригинального ничего не дала¹, но мы усердно изучали теорию марксизма, доказательством чего являются те переводы марксистских книг и статей, о которых я упоминал². Что москвичи неплохо и достаточно глубоко усвоили марксизм, доказывается и тем, что большой процент москвичей первого периода остались марксистами на всю жизнь, что не все организации могут сказать о первых своих членах. Это усвоение теории в результате и дало ту популярную марксистскую литературу, которую создала московская организация. Да и ранний переход к агитации в массах тоже зависел от правильного усвоения духа марксизма.

В изданных нами популярных брошюрах нет еще идеи гегемонии пролетариата в общедемократическом движении; впервые эта идея была развита Лениным в «Друзьях народа», но не нашла еще отражения в популярных брошюрах того времени. Но влияние Ленина сказывалось, как я это укажу ниже, на литературе московской организации, с которой Ленин поддерживал тесную связь.

В изданной нами брошюре Круковского есть ошибочное положение, именно: вся мелкая буржуазия ставится на одну доску с другими классами, которые все противопоставляются пролетариату как одна сплошная реакционная масса (лассаль-янская установка); есть в ней и другое неправильное утверждение—что налоговая политика правительства не затрагивает интересов рабочих, а лишь интересы мелкой буржуазии. По этому вопросу могу сказать, что брошюра Круковского, в общем

¹ В области теории самостоятельно у нас работал только И. А. Давыдов. Он написал две работы: одну политико-экономическую статью «К вопросу о норме прибыли», другую—публицистическую «Отношение социал-демократов к русской действительности». Вторая статья не найдена, содержания ее я не помню.

² См. документы об этом в книге «Литература Московского рабочего союза».

весьма ценная, была прислана из Нижнего Круковским в конце 1893 или в начале 1894 г. и широко использовалась для пропаганды среди рабочих.

По вопросу о мелкой буржуазии и в частности о крестьянстве, как я уже говорил, тогда еще не было среди русских марксистов одного взгляда, а потому мы и не изменили этого места; но уже в ноябре 1894 г. в первой брошюре, изданной нами на mimeографе, а именно в брошюре на смерть Александра III, о которой я говорил уже в главе XXVI, мы останавливаемся подробно на политике этого царя—не только на его политике по отношению к рабочим, но и больше всего на его политике по отношению к крестьянам, везде употребляем выражение—*рабочие и крестьяне* (в одном месте говорится и о мелких ремесленниках, т. е. о кустарях), противопоставляя их классам, в интересах которых велась политика умершего царя,—промышленникам, купцам, землевладельцам-дворянам и кулакам. В этой брошюре говорится и о реакционной земской реформе 1890 г., и о дворянском и крестьянском банках, и о земских начальниках, и о фабричном законодательстве. В брошюре говорится и о налоговой политике правительства, вредной для крестьян и рабочих. Так, по мере сил мы по прочтении «Друзей народа» в первой же брошюре говорим не об одних рабочих, а о рабочих, крестьянах и кустарях, выдвигаем и общедемократические вопросы.

Теперь выявим отношение москвичей к политической борьбе, к пропаганде необходимости борьбы за политическую свободу.

Стоял ли этот вопрос у нас в качестве ближайшей практической задачи? Несомненно, стоял.

Некоторые утверждают, что у москвичей замечен уже в это время некоторый уклон к экономизму. Как основание этого утверждения приводится выступление Спонтни на совещании в феврале 1895 г. в Петербурге, о котором есть воспоминания Копельзона и Спонтни.

Тов. Копельзон в своих воспоминаниях, написанных ровно через тридцать лет после этого совещания, пишет¹: «Насколько мне припоминается, главными спорщиками были Владимир Ильич и Евгений Спонтни. Не ручаюсь за точность, но, кажется, Спонтни был защитником широкой агитации почти исключительно экономического характера, Владимир же Ильич горячо защищал необходимость введения в круг агитации кроме повседневных нужд рабочих и вопросов политического характера».

Сам Спонтни, вспоминая об этом совещании, пишет¹: «Я не помню, чтобы на этом совещании происходила какая-нибудь дискуссия. Помнится, что со стороны Ленина были реплики, возможно, в тех местах наших докладов, где указывалось на необходимость при агитации в массах придерживаться, главным

¹ См. «Записки Института Ленина», т. III, 1928, стр. 72.

образом, экономической почвы, пока масса не созреет для восприятия политических лозунгов. Но эти реплики не казались нам требующими дискуссии, так как никто из нас в принципе не отрицал необходимости также и политического воспитания масс, в экономическом же подходе мы видели лишь наиболее действительный метод этого политического воспитания. У меня осталось такое впечатление, что Ленин был в общем согласен с тем, что нами говорилось. По крайней мере кроме указанных реплик он ничем не обнаруживал своего несогласия».

Из этих двух очень неопределенных и довольно противоречивых воспоминаний, написанных через тридцать и более лет после февральского совещания 1895 г., и делается вывод, что, оспаривая взгляд Ленин на необходимость уже сейчас или в самом ближайшем будущем ставить в порядок дня политическую борьбу, Спonti выражал не только свою личную точку зрения: он отражал будто бы кое-что из настроений, которые вообще имели место между руководителями московской социал-демократической группы.

Такой вывод, сделанный из этих двух неопределенных воспоминаний, совершенно неоснователен.

Обратимся же к совершенно определенным документам того времени.

Спonti вез за границу для напечатания три брошюры, переделанные с польского и во многом заново написанные. Брошюры эти, по его воспоминаниям, были следующие: «Рабочий день», «Что должен знать и помнить каждый рабочий» и «Рабочая революция»¹. Что же это за брошюры, какие взгляды высказываются в них на политическую борьбу? Я писал уже о них в предисловии к книге «Литература Московского рабочего союза», в которой они напечатаны целиком (кроме брошюры «Брюссельский конгресс», которую я не нашел в архивах). Придется здесь повторить кое-что.

В брошюре «Рабочий день» говорится²:

«Рабочим остается одно—добиваться низвержения своего врага — самодержавия — и бороться за политическую свободу с всеобщим избирательным правом (подчеркнуто в подлиннике). Русские рабочие поймут, что только тогда они будут в состоянии обсуждать свои нужды в газетах и на собраниях, когда добьются политической свободы и всеобщего избирательного права. Тогда они получают возможность выбирать из своей среды людей, которые смело будут защищать интересы рабочих

¹ По моим данным брошюра «Рабочий день» была послана раньше, а Спonti повез две другие из поименованных и третью «Всемирный рабочий конгресс в Брюсселе». Во всяком случае все эти брошюры однородны и дополняют друг друга, а потому их можно рассматривать вместе. Спonti принимал участие в редактировании всех их и не выражал несогласия с их положениями.

² «Литература Московского рабочего союза», стр. 246—247.

в законодательной палате, как это в настоящее время добились немецкие, бельгийские, французские и другие рабочие в Западной Европе. Только тогда нельзя будет сажать в тюрьму за всякое свободное слово, за стачку. Тогда правительство будет более внимательно к нуждам и требованиям рабочих, так как последние будут сознательной силой, а не темной, покорной массой, которая не знает даже, отчего ей худо. Русскому рабочему нечего бояться борьбы. Рабочим всех стран пришлось низвергнуть самодержавие, низвергнет его и русский рабочий, несмотря на то, что у царя много шпионов, жандармов и солдат. Русские рабочие должны теперь соединяться в тайные кружки, чтобы просвещать своих товарищей, которые еще не понимают, чего им добиваться. Нужно, чтобы эти кружки при каждом удобном случае объясняли рабочим, что они должны бороться с гнетом и произволом самовластного правительства и с эксплуатацией класса капиталистов. С каждым днем будет расти число сознательных рабочих, все больше будет среди них недовольных правительством, шаг за шагом будет расти их сила, пока не наступит час падения самодержавия».

Из этих строк совершенно ясно, что идея политической свободы имела у нас характер ближайшей практической задачи.

В брошюре «Что должен знать и помнить каждый рабочий» говорится¹: «Мы знаем из жизни наших братьев-рабочих других стран, с каким трудом и с какими жертвами приходилось им добиваться этих прав. Часто даже они принуждены были отстаивать и добиваться права бороться за лучшие условия жизни с оружием в руках. Наши капиталисты не менее жадны, чем западные, и наше правительство не лучше правительства других стран, и, несомненно, русскому рабочему так же нелегко дадутся эти права, как и его товарищам на Западе. *Ему придется их завоевать*. Но для того чтобы у рабочих хватило решимости и энергии отстаивать и добиваться их даже крайними средствами, необходимо, чтобы рабочие хорошо понимали значение этих прав, чтобы они действительно почувствовали, как трудно жить без них. А это возможно будет только тогда, когда они начнут вести борьбу с хозяевами. Когда они смиренно сидят, не устраивают стачек, не жалуются, не требуют, тогда они вовсе не чувствуют того, что им запрещено делать все это. Их морят капиталисты, а они умирают молча, не зная, как помочь себе. Но когда они начнут вести самую борьбу, тогда они очень скоро почувствуют неудобства этих запрещений и необходимость политических прав. К тому же, мы видели, что уже в наше время, даже при наших порядках, возможно некоторое улучшение положения рабочих. И нам незачем откладывать возможность получения этих улучшений на неопределенный срок. *Мы должны сейчас же*

¹ «Литература Московского рабочего союза», стр. 278—279.

взять все, что возможно. Тем более, что всякое сокращение рабочего дня, как бы мало оно ни было само по себе, всякое увеличение заработной платы и т. д. очень важно и для самих рабочих и для успеха рабочего дела.

Но если русским рабочим надо сейчас же вести борьбу за улучшение своей участи, то они никогда не должны забывать, что главная цель всех сознательных рабочих (организовавшихся уже в социал-демократических партиях во всех странах)— не частичное улучшение их положения, а коренное изменение всего общественного порядка и что этого они могут достичь единственно лишь посредством политической борьбы с целью захвата политической власти в свои руки и переустройства при помощи этой власти всего общества согласно интересам рабочего класса, т. е. превращение земли, фабрик, заводов и прочего в общую собственность всех трудящихся.

Из этих строк видно, как мы не противопоставляли экономическую и политическую борьбу, а теснейшим образом связывали борьбу экономическую с борьбой за политическую свободу и за социализм.

Вот какие брошюры вез Спonti за границу от имени московской организации. Есть ли в них намек на экономизм?

Но совершенно такие же определенные цитаты можно привести и из более ранних брошюр и листовок, изданных в Москве. Так, уже в первой листовке, о которой я писал в главе XX, тот же Спonti не ограничивается лозунгом экономической борьбы, а говорит о необходимости отобрать от капиталистов фабрики, заводы и земли и управлять ими всем народом.

В брошюре на смерть Александра III (ноябрь 1894 г.) есть такое место¹: «Правительство старается лишить рабочих всех средств для успешной борьбы с хозяевами. Стачки наказываются тюремным заключением, на защиту интересов хозяев высылаются войска; нагайки, розги, штыки и пули к их услугам. Правительство запрещает рабочим соединяться в союзы, чтобы совокупными силами бороться с хозяевами, запрещает устраивать стачечные и всякие иные классы, запрещает собираться потолковать о своих делах, запрещает печатать книги, которые выясняют рабочим их положение и научают их, как вести борьбу».

А «Беседы» Круковского, изданные на гектографе в конце 1894 г. или начале 1895 г., заканчиваются так²: «К коллективному строю пролетариат должен стремиться как одно неразрывное целое, напирая всем классом на буржуазию, улучшая на ее счет шаг за шагом свое экономическое и умственное положение, увеличивая свое политическое значение, пока он не разовьется материально, политически и духовно до того, что сумеет взять власть в свои руки, для того чтобы экспроприировать буржуазию,

¹ «Литература Московского рабочего союза», стр. 173.

² Там же, стр. 140—150.

установить коллективную собственность на средства производства, а затем повести организованное производство не для сбыта товаров, а для удовлетворения потребностей всех членов общества».

«Итак, организация, организация и организация—вот политика пролетариата.

Все, что стоит помехой на этом пути, должно быть устранено. У нас в России такой помехой является абсолютизм.

Поэтому у нас в России программа деятельности передовых борцов пролетариата такова:

Тайная организация пролетариата для достижения политической свободы; политической свободы для беспрепятственной, открытой организации пролетариата» (подчеркнуто везде в подлиннике).

Из приведенных выдержек ясно видно, что пропаганда идей политической свободы стояла у москвичей в качестве ближайшей практической задачи.

Но не было ли у москвичей парламентских иллюзий? Не предполагали ли они, что пролетариат, имея благодаря всеобщему избирательному праву большинство голосов, мирным, парламентским путем возьмет в свои руки власть и экспроприрует буржуазию? Я уже говорил в главе XXVI, что этот вывод сделан был одним критиком, потому что он вырвал из текста часть фразы, не заметив другой ее части, где говорится о том, что «войско, которое пока служит опорой эксплуататоров, начинает все более набираться из сознательных рабочих, и, таким образом, падает последняя защита капиталистов». Если бы были надежды на мирный переворот, то зачем упоминать о войске. В этих словах, как я уже говорил, выражена известная мысль Энгельса, что когда в Германии число депутатов-социалистов будет увеличиваться и грозить превратиться в большинство, то правительство, вероятно, прибегнет к попытке государственного переворота и отмены конституции, а это в свою очередь послужит сигналом к восстанию; вот тут-то и станет вопрос о войске.

В других местах мысль о насильственном перевороте выражена еще яснее. Так, в брошюре «Рабочая революция» говорится о рабочей борьбе в Германии, Франции и Англии¹:

«С каждым днем рабочие все более и более приближаются к рабочей революции, к тому времени, когда капиталисты будут лишены собственности и власти. Но никогда еще сильные добровольно не отказывались от своих преимуществ; тем менее можно ожидать этого от капиталистов.

Малейшее увеличение заработной платы, самое незначительное улучшение в условиях работы нам приходится завоевывать себе стачкой, упорным требованием.

¹ Литература Московского рабочего союза», стр. 298.

А что же будет, когда придется лишать капиталистов их привилегий и богатств, лишать их власти?... Без сомнения, добровольно они ничего не уступят, и сделать это придется *силой* (подчеркнуто в подлиннике).

Там, где дело касается счастья человечества, приходится действовать решительно.

От угнетателей и грабителей наших только силой можно будет добиться справедливости. Их реформы и обещания— простой обман, которым они хотят лишь обмануть рабочих и оттянуть окончательную минуту расчета.

Но это им не поможет. Время окончательного переворота приближается.

Чтобы лишить капиталистов награбленных ими богатств и сделать фабрики, заводы и землю общественной собственностью, рабочим придется лишить капиталистов власти и государственную власть захватить в свои руки» (подчеркнуто в подлиннике).

А в брошюре Курковского есть такая фраза¹:

«Капиталистический порядок—это непрерывная борьба. Мир может наступить лишь с совершенным устранением капиталистического строя. А до тех пор лозунгом пролетариата будут слова знаменитой французской писательницы Жорж Занд: Борьба или смерть, кровавая борьба или уничтожение. Так неумолимо поставлен вопрос» (подчеркнуто в подлиннике).

Кажется, яснее ясного!

Была ли у москвичей идея необходимости создания партии? Ответ даст следующее место из брошюры «Рабочая революция»²: «Мы должны сделаться такими же сильными, как наши братья на Западе... Словом, мы должны стать *рабочей партией*» (подчеркнуто в подлиннике).

Эта рабочая партия станет силой, которая поведет русских рабочих на борьбу за лучшие условия жизни, за их окончательное освобождение».

Есть и в других местах нашей литературы указания на необходимость создания партии; одно я уже привел выше в этой главе.

Выше я говорил преимущественно о содержании наших пропагандистских брошюр, теперь скажу еще о содержании наших агитационных листовок³.

Каково же содержание наших агитационных листовок? Прежде всего они задаются целью, исходя из экономического положения рабочих, из ближайших экономических нужд их, разбудить их классовое самосознание и классовую солидар-

¹ «Литература Московского рабочего союза», стр. 132.

² Там же, стр. 299—300.

³ См. об этом мою вступительную статью в книге «Литература Московского рабочего союза», где я привожу ссылки на соответствующие листки, подтверждающие мои утверждения.

ность—необходимые условия для успешной борьбы за улучшение положения рабочего класса и за его конечное освобождение. В каждом листке указывается прежде всего на необходимость объединения рабочих и борьбы с капиталистами за улучшение своего положения. Далее, в листках указывается на пример западных рабочих, которые борьбой улучшили свое положение, добились политических прав и ставят себе целью добиться того, чтобы земля, фабрики и заводы сделались общественной собственностью.

В частности, в листках проводится мысль о необходимости рабочих союзов, касс, стачечной борьбы; в одной прокламации рабочие призываются организовать «Рабочий союз».

Провозглашается лозунг борьбы за восьмичасовой рабочий день.

В листовке на Первое Мая проводится уже идея всеобщей стачки.

Борьба экономическая связывается с борьбой политической. Например, в листке на Первое Мая читаем: «А дело у них всех одно—борьба с хозяевами и правительством за улучшение своего положения»; в листке «Много ли мы зарабатываем?»: «Правительство русских фабрикантов более ужасно и бесстыдно, чем где бы то ни было».

Рабочие призываются к борьбе до тех пор, пока не свергнут «ига капиталистов, пока вся земля, пока все фабрики и заводы не сделаются общественной собственностью».

В этих листках проводится уже идея социалистической революции, идея международной солидарности рабочих, говорится о международных рабочих конгрессах «для организации совместной борьбы рабочих всех государств» (см. листок на Первое Мая) и провозглашается лозунг «Товарищи работники всех стран, соединяйтесь!».

Не была при агитации забыта и работница. В одной листовке читаем.

«Мы не должны отличать работников от работниц. Работницы в России на многих фабриках составляют уже большинство, они еще более эксплуатируются фабрикантами, интересы их не рахоятся с интересами работников. Работники и работницы должны протянуть друг другу руки и вместе бороться за освобождение».

Таковы важнейшие идеи, которые проводила в широкую массу агитационная литература первой московской организации.

При оценке содержания этих листовков надо принять во внимание уровень сознательности московских рабочих в первой половине 90-х годов, к широкой массе которых обращалась первая революционно-марксистская литература. Это была в своем подавляющем большинстве еще отсталая масса с ярко выраженными религиозными, патриархальными и монархическими предрассуд-

ками. Насколько еще сильны были последние, можно видеть из того, что прошло после этого еще десять лет, в течение которых революционная агитация и пропаганда деятельно работали, и все-таки 9 января 1905 г. петербургские рабочие, которые были выше московских по своему развитию, пошли еще к царю с надеждой получить от него облегчение своего положения. После этого прошел еще почти целый бурно-революционный 1905 год с всеобщей политической стачкой. И вот в Москве, в Лефортове, 18 октября 1905 г. на собрании уполномоченных текстильных фабрик, когда наш оратор начал говорить о ничемности изданного манифеста и о необходимости борьбы за учредительное собрание и за демократическую республику, начался ропот многих из среды собравшихся делегатов, заявивших, что их собрали не для политики, а для того, чтобы обсудить их экономические требования.

Так вот за двенадцать лет до революции 1905 г. приходилось обращаться к этой в общем еще очень отсталой рабочей массе и пропагандировать революционно-социалистические идеи. Задача была не легкая и особенно потому, что мы в России были, как я уже указал выше, пионерами в деле издания рабочих марксистских прокламаций.

Впоследствии Ленин писал¹: «Надо уметь подойти к самым серым, неразвитым, наименее затронутым и нашей наукой и наукой жизни представителям рабочего класса, чтобы суметь заговорить с ними, суметь сблизиться с ними, суметь выдержанно, терпеливо поднять их до социал-демократического сознания, не превращая нашего учения в сухую догму, уча его не одной книжкой, а и участием в повседневной жизненной борьбе этих самых серых и самых неразвитых слоев пролетариата».

Думается, что мы работали в духе этих слов Ленина.

Наши листки хорошо принимались самой отсталой массой, они всколыхнули ее до значительной глубины и многих толкнули к дальнейшему политическому развитию. Они пускали в обращение в массы максимум революционных идей, доступных массе в ее тогдашнем состоянии.

Скажу еще о нашем отношении к Плеханову и к группе «Освобождение труда» вообще.

Конечно, мы высоко ценили Плеханова и всю группу, но мы и тогда замечали некоторые их недостатки. Так, нам не понравилась брошюра «Всероссийское разорение» Плеханова: мы увидели в ней внеклассовый, либеральный подход к трактовке вопроса.

Эта брошюра, как известно, вызвала протесты из среды работающих в России революционных социал-демократов. Плеханов ответил на них в своей другой брошюре «Задачи социалистов в борьбе с голодом».

¹ Ленин, Соч., т. VII, стр. 308—309.

Уклон к либерализму особенно отмечался нами в статьях Аксельрода.

Не особенно одобряли мы также популярные брошюры для рабочих, издаваемые группой. Они нам казались слишком абстрактными, оторванными от русской жизни, а потому мало пригодными для распространения в широкой массе.

Когда мы послали группе для напечатания брошюру «Рабочий день», то заграничная редакция сделала в ней вставку в четыре страницы, отделенную от остального текста тремя звездочками.

Эта вставка прерывает ход изложения, написана совсем другим языком и в ней подход к политической свободе либеральный, противоречащий общему направлению брошюры. Например, в вставке говорится, что «царь правит в России самовластно. Весь народ не имеет никакого значения, не имеет никаких прав. Царь может сделать с народом, что хочет» и т. д. Такому порядку противопоставляются страны с конституционным правлением, где «народ управляет сам... только народ может требовать отмены вредного закона и издания нового», «в странах конституционных народ пользуется следующими политическими правами...» и т. д.

Здесь подход внеклассовый, либеральный, в то время как во всей брошюре заостренный классовый подход к политическим вопросам. Чтобы в этом убедиться, стоит только прочесть сейчас же после этих четырех страниц—вставки заграничной редакции—наш конец брошюры, где говорится, что у нас рабочие совершенно бесправны, а фабриканты «каждый год устраивают съезды, на которых говорят о своих нуждах, посылают правительству ходатайства, и правительство исполняет их желания, министры обещают торговые города, где капиталисты устраивают им обеды, говорят речи, высказывают свои требования. Наконец, они всегда могут писать в газетах и таким образом добиваться выгодных себе законов. Дворяне добились дворянского банка, который выдал им больше 800 миллионов рублей, добились они и земских начальников, чтобы еще крепче держать крестьян в эксплуатации и темноте. Фабриканты тоже добились себе разных банков, постройки выгодных им железных дорог, таможенных пошлин, чтобы дорожке продавать свой товар. А пусть потребуют рабочие чего-нибудь! Правительство немедленно объявит их бунтовщиками и засадит в тюрьму».

Эта заграничная вставка не понравилась москвичам, они вырезывали ее и пускали брошюры в рабочую массу без этой вставки; три таких вырезки из этой брошюры нашли при обыске у Карпузи.

Кроме указанных, у Плеханова были в это время и другие элементы оппортунизма и ошибки, проявившиеся в отношении к либерализму, в критике народничества, анархизма и др., но мы тогда этого не замечали, а брошюра об анархизме к нам

и не дошла. Но все-таки Плеханов до 1903 г. выступал на международной арене в общзм в духе революционного марксизма. Ленин уже в 1914 г., обзревая противобольшевистские группки и течения, писал: «Возьмем лучшего из всех, Плеханова. Его личные заслуги громадны в прошлом. За 20 лет, 1883—1903, он дал массу превосходных сочинений, особенно против оппортунистов, махистов, народников. Но с 1903 года по вопросам тактики и организации колеблется самым смешным образом...»¹.

Впрочем все это общеизвестно.

В заключение, я думаю, что мы, старые московские марксисты первого призыва (1893—1895 гг.), можем сказать о себе, что мы работали в тесном контакте с Лениным, руководствовались его советами, его статьями и вели правильную марксистскую линию в своей работе².

Думаю также, что мы можем с полным правом применить к себе следующие слова Ленина о работниках раннего периода русской революционной социал-демократии:

«Большинство руководителей—совсем молодые люди, далеко не достигшие того „тридцатипятилетнего возраста“, который казался Михайловскому какой-то естественной гранью. Благодаря своей молодости, они оказываются неподготовленными к практической работе и поразительно быстро сходят со сцены. Но размах работы у них большей частью был очень широкий. Многие из них начинали революционно мыслить как народо-вольцы. Почти все в ранней юности восторженно преклонялись перед героями террора. Отказ от обаятельного впечатления этой геройской традиции стоил борьбы, сопровождался разрывом с людьми, которые во что бы то ни стало хотели остаться верными «Народной Воле» и которых молодые социал-демократы высоко уважали. Борьба заставляла учиться, читать нелегальные произведения всех направлений, заниматься усиленно вопросами легального народничества. Воспитанные на этой борьбе социал-демократы шли в рабочее движение, «ни на минуту» не забывая ни о теории марксизма, озарившей их ярким светом, ни о задаче низвержения самодержавия» (Соч., т. IV, стр. 499).

¹ Ленин, Соч., т. XVIII, стр. 415—416.

² Как Ленин близко интересовался работой московской организации, видно, между прочим, из его письма к Аксельроду в Цюрих в ноябре 1895 г., когда он после возвращения из-за границы и ареста меня, Винокурова и Масленникова, с которыми он был тесно связан, искал возобновления своих связей с москвичами. Вот место письма Ленина по этому вопросу: «Был в Москве. Никого не видал, так как об «учителе жизни» (Е. И. Спonti.—Ред.) ни слуху, ни духу. Цел ли он? (он был арестован 12 декабря 1895 г.—С. М.). Если знаете что о нем и имеете адрес, то напишите ему, чтобы он прислал нам адрес, иначе мы не можем найти там связей. Там были громадны погромы, но, кажется, остался кое-кто, и работа не прекращается. Мы имеем оттуда материал—описание нескольких стачек... Потом был в Орехово-Зуеве...» (Соч., т. XXVIII, стр. 8). Вскоре после этого письма Ленин был арестован.

Оканчивая, приведу еще характеристику работы марксистских организаций первого периода в ряде городов России, в том числе и в Москве, данную Лениным в 1899 г. Вот что писал он об этом: «Блестящее начало, которым ознаменовали себя социал-демократические организации рабочих Западного края, Петербурга, Москвы, Киева и других городов, завершилось образованием «Российской Социал-Демократической Рабочей Партии» (весной 1898 г.).» (Соч., т. II, стр. 495).

ПРИЛОЖЕНИЕ I

СТОЛКОВАЛИСЬ

у фабричного инспектора

Фабричный инспектор. Пожалуй, я готов разрешить вам воскресную работу, но само собой разумеется, что за нее как за сверхурочную вы назначите несколько большую плату.

Фабрикант. В нашем деле так нельзя. С какой стати я им буду назначать большую плату, когда и за эту они будут работать и даже с большим удовольствием, потому что, как я теперь обрезал им расценки, то выходит никак им нельзя прожить без того, чтобы не работать по праздникам. И выходит теперь так, что большей платы класть незачем, потому он и так работать будет.

Фабричный инспектор. Ну как знаете, а я по закону не могу вам разрешить праздничной работы за ту же плату. Если хотите работать в праздники, назначьте плату несколько выше. Вот вам мое решение.

Фабрикант. Эх, несговорчивый какой! Заладил одно да и только. Ну, ин быть по вашему. Назначим плату повыше. В таком разе разрешите расценки еще малость скостить,—ну и выйдет, что в праздники платить буду как будто больше, а на самом деле выйдет на одно.

Фабричный инспектор. Ну, это другое дело. Так по закону.

Рабочий (угрожая). Эх вы, заступники! Видно мало толку будет от вашей защиты, пока я сам не начну думать о своем положении.

Две причины, главным образом, угнетают рабочих: 1) *слишком длинный рабочий день* и 2) *слишком малая заработная плата*. Следствием этих причин является: *истощение здоровья и сил, сокращение жизни* рабочего, заболевание рабочего различными *профессиональными болезнями*. Так, например, ткачи

¹ Помещаю здесь одну из самых первых марксистских прокламаций, написанную и отгектографированную Е. И. Спonti в феврале 1894 г. В печати она появляется впервые.

от вредной хлопчатобумажной пыли часто болеют чахоткой и глазами, от металлической же пыли страдают и рабочие металлических заводов, рабочие зеркальных фабрик страдают ртутным отравлением и т. д., плохое питание, жизнь в тесных, часто сырых и нездоровых помещениях, неимение времени для отдыха, неимение ни средств, ни времени для разумных удовольствий, для чтения и для самообразования, а следовательно, невежество и темнота рабочих, непонимание ими своих интересов.

Таково положение рабочих. И до тех пор пока рабочие не поймут сами своего положения, до тех пор пока они сами не начнут думать об улучшении его, до тех пор и невозможно ожидать никакого прочного улучшения его. Фабричный инспектор—не рабочий; он не страдает от чрезмерного труда и от нищеты; он служит за жалованье, он слуга поставивших его; и потому, как всякий слуга, боящийся потерять место и жалованье, он больше старается угодить своим господам, фабрикантам и начальству, чем защищать рабочих. Вот почему наши старшие братья, рабочие других стран, раньше нас понявшие свое положение, давно провозгласили, что *освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих*.

И пока мы не поймем этого, до тех пор улучшения нашего положения нечего ждать, так как кроме нас самих об этом думать некому.

ПРИЛОЖЕНИЕ II

АДРЕС МОСКОВСКИХ РАБОЧИХ РАБОЧИМ ФРАНЦИИ¹

В памятный для мыслящего пролетариата всех стран день двадцатипятилетия провозглашения Парижской коммуны московские рабочие шлют сердечный привет своим старшим братьям, рабочим Франции. С именем Франции теснейшим образом связаны все могучие общественные перевороты новейшей мировой истории. Это и понятно. Нет другой страны в истории, в которой борьба классов выражалась бы всегда в таких резких, рельефных чертах, где бы и антагонизм между пролетариатом и буржуазией принимал такой обостренный оборот, как в ней. Париж справедливо может быть назван «матерью городов революции». Но ни великая революция 1789 г., разрушившая феодальный мир и создавшая на его месте буржуазный, ни февральская 1848 г., столь богатая своими последствиями для всей Европы, не оказали влияния на крепостную Россию с ее крепостническим режимом. Более того, на долю России, вернее, ее правительства, выпала незавидная роль палача в западноевропейской революции. И Коммуна 1871 г., удивившая герой-

¹ Перепечатывается из неперIODического сборника «Работник» № 1—2 изд. «Союза русских социал-демократов», Женева 1896, стр. 100—103.

ством весь мир, вызвавшая сочувствие пролетариата всех стран, тем менее могла отразиться в России, только что вступившей на путь капиталистического развития, что пролетариат и других европейских стран, более развитых капиталистически, был еще слаб, да и во Франции Париж стоял одиноким. Теперь не то. «Нет страны,—заявил в 1893 г. Энгельс,—нет такого великого государства, где бы социал-демократия не была силой, с которой все должны считаться. Все, что совершается во всем великом мире, совершается при нашем участии. Мы—могучая сила, которой нужно бояться, от которой зависит больше, чем от всех других могучих сил». И Россия с 1861 г. все больше и больше вступает в круг европейских стран. Под могучим напором капитализма трещат и разрушаются в ней все ее «вековые» устои. Буржуазия с каждым днем становится все сильнее и сильнее, с ней теперь считается абсолютизм, осыпаящий ее обильным дождем привилегий. Последние вместе с применением новейших усовершенствований делают особенно болезненным непосредственный переход от натурального хозяйства к капитализму. Антагонизм классов становится поэтому все более и более явственным, пролетариат проникается все более и более классовым самосознанием. Многочисленные стачки в различных местах империи, ставшие почти непрерывными, стачки, которых русское правительство не в состоянии ни скрыть от общества, ни подавить силою оружия, являются лучшим доказательством пробуждения молодого русского пролетариата. Из рядов его каждый день вырываются беспощадным деспотизмом лучшие борцы, и за последнее пятилетие русский рабочий класс насчитывает не одну сотню жертв. Но ничто не в силах остановить раз начавшееся движение. Русские рабочие, поднявши старое революционное знамя, обогретенное кровью стольких мучеников из их среды и среды интеллигенции, вооружившись идеями научного социализма, стали под общее красное знамя пролетариата всего мира. Они горды сознанием, что передовой бастион европейской реакции, который предстоит взять пролетариату всех стран,—царизму—должен быть ими разрушен, что последний оплот буржуазного господства, без уничтожения которого немислима победа всего пролетариата, должен быть ими свергнут.

Пусть рабочие Франции будут уверены, что в тот момент, когда призыв революции раздастся со стороны рабочих Запада, русские рабочие откликнутся, чтобы принести им посильную помощь.

Мы питаем надежду, что недалеко та минута, когда будут разорваны оковы абсолютизма и русский пролетариат сможет открыто выступить на арену всемирной истории.

Да здравствует рабочая революция, славной предвестницей которой была Коммуна 1871 г.!

Да здравствуют рабочие Франции, впервые выступившие в истории как самостоятельный класс за свои собственные

интересы в 1831 г., защищавшие их героически на баррикадах в июне 1848 г., явившиеся могучими пионерами нового общества 18 марта 1871 г.!

От 605 рабочих 28 фабрик и заводов¹.

Москва, 29 февраля 1896 г.

К этому адресу было приложено следующее письмо к Полю Лафаргу:

«Прилагая при настоящем письме адрес от имени московских рабочих, мы надеемся, что наш слабый голос не потеряется среди многочисленных приветствий других стран. Не забывайте, что сравнительно недавно родилось рабочее движение в Москве и что собирать подписи приходилось при исключительных даже для России условиях: близость коронации поставила Москву в осадное положение.

.....²
Ясно, какому риску мы должны были подвергнуться, если бы захотели увеличить число подписей. Нам кажется, что число их не имеет большого значения для французских рабочих; мы желали бы только выразить им чувство нашей солидарности, и мы будем счастливы, если эта наша цель будет достигнута.

Мы посылаем 50 рублей с просьбой возложить на могилы героев Коммуны венки „от имени московских рабочих“.

Просим известить нас о получении настоящего письма».

ПРИЛОЖЕНИЕ III

РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ В МОСКВЕ

От Центрального Комитета Московского Рабочего Союза 5. Декабрь 1896 г. и январь 1897 г.

Московское рабочее движение за последние месяцы отличается двумя особенностями. Первое—это почти полное отсутствие вмешательства в него интеллигенции; вызвано оно отчасти тем, что непрерывные аресты не дают ей возможности слиться с движением, отчасти же тем, что, желая держаться старого, узкого способа действий, она оказывается бессильной руководить движением и принуждена постоянно идти в его хвосте. Вторая

¹ По уверениям московских товарищей, число подписей могло быть удвоено, если бы не необходимость спешить с отправкой адреса.

² Пропущено в оригинале.

³ Перепечатывается здесь глава 5 интереснейшей корреспонденции из Москвы—в «Работнике» (№ 4—5, 1897, Женева) о деятельности «Московского рабочего союза». Из этой главы видно, какой широкий размах получило массовое рабочее движение в Москве к 1897 г. и как упорно, сознательно и сравнительно успешно московские рабочие боролись тогда за сокращение рабочего дня. Этот текст перепечатывается впервые.

особенность, о которой мы уже упомянули выше,—это борьба за сокращение рабочего дня, охватившая все московские заводы и переходящая в последнее время на фабрики.

На большинстве московских заводов работа продолжалась 11—11¹/₂ часов, теперь рабочие настойчиво требуют 10-часового, местами даже 9-часового рабочего дня. Многие хозяева идут навстречу этой назревшей потребности и добровольно сокращают у себя рабочее время. Так, еще прошлой зимой один из крупных литейных и машиностроительных заводчиков, Гоппер (работает около 1 000 чел.), сократил для модельной мастерской рабочее время с 11 до 9 час.; нововведение понемногу распространилось и на другие мастерские завода. Прошлой осенью было сокращено до 10 час. рабочее время на арматурном заводе Ганенталя (работает чел. 100) и до 11 час. на громадном железоделательном заводе товарищества «Гужон» (работает около 3 000 чел.). Администрация последнего объясняет эту меру благодарностью за герб, полученный товариществом на Нижегородской выставке; но вернее «благоденствие» хозяина вызвано некоторой заминкой в делах... следствие конкуренции с новым гвоздильным заводом в Рязани. Но как бы то ни было, приведенные случаи показывают, что хозяева, без всякого ущерба для себя, могут сократить рабочее время; если они противятся этому, то только из-за того, чтобы не делать уступок рабочим и не дать им почувствовать свою силу. Поэтому рабочим в большинстве случаев с трудом приходилось добиваться желанного нововведения. Так, на механическом заводе Дангауэра (работает до 400 чел.) рабочие только после долгих переговоров и волнений и с помощью Союза, выпустившего к ним воззвание, добились 10-часового дня. Заметим кстати, что этот завод еще прошлой зимой пытался подняться, выставляя, между прочим, и требование о сокращении рабочего дня, и тогда дело кончилось ничем.

Вслед за этой историей началась стачка на котельном и машиностроительном заводе Старый Бромлей, насчитывающем до 800 чел. рабочих. Стачка эта произвела в Москве сильное впечатление как на рабочих, так и на хозяев, так как завод этот всегда отличался неподвижностью и отсталостью работающего на нем народа. Теперь и он не выдержал и дружно, как один человек, потребовал 10-часового рабочего дня. Хозяин обещал им уступить сначала с пасхи, затем с Нового года; но забастовщики, зная хорошо ненадежность подобных обещаний, настаивали на немедленном сокращении. Добились ли бы своего рабочие, неизвестно, так как в стачку вмешалась правительственная власть: с одной стороны, было арестовано 21 человек из среды забастовщиков¹, с другой—овер-полицеймейстер вывесил на заводе объявление, в котором ручался, что с 1 января

¹ Уже по написании этого отчета дело о бромлеевских стачечниках, направленное через Особое Совещание, закончилось высылкой арестованных из Москвы административным порядком.

хозяин исполнит свое обещание, что и действительно было исполнено. После четырехдневного перерыва работы возобновились. Другие требования рабочих были: двухнедельный срок найма и, стало быть, двухнедельная получка. С нового года все эти требования были удовлетворены. После этой стачки хозяева, увидевшие, как дружно умеют рабочие отстаивать свои интересы, стали уступчивее. Когда после выпущенных Рабочим Союзом воззваний началось брожение на котельном и меднолитейном заводе Фугельзанга (число рабочих 450 чел.), хозяин обещал с 1 января сократить рабочий день с 11 до 9¹/₂ часов, что в настоящее время уже и исполнено.

Начало нового, 1897 г., ознаменовалось сокращением рабочего времени на двух наиболее крупных, дающих тон мелкоте¹, машиностроительных заводах—Густава Листа (работает около 800 чел.) и Доброва и Набольца (число рабочих—тысяча с лишним человек). Введение новых порядков на этих заводах произошло под напором рабочих. Дело было так. В прошлом году, когда вышеупомянутый заводчик Гоппер сократил рабочее время, то и Густав Лист, желая узнать настроение рабочих, приказал опросить наиболее видных из них, что они думают о сокращении рабочего дня. Но опрос не пошел дальше монтеров, те же, лично в этом не заинтересованные, высказались против. В минувшем декабре, во время стачки у Бромлея, пошли толки и среди листовских рабочих о желательности более короткого дня. Толки эти привели к неофициальным переговорам через мастеров с хозяином, который неофициально же обещал удовлетворить рабочих с 1 января. Но прежде приказал произвести вторичный опрос. На этот раз монтеры, под давлением молодежи, не решились высказаться против сокращения. В результате рабочее время с 1 января сокращено. Но этим дело не кончилось. По новым правилам работа начинается с 7 час. утра, вместо прежних 6 час., и кончается в половине седьмого, вместо семи, перерыв на обед остался попрежнему полтора часа, но получасовой перерыв на завтрак (чай) был уничтожен. Такое распределение времени было рабочим не по сердцу; они еще раньше, при опросе, высказались за рабочий день с половины восьмого утра до 7 часов вечера с полуторачасовым перерывом на обед и получасовым на чай; теперь они снова заявили хозяину о желаемом распределении времени. Тот соглашался дать им время на чай, но с тем только, чтобы они приходили на полчаса раньше, причем обещал выдавать от себя чай и сахар. Но это вызвало смех среди рабочих. В конце концов им пришлось отказаться от своих требований; хотя чай они все-таки пьют, правда, без разрешения.

¹ Характерно заявление одного небольшого заводчика, заведение которого находится рядом с заводом Доброва. Когда у него рабочие тоже заволновались и просили сократить рабочее время, он ответил: «Как только сократит Добров, так сейчас сокращу и я».

Волнения на заводе Доброва были вызваны требованием рабочих сократить раб. день не до 10, а до 9 ч. На заводе по этому поводу несколько раз расклеивались воззвания; одно из них, написанное самими рабочими, кончалось следующими энергичными словами: «Кто из вас пойдет на работу, тот будет от Рабочего Союза анафема—проклят!» Такой нравственной силой в глазах московских рабочих успел стать Рабочий Союз!

На помощь хозяину поспешило Охранное Отделение, арестовавшее в два приема 10 чел.¹... С 13 января у Доброва введен десятичасовой день. Остальные требования рабочих—двухнедельный срок найма и выдача денег два раза в месяц—исполнены не были.

В то же самое время происходила стачка на шелковой фабрике Сапожникова. Рабочие требовали сокращения дня до 11 часов и соответствующего повышения расценок. Стачка кончилась удачно: рабочие добились сокращения рабочего дня и обещания от хозяина «повысить в самом непродолжительном времени расценку», хотя время введения повышенной расценки хозяином не указано.

Кроме того, происходил целый ряд более мелких забастовок—на парфюмерной фабрике Келлера (женщины), на литейном заводе Кудлина, в экипажном заведении Иванова и др. и сейчас происходит стачка на чугунолитейном заводе Мейера. Везде главным и почти единственным требованием выставляется сокращение рабочего дня, и почти везде рабочие добились его. Из упомянутых лишь на заводе Кудлина хозяин не исполнил обещания сократить рабочий день с 1 января.

В заключение упомянем о беспорядках на большой хлопчатобумажной фабрике Коншина (работает около 7 000 чел.) в Серпухове. Рабочие требуют сокращения рабочего времени, повышения расценок и ослабления штрафной системы. К сожалению, буйное поведение забастовщиков вызвало вмешательство казаков, в результате которого оказалось около 80 раненых. Произведены по обыкновению аресты. По ходящим в Москве слухам, рабочие выиграют стачку, если продержатся неделю-другую.

¹ Вот имена их: Григорий Малахов, Александр Воронцов, Дмитрий Хламеев, Поляков, Николай Кирилов, Михаил Моргунов, Алексей Мешков.

ДОКЛАД МИНИСТРА ЮСТИЦИИ МУРАВЬЕВА МИНИСТРУ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ О ТАЙНОМ СООБЩЕСТВЕ МОСКОВСКИХ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТОВ¹

Д. 314, т. III, 1897 г. Секретно.

Господину министру внутренних дел.

Министр юстиции препровождает министру внутр. дел дознание в 3-х томах по обвинению врача С. Мицкевича и других в числе 53-х лиц, составленное по такому дознанию заключение, вещественные доказательства к делу—просит о возвращении этого дела по заключению. При чем министр юстиции находит, «что обстоятельства настоящего дела заключаются в следующем: В конце 1894 года среди фабричного населения г. Москвы и ее окрестностей появились многочисленные воззвания социал-демократического и отчасти революционного содержания, подстрекавшие рабочих к образованию союзов и устройству касс для организованной борьбы с капиталистами. Эти прокламации, а равно распространявшиеся наряду с ними произведения подпольной прессы и устная пропаганда некоторых лиц вызвали на фабриках волнения и беспорядки. Под влиянием означенной агитации рабочие проявили стремление к совместному обсуждению интересовавших их вопросов и стали в окрестностях столицы периодически устраивать многолюдные сходки. На собраниях этих руководители—преимущественно представители интеллигентного класса—раздавали противоправительственные издания и произносили речи, указывая на неудовлетворительность экономического положения трудящегося сословия, а также на необходимость единения и упорной борьбы с существующим общественным строем в видах достижения социалистической свободы и политической власти.

Негласным наблюдением, а затем и всесторонним формальным расследованием, возбужденным при Моск. губ. жанд. упр., установлено, что описанное движение было вызвано деятельностью организовавшегося в г. Москве тайного революционного кружка «социал-демократов», который своей конечной целью поставил ниспровержение установленного в России порядка управления. Главными руководителями этого сообщества были: 1) Мартын Мандельштам (Лядов), 2) Сергей Иванович Мицкевич, 3) А. Н. Винокуров, 4) А. Н. Масленников, 5) В. Н. Масленников, 6) П. Д. Дурново, 7) А. В. Кирпичников, 8) Ф. И. Поляков, 9) К. Ф. Бойе, 10) Ф. Ф. Бойе, 11) А. И. Хозецкой, 12) Е. И. Спonti, 13) Андрей Дмитриевич Карпузи, 14) П. С. Карпузи, 15) Ар. Иван. Рязанов, 16) Е. А. Петрова, 17) Д. М. Колчин.

¹ Доклад этот и приговор были напечатаны в книгах «Литература Московского рабочего союза», 1930, и «На заре рабочего движения в Москве», 1932.

Названные лица, стремясь к осуществлению противоправительственных целей, старались возбудить волнения среди фабричного населения на почве мелких нужд и требований, имея в виду приучить рабочих к отстаиванию их интересов и пробудить в них классовое самосознание, при наличии которого только, по мнению агитаторов, и возможно было бы трудящемуся сословию захватить общественную и политическую власть в свои руки. В этих целях поименованные члены кружка составляли воззвания и переводили с иностранных языков преступного содержания статьи и брошюры, печатали таковые на имевшихся в их распоряжении типографском станке, гектографе и мимеографе, распространяли изготовленные таким образом в большом числе экземпляров подпольные произведения среди фабричного населения, а также в кругу своих единомышленников и знакомых, стараясь заинтересовать наибольшее число лиц вопросами социал-демократического характера, и, наконец, собирали сходки, руководили ими и произносили речи, в которых, порицая современное экономическое положение, призывали рабочих к открытой борьбе с капиталистами для достижения равенства и свободы.

Степень виновности отдельных лиц:

Мартын Мандельштам и Мицкевич, объединяя и направляя преступную деятельность организованного ими кружка и озабочиваясь привлечением новых членов, приобрели, кроме того, в общее пользование необходимые для воспроизведения нелегальных изданий аппараты и, вступив в непосредственные сношения с революционными деятелями за границу, получали через посредство их противоправительственные сочинения, положившие основание дальнейшей пропаганде. Независимо от сего дознанием выяснено, что текст большинства воззваний к рабочим составлен М. Мандельштамом и Федором Ивановым Поляковым и что эти обвиняемые, а равно Мицкевич и Винокуров проявили особую энергию в деле преступной агитации.

При обыске у перечисленных лиц, за исключением Полякова, Колчина, Рязанова и братьев Бойе, обнаружено значительное количество социал-демократического и революционного содержания книг, брошюр заграничных изданий, рукописных сочинений, статей и заметок, указывавших на противоправительственную их деятельность.

Допрошенные на дознании вышепоименованные семнадцать обвиняемых безусловно отрицали принадлежность свою к какому-либо тайному сообществу, но к сему М. Мандельштам, Поляков, Кирпичников, Ф. Бойе, Колчин, Петрова, Андр. и П. Карпузи присовокупили, что, задавшись целью улучшения экономического положения рабочих, они в видах этих старались заинтересовать последних вопросами социалистического характера путем широкого распространения в среде их произведений подпольной прессы и совместных бесед на устраивавшихся собраниях.

Александр Винокуров и Рязанов признали лишь факт переписки нелегальных изданий, остальные же обвиняемые дали уклончивые и отчасти противоречивые объяснения, ни в чем, однако, не опровергнувшие достоверности добытых против них улик.

(Дальше идет перечисление следующих участников с указанием лет, звания, должности). 18) Е. Э. Лакур. 19) А. И. Косарев, 20) А. М. Богомолов, 21) Н. И. Блинов, 22) Р. Г. Наумов, 23) А. Н. Гузаков, 24) В. А. Комаров, 25) С. В. Королев, 26) А. Ф. Маклаков—распространяли среди рабочих противоправительственные издания, в видах преступной агитации, причем дознанием установлено, что Лакур, Богомолов, Наумов и Королев находились в непосредственных отношениях с главными руководителями кружка. Отрицая на допросе принадлежность свою к тайному сообществу, названные лица, за исключением Комарова и Маклакова, признали указанную революционную деятельность, и лишь Богомолов заявил, что он не знал о противозаконном содержании раздаваемых им брошюр.

При обыске у 27) А. И. Ганшина обнаружено около 40 запрещенных изданий, преимущественно народовольческого направления, в том числе 28 номеров «Летучего Листка» от 1 апреля 1895 года, тождественного с отобранным у Кирпичникова.

Ганшин, признавая свои социал-демократические убеждения, показал, что найденные у него революционные сочинения он получил в С.-Петербурге от одного знакомого (назвать которого отказался) для вручения в Москве другому неизвестному лицу.

Номер «Летучего Листка», по словам Ганшина, был им передан Кирпичникову в виду выраженного последним желания ознакомиться с содержанием статьи, озаглавленной «В каких эпигонов выродились представители народовольческого движения», каковое обстоятельство подтвердил и Кирпичников.

Наконец, 28) Г. Н. Мандельштам, 29) Д. П. Калафати, 30) М. Е. Цейтлин, 31) И. А. Давыдов, 32) П. И. Винокуров, 33) М. Х. Горбачев, 34) Д. М. Буканов являются виновными в том, что они хотя и не принадлежали к составу кружка «социал-демократов» и не принимали непосредственного участия в агитаторской деятельности его членов, тем не менее, находясь в близких отношениях с большинством последних и сочувствуя их стремлениям, по поручению Мицкевича, Мартына Мандельштама и других переводили с иностранных языков и переписывали с оригиналов противоправительственные сочинения, направленные к порицанию установленного в России образа правления.

При допросе названные обвиняемые признали лишь факт изготовления произведений подпольной прессы, за исключением

Цейтлина, Давыдова и Буканова, которые, отрицая это обстоятельство, однако, не отвергали своего знакомства со многими членами кружка.

Привлеченные к сему делу 35) Анф. Смирнова, 36) Н. Желвакова, 37) М. Левит, 38) Леонтия Биронт, 39) Д. Малинов, 40) С. Прокофьев, 41) М. Добрынин, 42) М. Маслов данными расследованиями изобличаются лишь в хранении запрещенных изданий, каковое деяние влечет за собой наказание, не соединенное с лишением или ограничением прав, а относительно 43) Якова Гинзбурга, 44) Келлер, 45) Чекеруль-Куш, 46) А. Козловского, 47) И. Денисова, 48) В. Каверина, 49) А. Козлова, 50) М. Петрова и 52) И. Попова дознанием не добыто достаточных оснований к обвинению их в совершении какого-либо государственного преступления. Наконец, 53) В. Ананьев привлечен ввиду показания Ф. Бойе о том, что Ананьев давал ему для чтения нелегальные издания.

При производстве расследования Ананьев скрылся и до сего времени остался не разысканным.

Из числа привлеченных по сему дознанию лиц содержатся под стражей: Мицкевич с 3 декабря 1894 года; Дурново А. и П. Карпузи, Кирпичников, М. Мандельштам, А. и В. Масленниковы—с 10 июня 1895 года; Винокуров и Г. Мандельштам—с 24 июня; К. Бойе, Поляков и Хозецкой—с 16 августа; Наумов и Спonti—с 12 декабря и Королев—с 16 декабря того же 1895 года; Лакур—с 15 января 1896 года.

Во время производства расследования находились в предварительном заключении: Левит и Ганшин—около 8 $\frac{1}{2}$ месяцев; Петрова и Калафати—около 8-ми; Цейтлин, Рязанов и Давыдов—почти 6 $\frac{1}{2}$ месяцев; Биронт и Прокофьев—около полугода; Ф. Бойе и П. Винокурова—почти 5 $\frac{1}{2}$ месяцев; Косарев, Козлов, Комаров и Маклаков—около 5-ти; Буканов, Гузаков и Козловский—около 4-х месяцев; Горбачева—почти 3 месяца; Петрова, Богомоллов и Колчин—немного более 2-х месяцев; Келлер, Гинзбург и Смирнова—около 2-х месяцев; Каверин и Желвакова—более месяца; Денисов, Чекеруль-Куш и Блинов—около месяца и Попов—10 дней.

На основании изложенного и приняв во внимание степень откровенности представленных обвиняемыми показаний, продолжительность предварительного их заключения и несорешнолетие Богомоллова, бр. Бойе, Косарева, Гузакова и Наумова, а равно имея в виду, что более восьмимесячным содержанием под стражею Ганшин в достаточной мере понес наказание за совершенное им деяние, я, разделяя мнение военного министра относительно подведомственных ему лиц, полагал бы разрешить настоящее дознание административным порядком с тем, чтобы по вменении в наказание вышеназванным обвиняемым предварительного содержания под стражей, сверх того (следует приговор).

**По высочайшему повелению господину прокурору московской
судебной палаты**

Государь император по всеподданнейшему докладу моему обстоятельств дела о враче Сергее Мицкевиче и других обвиняемых в государственном преступлении в 5-й день февраля 1897 года высочайше повелеть соизволил разрешить настоящее дознание административным порядком с тем, чтобы, по вменении обвиняемым в наказание предварительного содержания под стражей:

I. Запасного унтер-офицера Мартына Мандельштама выслать под гласный надзор полиции в Якутскую область на пять лет, исключив его, кроме того, из запаса армии.

II. Выслать под гласный надзор полиции в Восточную Сибирь Сергея Мицкевича, Александра Винокурова и Григория Мандельштама на 5 лет каждого, а Федора Иванова, по прозвищу Полякова, на три года, причем принятием означенных мер взыскания в отношении Александра Винокурова и Григория Мандельштама, разрешив и другое приостановленное о них дознание, производившееся в г. Ектаринославе, а равно оставить без дальнейшего исполнения относительно Григория Мандельштама высочайшее повеление 15 декабря 1893 года.

III. Выслать под гласный надзор полиции в Вятскую губернию Алексея Ганшина на три года и в Архангельскую губернию:

Петра Дурново, Александра Масленникова, Владимира Масленникова, Константина Бойе, Александра Хозецкого, Андрея Карпузи, Пелагею Карпузи и Иосифа Давыдова—на три года, а Евгения Спonti и Евдокию Петрову—на два года, оставив при этом в отношении Иосифа Давыдова без исполнения высочайшее повеление, воспоследовавшее 12 июля 1895 г.

IV. Подчинить гласному надзору полиции в избранных местах жительства, за исключением столиц, столичных губерний, университетских городов и г. Ярославля, Пелагею Винокурову, Дмитрия Калафати, Менделя Цейтлина, Аркадия Рязанова—на три года, а Евгения Лакур и Александра Кирпичникова—на два года.

V. Подвергнуть гласному надзору полиции в местах родины Федора Бойе, Александра Косарева, Романа Наумова (он же Быканов) и Семена Королева (он же Баулин)—на три года, Марию Горбачеву, Николая Блинова, Александра Гузакова, Василия Алексева, по прозвищу Богомолова, и Дмитрия Буканова—на один год.

VI. Рядового 9-го драгунского Елисаветградского полка Дмитрия Колчина подчинить на все время состояния на дей-

ствительной службе строгому надзору военного начальства, а в случае увольнения его в запас до истечения трех лет подвергнуть на остальное время гласному надзору в месте родины.

О таковой монаршей воле мною одновременно с сим сообщенной к исполнению министру внутренних дел относительно высылки обвиняемых и учреждения за ними гласного надзора полиции и военному министру в отношении применения к Колчину определенной для него меры взыскания, а также исключения Мартына Мандельштама из запаса армии, поставлю ваше превосходительство в известность, вследствие рапорта от 25 мая 1896 года за № 1060, для надлежащих с вашей стороны распоряжений о вменении помянутым в высочайшем повелении лицам в наказание предварительного содержания под стражею. К сему считаю нужным присовокупить, что, по состоявшемуся с министерством внутренних дел соглашению, настоящее дознание о высылке Ананьева приостановлено впредь до явки его или задержки и прекращено: в отношении Якова Гинзбурга, Бориса Келлера, Николая Чекеруль-Куша, Альфонса Козловского, Ивана Денисова, Василия Каверина, Александра Козлова, Василия Леднева, Михаила Петрова и Ивана Попова за недоказанностью обвинения, а относительно Анфисы Смирновой, Надежды Желваковой, Леонтии Биронт, Мовши Левит, Давида Малинова, Сергея Прокофьева, Михаила Добрынина и Михаила Маслова на основании 1 п. ст. XIII и XXIII всемилостивейшего манифеста 14 мая 1896 года.

Подлинное дознание с относящимися к нему приложениями и вещественными доказательствами при сем возвращается.

Министр юстиции.

— Статс-секретарь Муравьев.
Завед. канцелярией Стремоухов.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Предисловие</i>	3
<i>Глава I. Детство</i>	5
<i>Глава II. В военной гимназии—кадетском корпусе в младших классах</i>	8
<i>Глава III. В старших классах кадетского корпуса. Перелом мировоззрения. Разрыв с военщиной</i>	14
<i>Глава IV. Подготовка к «аттестату зрелости». Под знаком народничества (1885—1887 гг.)</i>	23
<i>Глава V. Новые люди. Видимость оживления революционного подполья</i>	39
<i>Глава VI. В Московском университете. На первом курсе. Апогей реакции. Встреча с Заичневским</i>	42
<i>Глава VII. Академические занятия на первых двух курсах медицинского факультета</i>	52
<i>Глава VIII. Лето 1889 г. в Нижнем—от революционного народничества к народничеству либеральному</i>	55
<i>Глава IX. На втором курсе. Начало общественного подъема. Студенческие волнения весной 1890 г. В Бутырской тюрьме</i>	63
<i>Глава X. Лето 1890 г. в Нижнем. Чтение книги «Наши разногласия» Плеханова. Я становлюсь марксистом. На третьем курсе</i>	70
<i>Глава XI. Академические занятия на трех старших клинических курсах</i>	73
<i>Глава XII. Лето 1891 г. Знакомство в Нижнем с первыми марксистами П. Н. Скворцовым и М. Г. Григорьевым. Поездка в Вятскую губернию</i>	79
<i>Глава XIII. На четвертом курсе (1891/1892 г.). Голод в России. Оживление общественной жизни. Марксисты в Нижнем—интеллигенты и рабочие. Первое знакомство с марксистами в Москве. Либерально-народнический кружок московской интеллигенции.</i>	

Доктор Д. Н. Жбанков и другие. Мое выступление среди них. Другие встречи. Знакомство с рабочими	88
<i>Глава XIV.</i> На оспопрививании в Тверской губернии. Земский врач С. Н. Корженевский. Земская медицина в 1890-х годах	104
<i>Глава XV.</i> На холере	110
<i>Глава XVI.</i> На пятом курсе. Зима 1892/93 г. Первые московские марксисты. Расширение связей с рабочими	114
<i>Глава XVII.</i> Лето 1893 г. Опять на холере. Встреча с В. И. Ульяно- вым-Лениным	129
<i>Глава XVIII.</i> Осень 1893 г. Новые связи: Елизаровы, Е. И. Спonti. Образование первой московской группы для пропаганды и агита- ции среди рабочих. Поездка в Нижний. Работа нижегородской организации в 1894—1896 гг.	131
<i>Глава XIX.</i> Выступления Ленина в Москве и Нижнем. Моя поездка в Вильно. Виленская организация	142
<i>Глава XX.</i> Первые прокламации. Их влияние на рабочую массу. Наши передовые рабочие. Руководители-интеллигенты. Жен- ский кружок	148
<i>Глава XXI.</i> Образование центрального рабочего кружка в апреле 1894 г. Его работа	162
<i>Глава XXII.</i> Моя вторая поездка в Вильно. Провал транспорта. Аресты членов «партии народного права». Брошюра «Об агита- ции». Московская организация переходит к агитации в мас- сах	165
<i>Глава XXIII.</i> На службе в санитарном бюро московского губерн- ского земства. Доктор П. Ф. Кудрявцев. Постановка земской медицины в Московской губернии. Доктор Е. А. Осипов и про- фессор Ф. Ф. Эрисман. Культурничество или революционная работа	171
<i>Глава XXIV.</i> Лето 1894 г. Работа и связи среди рабочих расширя- ются. Заводятся связи с подмосковными фабриками и с другими городами	178
<i>Глава XXV.</i> Встречи с Лениным. Его книга «Что такое „друзья народа“ и как они борются с социал-демократами?»	182
<i>Глава XXVI.</i> Осень 1894 г. Появление книги Струве. Крайняя нужда в литературе. Способы размножения литературы. Постановка работы на mimeографе и на печатном станке. Последние дни моей работы. Арест. В Сретенской полицейской части.	186
<i>Глава XXVII.</i> В Таганской тюрьме. Тюремные порядки. Допросы. Тюремное чтение. Отправка в Калужскую тюрьму	198

<i>Глава XXVIII.</i> В Калужской тюрьме. Тюремные порядки более свободные, чем в Таганской тюрьме. Общение с товарищами по заключению. Работа московской организации после моего ареста до арестов в июне 1895 г. Книги Бельтова и Волгина. Опять в Таганской тюрьме. Изменение тюремного режима. Приговор . . .	206
<i>Глава XXIX.</i> В Бутырской тюрьме. Тюремные встречи. Состав политических. Работа «Московского рабочего союза» в 1895—1897 гг. Успехи марксизма. Перелом в интеллигенции. Отправка в Сибирь	217
<i>Глава XXX.</i> Заключение. Идеология нашей организации	229

ПРИЛОЖЕНИЯ:

I. Прокламация «Столковались»	241
II. Адрес московских рабочих рабочим Франции	242
III. Рабочее движение в Москве. От Центрального комитета Московского рабочего союза	244
IV. Доклад министра юстиции Муравьева министру внутренних дел о тайном сообществе московских социал-демократов и приговор	248

ОПЕЧАТКИ

в книге С. И. Мицкевича „На грани двух эпох“

<i>Страница</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Следует читать</i>
35	6 снизу	Мешкова	Мелкова
36	4 снизу	И. В. Чекина	А. В. Чекина
59	2 снизу	«Короленко, Воспоминания о писателе»	«Короленко. Воспоминания о писателях»
68	15 сверху	несколько	нескольких
80	20 сверху	1889	1887
99	19 сверху	учительниц и в селе	учительниц в селе
101	7 сверху	печатной прокламации	печатных прокламаций
143	18 снизу	П. М. Голубева	М. П. Голубева
169	16 сверху	союза»).	союза») ¹ .
205	3 снизу	За границей	¹ За границей
216	23 снизу	Муралов (умер в 1932 г.)	Муралова (умерла в 1932 г.)
227	12 сверху	об идеологии и организационных принципах нашей организации	об идеологии нашей организации
237	14 снизу	XVIII	XVII
237	19 снизу	всех	всяких
242	19 снизу	в Москве	в Москве ²
253	7 снизу	борются	воюют

В подпись под портретами вкралась ошибка.
Следует читать С. И. Мицкевич.

<i>Глава XXVIII.</i> В Калужской тюрьме. Тюремные порядки более свободные, чем в Таганской тюрьме. Общение с товарищами по заключению. Работа московской организации после моего ареста до арестов в июне 1895 г. Книги Бельтова и Волгина. Опять в Таганской тюрьме. Изменение тюремного режима. Приговор . . .	206
<i>Глава XXIX.</i> В Бутырской тюрьме. Тюремные встречи. Состав политических. Работа «Московского рабочего союза» в 1895—1897 гг. Успехи марксизма. Перелом в интеллигенции. Отправка в Сибирь	217
<i>Глава XXX.</i> Заключение. Идеология нашей организации	229

ПРИЛОЖЕНИЯ:

I. Прокламация «Столковались»	241
II. Адрес московских рабочих рабочим Франции	242
III. Рабочее движение в Москве. От Центрального комитета Московского рабочего союза	244
IV. Доклад министра юстиции Муравьева министру внутренних дел о тайном сообществе московских социал-демократов и приговор	248

